

Золотые искорки

ЗОЛОТЫЕ ИСКОРКИ

НОВОСИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1951

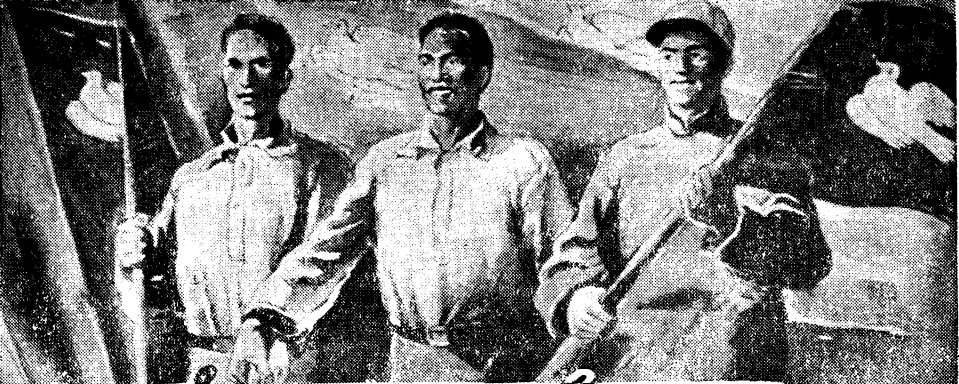

Illustration of three men standing and holding flags. The man on the left is in a light shirt, the middle man is in a light shirt, and the man on the right is in a light shirt and a cap. They are holding flags that are partially visible. The background is dark and textured.

Есть на свете Москва!

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Негр измученный из Алабамы,
Потерявший людские права,
Тихо шепчет сухими губами:
— Есть на свете Москва!

Палачами афинскими пойман,
Юный грек, перед смертью, у рва,
Произносит, как вызов, спокойно:
— Есть на свете Москва!

И ладони озябшие грея
Над костром, что мерцает едва,
Говорят партизаны Кореи:
— Есть на свете Москва!

Все, кто хочет свободы и счастья,
Все, в ком гордая совесть жива,
Повторяют с надеждой и страстью:
— Есть

на свете
Москва!

Елизавета СТЮАРТ

Здесь те, что не хотят войны,
Здесь доброй воли лагерь,
И — «МИРУ — МИР!» — слова слышны
Здесь твёрдо, как в присяге.

Вот встали все... Оркестр гремит...
И Сталин на портрете
С улыбкой ласковой следит,
Как в зал проходят дети.

Он говорит от всех детей:
— Пусть я ещё не вырос,
Не ставил подписи моей
Я под призывом к миру,

И музыки смолкает гул,
Рукоплесканья тише...
Несёт к трибуне кто-то стул,
Чтоб мальчик встал повыше...

Но я с людьми родной страны
Свой подымаю голос —
Мы, дети, не хотим войны,
Лети наш белый голубь!..

Над морем голубых знамён,
Где голубь вышит белый,
Стоит десятилетний он,
Решительный и смелый.

Миг — и с мальчишеской руки
Легко слетает птица.
...И мчится голубь, вопреки
Пространству и границам.

И, словно птицы в вышине,
Листки бумаги белой
Уже летят по всей стране,
Они слова — «Не быть войне!» —
Несут над миром целым!..

Казимир ЛИСОВСКИЙ

1

Взгляните, ребята, на карту любимой Родины. Тоненькими голубыми жилками обозначены на ней реки. Много их в нашей стране и одна из самых больших — Енисей. С юга на север тянется она, пересекая весь огромный Красноярский край.

Начинает Енисей свой бег среди угрюмых Саянских гор, а кончает в Ледовитом океане. Длина его около четырёх тысяч километров. Это почти столько же, сколько надо проехать от Москвы до Красноярска. Вот какой большой Енисей!

Через дикие каменистые ущелья, через привольные сибирские степи, через дремучие вечнозелёные леса, гневно бушуя в порогах, рвётся он всё дальше и дальше на Север. Вот уже и кончились леса, пошла тундра — болотистая низкая равнина. Неприветливо выглядит она: кочки, бледнозелёный мох, карликовые берёзки. А Енисею здесь просторно! Его не сжимают больше каменистые берега, не теснят горы. Чем дальше на Север — тем шире становится он. А у самого конца пути настолько широк, что похож на море. Недаром люди прозвали его «братом океана».

Коротко северное лето. Всего два с половиной месяца продолжается оно. Надо торопиться, надо успеть до зимы доставить по Енисею большим и маленьким жителям Севера продукты, одежду, книги, охотничьи и рыболовецкие принадлежности. Ведь охота и рыболовство — основные занятия жителей Севера. Богат Енисей рыбой, очень богат. Самая вкусная рыба водится в нём — осётр, нельма. Богаты его берега дорогими

пушными зверьками — песцом, соболем, чернобурыми и серебристо-чёрными лисицами.

На берегу Енисея стоит Красноярск, большой сибирский город. Отсюда на Север плывут по Енисею пароходы, плывут теплоходы, бегут по течению плоты с самым лучшим в мире сибирским лесом, быстроходные катера тянут за собой караваны барж. Длинный, долгий путь надо проделать им, чтобы причалить к портам далёких северных городов — Игарки, Дудинки. Эти города построены в годы советской власти.

И каждый пароход — большой и маленький, каждый теплоход, как бы он ни торопился, обязательно даст три приветственных гудка и обязательно остановится у высокого, обрывистого берега.

— Курейка, — скажет капитан.

Сильно-сильно забьются сердца людей при виде низеньких избушек, чернеющих на берегу, и огромной гранитной фигуры человека, в знакомой солдатской шинели.

По сходням сойдут они на песчаную отмель, поднимутся на берег. И сердце каждого из них: взрослого и ребёнка, седого и юного, — наполнено в этот миг одной и той же думой, и одно и то же имя у каждого на устах.

2

Курейка, станок рыбацкий...

Маленькое рыбацье селение (или станок, как его называют местные жители) на самой черте Полярного круга. Здесь граница Севера. Отсюда начинается Заполярье.

В годы самодержавия на этом маленьком затерянном станке бывшего Туруханского края больше двух с половиной лет (с марта 1914 по декабрь 1916 года) томился в ссылке великий вождь народов, лучший друг советских ребят — Иосиф Виссарионович Сталин.

Царское правительство боялось товарища Сталина, боялось его революционной работы. Оно ссылало товарища Сталина в отдалённые места Сибири. Но каждый раз Иосифу Виссарионовичу удавалось обмануть своих стражников и бежать из ссылки.

Тогда его сослали в далёкий, холодный и безлюдный Туруханский край, откуда, как говорили в старину, «до ближайшего города месяц скачи — не доскачешь».

Сначала товарища Сталина поместили на станке Костино, а потом, решив, что он и оттуда может убежать, выслали ещё дальше, к самой черте Полярного круга, — в Курейку.

В начале 1914 года товарища Сталина усадили в сани, сбоку сели два стражника. Лошади тронулись, увозя в Курейку «административно-ссыльного Джугашвили», как он значился в жандармских списках.

Царское правительство знало, куда ссылают товарища Сталина.

Действительно, хуже тюрьмы не придумаешь! Бежать? Но куда? К югу — дремучие леса, быстрые, непроходимые реки, за ними, на границе Туруханского края, у самого города Енисейска, — кордон, жандармы. Если и удастся беглецу, незаметно от стражников, пробраться на лодке вверх по Енисею — всё равно его у кордона поймут, задержат. Тогда — поминай, как звали!

На север кинешься — тундра. На сотни километров вокруг — унылая, пустынная тундра. Десятки озёр. Птичьим пухом, как снегом, усыпаны их берега. Болота. Кочки. Бледнозелёный мох — ягель.

Здесь девять месяцев длится зима, почти полгода — круглосуточная полярная ночь. Морозы достигают шестидесяти градусов. Ледяной северный ветер обжигает лицо. Только одной выюге раздолье. «Тёмной» называли её тут. В такую выюгу вытянешь руку — и ладони твоей не видно.

Вёсны — быстрые. Кажется, ещё вчера мирно дремала скованная, неподвижная река. А сегодня, под тёплым дыханием солнца, под напором весеннего живительного ветра, она, ломая лёд, уже мчится буйно и свирепо к Ледовитому океану. Наступает пора белых ночей, когда солнце ни на минуту не закатывается. Птицы возвращаются с юга. Лебединым криком разбужена тундра.

Тяжело было жить здесь товарищу Сталину. Пищу и топливо приходилось добывать самому. Плохо было и с тёплой одеждой.

А главное: далеко находился он от партии, от Ленина, от революционной работы. Почта сюда приходила раз в два месяца, а когда наступала распутица — и того реже.

В каждом письме товарищ Сталин просил присылать ему книги, газеты. Даже и здесь, в далёкой Курейке, он не прекращал свою работу. Он руководил большевиками Туруханской ссылки, писал письма Ленину, друзьям по партии. Отсюда, невидимыми для стражников, но крепкими и прочными нитями был он связан со всей страной, со всем народом.

Рабочий день товарища Сталина, как рассказывают жители Курейки, начинался так: он зажигал маленькую керосиновую лампу (зимой здесь светает только в 11—12 часов), разводил огонь в жестяной печурке. Потом, плотнее закутавшись, шёл за водой. Спускался с высокого берега к Енисею, набирал воду, вытаскивал перемёт, опущенный в пролубь. Взвалив рыбу на плечи и захватив ведро с водой, отправлялся домой.

Затем ставил кипятить чайник, чистил рыбу, жарил её. Позавтракав, садился за работу. Надо было использовать те немногие часы, когда серый дневной свет заглядывал в затянутые морозными узорами окна избушки. И быстро бегало по бумаге перо, и строчки одна за другой ложились на белые листы.

Вечером же снова вспыхивал огонёк в бедной рыбацкой избушке и на его приветливый свет приходили к товарищу Сталину жители Севера — эвенки, селькупы. Стряхнув снег с меховых одежд, они усаживались на корточки у дверей, долго пили густой наваристый чай, рассказывали

товарищу Сталину о своих бедах, советовались с ним, просили помощи.

А бед было много. Купцы, полицейские, свои же князьки и шаманы, словом, все, кому не лень, безнаказанно обкрадывали честный и беззащитный народ Севера. Они обманывали его, спаивали, за бесценок отбирали дорогие меха песцов и соболей. Эвенки (их тогда называли тунгусами) издавна славились как замечательные охотники. Да и кто мог лучше их добыть пушнину? Ведь стреляли они метко, без промаха, бегали на лыжах так быстро, что даже птице порой трудно было за ними угнаться. Каждая тропка, каждый кустик, каждый ручеёк им здесь с детства знакомы. В бескрайней тундре, где можно несколько дней ехать и не встретить ни одного человека, ни одного деревца, где на сотни вёрст только ровная белая пелена снега, где нет никаких дорог, никаких тропок,— они так же хорошо себя чувствовали, как мы в своём родном городе. Они безошибочно выбирали путь и никогда не сбивались с этого пути, всегда приезжали к тому месту, куда им нужно было приехать. Быстро мчались послушные им олени, вскинув кверху красивые ветвистые рога.

И вот эти смелые люди, замечательные охотники, добывавшие драгоценных пушных зверьков, сами были нищими и голодными. Они умирали от болезней, голода и холода. Они жили в обтянутых оленьей кожей чумах. Они питались сырой рыбой и курили мох — денег на табак не было. Посреди чума, немножко похожего на шалаш, день и ночь горел костёр. Едкий дым забирался в лёгкие, вызывая кашель. Слезились от дыма глаза, и люди начинали слепнуть. Обманутые, забытые, бесправные, они отдавали купцам и своим князькам пушнину, чтобы хоть немного пропитаться.

К кому же им было идти за советом и помощью, как не к товарищу Сталину? Кто же мог, кроме товарища Сталина, указать им дорогу к счастью, к избавлению? Уже давно по тайге и тундре шла «говорка» о замечательном человеке, сосланном в Курейку. «Шибко большой человек. Справедливый!» — говорили эвенки о товарище Сталине.

И в глухие полярные ночи долго не потухал огонёк в рыбацкой избушке. Как чудесную сказку, слушали люди рассказ товарища Сталина о том, что рассеется тьма над тайгой, что взойдёт солнце новой, свободной жизни, жизни без купцов и шаманов. Вместо дымных чумов построят они светлые, чистые дома. Будет у них вдоволь пищи, одежды, пороху, табаку. Станут называть их не презрительной кличкой «тунгус», а гордым словом «эвенк», что в переводе на русский язык означает — человек.

Иосиф Виссарионович Сталин даже на Севере, в ссылке, был всегда занят делом. Если работа не клеилась, или долго не было писем, или болели глаза от чтения при тусклом свете лампы, он надевал лыжи, отправлялся просматривать сети, ставить капканы на зверей. Он ни разу

не возвращался без добычи: либо большой осётр висел у него за плечами, либо нёс он в руках пушистого белого зверька — горноста.

Двери его избушки были всегда открыты для гостей. Там можно было часами сидеть в тепле, курить трубку, вести неторопливую беседу, а то и просто молчать, наблюдая, как хозяин мастерит крючки, вяжет сети или работает за столом, разложив книги и бумаги.

Однажды особенно долго бушевала выюга. Сталин работал, склонясь над письменным столиком. Свет лампы отбрасывал на бревенчатые стены избушки причудливые тени. Вдруг откуда-то издалека донёсся лай собачьей упряжки. Кто бы мог сюда ехать в такую пору?

Сталин оделся, открыл дверь. Холод и снег ворвались в комнату. Качнулось пламя лампы. Лай всё ближе, ближе...

— Коба!¹ — кричит человек в заиндеветшей шубе из оленьего меха, соскакивая с санок и шагая навстречу Сталину. — Коба!

— Сурен!

Да, это Сурен Спандарян, друг юности, тоже сосланный в Туруханский край. Сурен решил навестить Сталина и, несмотря на болезнь, отправился в такое далёкое и трудное путешествие.

Радостной была встреча.

Сталин решил угостить друга на славу. Он вышел из избушки и через полчаса вернулся, держа на плечах огромную рыбу. Это был осётр.

— Сам поймал? — удивился Спандарян. — Впрочем, ты ведь рыбак знаменитый. Сколько в нём? Пуда три? Больше?

— В моей проруби маленькая рыба не ловится, — пошутил товарищ Сталин.

В занесённом снегом домике над Енисеем весь вечер говорили о Владимире Ильиче Ленине. Сколько слов горячей любви к великому учителю было сказано в эти часы! Долго-долго длилась беседа...

Так рассказывает об этой встрече старая большевичка Вера Лазаревна Швейцер, вместе с Суреном Спандаряном отбывавшая ссылку².

Многие курейские рыбаки хорошо помнят товарища Сталина, помнят его советы, его заботу. Вот что вспоминает один из них — девяностолетний дедушка Тарасеев:

— Когда Осип (так любовно, по-своему, по рыбацки называют до сих пор товарища Сталина старые рыбаки Курейки) уставал писать или работать, он часто приходил к нам в гости. Тогда собиралась полная изба народу. Осип начинал петь. Ох, и петь же он был мастер! Хоро-шо-пел. Мы все подтягивали ему. Больше всего он любил петь простые наши песни: «Во субботу день ненастный» и «Уж я золото хорою, хорою». Однажды я рассек топором руку да перерезал жилу. Кровь-то хлынула ручьём. Я зажал руку и бегу к Осипу. Он залил рану, перевязал, и рука скоро зажила.

¹ Коба — партийная кличка товарища Сталина.

² В. Швейцер. «Сталин в Туруханской ссылке». Изд-во «Молодая гвардия».

С каким нетерпением ждал товарищ Сталин каждую весну! Часто он стоял на берегу Енисея, глядя на белую ледяную пелену. А когда приходила после многомесячных морозов весна — на сердце становилось легче, словно вырастали за спиной крылья.

Снежные сугробы понемногу чернели, начинали песню ручьи. Бойко прокладывая себе дорогу, бежали они в Енисей. На пригорках таял снег, большие желтоватые проталинки появлялись на опушке леса. Да и сам лес пробуждался.

— Гуси! — радовался Сталин, увидев долгожданных птиц. — Значит, вправду весна!

Стоя на высоком берегу Енисея, он с улыбкой следил за крикливыми стаями гусей. Птицы летели низко-низко, над самыми избушками Курейки, хлопая крыльями, наполняя воздух звонким криком.

— Смотри, какие льдины ворочает Енисей! — говорили ему рыбаки.

Со скрежетом громоздились друг на друга льдины. Ярko сверкали на солнце. Иные льдины со страшной силой выбрасывало на берег, и они долго ещё белели на жёлтой глинистой земле. Вода поднималась всё выше и выше.

Огромной ледяной лентой двигался Енисей. По-весеннему шумел лес.

— Енисей пройдёт, — говорили товарищу Сталину рыбаки, — достанем ружьё у кого-нибудь, потихоньку от стражников, будем охотиться, уток стрелять, гусей.

Когда река очищалась от льда, товарищ Сталин брал лодку, доставал тайком от стражника ружьё и отправлялся на охоту. И рыбаки, увидев знакомую фигуру в широкополой шляпе, чёрном пиджаке, в грубых высоких сапогах, приветливо окликали.

— Что, на охоту собрался, Осип?

Больше всего он любил охотиться на берегах неглубокой речушки Калинкиной. Там было хорошо: шумел гибкий речной тальник, тихо плескалась вода. Долгими часами бродил товарищ Сталин по берегам Калинкиной речки. Вспоминал Ленина, вспоминал друзей. Как он рвался к ним, к революционной работе! Он отлично знал, что его ждут, что он очень нужен. Возвращался поздним вечером, неся за плечами несколько уток или глухаря. Любил он бывать и на острове Половинка, расположенном у этой протоки.

Там стоял чум бедного эвенка Мартына. Часто товарищ Сталин приходил к нему в гости. Вместе они плавали на лодке, вместе рыбачили, вместе охотились. До сих пор рассказывают курейские старики о дружбе Сталина с эвенком Мартыном.

Как-то товарищ Сталин пошёл на охоту. Стояла белая ночь. На небе ярко горело северное незакатное солнце. От реки тянуло холодом. Тихо шумел лес. Спала Курейка.

И вдруг, навстречу ему попался стражник, следивший за ним.

Увидев товарища Сталина с ружьём, стражник закричал.

— Кто разрешил брать ружьё? Разве вы не знаете, что ссыльным запрещено пользоваться оружием? Я буду жаловаться... Я...

Стражник задыхался от гнева. Его толстое лицо стало красным.

Сталин спокойно слушал стражника, но ружьё не отдавал.

Тогда тот бросился к товарищу Сталину, чтобы вырвать у него ружьё.

Бросился и... остановился.

Медленно шёл навстречу ему Сталин. Губы его побледнели, но глаза оставались спокойными. Стражник посмотрел в эти глаза и, трусливо пятясь, отступил назад.

В декабре 1916 года товарища Сталина вместе с несколькими другими большевиками Туруханской ссылки мобилизовали в армию. Тогда шла первая империалистическая война.

По этапу его отправили в Красноярск, а из Красноярска — в Ачинск. Здесь, в этом небольшом сибирском городке, товарищ Сталин получил первые известия о февральской революции. Он торопился: его ждали рабочие Москвы и Петрограда. Его ждал Ленин. Из Ачинска Сталин выехал в революционный Петроград.

Там он встретился с Лениным.

Там он вместе с Лениным руководил подготовкой и проведением Великой Октябрьской революции, которая сбросила власть помещиков и капиталистов и принесла всем народам нашей страны свободу.

5

Прошли годы...

На берега Енисея наша страна, товарищ Сталин послали смелых, стойких, трудолюбивых людей.

В болотистой безлюдной тундре они построили города. Далеко за Полярным кругом зажгли огни электрических лампочек. Проложили рельсы самой северной в мире железной дороги.

Нет таких преград, которые остановили бы советских людей, большевиков. Их жгли морозы, злые ветры и бешеные выюги сбивали с ног. Но вперёд и вперёд шли они, потому что их послал товарищ Сталин.

И природа отступила перед ними.

Советская власть принесла счастье народам Севера. Появились колхозы. Выросли новые, светлые, пахнущие сосной дома. Вместо дымных костров весело запылали печки.

Маленькие северные жители учатся в школах, юноши и девушки — в техникумах, институтах. Книга и тетрадь стали неразлучными друзьями северных народов.

Однажды пионеры Игарки, города и порта, построенного за Полярным кругом в годы первой сталинской пятилетки, решили написать кни-

гу о своём городе, о том, как они там живут и учатся. Они послали письмо великому пролетарскому писателю Алексею Максимовичу Горькому, просили посоветовать им, как лучше написать эту книгу. Алексей Максимович ответил игарским ребятам большим, ласковым письмом, в котором писал:

«...И во тьме полярной ночи ярко горит солнце человеческого разума».

Это солнце над холодной землёй Севера зажгла большевистская партия, зажгёт товарищ Сталин.

Советский народ бережно и любовно сохранил бедную рыбацкую избушку в Курейке, где долгие годы томился в ссылке вождь и отец народов.

Сейчас в ней открыт музей Иосифа Виссарионовича Сталина.

Когда ты, мой маленький читатель, поднимешься на высокий курейский берег,— первое, что бросится тебе в глаза,— огромная гранитная фигура товарища Сталина. Она стоит у входа в домик.

Но самого домика ты вначале не увидишь. Он укрыт от дождей и непогод высоким, хорошо застеклённым деревянным павильоном. Этот павильон сохранит на десятки лет бревенчатую рыбацкую избушку.

По широкой, протоптанной тысячами ног тропинке ты подойдёшь к домику, к заветной двери.

Войдём сюда.

Небольшая квадратная комната. Два низких тёмных окошка. Слева от окна деревянный диван и столик. В простенке стоит тумбочка, когда-то наполненная книгами. Справа, у входа, железная печурка. В холодные зимние ночи она согревала товарища Сталина. На стене развешаны сети и капканы, которыми он пользовался охотясь или рыбака. Немного дальше — простая деревянная кровать.

Против входа, у окошка, полукруглый рабочий столик.

За этим столом работал товарищ Сталин. За этим столом он писал Ленину, писал друзьям.

На столе — семилинейная керосиновая лампа.

Свет этой лампы был виден отсюда далеко-далеко. Его видели все, кто поднялся на борьбу за счастье родного народа.

Заботливо берегут домик жители новой Курейки, члены курейского рыболовецкого колхоза имени товарища Сталина.

Заботливо берегут домик пионеры — ученики курейской начальной школы. Они посадили перед домиком много ярких, красивых цветов. Тут и пионы, и астры, и гвоздика.

В толстой книге отзывов посетителей музея, среди записей учёных, писателей, рабочих и колхозников, можно найти несколько строк, написанных большими детскими буквами.

Вот что написали ученики второго класса 4-й Игарской школы:

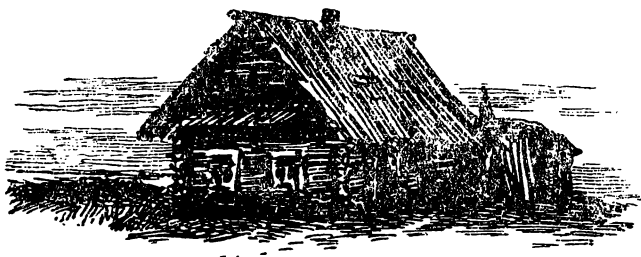
«Дорогой дедушка Сталин!

Сегодня мы, октябрята, побывали в вашем домике, где вы столько

лет жили, сосланные сюда царём. Мы видели вашу лампу, ваш столик. Директор музея рассказал нам, как вы работали, как боролись даже здесь, так далеко от Ленина, чтобы мы жили весело и счастливо.

Многие из наших отцов бились с врагом на фронте в годы войны под вашим руководством, а у Люси и Кости даже погибли, защищая нашу Родину.

Милый товарищ Сталин! Спасибо Вам большое за то, что вы отстояли страну дорогую, спасли наше детство. Мы даём вам честное октябрятское слово учиться только на пятёрки, чтобы вырасти полезными людьми и стать хоть чуточку похожими на вас».

Елизавета СТЮАРТ

Очень трудно мальчишке
Оторваться от книжки,
Если там на страницах
Смелый действует рыцарь.

Или три мушкетёра
Затевают дуэли,
Иль корабль на просторах
Мчит к намеченной цели.

За минутой минута
Приближается полночь...
За стеною каюты
Плещут бурные волны.

На исходе продукты,
Мало рома в бочонке...
В сон, как в тихую бухту,
Уплывает мальчонка.

Убаюкала небыль
Про чужие напасти,
Про туманное небо,
Про случайное счастье...

Видит мать, улыбаясь,
Как смежились ресницы
И от них голубая
Тень легла на страницу...

— Утром встанешь ли рано?
Засиделся некстати...
И ведёт «капитана»
Досыпать на кровати...

Отчего же мальчишку
Сон сегодня не клонит?
Зачитался он книжкой
О борьбе в Краснодоне.

Жизни правда большая
Прямо в сердце стучится,
И мальчишка мужает
От страницы к странице.

Вот он вместе с другими
Присягу приносит,
Вот ночами глухими
Он молчит на допросе,

Вот спешит за Шевцовой
По февральскому снегу,
Немцу гневное слово
Говорит за Олегом...

Тем смелей он в дороге,
Чем дорога опасней,—
Повзрослевший и строгий
Пионер-пятиклассник.

С ним не вымыслов строки.
А герои из жизни —
Те, чей подвиг высокий
Славен в гордой отчизне!..

...Мир, цветущий под солнцем,
Знают наши ребята.
За него краснодонцы
Умирали когда-то.

В жизни прочной и новой,
Отвоёванной с боем,
Поколенья иного
Подрастают герои.

Чтоб учиться и строить,
Сделать землю прекрасной,
Подрастают герои
В ярких галстуках красных!

РАССКАЗ О ДУБАХ

Есть на Алтае садовод,
учёный садовод.
Мы на экскурсию к нему
приходим каждый год.

Не к яблоням и не к цветам
повёл нас нынче он,
а показал на склон холма,
кудрявый южный склон.

И мы увидели, как вниз
зелёною волной
сбегали тысячи дубов
в полметра вышиной!

— Ребята, эти деревца
особенной судьбы..
И рассказал нам садовод
про юные дубы.

Когда-то на Алтай пришёл
бедняк из дальних мест
и пять деревьев посадил
на диво всем окрест.

Как память южной стороны,
хранил он их ростки,
и любовались ими все
другие бедняки.

Но позавидовал ему
богач скупой и злой.
Омыто золото его
Бедняцкою слезой.

Не знала жалости вовек
жестокая рука:
он пять деревьев за долги
забрал у бедняка.

И за ограду в сад к себе,
где злых спускали псов,
велел купец пересадить
пять маленьких дубов.

Пытался их сгубить мороз
и выюги злые жгли,
но силы набрались они
у северной земли.

Зима казалась не страшна,
хоть ветер бил сплеча!
Но был для них чужбиной сад
скупого богача.

И пленниками много лет
стояли дерева:
владели ими сын и внук —
наследники купца.

Когда же стал простой народ
творцом своей судьбы,
решил последний богачей
тайком поджечь дубы.

И землю отравить вокруг,
чтоб знать наверняка:
дубы не смогут людям дасть
ни одного ростка!

И станет мёртвою золой
зелёная краса...
...Сверкнула, падая с листьев,
тяжёлая роса...
Четыре языка огня
прогнали разом ночь...
Услышав голоса людей,

от дуба пятого злодей
бежал, как заяц, прочь!

Но враг от кары не ушёл!
А дуб стоял, спасён,
и только листьев плотный шёлк
был с краю опалён.

Стоял врагу наперекор
могучий исполин,
но меж алтайских вольных гор
остался он один...

С тех пор не мало славных лет
промчалось по земле.
— Лесам расти в Стране
Побед! —
так вождь сказал в Кремле.

И тотчас дети тех детей,
что видели пожар,
у дуба старого с ветвей
собрали много желудей
полям алтайским в дар.

Чтоб не пугаясь холодов,
Накапливая мощь,
Росли бы тысячи жильцов
Дубовых новых рощ!..

...Рассказ окончил садовод...
Под синевой небес
от ветра,
что летел с высот,
Шумел дубовый лес.

Лучи весенние вобрав,
Дубки вставляли в строй,
Вершины будущих дубрав
Мы гладили рукой...

Лес вырастет — и соловей
На ветке запоёт.
Лес, грудью встретив
сухостей,
Атаки отобьёт.

Он в зной прохладу людям даст
И защитит хлеба...
Мы тоже вырастем.
У нас
Счастливая судьба!

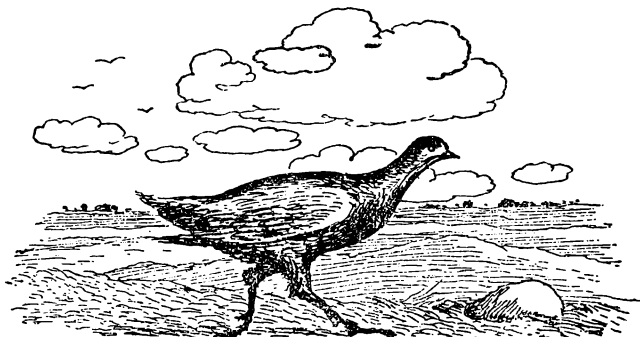
Но если злобный враг опять
Пойдёт на мир войной,
В защиту мы сумеем встать,
Как этот лес, — стеной!

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Когда сибирскою весной
Теплее солнце глянет,
На север коростель, домой,
Спешит из Ленкорани.

Он зиму переждал и вот
На родину стремится.
В далёкий край пешком идёт
Диковинная птица!

Гора иль речка на пути —
Он их перелетает.
И вновь торопится итти,
Шагает и шагает...

Он слышит гомон птичьих
стай —
Они быстрее ветра,
А тут попробуй, пошагай
За сотни километров!

Идёт, не шелохнув травой,
Переборов усталость:
«Домой, домой, скорей домой,
Немного уж осталось!..»

Мы спим, а он себе идёт
Всё прямо, без дорожки,
Спешит вперёд, о камни бьёт
Натруженные ножки.

А дома ждёт весёлый май,
Цветение черёмух...
Шагай же, маленький, шагай
Скорей к родному дому!

Коль слышишь ты сухую трель,
Что коростель выводит,
Знай — он за тридевять земель
На родину приходит.

Я всегда свою сестрёнку
Звал трусихой-девчонкой!

Разглядит в траве ужа,
От него бежит, дрожа:
«Убери, кричит, змею!»
Над трусихой я смеюсь:
— Это добрый уж, не трусы!
«И ужа, кричит, боюсь!»

А всего сильнее боится,
Если вдруг гроза примчится,
Если туча над селом,
Если молния и гром.

Нос зароев меж подушек,
Поплотней закроет уши
И, зажмуривши глаза,
Ждёт, когда пройдёт гроза.

Я опять над ней смеюсь,
А она: «Грозы боюсь!».

Раз, весной в отряде Таня
Дали важное задание:
На каникулах следить
За цветами в школе —
Поливать цветы и мыть,
По-хозяйски холить.

Мы сумели в каждом классе
Окна зеленью украсить,
Чтобы школа для ребят
И зимой была, как сад!

Аккуратно стала Таня
Выполнять своё задание.

Как-то к мальчикам знакомым
Шёл я улицей села.
А сверху с ворчливым громом
Туча тёмная плыла.

Я шагаю торопливей,
Чтоб не вымокнуть в пути,
Вдруг как хлынет с неба ливень!
Где убежище найти?

Рядом — школьная калитка.
Забегал и вижу: в дом
И опять под дождик прытко
Скачет Таня босиком.
И дрожат цветы в горшках
В мокрых Таниных руках.

Бойко носится сестричка,
Только прыгает косичка!

— Таня, — я спросил, — скажи мне,
Что ты делаешь под ливнем?

И обрадованно Таня
Закричала на бегу:
— У цветов сегодня баня!
Ты поможешь?

— Помогу,
Но гроза гремит, сестричка..
Не боишься разве ты?

Замелькала вновъ косичка:

— Я ж должна купить

цвѣты,

Чтобы сделал тёплый ливень

Их свежее и красивей!..

А когда опять из тучи

Заворчал сердито гром,

Таня мне призналась в том,

Что, конечно, много лучше

Выносить цветы вдвоём...

О. ХАВЯИН

Рассказ

ОТ АВТОРА

Португалия — небольшая страна на крайнем юго-западе Европы. Жизнь трудящихся этой страны тяжела и безрадостна. «Здесь, в Португалии, мы живём в страшной нищете, под гнётом капиталистов и гнусного правительства фашистского диктатора Салазара», — рассказывает в письме португальской работницы-текстильщицы К., напечатанном в газете «Труд» от 6 апреля 1950 г.

Безработицу, нищету, голод, полицейские расправы — вот что принесло трудящимся Португалии фашистское правительство кровавого генерала Салазара. Сейчас это правительство выслуживается перед американскими поджигателями войны, превращая Португалию в военную базу США. На территории Португалии и её колоний в распоряжение американцев предоставлены все аэродромы, военно-морские базы, радиотелеграфные станции; американцы захватывают в свои руки португальскую промышленность, наводняют страну залежалыми товарами.

Фашистское правительство Португалии ведёт к обнищанию народные массы, которые под руководством коммунистической партии поднимаются на борьбу за мир, демократию, социализм, на борьбу против кровавой диктатуры Салазара и его заокеанских хозяев.

В своём письме работница К. пишет: «Мы знаем о ваших победах, достигнутых под руководством Сталина. Для нас, трудящихся Португалии, эти победы — луч света и надежды».

Хиль из „Жестяного района“

Двенадцатилетний Хиль жил со своей матерью в «Жестяном районе» Лиссабона. Это был густо заселённый рабочими, а больше безработным людом, пригород португальской столицы. «Жестяным» его прозвали сами обитатели, ютящиеся в жалких лачугах, сколоченных из досок от старых ящиков и жести от консервных банок. Лачуги, отделённые друг от друга узкими проходами, усеивают северный берег Энтрадо до Тежу — естественной протоки, соединяющей Лиссабонский залив с океаном.

В одной из таких лачуг и поселилась Клотильда Рибейру со своим сыном Хилем; им пришлось сделать это вскоре после того, как был арестован и сослан на «острова»¹ отец Хилья, работавший грузчиком на пристани Санта Аполлония.

В жалкой лачуге было настолько тесно, что Клотильда и Хиль едва умещались в ней, к тому же, когда начинались зимние дожди, вода лилась со всех сторон, и тряпье, заполнявшее щели между ящиками, набухало, распространяя в убогом жилище тошнотворный запах сырости.

Может быть, от этого щёки у Хилья были такими бледными, а темные глаза редко улыбались и смотрели на мир печально.

Мать и сын долго бедствовали. Некоторое время Клотильда работала на рыбоконсервном заводе. Его закрыли. С трудом она устроилась на завод по обработке пробки. Но и его ворота, однажды вечером выпустив рабочих, больше не открылись. Дядюшка Мендеса, старый товарищ отца, тоже живший в «Жестяном», после долгих хлопот устроил мать на новую работу...

Клотильда Рибейру отправлялась на работу до света, а возвращалась поздним вечером — текстильная фабрика находилась в трёх с половиной лигах² от города. Конечно, можно было совершать путь до фабрики и обратно на автобусе; это стоило бы каждый раз две маленькие серебряные монетки, но тогда не было бы похлёбки из картофеля и фасоли, которую Хиль ежедневно готовил к приходу матери. На похлёбку уходило не больше трёх картофелин и горсточка фасолин, — Хиль знал, что больше нельзя! Редко, очень редко к этому скудному ужину прибавлялось несколько сушёных маслин или печёных на углях каштанов.

Хиль с нетерпением ожидал прихода матери — ведь утром он съедал лишь кусок кислого кукурузного хлеба с луковицей... День казался длинным, хотя проходил он в заботах: надо было сбегать к зеленщику, выпросить в долг овощи; простоять в длинной очереди у булочной, собрать щепок, принести воды... Иногда тётка Марианна совала ему в руки пакетик с едой, и он бежал к дядюшке Мендеса на пристань. Это Хиль делал с удовольствием, и дорогу он знал хорошо. Грузчики и матросы, помнившие Энрике Рибейру, всегда уделяли Хилью что-нибудь из своих

¹ Так называется место ссылки борцов за свободу.

² Лига — старинная португальская мера длины, равная трём километрам.

тощих пакетов и находили для него ласковые слова... Однако среди обещавших не было отца, и от этого становилось грустно. Ближе к вечеру, наступало время приготовления пищи. И хотя голубая Тежу была рядом, но не всегда удавалось Хилю выкупаться в её водах...

Мать, придя домой, тотчас же опускалась на единственный деревянный ящик, служивший и столом и стулом, и Хиль с болью смотрел на её опухшие, покрытые волдырями ноги, избитые о придорожные камни.

Иногда, согнув спину, заходил в лачугу Рибейру старый Мендеса. Он вынимал изо рта короткую трубку, сплёвывал и зло говорил:

— Пять часов ходьбы — за пустую похлёбку и кусок хлеба, в котором больше отрубей, чем муки...

Мать грустно улыбалась:

— Садитесь с нами...

— Спасибо,— отказывался старик,— я привык есть два раза в день... Свою вечернюю еду я уступаю американцам, которые углубляют Тежу для своих линкоров.

— Тише! — испуганно говорила мать, и ложка с бледной жижей дрожала в её руке.

— В стране,— продолжал Мендеса,— которая вывозит апельсины сотнями тонн и превосходное вино тысячами бочек,— в этой стране бедняки жрут помой! Хотел бы я такой ужин Салазару!

— Тише, тише, Мендеса! — снова говорила мать.— Вы с ума сошли! В наших домах не такие уж толстые стены.

— Это верно,— критически осматривая лачугу, соглашался старик и выколачивал трубку.— Ну, что,— он понижал голос,— оттуда — ничего?

Мать качала головой.

Хиль знал, что «оттуда» — это скалистые, знойные, бесплодные острова с таким привлекательным и манящим названием «Острова Зелёного мыса»¹, это — страшная Таррафала, это — «лагерь смерти», откуда никогда не возвращаются... Там — отец.

— Хотел бы я знать,— опустив голову, бормотал дядюшка Мендеса,— хотел бы я знать, где сейчас тот негодяй, что предал Энрике Рибейру.

Хиль часто слышал эти слова, и они врезались ему в память. Мендеса уходил. Мать и сын ложились спать.

Ночные голоса на Тежу

В юго-западной оконечности обширного Лиссабонского залива, неподалёку от Энтрадо, одиноко покачивался на волнах старый трёхмачтовый фрегат времён Марии II².

Когда-то, в эпоху паруса, он был украшением португальского военного флота. Прошли годы; военные парусники уступили место линейным кораблям, эскадренным миноносцам, канонерским лодкам. Правда, крупных военных кораблей Португалия так и не завела, но и фрегат уж отслужил своё. Его превратили в учебное судно, и он прослужил ещё несколько десятилетий; наконец, фрегат настолько обветшал, что его совсем списали и поставили на якорь в полулиге от Лиссабона, на виду у города, как памятник былой морской славы Португалии. Вначале за кораблём следили: иногда покрасят борта, подновят название. Потом забросили. Снасти и такелаж растащили моряки проходивших судов и окрестные рыбаки. Мрачно подымались «сухие» мачты, лишённые реев и стёнг. Опустели амбразуры — все восемьдесят некогда грозных орудий давно увезены с корабля. На корме с трудом различались выцветшие буквы: «Дон Фернандо». Ни один звук не доносился с корабля.

Так было до недавнего времени...

Однажды, когда ещё держались холодные зимние дожди, Клотильда Рибейру пришла домой позже обычного.

Кутаясь в рваный плащ, обессиленная, с выражением муки на худом потемневшем лице, она сидела у маленького очага, сложенного из нескольких камней.

Рядом, прямо на земляном полу, устроился Мендеса и молча дымил трубкой. Слабый огонь очага да изредка вспыхивающая трубка были единственными светильниками в этом жилище. Хиль полудремал, сидя

¹ У северо-западных берегов Африки.

² Мария II — португальская королева с 1834 по 1853 г.

рядом с матерью на ящике, прижимаясь к её горячему, порою вздрагивающему телу.

Тишину нарушали только частые капли дождя, стучавшие о дно глиняных кувшинов и чашек, расставленных на полу хибарки, и шелест дождевых струй за её стенами...

— Вам плохо, Клотильда? — спросил Мендеса, сочувственно глядя на женщину.

— Да,— кашляя, ответила она.— Дорога мне показалась сегодня особенно длинной... И этот дождь...

Мендеса извлёк из кармана куртки спички, намереваясь разжечь трубку, и вдруг остановился. Со стороны залива доносились какие-то необычные звуки. Они были приглушены расстоянием и дождём.

— Что это? — спросил Мендеса.— Мне кажется, что кто-то плачет... Да, да, это плач...

Клотильда Рибейру провела дрожащей рукой по своим чёрным волнистым волосам.

— Сейчас часто плачут. Многие плачут.

— Да, но это на реке. Это не в «Жестяном»...

Он спрятал трубку и спички и, сделав всего лишь шаг, оказался на улице.

Хиль выскочил вслед за ним. Они прошли к берегу Энтрадо и встали, накрывшись одним плащом, стараясь рассмотреть в темноте корабль. Кто-то на середине реки бранился хриплым, грубым голосом. Чей-то слабый голосок взметнулся плачем и оборвался.

Через несколько мгновений вдалеке тусклой звездой загорелся огонь фонаря. Сначала он словно застыл на одном месте, потом задвигался по ломаной линии и вдруг погас.

— Свет на фрегате?! — Хиль невольно схватил Мендесу за руку. — Дядюшка Мендеса, там — люди!!

Старик и мальчик долго ещё прислушивались, но больше не услышали ни одного звука.

— Неужели нужда заставила безработных заселить и «Дон Фернандо», — пробормотал Мендеса. — Всё возможно!.. Беги, Хиль, домой, а я завтра зайду к вам... Меня Марианна заждалась!

„Как жить?..“ Хиль идёт на площадь Дон Педро

Тревога Хилия была не напрасна.

В тот вечер, когда мать едва добралась домой, ей стало очень плохо. На утро она не поднялась...

Растягивая сто эскуду¹, они прожили целую неделю. Ещё неделю они перебивались с помощью Мендеса. Но старый грузчик и сам тянулся изо всех сил, чтобы прокормить жену и слепую мать.

И наступил день, когда в лачуге Рибейру не оказалось ни одной картофелины, ни одной луковицы, ни единой горсти фасоли...

Правда, утром, перед уходом на пристань, Мендеса принёс немного солёной трески.

— Она, хоть и солёная, — виновато сказал старый грузчик, — но если поддержать её в холодной воде, хорошенько прокипятить с перцем и лавровым листом, можно есть... На наши деньги, — добавил он с горечью, — свежих сардин не купишь!

— Спасибо, Мендеса, — слабым голосом отвечала мать. Она лежала на соломенном тюфяке, прикрывшись своим плащом. — Мы бы умерли с голоду, если бы не вы... Мне уже лучше. Я скоро подымусь.

Она перевела беспокойный взгляд на Хилия.

— С фабрики меня уволили: беднякам не полагается болеть, — с горечью сказала мать. — Где найти работу? Как нам жить дальше?..

Мендеса с ожесточением передёрнул плечами и затеребил свой старый серый берет.

— Как жить? На пристани гниёт дешёвый картофель, купленный в Дании, а на чёрном рынке во всю торгует картофелем банда Салазара! Половина семей «Жестяного района» ест траву... Как жить? Или ехать

¹ Эскуду — денежная единица в Португалии. Делится на 100 сантаву (по-народному — рейсы). Прожиточный минимум семьи в 2—3 человека — 40—60 эскуду в день.

подыхать в Анголу¹, или итти на площадь Дон Педро просить подавание, или,— он сжал кулаки,— бороться, дьявол меня побери, как боролся Энрике Рибейру, ваш муж...— Мендеса остервенело выколачивал свою трубку, в которой не было ни крошки табака.— Какое дело до нас шайке Салазара? Они ждут дорогих гостей,— завтра прибывает орава янки² на своих кораблях...

Хиль, схватив ведёрко, побежал на Тежу за водой. Мендеса, немного успокоившись, наклонился над больной и тихо сказал:

— Антониу решил собрать для вас немного денег... Грузчики помнят вашего мужа, Клотильда!

— Антониу всегда был хорошим другом Рибейру...— ответила женщина.

Старик загадочно улыбнулся:

— Оба стоят друг друга!

Вернувшись с водой, Хиль не застал Мендесу. Он ушёл на пристань. Мальчик сбегал на холм за «Жестяным районом».— там была густая лавровая роща, сорвал несколько листьев, подсушил на очаге и бросил в кастрюлю с водой. Морщась, он стал чистить и мыть отвратительно пахнувший кусок трески.

«Площадь Дон Педро, просить подавание» — неотвязно бродило у него в голове. Для Хилья самым важным было сейчас, чтобы в доме снова завелась еда,— пусть это будет водянистый суп из затхлой фасоли или изведенного жучками картофеля,— но это еда, горячая еда, и тогда мать быстро подыметса на ноги... А если еды не будет...

Через несколько часов, поев немного рыбы, мать уснула. Хиль пригладил свои длинные прямые волосы цвета спелых каштанов, сполоснул лицо водой из кувшина и выбежал на берег Энтрадо.

Только что часы старого собора отзвонили полдень. И сразу же торжественным салютом ударили пушки с фортов, защищающих вход в залив.

Пеня воды, вверх по реке, к гавани, кильватерным строем, по-хозяйски, шли корабли под американским флагом. На палубах стояли военные и штатские люди.

Население «Жестяного района» выбежало из своих лачуг на берег Энтрадо: высохшие старухи с посохами в руках; худые женщины с истомлёнными жёлтыми лицами, черноглазая оборванная детвора...

— Что там, дочка, на реке? — спросила согбенная слепая старуха в чёрном, висевшем лохмотьями, плаще. Это была мать Мендесы.

— Американцы,— ответила, не оборачиваясь, тётка Марианна, отводя костлявой рукой седую прядь со лба.

— Англичан помню, видела,— сказала старуха, шаря посохом по камням,— американцев нет. Что им нужно от нас?

¹ Ангола — португальская колония в Африке.

² Так во многих странах называют американцев.

— Им? — сухо рассмеялась женщина. — Им нужно немного. Им нужна Португалия. Наш пот, наша кровь. Смотрите, — возмутилась она, — нашли что снимать: наши лачуги! — Она подбоченилась: — Снимайте, снимайте!

Хиль вспомнил, что ему предстоит дальняя дорога.

— Тётушка Марианна, — сказал мальчик, робко заглядывая в сердитое лицо женщины, — тётушка Марианна, присмотрите за мамой, я в город сбегаю...

— Нашёл чем любоваться! — ворчливо ответила жена Мендесы. — Ну, да ладно, только поживей! — смягчилась она, прочтя на лице мальчика самую смиренную просьбу.

— Я скоро, сеньора! — ответил Хиль уже на бегу.

Оставив «Жестяной район», Хиль пошёл по горячий от солнца дороге, обсаженной высокими платанами с густой пирамидальной кроной. Дорога то круто спускалась вниз, то взлетала на холмы, заросшие яркой зеленью апельсиновых и оливковых деревьев. За колючей изгородью, в глубине садов, виднелись нарядные ослепительно-белые дома... И сады, и дома эти принадлежали богатым сеньорам. Хиль это знал...

Остановившись передохнуть на вершине одного из холмов, мальчик увидел перед собой весь город — словно бегущий ему навстречу с других таких же сверкающих солнцем и зеленью холмов.

Вот, совсем близко, высятся белые колонны монастыря «братства святого Иеронима». За ним огромное зелёное пятно ботанического сада. Ещё дальше — переливаются на солнце разноцветные изразцы, украшающие дома старого города. Широкая, прямая, как стрела, тянется от площади Дон Педро красивая Авенида да Либердаде... Она всегда полна хорошо одетыми людьми, автомобилями... Надо итти туда. Далеко — не меньше часа ходьбы...

Мальчик проходит под портиками величественных дворцов торговой площади...

Американская эскадра уже стояла у гавани.

Обширная площадь, мраморная набережная, улица Августа были оцеплены войсками и полицией. В толпе шныряли рослые, упитанные молодые люди в форме «Национальной гвардии» и «Португальского легиона»¹. Эти молодчики присматривались и к босоногой детворе, которая пряталась от них за взрослыми, избегая пинков и зуботычин.

Хиль, пробравшийся в толпу, невольно прислушивался к разговору.

Плечистый галисиец-носильщик с шарфом, обвязанным вокруг головы, говорил рыжеусому матросу:

— Слышал: двадцать тысяч их наехало... американцев...

— Так много?

¹ «Национальная гвардия» и «Португальский легион» — военные организации фашистского типа.

— Ничего!.. Салазар найдёт чем угостить... за наш счёт... А потом и они угостят нас... атомной бомбой...

— Осторожней, впереди господин Икс.

Высокий, чернобородый крестьянин в широкополой шляпе и латаном жилете поверх холщёвой рубахи говорил своей спутнице — женщине с шалью, переброшенной через плечо:

— Смотри, что они там делают: столпились у каменной площадки.

Американцы расположились на возвышении в самых непринуждённых позах. Один стоял с запрокинутой головой, цедя что-то из бутылки... Другие же — юркие, быстрые, бегали вокруг с фотоаппаратами.

Хиль из всего слышанного мог заключить, что «янки» — дурные люди и от них беднякам ждать хорошего не приходится. И даже бомбой могут «угостить», как говорит галисиец...

Он вспомнил о матери. Может быть, она уже проснулась... В кастрюле остался кусочек рыбы, — она всё равно не будет есть до его возвращения. После трески Хилю очень захотелось пить; кругом продавали лимонад и мороженое, но это были недоступные лакомства.

Да, но у кого же он попросит милостыню? У этого носильщика в оборванной рубахе? У него в карманах, пожалуй, нет и пяти рейсов. Или у этой толстой дамы с веером, которую почтительно поддерживает важ-

ный сеньор с сигарой в зубах? О, у этих, наверняка, в кошельках водятся не одно эскудо.

Но они с таким презрением посмотрели на Хилья, когда он проходил мимо, а дама даже прижала к себе большую белую сумку...

Дядюшка Мендеса говорил о площади Дон Педро... Не зря, наверно. Там театры, кафе, магазины... Решено! Он пойдёт на площадь Дон Педро.

Хиль выбрался из толпы и почти побежал по боковой улице, вытянувшейся рядом с улицей Августа от Торговой площади до площади Дон Педро. Здесь не было толчен.

На улице Августа загремел оркестр. Хиль на минуту замер, но затем побежал изо всех сил — ему было не до музыки... Правда, мальчик не знал, что из медных глоток исторгаются победные звуки «янки-дуд-ля», под которые американская морская пехота шагала по улицам португальской столицы...

„Закон запрещает нищенство!..“

Было уже четыре часа пополудни.

На площади Дон Педро тоже толпился народ. Офицеры в парадной форме, дамы с букетами цветов, шеголеватые молодые люди, легионеры... Мальчик напряжённо вглядывался в лица этих людей, не решаясь протянуть руку.

Он прошёл мимо кафе; за столиками, лицом к площади, сидят нарядные сеньоры — ждут американцев.

Нет, сюда он не зайдёт... А мать, наверное, уже проснулась и беспокоится: ведь Хиль почти никогда не отлучался из «Жестяного района»... И она хочет есть... А у него совсем пересохло горло — будто там застрял кусок солёной прогорклой трески. Он долго ходил взад-вперёд по площади, уже приближались звуки оркестра и с ними — толпа с Торговой площади.

Хиль прошёл квартал по Авенида, машинально свернул налево — и оказался перед витриной небольшого книжного магазина. Маленький Хиль нередко видел в руках отца и его товарищей книги. Мальчик не знал их названий, — он даже не знал букв! — но простодушно считал, что те, кто читает книги, — добрые, хорошие люди...

Хиль робко толкнул дверь и вошёл в магазин. После яркого солнечного света лиссабонского дня полутьма невысокого помещения ослепила его. Он не сразу разглядел, кто находится в магазине. Постепенно полумрак словно рассеялся, и Хиль увидел длинные полки с тесно расставленными на них книгами, высокий прилавок, — а за ним лысого книгопродавца с чёрной клинообразной бородой. Он вполголоса разговаривал с покупателем — пожилым, на вид добродушным, человеком в очках. В противоположном углу усердно рылся в книгах долговязый аббат в чёрной сутане. Рядом с ним, на круглом столике, Хиль заметил толстый

молитвенник на медной застёжке. Аббат брал с полки книгу, перелистывал её, ставил на место, брал другую... Казалось, он был углублён в это занятие...

Больше никого в магазине не было. Хиль вошёл так тихо, что никто его не заметил.

Оглядываясь на аббата, он так же тихо подошёл вплотную к прилавку и услышал обрывки разговора.

Говорил человек в очках, и Хиль удивило, что первую часть фразы он произнёс очень громко, а вторую шёпотом:

— Нет ли у вас пьесы Альмейды? (Это было сказано громко.) Он не уходит, а я тороплюсь... Учтите: в Коммбре подписалось триста студентов и пятнадцать профессоров. (Это было сказано шёпотом.)

Хозяин магазина отвечал, также разделив фразу на две части:

— Нет, сеньор, пьесы: Альмейды уже давно не переиздавались (громко)... Подозрительная сутана! Уходите. Я перешлю вам новые подписные листы (тихо!).

Книгопродавец перегнулся через прилавок, собираясь что-то ещё сказать, и заметил Хиль. Он метнул быстрый взгляд на собеседника, нахмурился и недовольно сказал:

— Что тебе, мальчик? У нас детских книг нет.

Сердце у Хиль колотилось: «тук-тук», он заметил колющий косой взгляд аббата, и язык у него словно прилип к гортани.

— Что же ты, мальчуган? — спросил человек в очках. Глаза его сквозь толстые стёкла казались неестественно большими, но в них Хиль не прочёл ни угрозы, ни гнева.

— У меня больна мама... Нам нечего есть, — пролепетал Хиль, опустив глаза и не зная, куда девать свои руки, — словно они совсем вылезли из коротких рукавов его курточки...

Человек в очках посмотрел на худые ноги мальчика, пошарил в карманах пиджака, смешно выпятил нижнюю губу и беспомощно развёл руками.

— Клянусь распятием, ни одного эскуду!

— Поберегите клятву для другого случая! — отозвался вдруг из своего угла аббат. И с ехидством добавил: — Любопытно знать, на какие деньги сеньор собирался покупать пьесы Альмейды?

Книгопродавец посмотрел в сторону аббата, провёл рукой по лысине, затем с необыкновенной быстротой защёлкал невидимым ключом, заскрипел невидимым ящиком и, почти свесившись с прилавка, сунул Хилью в кулак мятую бумажку.

— Ну-ка, чертёнок, проваливай! — сердито сказал он.

Хиль, испуганный и обрадованный, не заставил себя просить дважды.

Выскочив за дверь, он разжал кулак. Десять эскуду! Целое богатство! Сейчас он побежит к зеленщику, купит картофеля, луку, фасоли... Ему стало даже весело от звуков американского оркестра, игравшего уже на площади Дон Педро.

Не успел он сделать несколько шагов, как кто-то сзади схватил его за руку, рванул в сторону, и он очутился за широкой колонной крытой тёмной галереи.

— Тише, мальчик, не бойся! — аббат в чёрной сутане, сладко улыбаясь, склонился к Хилю. Твёрдые пальцы словно впились в плечо. — Покажи, что у тебя в руке.

Страх сковал мальчику язык.

Пальцами, словно сделанными из железа, аббат разжал маленький детский кулачок и разочарованно посмотрел на бумажный комочек...

— Ты знаешь... этого сеньора в очках? — не отпуская его руки, спросил аббат.

— Нет, господин аббат, я вижу его в первый раз. Отпустите меня, господин аббат...

«Только бы он не отнял мои эскуду» — в страхе думал мальчик.

Аббат пошевелил сухими

губами, все черты его лица обострились.

Он посмотрел на дрожавшую в его руке бледную ладонь, двумя пальцами снял с неё бумажку, и она мигом исчезла в недрах его сутаны.

— Ты знаешь, грязная тварь, — зашипела сутана, — что на улицах Лиссабона запрещено просить подаяние?

— Мои эскуду, господин аббат, не отнимайте мои эскуду! — вскричал в отчаянии Хиль.

— Твои эскуду?!

Аббат оглянулся, отвёл руку и со всего размаха опустил молитвенник на лицо мальчика. Медная застёжка углом впилась ему в щёку.

Аббат вновь рванул Хилья за руку и выволок из-за портика на улицу.

— Полиция! Полиция! — завопил он.

Ленивой походкой, играя резиновой дубинкой, подошёл полицейский.

— Мои эскуду! Мои эскуду! — плакал Хиль, вцепившись в чёрную сутану.

— Этот маленький негодяй! — вопил аббат, заглушая голос мальчика. — Этот грязный попрошайка нищенствует на благословенных улицах Лиссабона!

Несколько прохожих остановилось возле них. Среди них была и дама с веером и господин с сигарой.

— Да, да,— ещё не разобрав, в чём дело, вскричала дама,— этот мальчишка всё время вертелся вокруг нас — ещё на Торговой площади...

В это время откуда-то появился рослый парень в форме «Португальского легиона»,— тот самый, которого Хиль испугался на Торговой площади,— он волочил за собой двух ребят. У одного из распухшего носа сочилась кровь. Он упирался изо всех сил, чёрные глаза его сверкали.

— Вот тебе ещё пара оборвышей,— злобно сказал легионер, почти бросая ребят на полицейского,— убирай-ка их отсюда поскорей.

— Хэллоу, Боб, какая живописная группа!

Толпа расступилась.

Два американских офицера, выбритые до синевы и надушенные, вошли в образовавшийся круг. У одного в руках был огромный букет цветов. У другого через плечо на ремне висел жёлтый футляр.

Легионер, метнув злобный взгляд в сторону детей, подбежал к американцам с подобострастной улыбкой.

— Так,— оценивающим взглядом посмотрел на ребят офицер с футляром и бесцеремонно, не глядя, отодвинул в сторону легионера.— Очень хорошо! Боб, становись в середину. Мальчик, возьми цветы! Взрослые в сторону! — командовал он.

Боб сунул в руки ничего не понимающего Хиля букет и застыл с широкой самодовольной улыбкой на лице.

— Так! — сказал другой, засняв группу — Оллрайт! Подпись:

«Португальские дети преподносят американцам цветы».

Аббат, сложив руки на животе, дама со своим спутником, умильно улыбаясь, смотрели на эту сцену.

Легионер и полицейский подтолкнули мальчиков в спину.

И они пошли — сначала по широким, отделанным под мозаику тротуарам лиссабонского центра, потом по безлюдным, кривым улицам, на которых Хиль никогда не был,— всё дальше от площади Дон Педро... Трое худых, оборванных ребят, рослый, откормленный легионер и лениво зевающий полицейский с резиновой дубинкой...

В полицейском участке

Ребят втолкнули в длинную, узкую комнату с грязно-коричневыми стенами. Кроме грубой, исцарапанной ножами скамьи, других предметов в комнате не было. Старший из мальчиков сел на скамью и, вызываясь глядя на полицейского, спросил:

— Кормить будете?

— Тебе что: паштет из печёнки или томаты с начинкой? — сказал легионер и расхохотался, довольный шуткой.

— Берут ни за что и ещё издеваются! — сказал мальчик, с поразившей Хиля смелостью.

Легионер насупился.

— Что ещё?

— Маленького хоть отпустите,— сказал мальчик.— Он совсем малыш.— И повернувшись к мальчику, спросил: — Как тебя зовут?

— Бе-е-нту! — ответил тот, размазывая слёзы кулачками.

— А тебя?

— Хиль.

— А меня зовут Кастело,— сказал мальчик.

Хиль решил спросить, где они находятся.

— Полицейский участок, где же ещё! — ответил Кастело.

Бенту притих, только изредка всхлипывания вырывались из его груди.

— Есть, наверное, хочешь? — спросил Кастело. Бенту поднял полные слёз глаза и кивнул. Кастело порывлся в своих лохмотьях и достал откуда-то кусок чёрствого кукурузного хлеба. Он прикинул на глаз и разломал его на три равные части.

— Ешьте... Томаты с начинкой.

Хлеб был сухой, отдавал горечью, но съели его быстро. Хилью по-прежнему нестерпимо хотелось пить.

— Всё,— сказал Кастело, встретив вопросительный взгляд маленького Бенту,— ужин закончен... Ты откуда, малыш?

Бенту рассказывал бессвязно, путался, но Кастело и Хилью стало ясно, что их маленький товарищ уже хлебнул горя... Отец и мать — безработные, вот уже целый год. Живут на восточной окраине города в пещере, вырытой на склоне холма... Там много пещер, весь холм изрыт... Отец бросался под поезд, но его спасли... Вот уже полгода Бенту ходит по улицам Лиссабона... Не раз ускользал от полицейских... А сегодня попался...

— Сегодня они совсем озверели,— заметил Кастело,— как же, американцы ведь приехали!

Хиль, проникшись дозерием к своему новому товарищу, рассказал ему всё: и об аресте отца, и о болезни матери, и о дядюшке Мендеса, и о том, как он решил пойти на площадь Дон Педро... Мальчик слушал, подперев кулаком подбородок и не сводя с Хилья своих чёрных, как маслины, глаз.

Но о себе он не успел рассказать. Щёлкнул замок, и послышался голос полицейского:

— Ну-ка, поживей там!

Их ввели в большую, ярко освещённую комнату и вытолкнули на середину её. В углу, против двери стоял письменный стол на гнутых резных ножках. За ним в кресле сидел толстый круглолицый человек с щепоткой усов над самым носом. Он разговаривал по телефону. Сбоку, лицом к ребятам, сидел легионер, который привёл их в участок. Полицейский стал в дверях.

— Пока трое,— говорил кому-то в трубку круглолицый толстяк.— Не беспокойтесь, завтра наберём десяток... Вы неплохо заработаете на этих мальчишках...

Положив трубку, толстяк сначала склонил голову к левому плечу, потом к правому, не переставая в то же время выстукивать пальцами на столе какой-то марш и не спуская глаз с мальчиков.

— Кто? — барабанил по столу, спросил он Хилья.

Мальчик не понял.

— Фамилия! — рявкнул легионер.

Хиль ответил.

— Отец?

Мальчик опустил голову.

— Попрошайничаешь?

Хиль попытался что-то сказать про больную мать, про картофель, фасоль, лекарства, но круглолицый оборвал его.

— К Жулиу, — кивнул он полицейскому.

— Кто? — посмотрел он на Кастело, всё так же отбарабанивая пальцами по столу.

— Кастело Нобре, — ответил мальчик, глядя на допрашивающего исподлобья.

— Отец?

Мальчик поднял голову. Зубы его блеснули.

— Был бы жив отец, он отучил бы вас барабанить по столу, — дерзко ответил Кастело.

Хиль замер, Бенту испуганно открыл рот. Лицо легионера налилось багровой краской. Он приподнялся с места и по-бычьему устоялся на Кастело. Толстяк оторвал руку от стола и мизинцем почесал свои усики.

— Попрошайничаешь, мерзавец? — повысил он голос и приказал легионеру:

— Всем им одна дорога, чёрт бы их побрал... Всех к Жулиу.

В двенадцатом часу ночи в сопровождении легионера и полицейского ребята вышли из полицейского участка.

Тревога в „Жестяном районе“

Старый Мендеса возвращался домой с пристани Санта Аполлония. Темнело. С залива дул тёплый влажный ветер, тихо вращая треугольные крылья ветряных мельниц. Кругом лежали холмы в цветущей зелени пиний, камелий, пробковых дубов. Чем ближе было к «Жестяному району», тем сильнее, казалось, ныли плечи, сильнее чувствовалась усталость в ногах. Но дядюшка Мендеса был доволен прошедшим днём: «Эти янки нам «помогли», — думал старый грузчик, — «в честь» их приезда даже самые отсталые подписались под Стокгольмским воззванием... Прав был Антониу... Всё больше людей начинают понимать, что Салазар — не только голод и нищета, но это и война!!»

Рассуждая обо всём этом, он дошёл до «Жестяного». Спотыкаясь, Мендеса пробирался между двумя рядами убогих строений. После живописных, убранных зеленью холмов здесь всё выглядело унылым, мрач-

ным, безобразным. Некоторые лачуги были чуть просторнее собачьей конуры,— в них можно было только залезать на ночь, чтобы уснуть «под крышей»... От лачуги к лачуге тянулись верёвки, на которых сушилось жалкое тряпье. Со всех сторон доносился запах нечистот. «Когда же мы покончим с этой проклятой жизнью,— думал Мендеса: — двенадцать часов проливаешь пот на пристани, два часа тратишь на дорогу, десять часов жмёшься в грязной дыре... И так — каждый день...»

Тётка Марианна ждала мужа у входа в лачугу.

Он сразу увидел, что она обеспокоена.

— Ты не встретил в городе Хилья?

Мендеса снял с головы берет и, встряхнув его, притопнул башмаком о лист жести,— тётка Марианна любила порядок.

— Почему это я должен был встретить Хилья в городе? — спросил он с недоумением.

— Мальчишка бросил мать и побежал глазеть на этих проклятых янки!

Мендеса вошёл в лачугу, сел на низенькую скамейку у входа. Шар в карманах, он вздохнул.

— Ни крошки табаку!

Размышляя, он посасывал пустую трубку.

— Это не похоже на Хилья... Когда он ушёл?

— В полдень. Как раз корабли входили в залив.

Мендеса подумал, прикинул.

— Он должен был бы уже вернуться... Что с Клотильдой?

— Плохо. Я принесла ей немного супу. Она ничего не ест и твердит только одно: «Мой Хиль, где мой Хиль?»... Скверный мальчишка!

— Нет, жена, Хиль не из таких, чтобы бросить больную мать из-за праздного зрелища. Тут что-то не то...

Он усиленно посасывал трубку, но не мог решить, что же это «не то»

— Перестань свистеть трубкой,— сказала Марианна,— пойдёшь, успокой Клотильду.

Но Мендеса не смог успокоить встревоженную женщину. Клотильда полулежала, прислонившись спиной к ящику, и по её впалым смуглым щекам катились одна за другой крупные слёзы.

— Он утонул, или его задавили в толпе,— говорила она.— Боже мой, теперь я осталась одна, совсем одна...

Мендеса убеждал её, что мальчик вот-вот придёт, уговаривал её поесть, но бедная женщина не могла успокоиться и не прикасалась к пище.

Старый грузчик, тоже встревоженный, взял наконец её за руку и решительно сказал:

— Перестаньте плакать, Клотильда. Мы найдём его. Я найду его. Я пойду к Антониу... Пусть я сдохну, если не найду его... Слышите, Клотильда!

Конечно, она слышала.

— Да, да, пойдите к Антониу... Он должен помочь...

И она, подчинившись Мендесе, съела две ложки супу.

Когда Мендеса вернулся к себе, было уже совсем темно. Решение было им принято, но он совершенно не представлял себе, где будет искать Хиля. Ведь Лиссабон — большой город, не шарить же по всем улицам — от Белема до Альфамо и от гавани до артиллерийских казарм!

Он подумал об этом, торопливо доедая жидкую похлёбку и доставая со дна глиняной чашки редкие фасолинки. Вдруг неожиданная догадка заставила его попридержать ложку у самого рта. Лицо старика потемнело. Он резко отшвырнул от себя ложку и схватился за трубку. Яростно выворачивая карманы, Мендеса не нашёл в них ни одной крупинки табаку..

— Что случилось, Мендеса? — внимательно следя за мужем, спросила Марианна. — Табаку нет, ты уже пятый раз ищешь. Что случилось?

— Проклятые мошенники, — ворчал старый грузчик, — они лишают меня последнего удовольствия.

— Что случилось? — в третий раз спросила Марианна, пытливо смотря мужу в лицо. — Что ещё пришло тебе в голову?

Мендеса колебался, но, во-первых, он должен был поделиться своей догадкой, а во-вторых, он знал настойчивость своей жены.

— Вот что, Марианна... На днях нам в порту знакомые матросы такое рассказали...

Он оглянулся, хотя подслушивать было некому. Мать спала в углу на нескольких досках, составленных вместе и заменявших кровать. Мендеса притянул к себе голову жены и шёпотом сказал ей несколько слов.

— Святая Мария! — воскликнула она в ужасе. — Возможно ли такое злодеяние?!*

— Они видели собственными глазами... И у меня есть основание верить этому.

— Святая Мария! — снова воскликнула Марианна. — И ты думаешь, что Хиль?..

— Всё может быть. — Мендеса встал, нахлобучил берет низко на лоб, сунул трубку в карман. Взял со стола большой перочинный нож с крестовиной, превращающей его в кинжал, и присоединил к трубке.

— Что ты задумал, Мендеса? — с тревогой в голосе спросила Марианна, беря мужа за руки выше локтя.

— Я пойду в город! — прямо смотря в лицо жене, сказал старый грузчик. — Я буду искать Хиля в городе. Если не найду, пойду к Антониу и...

Он не договорил. Марианна с минуту ещё держала его за руки.

— Да поможет тебе господь в добром деле! — отпустив его, просто сказала она.

— Господь не поможет, а вот на Антониу можно рассчитывать, — добродушно сказал Мендеса. Он посмотрел на жену, обнял её, провёл рукой по её седеющим волосам, повернулся и ушёл, не оглядываясь, в ночную тьму.

Хиль вспоминает ночные голоса

Ночь была тёмной и душной. Изредка лишь луна вырывалась из облаков, пригнанных Атлантикой. Спали городские окраины. Только в центре, на площадях, гремела музыка, и в северной части, вероятно, в Авенида Парке небо озарялось разноцветными ракетами. Лиссабон фраков и мундиров встречал заокеанских хозяев...

В это же время трое измученных и голодных мальчиков, подгоняемые дубинкой полицейского и кулаками легионера, шли самыми глухими и тёмными улицами города.

Хиль был подавлен событиями этого дня.

Он так устал, что еле переставлял ноги, и не обращал внимания, куда его ведут. Неотвязная мысль о матери не давала ему покоя... Кастело, напротив, всё время озираясь, и конвоиры, подозревая, что он хочет ускользнуть, чаще, чем других, награждали его тумаками... Бенту, не поспевая за всеми, почти бежал, крепко держа Кастело за руку.

Один раз Хилью послышалось, будто полицейский очень неуверенно сказал легионеру: «Может, отпустим маленького», на что тот угрюмо ответил: «Захотел на его место?»

Полицейский замолчал...

Так они шли с час, а может и больше. Город остался позади. Пройдя немного по неровной каменистой дороге, они круто свернули налево и спустились к Тежу. Сонные воды реки шелестели в ночном мраке.

— Что вы, — топить нас будете?! — мрачно спросил Кастело и, сжав кулаки, отступил от реки.

— Тихо! — сказал полицейский. — Ну-ка, давайте сюда.

Они ступили на шаткие, скрипучие доски какой-то старой, заброшенной рыбаками пристани, хорошо укрытой извилиной реки и обрывистым скатом берега.

Присмотревшись, ребята увидели вместительную лодку, покачивающуюся на лёгкой волне. Толстая цепь, обкрученная вокруг деревянного столбика и скреплённая пузатым замком, держала лодку на привязи.

— Поживей! — сказал легионер, почти столкнув ребят в лодку и влезая след за ними. — Не греми! — сердито сказал он полицейскому, возившемуся с замком и цепью. По всему видно было, что они не впервые на этой пристани...

Полицейский сел на вёсла, легионер — за руль. На реке было свежее, и ребята в своих дырявых рубашках и рваных курточках жались друг к другу, чтобы хоть как-нибудь согреться.

Хиль зачерпнул в пригоршню воды из реки и наконец напился. Лодка шла вниз по течению, пересекая залив в юго-западном направлении. Иногда проплывал мимо пароход...

— Может быть, вы везёте нас на острова! — не удержался Кастело. Он сидел, обняв плечи руками, ища в этой позе спасения от речной прохлады.

— Молчи, зверёныш!—рассвирепел легионер. Ему хотелось в Авенида Парк, где можно было бы выпить с американцами (янки заплатят!), выпросить у них пачку сигарет, а он должен был возиться с этими оборвышами.

Неожиданно из темноты навстречу лодке выплыла какая-то чёрная громада. Полицейский резко притормозил вёслами, окатив ребят фонтаном брызг. Лодка, прошаркав обо что-то бортом, остановилась.

Кастело легонько присвистнул:

— Корабль? Не берут ли уж нас в матросы?

Хилу показалось, что, если бы не опасность самому слететь в воду, легионер тотчас столкнул бы Кастело в Тежу...

— Эй, Жулиу, — вполголоса крикнул полицейский, сложив вёсла и глядя куда-то вверх.

Задремавший было Бенту встретился и, не понимая, где он, заплакал тоненьким голосом.

— Перестань, или я заткну тебе глотку веслом! — заорал легионер.

— Тише! — сказал полицейский. — Ты разбудишь весь Лиссабон.

И тогда с необыкновенной отчётливостью всплыл в памяти Хилу тот вечер, когда он с дядюшкой Мендесой стоял на берегу Энтрадо... Такой же жалобный плач, такой же грубый, хриплый голос.

«...Так это же «Дон Фернандо», — подумал мальчик, и сердечко его бешено заколотилось... Он невольно повернул голову в сторону северного берега, словно надеялся, что старый Мендеса стоит там, всматриваясь в темноту... — «Жестяной район» так близко... А мать...

она ждёт, плачет... Бедная мама! Но зачем же нас сюда привезли?» — мелькнула новая мысль, на которую Хиль не мог ответить.

Наверху попрежнему было тихо.

— Жулиу, старая обезьяна! — погромче крикнул полицейский. — Сдох ты там, что ли?!

Опровержением его последних слов был конец штормтрапа — верёвочной лестницы, — который шлёпнулся ему на голову, сброшенный сверху невидимой рукой.

— Проклятый каторжник! — потирая голову, ушибленную кольцом, полицейский зацепил последнее за уключину и стал взбираться по лестнице, раскачиваясь из стороны в сторону и шаркая сапогами о борт корабля.

Наступила очередь ребят. Из-за облаков на секунду выскользнула луна. Кастело с озорством посмотрел на Хилья, вызываяще подмигнул свирепому легионеру, плюнул на руки и, словно гимнаст, подтягиваясь на одних руках, освещаемый луной, как прожектором в цирке, в единый миг взобрался на борт корабля. Хиль поднялся благополучно, но маленький Бенту едва не сорвался с середины лестницы. Он весь дрожал от холода и страха, когда, наконец, очутился на борту фрегата.

Здесь их всех встретила тишина погружённого во мрак старого корабля, полная неясных шорохов, жалобных скрипов, старческих вздохов. Луна снова скрылась. Собравшись вместе, мальчики вновь прижались друг к другу, и с тревогой озирались по сторонам в предчувствии неведомой опасности. Внезапно у самых глаз их вспыхнул свет. Держа на длинной вытянутой руке стеклянный керосиновый фонарь, ребят разглядывал низенький человечек. Когда он приблизил фонарь к себе, они увидели его лицо, — такое морщинистое, что, наверное, легче было бы пересчитать звёзды на лиссабонском небе, чем эти мельчайшие штрихи и чёрточки, которыми были усеяны его щёки, лоб, голая шея.

— Пож-жалуйста, мои крошки! — заплетающимся писклявым голосом выговаривал человечек. Фонарь раскачивался в его руке. — Постелька готова...

От него тянуло вином, как из винных подвалов Опорто¹.

— Ты что же, один на судне? — спросил полицейский. — А где остальные?

— Бросили они Жулиу, бросили, — отвечал, еле ворочая языком, человечек. — Опустел корабль... Все на берегу — в Авенида Парке... Лишь мне нельзя...

— Опять, собака, нахлестался, — не скрывая отвращения, сказал полицейский, — давай, веди скорей!

Человечек извлёк из своих похожих на два пузыря штанов огромную бутылку и поднёс её к фонарю. Зелёное стекло зачграло на свету.

— Святая простота! Разве собаки пьют такое превосходное вино!

¹ Опорто (Порту) город в Португалии, крупный центр виноделия.

Легионер вырвал у него из рук бутылку и приблизил нос к горлышку.

— В самом деле,— сказал он с видом знатока.— Чёрт его побери, это не пинга¹, это настоящий доурский портвейн!..²

— Мне хорошо платят за моё дело! — хихикнул человечек — Я не жалеюсь!..

— Ещё бы,— сказал полицейский,— ты скажи спасибо, что тебя укрыли здесь от кой-кого... Давай, води скорей, у нас тоже в горле пересохло...

Жулиу заметно передёрнуло от слов полицейского, он повернулся и быстро, хотя и не очень уверенно, пошёл по палубе в сторону кормы. Фонарь в его руках вёл себя акробатически. Ударяясь боками о невидимые предметы, спотыкаясь о какие-то обломки, разбросанные по палубе, ребята шли вслед за человечком. Он что-то попискивал, разговаривая с полицейским (легионер шёл сзади), но ребята могли разобрать только отдельные слова, перемежаемые хихиканьем.

— Никого не осталось... А этих тварей развелось столько, что даже меня жуть берёт. Опустошают кладовую... Того гляди, и нас съедят... Всю каюту стеклом обсыпали. Всё-таки здесь безопасней, чем на берегу... Приведите американцев — пусть поучатся...

Эти обрывистые фразы, заполненные каким-то тёмным и страшным смыслом, заставили сердце Хиль биться сильнее.

Свет неожиданно исчез, писк тюремщика послышался под ногами ребят, и Кастело, шедший впереди, чуть не провалился в отверстие, которое когда-то было люком, а сейчас представляло собой какую-то бесформенную дыру — не было ни ставни, ни крышки.

— Сюда, крошки, сюда! — донёсся снизу писк Жулиу.— Берегите свои славные головки...

Хиль в последний раз посмотрел в сторону Энтрадо, с берега которого не раз видел он чёрную корму «Дона Фернандо». В центре Лиссабона сверкали огни... Он снова с тоской подумал, что «Жестяный район» не так уж далеко отсюда, но, может быть, он уже никогда не увидит ласково-грустной улыбки матери, не услышит добродушной воркотни тётки Марианны, не поднесёт спички к трубке дядюшки Мендеса... И жалкая, обитая жестью лачуга показалась ему такой желанной и уютной, как никогда!

— Ну, ты, пошевеливайся! — услышал он над ухом голос легионера...

Скользя и срываясь, спускались они по гнилым, изломанным ступенькам в чрево корабля. Ещё люк, ещё ступеньки, узкие коридоры, снова люк, снова коридоры... Так они миновали все три палубы старого

¹ Пинга — самодельная водка.

² Долина реки Доуру (Дуэро) славится виноградарством и виноделием.

фрегата и в конце пути очутились перед небольшой полукруглой железной дверью.

Жулиу неверной рукой шарил по двери, и вскоре мальчики услышали, как с хриплым звоном отомкнулся замок.

— Хоть бы поесть дали,— сказал Кастело, когда перед ними распахнулась железная дверь, открывая зияющее чёрное отверстие,— целый день без еды!

Жулиу хихикнул.

— Сам великий Магеллан питался крысами,— пропищал он,— этого блюда вам здесь хватит... Впрочем, кто кем поужинает,— неизвестно...

Ловко, с неожиданной силой, протолкнув всех троих в отверстие, он загребел за их спиной железной дверью.

Ночь на фрегате

Несколько минут ребята не двигались с места. Глухо донеслись шаги и голоса над головой,— это уходили люди, которые их сюда привели. Вскоре замерли и эти звуки.

Кастело ударил рукой в дверь. Она отдалась глухим звоном, но не шелохнулась.

— Да, здесь крепко. Ну-ка, давайте осмотрим наш крысятник. У меня есть спички. Я зажгу одну, а вы глядите во все глаза.

Он чиркнул спичкой, и мальчики увидели чёрные, изъеденные временем стены, углы, заросшие паутиной, груды полуразбитых бочек и ящиков, полусгнившее тряпье и трухлявые доски, заржавленные железные обручи, устилавшие дно корабельного трюма.

Спичка погасла.

— Да, незавидное помещение,— проговорил Кастело,— американцев бы сюда, которые нас «угощали»... Иллюминаторы есть в борту? Кто заметил?

— Нет,— сказал Хиль,— а наверху что-то есть.

— Ну? — оживился Кастело и похвалил товарища: — Молодец! Это называется горловиной... Вот что, стаскивайте на середину ящики покрепче...

Он зажгёт несколько спичек подряд, и за это время мальчики успели взгромоздить ящики в несколько этажей.

— Теперь держите меня! — приказал Кастело.

Он ловко вскарабкался на самый верх шаткого сооружения и чиркнул спичкой. Через несколько секунд, расстроенный, он опять спустился вниз.

— Крышка там — на горловине. На болтах... Нет, не выбраться нам...

Он прижал к себе своих товарищей и сказал тоном старшего — ласково и покровительственно:

— Ну, малыши! Будем держаться вместе... И не вешать носов. Вот что, друзья, давайте-ка лучше устраиваться на ночь.

Он опять зачиркал спичками, и мальчики по указаниям Кастело при-
ялись стаскивать к железной двери наиболее сохранившиеся бочки,
ящики, доски. Они расставили их полукружьем, вплотную, оставив за
ними немного места для себя. Возвращаясь после одного из таких «рей-
сов», Хиль молча протянул Кастело маленькую замызганную кепку. Со
всех сторон она была буквально истерзана, словно её грызли или резали
чем-то острым...

— Да,— нахмурился Кастело.— Мы здесь не первые.

Он оторвал от дубовой бочки без обручей несколько клёпок.

— Наше оружие,— пояснил он,— в случае чего...

За работой мальчики согрелись, забыли про голод, а бодрый, уве-
ренный тон Кастело развеивал страх и уныние. Но когда они усьелись за
своей баррикадой, невольно прислушиваясь ко всем шорохам и скрипам,
им стало снова не по себе. Кастело пересчитал спички.

— Осталось одиннадцать штук. Надо экономить...

— Ой, как же хочется есть! — жалобно сказал Бенту, и по тому, как
он сказал это, Хиль понял, что самый маленький их товарищ уверовал
во всемогущество Кастело. Он тоже подумал: «А может, у него остался
хлеб?»

— А ты старайся об этом не думать! — посоветовал Кастело.— Спи,
малыш. Мы с Хилем подежурим.

Он снял с себя рваную курточку и накрыл ею Бенту. Хиль был поль-
щён тем, что Кастело — такой бесстрашный и находчивый — обращается
с ним как с равным... И, мучимый голодом, мужественно решил не го-
ворить об этом. Бенту затих.

— Интересно знать,— помолчав, сказал Кастело,— кому понадоби-
лось загнать нас на эту старую посудину... И что это за посудина?

— Это фрегат «Дон Фернандо»,— ответил Хиль.

— Вот ещё! Откуда ты знаешь!

Хиль рассказал о ночных голосах на реке Тежу и всё, что он знал
о фрегате.

— Да, но где же те, другие?

И от этого простого вопроса Хилю стало жутко. В самом деле, где
те, другие? Где тот мальчик, плач которого он слышал тогда, стоя с дя-
дюшкой Мендеса на берегу Энтрадо? Где тот мальчик, чью изгрызан-
ную кепку нашли они в углу трюма среди старых ящиков и бочек?

Ребята невольно замолчали, прислушиваясь и сжимая в руках своё
нехитрое оружие... Но было тихо...

— Как гадок... этот Жулиу...— сказал Хиль.— И как он питит!

— Все они такие,— с презрением отвечал Кастело.— Знаю я их...

Совсем недавно Хиль знал о «них» только от матери, дядюшки Мен-
деса, тётки Марианны. «Они» — это те, кто предал и арестовал отца;
«они» — это хозяева фабрик, на которых работала мать; «они» — это
люди, которые стреляли в грузчиков во время забастовки... Теперь он
сам узнал «их»... «Они» — приобрели внешность и голос. Это аббат со

сладким лицом и железными пальцами, и дама с веером, и господин с сигарой, и офицеры с американского корабля, и начальник полиции, и свирепый легионер, и морщинистый Жулиу... Все, кто оторвал его от матери и бросил в трюм «Дон Фернандо». «Они» — его враги... Вот и Кастело тоже знает «них»...

— Ты не сердись, Кастело... ты давно... вот так... — не решаясь спросить прямо, сказал Хиль.

— Хожу по улицам и протягиваю руку? — догадался Кастело.

Он повернулся к товарищу и приблизил к нему лицо.

— Отец мой был матросом, — в словах Кастело звучала гордость. — Ух, если бы ты знал, Хиль, какой он был сильный и смелый! Он участвовал в восстании на лиссабонском рейде, это когда в Испании война была... Мне тогда год всего было, мать потом всё рассказала... Отца ранило... Пять лет он отсидел в крепости. Вернулся, и через два месяца умерла мать — тяжело ей достались эти пять лет...

Голос у Кастело дрогнул.

— Во флот отца не взяли, — продолжал он, — но матрос он был хороший, устроился на торговый парусник, и с шести лет стал я с ним ходить по морю... В Фуншале был — вино оттуда возили, в Лоанду ходили за грузом кофе, в Бейру — возили продовольствие. Вот тогда я научился всему: и снасть травил, и по вантам на марс взбирался через «собачью дыру», и в «вороньем гнезде» часами сидел, и любые узлы научился вязать...

В дальних углах трюма слышались шорохи. Кастело приподнялся. зажёг спичку... Шорохи прекратились.

— А потом? — тихо спросил Хиль.

— А потом... — Кастело с силой бросил догоревшую спичку в тёмный угол, — такое было, что вспоминать тяжело... Матросы на паруснике только и говорили о русских, о Сталинграде... Ну, ты, конечно, маленький был совсем, ничего не помнишь...

— Ну, и что же, — обиделся Хиль, — я на пристань бегал каждый день, еду носил отцу... и всё слышал, что грузчики говорили... Там в России есть такая река большая, как Тежу, — начал он объяснять Кастело, — и там русские утопили десять миллионов фашистов...

— Ну, десять! — возразил Кастело. — Их всего столько во всём мире: пять утопили, а пять ещё осталось...

— Много ещё! — вздохнул Хиль. — Ну, а дальше что было?

— Дальше — вот что. На судно погрузили пшеницу и фрукты, и хозяин велел всё это везти в Барселону, будто испанцам... А в Барселоне на судно пришли принимать груз немцы. Отец собрал экипаж и сказал: «Салазар подкармливает Гитлера, которого бьют русские... Неужели мы, португальские матросы, будем помогать фашистским собакам... У нас, в Португалии, немало голодных ртов, которые имеют больше права на эти фрукты и пшеницу»... Ну, здорово, Хиль, всё это было... Немцев прогнали с парусника... А ночью отец и несколько его товарищей исчезли с

судна... С тех пор я его и не видел. Капитан и меня хотел ссадить на берег, но команда не позволила...

Шорохи в углах трюма возобновились с удвоенной силой. Они сопровождались противным писком, который раздавался всё громче и громче.

— Ну вот, началось,— сказал Кастело,— крысы проснулись, значит скоро рассвет.

Он взял одну из клёпок и швырнул её в угол.

Что-то шарахнулось там и угомонилось.

— Ты не боишься? — спросил Хиль и плотнее прижался к Кастело.

— Они злые,— ответил тот.— На паруснике нашем был случай: собаку пустили в трюм, они её загрызли...

— А людей... не трогают? — нерешительно спросил Хиль.

— Не знаю... не слышал...— ответил Кастело. И вдруг засмеялся: — Я так думаю, что аббат или легионер похуже крыс!

— Рассказывай дальше,— попросил Хиль.

— Рассказывать-то нечего. Четыре года жил в деревне, у дяди. Ну, как мы жили — лучше не говорить. Своей земли не было. Ходили на подёншину к сеньорам обдирать маисовые початки, собирать маслины, сторожить чужой урожай... Не помню такого дня, чтобы я был сыт... Семья у дяди большая, ну я и ушёл в город... Где попросишь, а где и... Бенту спит,— оборвал он рассказ,— бедный малыш, он раньше нас вышел на площадь Дон Педро... А у него и отец и мать есть.

Они помолчали.

— А в той стране, где Сталин, такие ребята, как мы, ходят в школу! — без видимой связи с предыдущим сказал Кастело.

Хиль, сомкнув тяжёлые веки, пытался представить себе страну Сталина и ребят, идущих в школу... Это было очень трудно: ведь ни одного часа Хиль не учился в школе и не умел ни читать, ни писать... «Хорошо бы хоть на день попасть в эту страну... с матерью... с дядюшкой Мендеса... с Кастело...» И ему представляется, что все они сидят в лодке, и Кастело в матросской форме гребёт, и они едут по Тежу... но это не Тежу, это русская река... Волгу, нет, Воуга... и в Португалии есть Воуга...¹ А на берегах растут огромные рожковые деревья, и бананы с широкими листьями, и апельсиновые деревья с оранжевыми плодами, и оливковые с изогнутыми ветвями... И они не огорожены. «Скорей! — кричит дядюшка Мендеса.— Нас догоняют...» Мать прижимает Хилья к себе... Хиль слышит барабанную дробь — это круглолицый с усиками... Играют трубы — это американцы... Хиль оглядывается, лодка с людьми догоняет их, на носу её стоит аббат, он навёл на Хилья молитвенник и щёлкает застёжкой, как фотоаппаратом... Лодка ближе, ближе, и это уже не молитвенник, и не фотоаппарат, это фонарь Жулиу, и он сам что-то пищит над ухом — всё громче и громче...

¹ Река Воуга берёт начало в горах Серра да Лапа и впадает в Атлантический океан.

— Хиль, проснись! — Кастело держит перед его глазами зажжённую спичку.— Проснись... опять крысы!

Хиль вскочил, сжимая в руках доску. Рядом с ним, протирая заспанные глаза, стоял Бенту.

Нет, это уже были не просто шорохи... Всё что находилось в этом тёмном корабельном трюме, казалось, скрипело, трещало, ворочалось, будто и стены, и ящики, и бочки пришли в движение, и всё пищало, визжало, скреблось, грызлось...

Кастело нашёл дощечку потоньше и зажгёт. Огонь от неё осветил его бледное от волнения лицо.

То, что они увидели, заставило их похолодеть. Десятки, а может быть, и сотни огромных крыс с необыкновенным проворством бегали взад-вперёд по трюму... Они были темнобурые, и светлобурые, и грязно-седые. Крысы взбегали, словно по лесенкам, на ящики, на бочки, на стены, высоко подпрыгивали... Несколько десятков крыс переплелось хвостами, образовав сплошной узел, будто это был клубок змей, и вся эта озлобленная крысиная орава, не в силах разъединиться, металась, кружилась в диком танце. Из десятков крысиных глоток вырывался отвратительный, режущий сердце писк...

У маленького Бенту в ужасе округлились глаза. Хиль до боли в пальцах сжал свою доску... Огонь погас... Стало ещё страшней...

— А вдруг?

— Не будем их трогать,— сказал Кастело.— Сидите тихо.

Ребята опять уселись за ящиками, тесно прижавшись друг к другу.

Крысы бегали вокруг ящиков, царапались о них когтями, грызли дерево острыми зубами...

Спустя некоторое время мальчики услышали как что-то взметнулось в воздух и затем мягко шлёпнулось на доски ящика...

Кастело торопливо чиркнул спичкой.

В полуметре от них, спружинив на толстых лапах, недвижно сидела крупная крыса с серовато-белой грудью. Длинный, почти совершенно голый, как прут, хвост она свернула буквой «с», и на нём отчётливо видны были частые чешуйчатые кольца. Сероседые пучки волос торчали над круглыми злыми глазками, другие образовали редкие усы над челюстью. Уши были круглые, сплюснутые, мясистые. Крыса словно собиралась прыгнуть и только не могла ещё выбрать жертвы...

Кастело со всего размаху ударил доской по толстому звериному чепу. Крыса отчаянно взвизгнула и свалилась с ящика на пол...

Тотчас же десятки сородичей набросились на неё, послышался хруст, и через несколько секунд от неё остались только шкурка и кости.

Кастело дотронулся до ворота рубашки. Хиль закрыл глаза, маленького Бенту начало тошнить...

И вновь десятки крыс с писком ринулись к ящикам... Одна из них пробралась в щель между ящиками, укусила Бенту в ногу и ускользнула.

Кастело и Хиль изо всех сил стали стучать досками о железную дверь. Им казалось, что они теряют последние силы...

„Так вот где ты, Жулиу!“

Центр города — от торговой площади до Авенида Парка — был в этот поздний час расцвечен электрическими огнями. Расфранчённые дамы, угодливо улыбающиеся, португальские офицеры в крикливо-яркой парадной форме разгуливали под руку с пьяными американскими моряками.

Над порталом одной из гостиниц огромные неоновые буквы возве-

щали: «Гость, здесь ты найдёшь американский сервис»¹. Реклама у одного из ресторанов взывала: «Американец, зайти, здесь ты поужинаешь, как дома!»

Американцев не надо было уговаривать: они и так чувствовали себя «как дома»: фамильярно хлопали прохожих по плечу, пускали в лицо дым дешёвых сигарет, бесцеремонно сплёвывали на мозаичные тротуары древнего Лиссабона. Возле театра Донны Марии группа гоготавших американцев насильно потчевали какого-то седовласого господина жевательной резинкой. Он вырывался, по лицу его текли слёзы, но американцам было только смешно... У ярко освещённого входа в Авенида Парк Мендеса чуть не угодил в свалку: толпа португальцев отбивала у «гостей» громко кричащую девушку. Сжимая кулаки, старый грузчик прошёл мимо! Он не имел права рисковать.

«Куда же девался мальчишка?» — думал со всё нарастающей тревогой Мендеса. Он обошёл кино, кофейни, магазины, бары, кафе, куда только его пускали... Ну, а куда не пускали, там, рассуждал он, вряд ли мог очутиться и мальчишка!

Возле всех этих заведений вертелось, несмотря на поздний час, немало оборванной и голодной детворы, которой доставалось больше ударов и проклятий, чем монет, и которая моментально разбегалась при появлении полицейских. Хиля нигде не было.

«Остаётся предположить самое скверное», — подумал Мендеса, свернув на боковую улицу и отдаляясь от центра.

Только что пробило полночь.

По узкой тёмной лестнице Мендеса поднялся под самую крышу и постучался в низенькую некрашеную дверь. Ему пришлось подождать.

— Это я — Мендеса, — сказал он, услышав грузные шаги за дверью, — отвори, Антониу.

— Что случилось, старина?! — человек лет тридцати, в белой рубашке, открывавшей загорелую мускулистую грудь, провёл ночного посетителя в небольшую комнату с округлыми низкими сводами. — Или дядюшка Мендеса тоже встречал янки?

— Как же, — в тон ему ответил старик, — любовался, как они пихают в рот португальцам свою жевательную резинку... Кстати, нет ли у тебя табачку, Антониу?

Антониу достал с полочки, прибитой над простой железной кроватью, жестяную коробочку и протянул её Мендеса. Он внимательно, чуть улыбаясь, следил за тем, как старик набивал трубку, как он нетерпеливо зажигал её, как с наслаждением делал первые затяжки, выпуская густые облака сизого дыма. Между тем Антониу говорил:

— Подходит наша очередь, старина. Довольно с нас английских фабрикантов, немецкой военщины, американских торгашей...

¹ Сервис — по-английски — обслуживание.

Антониу свернул папироску и тоже закурил.

— Видишь ли, Антониу,— отвечал, попыхивая трубкой, Мендеса,— все простые люди хотят справедливости, свободы, работы... А их угощают тюрьмой, голодом, безработицей... Многие рассуждают: «У нас в Португалии сотни лет было так и всегда будет так!!»

— А на это, дядюшка Мендеса, надо отвечать просто: «В России уже 33 года «не так». И в Китае уже «не так». И в Чехословакии «не так»... А там тоже народы сотни лет бедствовали... Простые люди уже понимают, что если дать волю американцам, то земной шар перестанет быть шаром: его продырявят атомными бомбами... А Салазар заявил: в новой войне Португалия будет вместе с Америкой... Не зря «гостят» янки в Лиссабоне... Вспомни, Мендеса, слова Энрика Рибейру: «С двух концов надо гнать эту банду. Корея, Китай, Вьетнам — на том конце, Португалия — на этом. Там неплохо начали, надо кой-кому дать хорошего пинка и на нашем конце»...

Антониу говорил с такой спокойной силой, с такой твёрдой убеждённости, что старый грузчик даже чуть двинул ногой, будто уже давал «кой-кому» пинка...

— Неужели, старина,— спросил Антониу,— только за табаком ты и отмахал две лиги от «Жестяного»... да ещё в такую пору?

— Нет,— ответил Мендеса.— Вчера ты обещал собрать среди ребят двести эскудо для семьи Энрика Рибейру. Сегодня ты должен помочь найти его сына...

...Через десять минут они уже шагали по улицам Лиссабона.

— Я слышал об этом ещё до того, как нам рассказали матросы,— говорил дорогой Антониу.— Слухи об этом ползут по кварталам бедняков... Нет такого преступления, на которое не была бы способна шайка Салазара...

— Может быть, Антониу, нам прихватить ещё кого-нибудь из наших? — сказал, замедляя шаги, Мендеса.— Не очень-то ласково нас встретят!

— Не стоит пока втягивать в эту историю других,— возразил его спутник.— Мы будем осторожны.— Он добавил с лукавой усмешкой в голос: — Кулаки двух грузчиков чего-нибудь да стоят, как думаешь, старина?

«Да, на Антониу, как всегда, можно положиться», — подумал Мендеса. Он расправил плечи, вспомнив, как во время прошлогодней забастовки они оба молотили фашистских легионеров... А вслух сказал:

— Завернём в «Жестяный», может, мальчишка вернулся... Всё равно по дороге.

— Хорошо,— согласился Антониу,— но не забудь, что там могут быть другие... Я не успокоюсь, пока не обшарю это логово...

Надежда дядюшки Мендеса не оправдалась: Хиль не вернулся.

— Невесело живёте! — Антониу покачал головой, осматривая лачугу Мендеса.

— Погоди, сынок,— заметила тётка Марианна,— обзаведёшься семьёй, тоже переберёшься в такую «виллу».

К Рибейру они решили не заходить, чтобы не тревожить бедную женщину.

— Не спит, всё плачет и плачет,— вздохнула жена Мендеса.

Выйдя из лачуги, грузчики направились берегом Энтрадо.

— Тут, по соседству, у знакомого рыбака возьмём лодку,— объяснил Мендеса,— бедняк бедняку не откажет.

Через час, бесшумно скользя по тёмным водам Тежу, они приблизились к «Дон Фернандо».

Объехав вокруг погружённого во мрак фрегата, они убедились, что никто не позаботился о том, чтобы помочь им взобраться на борт корабля. Мёртвая тишина стояла на его палубах. Только из глубины трюма раздавались какие-то слабые звуки, будто женщины колотили бельё на реке... Друзья переглянулись.

— Так,— сказал дядюшка Мендеса,— что трапа нам не спустят — мы предусмотрели.

Он достал со дна лодки бухту¹ толстого каната и проворно разматал его. Один конец каната был снабжён большим железным крюком.

— Рискнём?

Антониу кивнул. Старик ловко, сильным движением метнул конец каната с крюком вверх — в темноту. Спустя секунду они услышали стук. Оба замерли... Мендеса быстро и вместе с тем осторожно, производя какие-то хитроумные маневры, подтягивал канат.

— Зацепился! — облегчённо сказал он. — А вот выдержит ли эта гниль? — ткнул он пальцем в обшивку корабля.

Не говоря ни слова, Антониу обхватил руками канат и, упираясь ногами о борт, поднялся вверх. Мендеса услышал его шёпот.

— Давай, старина!

Они оказались на верхней далубе корабля, где-то в средней части — на шканцах.

Антониу зажгёт карманный фонарик. Следуя за лучиком, они начали обход корабля. Везде их встречала тишина, следы разрушения. С берега, не смотря на свои «сухие мачты»², фрегат «Дон Фернандо» казался более сохранившимся. Здесь же весь процесс медленного умирания корабля был перед глазами. Обломки рангоута, вместе с обрывками такелажа, лоскутьями парусины и всяким мусором, валялись на всей палубе — от бака до юта³. В самой палубе там и сям зияли широкие расщелины и проломы. И ни единой души!

Они остановились у люка с неровными исщеплёнными краями.

¹ Бухта — круг сложенного витком каната.

² «Сухая мачта» — мачта без своих частей — реев, стенок, которые объединяются общим словом «рангоут».

³ Бак и ют — носовая и кормовая части верхней палубы.

— Чёрт возьми! — воскликнул Мендеса. — Похоже, что мы ошиблись и только зря тратим время... Здесь никого нет!

— Надо в этом убедиться, — возразил Антониу. — Там, внизу, был какой-то шум... Спустимся?

По трапу без поручней и без многих ступенек они проникли во внутреннее помещение фрегата. Отовсюду несло плесенью, прелью гниющего дерева. Что-то живое несколько раз пробежало меж их ногами... Они медленно шли узкими коридорами, освещая дорогу фонариком.

— Слышишь? — Антониу остановился. Откуда-то доносился сиплый носовой посвист, прерываемый невнятным тонкоголосым бормотанием.

— Здесь, — определил Мендеса.

Стараясь не шуметь — это было очень трудно, так как всё скрипело под ногами, — они подошли к дубовой двери без ручки. Антониу нажал плечом. Дверь не поддавалась. Он нажал сильнее, и дверь с треском вылетела. Мендеса, входя, нащупал в кармане свой складной нож. Антониу навёл луч фонарика в ту сторону, откуда слышались посвист и бормотание...

На широкой деревянной скамье, подстелив под бок растрёпанный пробковый матрац и под голову грязную блинообразную подушку, спал, прямо в одежде и сапогах, человек с морщинистым лицом и длинными обезьяньими руками. Рядом на табурете стояло несколько объёмистых бутылей из-под вина, лежала пачка американских сигарет, остатки еды... Смешавшиеся запахи вина и табаку спирали дыхание.

Луч фонаря вторично осветил лицо спящего и застыл. Через плечо товарища впился глазами в длиннорукого тюремщика дядюшка Мендеса.

— Так вот где ты, Жулиу! — закусив губы, сказал Антониу. — Это он, — молодой грузчик повернулся к Мендесе.

— Да, это он! — тихо, с расстановкой, произнёс старик, и в глазах его Антониу прочитал то же, что в своём сердце: гнев и решимость. Он обыскивая, провёл рукой вдоль тела спящего, потом зашарил под подушкой и вытащил оттуда пистолет. Проверил его. Всё это было делом нескольких секунд.

— Всё ясно? — спросил Антониу своего спутника.

— Всё, — ответил тот.

Антониу взял Жулиу за ворот рубашки, сильно встряхнул его.

— Вставай, приятель!

— Не бойтесь, крошки! — пискливо забормотал «приятель». — У Жулиу самый лучший портвейн... из «страны вина»¹...

Антониу одной рукой приподнял Жулиу и посадил его на скамью с такой силой, что даже у Мендесы заныли кости.

— Ну-ка, приятель, возвращайся из «страны вина»!

— Эй, полицейские дьяволы! — взвизгнул спросонья тюремщик. — Что там ещё!

¹ Так называется часть долины Доуру, славящаяся своим вином (по-португальски — Паиш-да-Винью).

— Слушай, сеньор Пискун, — приблизив к нему лицо и освещая и его и себя фонариком, сказал Антониу, — где ты прячешь ребят?

Грузчики видели, как трезвели глаза Жулиу, — сперва в них было раздражение, затем оно сменилось беспокойством, и, наконец, глаза выразили звериный страх.

— Антониу! Мендеса!

— Да, приятель... Пришлось-таки встретиться... В хорошую дыру ты забрался... Отвечай: где ребята?!

Длинная рука Жулиу, как краб, поползла к подушке.

— Какие ребята? — выигрывая время, говорил он. — Что вы, сеньоры, я тут совершенно один...

— Не ищи, — сказал Антониу, — там ничего нет...

Мендеса прислушался: снизу, из глубин корабля, доносился глухой шум.

— Там что? — спросил он, с ненавистью глядя на Жулиу. — Встряхни-ка его ещё разок.

Антониу схватил тюремщика за ворот и легко оторвал от скамьи.

— Вот что, негодяй, я размозжу твою голову о стенку... Думаю, что старый фрегат выдержит этот удар.

Жулиу понял, что с ним шутить не собираются.

Он повёл их вниз — по бесконечным узким коридорам и шатким скрипучим трапам. Так дошли они до железной двери. Она глухо звенела под чьими-то ударами. Мендеса услышал крик. Это был голос Хилья.

— Открывай скорей, слышишь! — с яростью воскликнул старый грузчик.

— Что ты там возишься? — торопил в свою очередь Антониу.

Жулиу медлил, гремя замком. Пропищав: «Ключ, куда девался ключ?!», он нагнулся, шаря у двери рукой, а когда выпрямился — в руках у него сверкнул длинный изогнутый кинжал, видимо, до того торчавший у него за голенищем. Мендеса отшатнулся. Но Антониу хорошо знал, с кем имеет дело. Занесённый кинжал повис в воздухе, пальцы тюремщика разжались, а рука плетью повисла вдоль туловища.

— Всё, — сказал Антониу, — эта рука теперь надолго безвредна... Мендеса, возьми у него ключ...

Тяжело, с тягучим скрежетом растворилась железная дверь, и прямо на руки Мендеса упал бесчувственный Бенту. Таща Хилья за руку, выбежал Кастело.

→ Закройте, — выкрикнул он, — там крысы!

Мендеса сделал движение, намереваясь втолкнуть в отверстие Жулиу. Тот в ужасе попятился.

— Нет, — сказал Антониу, — с ним разговор ещё не закончен.

Мендеса захлопнул дверь, и тотчас же раздались частые мягкие шлепки — это бились о железо разъярённые, обезумевшие от голода крысы

„Мы будем бороться!“

Мендеса нёс маленького Бенту на руках. Хиль шёл рядом, крепко вцепившись в куртку своего избавителя.

— Дядюшка Мендеса, дядюшка Мендеса! — ещё не веря своему счастью, повторял мальчик. Кастело сопровождал Антониу, который почти волочил за собой гнусного тюремщика.

Они вернулись в каюту Жулиу.

Старый грузчик осторожно уложил бесчувственное тело мальчика на скамью, зажёл керосиновый фонарь, стоявший на стуле. В одной из бутылок осталось немного вина, он влил Бенту сквозь стиснутые зубы несколько капель.

Мальчик очнулся, но его лихорадило, он не мог даже поднять голову — и голод, и недомогание, и пережитые волнения совершенно обессили его. На ногах у него были следы укусов. У Кастело рана на руке. Хиль не пострадал в поединке с крысами, но щека, разбитая молитвенником, вспухла и ныла...

— Негодяи, что они сделали с малышами!

Антониу скинул плащ, пиджак, снял с себя рубашку, разорвал её

на полосы и стал перевязывать раны на ногах Бенту. То же самое он проделал и с рукой Кастело.

Жулиу, стоявший в углу, наблюдал за ними злобным и трусливо-заискивающим взглядом.

— Есть ещё дети на фрегате? — спросил его Антониу.

— Нет, сеньор, — поспешно ответил тюремщик.

— Опоздай мы хотя бы на час, — сказал Мендеса, — и эти твари растерзали бы детей...

— Ну нет, сеньоры, — храбро ответил Кастело, — мы бы ещё продержались!

Антониу, надевая пиджак, пристально посмотрел на мальчика. Смелое лицо Кастело ему понравилось.

— Скоро рассвет, Антониу, — напомнил Мендеса, и в голосе его прозвучал вопрос: «Что же дальше?»

Антониу сел на скамью, вспорол кинжалом подкладку пиджака и вытащил небольшую записную книжку с чехольчиком, из которого выглядывал круглый карандашик.

— Когда фрегат был превращён в тюрьму для детей? — спросил он Жулиу.

Тот съёжился под его взглядом и угрюмо ответил:

— Два месяца назад...

— Давно ты переключился на детей? — вмешался Мендеса, с презрением глядя на Жулиу.

Тюремщик молчал.

— Мендеса спрашивает, сколько времени ты... служишь на фрегате? — пояснил Антониу, ударив остриём кинжала по записной книжке.

Жулиу посмотрел на его руку и проглотил слюну.

— Что вы собираетесь со мной делать, сеньор Антониу? — скривив лицо, пропищал он.

— Отвечай на вопрос: давно ли ты сторожишь детей?

— С первого же дня...

— Так. Сколько прошло детей сквозь твои руки?

— Не помню... Много...

— А сколько ты уморил, гадина? — снова вмешался Мендеса.

Жулиу не ответил. Лицо его перекошилось.

— Списки есть? — спросил Антониу.

— Нет... Учёт ведётся в полицейских участках...

— За какие преступления попадают сюда дети?

— Генерал Салазар приказал, чтобы на улицах Лиссабона не было нищих. А особенно детей...

— Что же, — зло усмехнулся Мендеса, — он посылает их сюда на поправку?

— Их держат несколько дней на фрегате, чтобы отбить охоту нищенствовать... — ответил Жулиу.

— Конечно, это проще, чем дать их родителям работу! — Мендеса

был вне себя от негодования.— Чтобы твоего Салазара!..— и он замысловато выругался.

— Подожди, Мендеса,— усмехнулся Антониу,— кому ты говоришь это? Нам надо знать вот что: куда переправляют детей с фрегата?.. Что же ты молчишь? Или ты хочешь, чтобы я ещё разок встряхнул тебя?

— У полиции есть договор,— угрюмо ответил Жулиу,— с кем — не знаю... В общем, их отправляют на работы, в деревню...

— Полиция Салазара поставляет даровую рабочую силу помещикам... Понятно, Мендеса?

— Ещё бы не понятно! — сжимая кулаки, воскликнул старый грузчик.

— Теперь ответь на вопрос Мендеса,— жёстко сказал Антониу,— сколько детей погибло на фрегате?

Жулиу мялся.

— Отвечай! Я кое-что знаю...

— Сеньор Антониу, я не виноват...— заскулил тюремщик, и морщинистое лицо его стало ещё более отталкивающим.— Два дня назад привезли одного попрошайку... одного мальчишку,— поправился Жулиу,— ночью он умер, наверное, от истощения... Он был в трюме один... Ну, и крысы... Они бы и до меня добрались, если бы не битое стекло по всем углам...

Боль, отвращение, ненависть отразились на лице Антониу. Мендеса в ярости схватился за кинжал, который держал Антониу. Антониу отвёл его руку. В течение всего разговора с Жулиу он что-то вносил в свою записную книжку. Вырвав из неё исписанный листок, он протянул его Жулиу.

— Подпишись. Это твои показания.

— Сеньор Антониу!

— Подпишись! — повелительно сказал молодой грузчик.

— Подпишись! — процедил сквозь зубы Мендеса.— Пока у тебя ещё действует одна рука.

— Подпишись! — прерывающимся голосом сказал Кастело. Его большие чёрные глаза блестели от возбуждения.

И Жулиу подписал.

— Теперь слушай,— Антониу кивнул на Хиля.— Фамилия этого мальчика — Рибейру.

Взгляд, который тюремщик бросил на Хиля, трудно передать словами.

— Я не знаю, как зовут детей, которых мне привозят,— пробормотал он, — мне не говорят... Мне приказывают — я исполняю.

— Конечно,— отчеканил Мендеса,— тебе важно одно: хорошая плата за твою подлую работу...

— У предателей хорошая память,— сказал Антониу.— Ты должен помнить фамилию Рибейру.

Хиль смутно начинал сознавать, что происходит очень важный, ка-

сающийся его разговор, что этот длиннорукий человек с отвратительным морщинистым лицом сыграл в жизни их семьи какую-то зловещую роль...

— Год назад, — продолжал Антониу, — ты, Жулиу Барбоза, — полицейский ищейка, поступил на «работу» на пристань Санта Аполлония... Ты пытался проникнуть в нашу организацию, но мы разгадали, с каким негодяем имеем дело... Ты вынюхал, что Энрике Рибейру — наш вожак, и спровадил его на острова Зелёного мыса... Спустя год ты хотел умертвить его сына...

«Так вот, кто тот негодяй, который предал Энрике», — маленький Хиль крепко помнил эти слова, часто повторяемые дядюшкой Мендеса. Хиль не мог разобраться в новом чувстве, которое зрело сейчас у него в сердце, он не знал, что это чувство называется словом: ненависть.

— Жулиу Барбоза, — говорил Антониу, и слова его звучали, как приговор. — Не одно только предательство на твоём счету. Ты отдавал детей на съедение крысам. Этим кинжалом ты хотел убить меня и Мендеса... Ты совершил столько злодеяний, сколько морщин на твоём лице...

— Что вы собираетесь делать со мной, — трясаясь, пропищал Жулиу...

— Мендеса, — распорядился Антониу, — отнесите Бенту в лодку. Кастело, соберите, сколько найдёте, сухой щепы, палки, бумаги, Мендеса вам укажет, как и где сложить всё это... Ждите меня наверху. Мне надо закончить разговор с Жулиу Барбоза...

Мендеса медлил, выразительно смотря на своего товарища. Кастело и Хиль переводили взгляд с одного на другого... Они догадывались, каков будет «конец разговора».

— Идите же! — приказал Антониу. — Уже начинает светать...

Они подымались по трапу на верхнюю палубу, когда услышали за спиной сухой треск и приглушённый крик. «Разговор» был окончен...

Мендеса, с помощью Кастело, спустил Бенту в лодку по найденной им в каюте тюремщика верёвочной лестнице.

Затем они, при участии Хилия, разбросали по всему кораблю большими кучами всё, что могло гореть; присоединившийся к ним Антониу облил эти кучи керосином из фонаря Жулиу и поджёг...

Когда они сели в лодку, Антониу был бледен. Глубокая морщина обозначилась у него на лбу...

— Он заслужил это, Антониу, — сказал Мендеса, бесшумными и сильными ударами вёсел отгоняя лодку всё дальше и дальше от фрегата...

— И он вас выдал бы, сеньор, — тихо сказал Кастело, — поверьте, вы здесь нужнее, чем на Островах...

* * *

Когда лодка пристала к берегу Энтрадо, огонь языками выбрасывался со всех бортов и амбразур корабля... Всё выше и выше поднимались фонтаны огня... Старый фрегат горел хорошо...

— Не плохая иллюминация в честь американцев,— сказал Мендеса. Он держал Бенту на руках, и мальчик доверчиво прильнул к старому грузчику, обвивая его шею худыми ручонками.

— Вся Португалия похожа на этот старый мрачный фрегат,— сказал Антониу, не отрывая глаз от горящего корабля.— Страна нищих и тюремщиков.

— И отважных, смелых людей,— с нескрываемым восхищением, смотря на Антониу, сказал Кастело. Грузчик положил ему на плечо руку.

— Смотрите, смотрите,— вскричал Хиль.

Вода пенилась вокруг корабля.

— Бегут крысы... Те самые...— сказал Кастело.

— Наступит время,— произнёс Антониу,— и мы зажжём другой пожар... И со старого, прогнившего корабля Салазара полетят, как крысы, все тюремщики португальского народа, вместе с их хозяевами... Мы будем бороться за мир, демократию, социализм.

— Да, Антониу! — сказал дядюшка Мендеса.— Мы будем гнать эту шайку с двух концов... Как говорил Рибейру.

— И я с вами! — воскликнул Кастело, заглядывая в лицо Антониу.— Поверьте мне: я их не боюсь!

— Я в этом не сомневаюсь, парень! — просто ответил Антониу.

— Что ты думаешь сделать с показаниями Жулиу? — спросил Мендеса.

— Они будут опубликованы в «Аванте»¹... Они станут известны всему миру, всему человечеству.

Антониу посмотрел по сторонам.

— Собирается народ, надо убираться восвояси...

В самом деле, из лачуг «Жестяного района» выбегали мужчины, женщины, дети, привлечённые необычным зрелищем. Фрегат был весь уже объят пламенем.

— Хилья я отведу домой, Клотильда, наверное, обезумела от горя,— сказал Мендеса,— а Бенту побудет у меня, потом переправим его к родителям... Что касается Кастело...

— Я пойду с вами, сеньор... товарищ Антониу,— сказал мальчик.— Я должен быть с вами! Разрешите?

— Пойдём... товарищ Кастело,— серьёзно ответил грузчик.— У меня найдётся для тебя и пища и постель...

— Мы ещё встретимся! — отойдя несколько шагов, помахал Хилью рукой его новый товарищ.

И он зашагал рядом с Антониу берегом реки, мимо обрызганных рассветом оливковых рощ и апельсиновых садов...

¹ «А в а н т е» — выходящая нелегально газета португальской коммунистической партии.

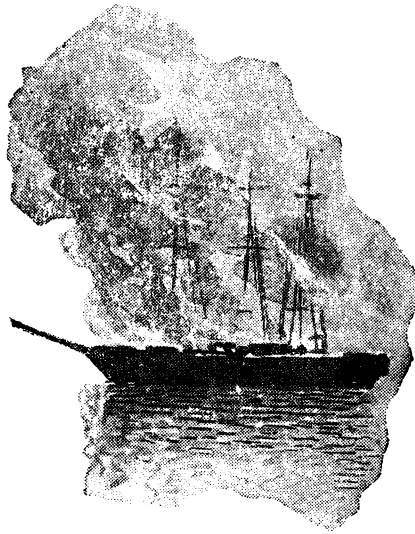
А на середине залива, освещая багровым заревом серые суда американской эскадры, пылал фрегат «Дон Фернандо» — страшная тюрьма для детей португальских бедняков...

Ребята!

Мы уже говорили вам о письме португальской работницы, напечатанном в газете «Труд» 6 апреля 1950 года. В другом письме той же работницы, опубликованном в газете «Труд» 26 августа 1950 года, сообщается следующее: «...Один товарищ, посетивший Лиссабон, рассказал мне, что там полиция арестовывает ребятишек, которые просят милостыню, и вывозит их на старый (существующий уже более ста лет), кишасший крысами фрегат «Дон Фернандо».

В числе этих сотен несчастных детей и были Хиль, Кастело и Бенту, с судьбой которых вы познакомились.

Автор.

ХУА ШАНЬ

Из рассказов о войне китайского народа против японских захватчиков

С китайского перевёл А. Г. Гатов.

Хуа Шань—современный писатель Китая, коммунист, активный участник народно-освободительной войны. Печататься он начал ещё в тридцатых годах, помещая свои рассказы в передовых журналах и в партийной печати. За последние годы опубликован ряд его очерков о новых людях свободного Китая, издано несколько сборников рассказов и крупных произведений.

Рассказ «Письмо с петушиными перьями» написан Хуа Шанем ещё летом 1945 года, был издан в Яньани, после чего переиздавался несколько раз в разных концах Китая. Маленький партизан Хай-ва стал самым популярным героем среди молодёжи Китая.

Рассказ переведён для нашего сборника советским писателем А. Гатовым.

Пионерский вожак

В этом году Хай-ва исполнилось четырнадцать лет, шесть из них он пасёт овец.

Сначала Хай-ва пас овец вместе с отцом. Потом отцу было уже не до овец. Он вскинул на плечо винтовку и пошёл на железную дорогу бить японцев. Отец стал разведчиком партизанского отряда.

Хай-ва в своей деревне Лунмыньцунь пионерский вожак. Каждый день, вооружившись пикой с красным опереньем на наконечнике, Хай-ва уходит в горы позади деревни. Задача Хай-ва — вести наблюдение.

Лучше всего вести наблюдение с горы Лунмыньшань. Лунмыньшань — «Ворота Дракона» самая высокая из всех гор вокруг деревни.

Хай-ва с утра забирается на неё со своими овцами. Овцы пасутся, а Хай-ва занимает пост. С этого поста очень удобно вести службу наблюдения.

В чём выражается эта служба? Хай-ва наблюдает за тем, что творится в долине, и, если заметит что-нибудь подозрительное, сразу же посылает сигнал «черти зашевелились». Черти — это японские захватчики. Так их называли у нас давно, ещё во время войны. Другого имени им так и не было.

Уже два дня как черти, одно время никуда в сторону от дороги не вылезавшие, опять начали рыскать по окрестным деревням и заниматься грабежом. Вот почему Хай-ва, добравшись до своего поста, сразу же затыкает плеть за пояс и, оставив в руках только красную пику, садится на корточки под низкорослым деревом.

Это дерево — сухое, оно совсем без листьев. Вокруг всё зелено, зреют хлеба, горы сплошь заросли травой, а это дерево как стояло, так и стоит голым. Хоть бы один зелёный росток выпустило! Ни от солнца не укрывает, ни от дождя.

Но Хай-ва весь день сидит на корточках, как раз под этим деревом. Приложив ко лбу ладонь и прищулив глаза, он смотрит на восток. Там расстилается долина.

По долине протекает небольшая речка. Сверкает она, будто серебряная змейка, даже смотреть больно. За речкой — железная дорога. Это с неё Хай-ва и должен «не спускать глаз». Прищурившись, Хай-ва смотрит в её сторону — там видны какие-то серые бугорки. Присмотрись лучше и ты увидишь, что они разного размера: одни побольше, другие поменьше. Отец говорит, что это доты. Доты понастроены чертями. И ещё отец говорит, что эти доты очень большие, сразу десять человек под ними укрыться может, а то и больше. Отец бывает очень доволен, когда его посылают туда партизанить.

Проходит некоторое время, вдруг со стороны Западной горы, словно гром, доносятся один за другим два орудийных раската. Выстрелы приглушены расстоянием. Это японцы «прочищают» китайские базы, а затем грабят.

Внизу, в долине, тихо. Даже половинки какого-нибудь звука — и то не слышно. Солнце медленно склоняется к западу. Глаза у Хай-ва начинают уставать. Но там попрежнему всё тихо и неподвижно.

Вдруг от одного серого бугорка отползла какая-то чёрная точка.

Что бы это? Хай-ва протирает глаза: чёрную точку видно куда лучше. Словно муравей, она крадёт по направлению к горе Лунмыньшань.

Ха! Опять черти вылезли из норы! Здесь ползёт один, там... Хай-ва поспешно укрывается за высохшим деревом, обеими руками обхватывает его ствол и тянет на себя. Раз! — и дерево валится на землю.

Что же случилось? А очень просто. Дерево-то было ненастоящим. Хай-ва сам воткнул его на вершине горы. Такое дерево у нас в деревне называют «Сяосишу» — Дерево-сигнал, значит. Торчит «Сяосишу» на

своём месте — жители деревни спокойны, партизанский постовой на Западнoй горе тоже видит: с этой стороны опасности нет. Но стоит только «Сяосишу» упасть, как все сразу знают: черти из долины собрались в горы за наживой.

Партизанское письмо

В это время на южном склоне горы показывается какой-то человек. Он карабкается вверх по каменистой тропинке.

Этот человек — с винтовкой. Он ползёт всё выше и выше, ни разу не сворачивая с пути.

Каменистая тропинка тянется как раз оттуда, со стороны долины. Никто из деревенских почти никогда по ней не ходит. «Не предатель ли это вооружённый?» — думает Хай-ва.

Но думает Хай-ва недолго. Он торопливо хлопает длинной плетью. Раз, другой, и овцы бегут по склону, толпясь и наскакивая друг на друга, в такие заросли забираются, что их и не увидишь.

И Хай-ва их не видит. Словно ртуть, он проскальзывает между камнями. Хай-ва с головой зарывается под кустом жужуба. Он должен остаться здесь. Его задача — следить, что будет делать этот вооружённый предатель.

Взобравшись на вершину, человек с винтовкой сразу же тихо зовёт: — Хай-ва! Хай-ва!

Хай-ва не решается ответить. Тогда человек с винтовкой зовёт его уже громче:

— Хай-ва! Хай-ва!

На этот раз Хай-ва уже знает, кто его зовёт. Этот человек совсем не предатель. Это отец Хай-ва. И тогда Хай-ва откликается:

— Я здесь!

Хай-ва вылезает из-под жужубового куста. Вся его голова облеплена клейкими листьями.

Отец начинает сердиться.

— Ты чего торчишь здесь? — поднимает он голос. — Караульщик этакий! Черти вот-вот сюда доберутся, а он ползает здесь неизвестно зачем!

— Сам давно вижу, — спокойно говорит Хай-ва. — Смотри! — и он показывает рукой на Дерево-сигнал. — Если плохо караулил, так-таки оно тебе и повалилось бы.

— Тогда зачем прятаться стал?

Теперь наступает очередь Хай-ва сердиться.

— Зачем спрятался? — надувает он губы. — Кто знал, что это ты! А если вооружённый предатель? Тогда как? Кричать?

Но у отца нет времени спорить, он только что вернулся оттуда, из

долины, и у него есть очень спешное дело. Бережно вытаскивает он из-за пазухи письмо и обращается к Хай-ва.

— Ладно! Нечего болтать попусту. Что есть духу беги в Саньван-цунь. Отдашь ротному Чжану. Товарищу Чжану, из штаба.

Это — письмо с петушиными перьями. Из оттопыренного уголка письма торчат три петушиных пера. Хай-ва знает: такое письмо — важное, очень, очень важное. Если одно перо — это ещё ничего; главное — не потеряй его, а как доставить — твоё дело. Если два пера — значит письмо спешное и его надо доставить быстро. А если три пера — тебя уже ничто не может остановить, ни ночь, ни огонь. Такое письмо должно быть вручено как можно скорее, что бы с тобой ни случилось. Петушиное перо — это условный знак. Его хорошо знают все крестьяне в нашей провинции, в Шаньси. Ведь петух по-нашему — цзи, а «цзи» значит «спеши!» Во время войны с японцами такой способ связи был у нас широко распространён.

Увидя письмо с тремя петушиными перьями, Хай-ва забывает всю злость.

— Хорошо, отец,— говорит он.— Я иду.

Хай-ва закладывает палец в рот, издаёт короткий, пронзительный свист — «сюй!» и сразу же следом за ним — длинный: «сю-у-у-у...» Овцы, заслышав свист, с топотом выскакивают из зарослей и сбегаются к нему.

Тогда Хай-ва вытаскивает из-за пояса плетъ и передаёт её отцу.

— На,— говорит он.— Овец придётся тебе домой гнать.

Но отец не берёт плетъ.

— Иди скорее,— наказывает он сыну.— В пути будь осторожен. Если напорешься на чертей, скажешь им, что ты пастух. В долине пастухом служишь, скажешь, у хозяина.

Доставить письмо под видом пастуха — это что-то новое! Сколько раз Хай-ва относил письма, но никогда не гнал впереди себя овец. Наоборот, он всегда отправлялся вооружённый красной пикой. Ведь это — боевое задание.

— Когда же тогда смогу доставить? — спрашивает он отца.— Попробуй, побегу с овцами!

— Доставишь завтра — хорошо. Понял? Завтра. Только не потеряй... Смотри! Черти близко, спеши!

И правда, пока отец с сыном разговаривали, японцы уже успели добраться до подошвы горы и стали карабкаться по каменистой тропинке. Отец быстро вытаскивает из-за пазухи сладкую картофелину и суёт её в карман Хай-ва.

— Поешь по дороге,— говорит он.— Ну, смотри, будь осторожнее.

Он забирает у Хай-ва красную пикку и бежит к опушке. Ещё миг, и отец скрывается в лесу.

Бурдюк старого меринуса

Хай-ва совсем забыл о сладкой картофелине. Он думает только о том, как бы поскорее вывести овец на крутую тропинку.

От горы Лунмыньшань до деревни Саньванцунь, если идти по дороге, наберётся тридцать ли¹, не меньше, а если по этой тропинке, то не будет и двадцати. Хай-ва уже несколько раз относил письма в штаб, и никогда, даже если приходилось идти ночью, с этой тропинки не сбивался.

Только обогнёшь крутой подъём — тут и до Западной горы рукой подать. На самой её вершине тоже торчит «Сяосишу». Солнце скоро сядет за гору. «Сяосишу» чётко выделяется на фоне окрашенных закатом облаков. Дерево-сигнал стоит там, где ему нужно стоять, не шевелится.

¹ Ли — мера длины, составляющая примерно 1/2 километра.

Завидя «Сяосишу», Хай-ва сразу успокаивается. Лихо щёлкая плетью, Хай-ва гонит овец в гору.

И вдруг — «Сяосишу» падает.

Вот беда! И оттуда заметили чертей! Одолеть такой крутой подъём, перевалить гору и — на тебе! Вместе с письмом попасть прямо в руки чертей! Ну, где ты под всем небом найдёшь такого дурака!.. Хай-ва торопливо гонит овец в овраг, ему очень хочется поскорее выбраться в лощину. «Если,— думает Хай-ва,— не вышло по тропинке, пойду по дороге».

Только когда два витка извилистого спуска остаются позади, Хай-ва видит всю лощину сразу. Что же он видит? Далеко-далеко, у самого края лощины, идут люди. И ещё — лошади! Люди идут строем, ряд за рядом. Лошади следом за ними. Восьмая армия? Не похоже. Протри глаза! Не видишь разве: лошади без выюков. Хэ! Можно не сомневаться — опять напоролся на чертей. Ну, конечно, черти отправились грабить.

Что же делать? На Лунмыньшань — черти, на Западной горе — черти, и сюда, в лощину, тоже забрались...

«Бежать»,— думает Хай-ва. Только куда побежишь? Овраг зажат с обеих сторон крутыми уступами, с овцами на них не заберёшься.

«Итти вперёд?» — Но ведь у тебя в кармане спрятано письмо с пестуиными перьями. Письмо, которое обязательно нужно доставить в штаб партизанского отряда.

«Выбросить?» — Нет, нельзя. Письмо важное. Очень, очень важное письмо.

«Спрятать? Верно, спрятать»,— и больше ни о чём не думая, Хай-ва сразу же опускается на корточки и зарывает письмо под придорожным камнем.

Хай-ва хорошо прячет письмо. Ничего не заметно. Он оглядывается вокруг и вдруг вытаскивает письмо обратно. «Не годится»,— снова решает он. Вокруг столько камней раскидано, вернёшься ночью, где его найдёшь...

А японцы всё ближе и ближе к выходу из лощины. Хай-ва торопится.

Зато не торопятся овцы. Они бегут себе и как раз в ту сторону, где вот-вот появятся японцы. Тесно бегут, одна к одной. У одной голова упирается в зад другой, эта трётся рогами о бок той. Жирные, оплывшие салом курдюки свисают, закрывая больше чем наполовину задние ноги; удивительно даже.

Смотрит Хай-ва на оплывшие салом курдюки, и вдруг сердце его так и подскочило: пугун! Хай-ва долго не думает. Два прыжка — и он в самой гуще стада. Ещё один — и вот старый меринос — голова стада — в его руках. Хай-ва цепко обхватывает его за туловище и приподнимает жирный курдюк.

Под курдюком у мериноса чисто, рука так и утопает в длинной

мягкой шерсти. Хай-ва нежно гладит мериноса по спине, потом, незаметно для него, скручивает в тугую нитку несколько шерстинок под курдюком и подвязывает к ним письмо с петушиными перьями.

Только теперь Хай-ва облегчённо вздыхает. Сердце Хай-ва, и не скажешь, как радуется. Зато меринос чем-то озабочен. Письмо с петушиными перьями, подвешенное под курдюком, наверно, здорово мешает ему! Только Хай-ва чуть отпускает руки, как старый меринос сразу же начинает крутить курдюком, вырывается из объятий мальчика и бежит, смешно раскидывая в стороны ноги. Чем быстрее он бежит, тем курдюк всё плотнее и плотнее прижимается к его телу, совсем закрывая собою письмо с петушиными перьями.

Теперь Хай-ва уже ничего не боится. Он нарочно изо всех сил хлопает плетью, подгоняя стадо, и идёт прямо навстречу японцам. Овец много — ими заполнено всё узкое пространство, их так много, что они чуть не сбивают с ног японцев.

— Твоя, стоять! — кричат, не ожидавшие подобной атаки, японцы. Кто-то лающим голосом подаёт команду, и прямо в голову Хай-ва нацеливается сразу несколько винтовок.

Стоять — так стоять, разве это трудно! И Хай-ва послушно останавливается.

Овцы тоже останавливаются. Голова одной упирается в зад другой, эта трётся рогами о бок той. Зажали старого мериноса со всех сторон.

Сладкая картофелина

К Хай-ва подбегает японец, одетый в чёрное, хватает его за шиворот, словно цыплёнка, и тащит к одетому в жёлто-зелёное.

У того, который в жёлто-зелёном, висит на боку кривая японская сабля. Нос у него будто головка чеснока, а под этим чесночным носом торчат коротенькие усики. Завидя Хай-ва, японец с коротенькими усиками таращит на него глаза и мычит:

— Твоя — Восьмая армия, р-разведчика!

Когда он мычит, его рот обнаруживает два больших золотых зуба и толстые, совсем чёрные губы. В самом деле, испугаешься.

Но Хай-ва ни чуточки не боится. Хай-ва нарочно склоняет набок голову, вытягивает губы и, прикидываясь дурачком, начинает его рассматривать с ног до головы. Как будто спрашивает японца: «Что ты сказал? Я ничего не понимаю!»

Тогда одетый в чёрное поднимает винтовку и больно толкает мальчика прикладом в спину, а потом добавляет ещё и тумака.

— Ты, собачье отродье, баран черепаший! Чего клюв раскрыть боишься! — кривя рот кричит он. — Большой господин спрашивает тебя: ты разведчик Восьмой армии? Партизан?

Ха! В самом деле собачья нога при японском офицере. Настоящая собачья нога, да к тому же бесстыдная. Подумаешь, «большой господин»! Не для нас только... Хай-ва собирается было обругать переводчика-полицейского привычным «чёрная собака»,¹ как вдруг вспоминает про письмо с петушиными перьями. Тогда Хай-ва уже не думает о том, чтобы выругаться.

— Нет, — говорит он понуро, — я пасу овец.

Услышав такой ответ, короткоусый выхватывает из ножен саблю с блестящим клинком и с усмешкой приставляет её к горлу мальчика.

— Правда не говорить — умирать будешь, умирать, — кричит японец.

«Чёрная собака» тоже начинает кричать на Хай-ва, подражая короткоусому. Пихнув Хай-ва два раза ногой в живот, он опять кривит рот и шипит:

— Если честно не признаешься, прибью как зайца!

— Я и говорю, что пасу овец, — стоит на своём Хай-ва. — Я из деревни Задняя Чжоучжуан. За что бьёшь меня?

Ответив, Хай-ва вдруг начинает плакать. Плачет Хай-ва, а сам думает: «Ха! С чего это вдруг выдумал про какую-то Заднюю Чжоучжуан?» Хай-ва никогда и видеть не видел, какой вид имеет эта самая Задняя Чжоучжуан. Он помнит только, как отец рассказывал, что эта Задняя Чжоучжуан не просто деревня, а особая деревня, что в ней находится власть по поддержанию японского порядка. И ещё отец говорил, что находится эта деревня в пяти ли от японских дотов, которыми они опоясали Переднюю Чжоучжуан. В этой Задней Чжоучжуан тоже есть несколько мальчишек, которые пасут овец. Стоит только Хай-ва встретиться с ними на Лунмыньшане, как не миновать драки.

Наконец, короткоусому надоедает слушать, как Хай-ва плачет.

— Обыскать! — бросает он, и криворотый полицейский пускает в

¹ «Чёрными собаками» прозвало население освобождённых районов Китая солдат и офицеров марionеточного режима, созданного японцами на оккупированной территории, полицейских и шпионов. Полицейские носили форму чёрного цвета. Прим. автора.

ход руки. Он тщательно ощупывает каждую заплату, роется в каждой прорехе. Хай-ва скидывает даже свои рваные туфли и даёт ему осмотреть их.

Но тот ничего не находит. Единственное, что попадает ему в руки, это сладкая картофелина.

Эта картофелина — из долины. Та самая картофелина, которую совсем недавно принёс из долины отец и дал Хай-ва. Картофелина — румяная, аппетитно испечённая. Полицейский, вытащив картофелину, не задумываясь кладёт её себе в кривой рот.

— Что твоя есть кушать? — накидывается на него короткоусый и отнимает картофелину. Подозрительно обнюхав её со всех сторон, японец успокаивается и, громко чавкая, начинает жевать.

— Большой хорошо! Большой хорошо! Такой штука на гора есть, нет? — спрашивает он у Хай-ва, показывая на картофелину.

Полицейский не доволен.

— Откуда ей быть здесь, в горах, — бормочет он своим кривым ртом. — Не растёт. В долине только...

— А у моего хозяина, ого, как много! — перебивает его Хай-ва, обращаясь к короткоусому. — В нашей Задней Чжоучжуан хорошо родится, а лучше всего у нас.

Хай-ва, конечно, выдумывает. Но он так уверенно говорит всё это японцу, будто он и в самом деле овечий пастух из той Чжоучжуан.

Покончив с картофелиной, короткоусый опять приступает к опросу Хай-ва. Правда, теперь он уже не таращит глаза, а только хвастается своими золотыми зубами.

— Твоя работай что?

На этот раз Хай-ва уже понимает, о чём спрашивает его японец. Подделываясь под его выговор, Хай-ва отвечает:

— Честная жизнь работай. Баран паси, работай.

— Твоя паспорт честная человека есть?

— Мне только четырнадцать лет! — удивлённо восклицает Хай-ва, сбившись с взятого тона. — Откуда ему быть, паспорту? Не веришь, пойдй в Заднюю Чжоучжуан и спроси.

У короткоусого нет времени отправиться в Заднюю Чжоучжуан и спросить, правду ли говорит Хай-ва. Ему нужно поскорее забраться в горы, чтобы пограбить как можно больше! И он говорит только одно:

— Твоя картофель много-много приноси, делай подарка большой господин. Понимай?

— Понимай, понимай, — отвечает Хай-ва. — Будете итти назад, я сам принесу вам две корзины. — И, чтобы придать своим словам вес, он показывает, как будет нести на плече коромысло с корзинами, полными сладкого картофеля.

Короткоусый довольно смеётся. Он похлопывает Хай-ва по голове и громко говорит:

— Честная человека! Честная человека у императорская армия! Твоя ходи. Дорога свободна есть!

Хай-ва облегчённо вздыхает, торопливо кланяется короткоусому и спешит к своим овцам.

Овцы Хай-ва

Хай-ва идёт, всё время подгоняя овец: «Пха! Пха!». Он не даёт им остановиться ни на одну секунду. Плеть стреляет, как начинённая порохом хлопушка. Кажется, что вот-вот Хай-ва сорвётся и полетит. Но он не решается бежать. Он продолжает итти, не оглядываясь назад. Ему стоит больших усилий сдерживать свой шаг.

— Стой! — вдруг нагоняет его хриплый окрик полицейского. — Стой!

Хай-ва поворачивает голову и видит: криворотый, а за ним ещё с десяток полицейских бегут сломя голову наперерез стаду, стараясь взять его в окружение.

Хай-ва теряется.

— Что вы делаете? — недоумевая, спрашивает он полицейских.

— Что делаем? — смеётся криворотый, щуря глаза. — Императорская армия ещё не ужинала. Твоих овец как раз хватит на несколько раз. — Он выхватывает из рук Хай-ва плетё, лупит овец куда попало и гонит их обратно в овраг.

— Это хозяйские овцы, — кричит Хай-ва и хватается полицейского за руку. — Приду без овец — как жить буду?

Полицейские даже не слушают, что кричит им Хай-ва. Какое им дело до того, будет жить этот мальчик-пастух или нет. Совсем наоборот. Они только радуются, хохоча во всё горло.

— Ха-ха-ха-ха, — смеются чёрные собаки, гоняясь за овцами и нещадно подхлёстывая их своими ремнями.

— Почтенный главный, смилуйся, — плачет Хай-ва. О, если бы ему снова удалось овладеть плетью! Пока лишь ему удаётся повиснуть на руке полицейского.

— Прочь, вонючее яйцо! — кричит полицейский, отшвыривая Хай-ва прямо на дорогу. Он свирепеет и начинает угрожать мальчику винтовкой. — Не выводите меня из терпенья. Не то — раз! — и считай, что тебя нет.

Скинув Хай-ва, полицейский снова начинает хлестать овец плетью. Вот бесстыжий — стадо не его, а гонит, как будто своё собственное!

Хай-ва лежит на земле и ревет теперь уже во всё горло.

— Мои овцы! — оплакивает Хай-ва своё стадо. Конечно, не так уж просто потерять овец. Ещё как душа болеть будет. И хоть бы кто-нибудь знал, что у мериноса под курдюком запрятано письмо с петушиными перьями!

Письмо! Хай-ва вздрагивает, словно перевернулись и небо и земля. Он только теперь начинает понимать, какая тяжёлая рана легла на его сердце. Ай, Хай-ва, Хай-ва! Ну что ты наделал?! Как это могло случиться, что ты потерял важное письмо? Важное? Не просто важное, а очень, очень важное. Ведь письмо ждут в самом штабе! Хоть бы потерял его где-нибудь по дороге, а то сам отдал в руки чертей!

И вдруг Хай-ва перестаёт плакать. Хай-ва принимает решение. Он поворачивается на живот и ползёт вперёд следом за чертями.

Хай-ва ползёт следом за полицейскими, прячась за придорожными камнями. «Вот хорошо будет,— думает он,— если письмо упадёт». Подберёт он его потихоньку, спрячет в карман, отползёт незаметно в сторону — и напрямик в Саньванцунь!

Но письма с петушиными перьями на дороге не видно. Само свалиться на землю оно не может. Хай-ва хорошо помнит: когда он прятал письмо под курдюком, он завязал его на два мёртвых узла, а потом крепко-накрепко ещё на один. Так оно и упадёт тебе, жди! Зря столько времени ползёшь на животе, Хай-ва. Совсем зря.

Но Хай-ва продолжает ползти. Уйти без письма Хай-ва не может.

В горной деревушке

Хай-ва ползёт следом за стадом. Но долго оставаться незамеченным ему не удаётся. Криворотый, обернувшись, замечает его и начинает кричать.

— Ха! Всё ещё не убрался, волчий хвост? Пошёл вон, рвань! Запомни, если не уберёшься, прибьём.

— Ладно, пусть его,— смеясь говорит другой полицейский.— Жалко всё-таки. Вернёмся, попросим большого господина, может, даст ему кость погрызть. Ха-ха-ха...

— Ха-ха-ха...— смеются в ответ остальные полицейские. За ними загоготали японцы. «Ха-ха-ха...» Конечно, все они потешались над Хай-ва.

Глаза Хай-ва налились кровью от злости. Он теперь так зол, что уже не думает ни о смерти, ни о жизни. Хай-ва неожиданно засовывает палец в рот, «сюй!»,— раздаётся резкий короткий свист и следом за ним — долгий, залихватский: «сю-у-у-у...»

Это был тот самый свист, который так хорошо знали овцы Хай-ва. Только овцы слышали свист, как они сразу же бросились врассыпную, не подчиняясь окрикам полицейских. Станут полицейские слева загонять овец на старое место, овцы направо кидаются. Справа хлестать станут, овцы, как сумасшедшие, налево мчатся. Попробуют полицейские напасть на стадо по-волчьи, с хвоста,— овцы как угорелые несутся по обеим сторонам дороги и только знают, что поворачивают головы в ту сторону, куда бежит Хай-ва.

Хай-ва тоже поворачивает голову то в ту, то в другую сторону, свистит, подзадоривая овец, и бежит прямо к выходу из оврага.

Старый меринос бежит за Хай-ва. За мериносом бегут остальные овцы. А за стадом, рассыпавшись по всему оврагу, гонятся полицейские. «Только бы меринос от меня не отставал, — думает Хай-ва, — а всех других пусть похватают чёрные собаки».

Но Хай-ва плохо рассчитал. Неожиданно полицейские прекращают преследование овец и все вместе начинают погоню за Хай-ва.

Конечно, Хай-ва не в состоянии перегнать их, у них ноги длиннее. Долго ли им!.. И вот Хай-ва схвачен криворотым...

Криворотый отпускает Хай-ва кулаком пару здоровых затрещин.

— А ну-ка, — шипит он, — собери сюда овец. Живо!

— Верно! — тотчас подхватывают обрадованно остальные. — Раньше надо было заставить его. Чего ради нам потеть, пусть сам собирает.

И снова сердце Хай-ва подскочило: пу-тун! Только не скажешь теперь — бояться или радоваться. «На этот раз, пожалуй, выйдет», — думает Хай-ва, но говорит совсем другое.

— Нет, — говорит он, — не пойду!

А мысль работает быстро-быстро. Потому что на самом деле он очень хочет собрать овец. Поэтому, дождавшись, когда криворотый ещё пару раз награждает его оплеухами, Хай-ва напускает на себя покорный вид и соглашается. Так с овцами он и поплёлся следом за японским отрядом.

Короткоусый, с болтавшей на боку саблей, подзывает к себе Хай-ва.

— Твоя, — сказал он ему, выставляя на показ золотые зубы, — твоя поведёшь большой господин дорога. Понимай?

— Понимай, — вежливо отвечает Хай-ва, — хотя на самом деле он ровным счётом ничего не понимает. По правде говоря, Хай-ва даже не слушает, что ему говорит короткоусый, так как всё время занят своими мыслями. «Заберёмся на вершину, — думает он, — уже темно будет. Тогда и начну действовать. Вытащишь письмо — смотри, не зевай. Упустишь время — поздно будет. Там, под горой, начинается лес. Ха! Посмотрим тогда, сунутся ли черти на поиски!»

Занятый обдумыванием хитрого плана, Хай-ва и не заметил, как отряд добрался до маленькой горной деревушки. Японцы остановились. Остановился и Хай-ва с овцами...

Деревушка маленькая, дворов шесть-семь, не больше. Все ворота на запорах. Японцы даже не присаживаются на отдых. Они сразу бросаются к воротам, сбивают запоры, будто в свои дома вернулись, и бросаются по дворам шарить. Мигом всё переворачивают вверх ногами.

Но — во всех дворах пусто. В фанзах нет людей, очаги без котлов, каны не устланы цыновками, не стоят по углам высокие горшки для риса... И пища, и домашняя утварь — всё заранее спрятано. Сам народ — скрывается в горах. Только на току валяется куча соломы, да кое-где раскидан хворост.

Тогда японцы бегут на ток и поджигают солому. Но и этого им кажется мало. В огонь летят сорванные с петель двери, оконные рамы... Такой костёр развели, что вся гора пламенем осветилась.

Большой костёр вспыхивает где-то в горах на западе и в горах на юге. Вздвигается в небо пламя. Видят японцы — со всех сторон костры пылают, запрыгали, руками замахали, расшумелись во-всю, кричат что-то непонятное: «У-у-у, а-а-а... ур-ру... ур-ру...»

И, что удивительно, издалека, оттуда, где горят костры, тоже доносится это же самое «уу-у-у, а-а-а-а...» Будто западные горы отвечают, а южные им поддакивают.

Только удивляться этому нечего. Это же у японцев такие сигналы. О себе дают знать! Будто переговариваются: «Эй, вы, тоже пришли? Хорошо, очень хорошо! Мы тоже пришли на место. Спокойно ложитесь спать, завтра пойдём на поживу!» Так расшумелись, что даже забыли про Хай-ва, внимания на него не обращают.

«Самая пора приниматься» — думает Хай-ва. Не мешкая больше, он бежит к старому мериносу и осторожно обнимает его.

Старый меринос

Не успевает Хай-ва обнять головного, как слышит — короткоусый по-японски бранится: «С-собака!» Хай-ва даже подскакивает. Он быстро поворачивается, но видит, что короткоусый ругает собакой совсем не его. Короткоусый топает ногами на своих солдат и что-то требует: «Мисо-мисо!»

Короткоусый, конечно, хочет есть!

Как только японцы и полицейские услышали это «мисо-мисо!», они сразу стихают и перестают скакать. Наоборот, они сразу бросаются к овцам.

Хай-ва быстро отпускает старого мериноса и исподлобья смотрит на японцев. Что они будут делать?

Японцы даже взглядом не удостоивают Хай-ва. Они окружают овец, один хватается овцу за одну ногу, другой стягивает ремнём петлю на её шее, третий замахивается широким, словно нож, штыком — и вот, голова овцы рассечена пополам, кровь хлещет рекой на землю.

В это время подбегает криворотый. Сверкнув глазами туда-сюда, он высматривает старого мериноса и хватается за рога.

Хай-ва весь затрясся. Хай-ва хочет кричать: «Ай-я, всё пропало! Моё письмо с петушиными перьями! Теперь черти его наверно увидят!..» Но Хай-ва, конечно, не решается сказать всё это вслух. С дрожащих губ срывается лишь один протяжный стон: — Ай-я-я!..

Зубы так стучат, как будто затеяли во рту драку.

Криворотому жарко, он весь вспотел. Он тянет мериноса за рога,

чуть не выворачивает ему голову, но меринос упорно сопротивляется. Он упирается всеми ногами в землю и стоит, низко пригнув голову, так, что кажется, будто его насмерть прибили гвоздями к этому месту. Криворотый напрягает все свои силы, чтобы хоть сдвинуть мериноса с этого проклятого места, но тот остаётся неподвижен. Этот поединок вызывает громкий хохот всех японцев. Лицо криворотого наливается кровью.

— Чего смеётесь! — оправдывается он. — В этом баране фунтов тридцать мяса будет, не меньше. Потянет побольше, чем все три, которых вы закололи... Вэй! Чем смеяться, помогли бы лучше. Ну, и сильный, пёс! Не справиться мне с ним...

Но никто не торопится прийти к нему на помощь. Напротив, все продолжают потешаться над ним.

— Мы такого старого есть не будем, — смеются они. — Оставь себе, для вывода...

Хай-ва сразу перестаёт дрожать. Хай-ва тоже раскрывает рот.

— Кто это летом будет есть такого старого барана! Вонючий — какой вкус от такого!

Криворотый выпучивает на Хай-ва глаза и со злости пинает старого мериноса что есть силы ногами:

— Можешь себе оставить его для вывода! — кричит он, отводя душу на Хай-ва, и, не долго думая, кидается за приглянувшимся ягнёнком.

На этот раз Хай-ва уже не сердится. Он только тяжело вздыхает про себя. «Хочешь на мне сорвать свою злость? Сколько угодно! Срывай! — думает Хай-ва. — Мне задевать тебя нет нужды. Всё равно, овец не отстоять. Только бы вытащить письмо с петушиными перьями. Только бы вытащить. И ночью буду бежать без оглядки».

А на току уже идёт работа. Японцы у костра торопятся: этот сдирает ножом с овцы шкуру, тот саблей потрошит брюхо, катятся на землю овечьи головы, куда ни глянешь — везде грудями валяются овечьи внутренности. Да, осталось теперь у Хай-ва всего лишь десятка два овец, да и те — все старые. Они сгрудились у ног Хай-ва и испуганно трясутся.

Ничего не поделаешь. Что толку, если только и будешь болеть за своих овец, когда их уже нет. Хай-ва гладит старого мериноса и незаметно подбирается к курдюку. Чуть-чуть приподняв его, Хай-ва видит: письмо с петушиными перьями висит на своём месте. «Мамочка моя! — мысленно восклицает Хай-ва. — Здесь!»

Но только Хай-ва собирается отвязать письмо, как снова появляется назойливый полицейский.

— Где колодец? — рычит он на мальчика.

Хай-ва разводит руками. Он делает недоуменное лицо, нерешительно тербит шерсть на спине мериноса и отвечает:

— Откуда здесь быть колодцу? Была б вода, народ никуда и не ушёл бы отсюда.

На самом деле Хай-ва знает, что за деревней есть колодец. Он толь-

ко не хочет об этом сказать. Полицейский посылает его за котлом, но и котла он не находит. «Если нет воды и нет котла,— думает Хай-ва,— посмотрим, как вы, черти-грабители, еду себе готовить будете!»

Но кто не знает, что черти куда как жадны! Полицейские перед ними просто малявки. Они хватают окровавленные куски баранины, валяющиеся на земле кости и кидают их прямо в костёр жариться.

Баранина жарится на костре, шипит, распространяя вокруг себя неприятный запах палёного мяса, от которого люди начинают морщиться. Хай-ва видит, как отворачиваются и чихают люди, и на сердце у него становится холодно-холодно. Ай, овцы мои. Растил я вас, оберегал. До ждался, что и ягнята выросли, настоящими овцами стали. Кто мог знать, что сегодня вечером черти зарубят вас и мне придётся своими глазами видеть всё это... Черти ненасытные. Звери, а не люди. Волки вы, вот кто. Настоящие волки: режете овец, разрывате на куски, да так и хватаете своими челюстями...

А кто скажет, что нет. Японские захватчики и есть настоящие волки. Жадно набрасываясь на мясо, солдаты лязгают зубами, яростно двигают вымазанными в крови губами.

Криворотый, громко чавкая окровавленным ртом, останавливает свой взгляд на Хай-ва.

— Эй, рвань, иди сюда! Погрызи кость вот!

Опять защемило на сердце у Хай-ва.

— Я не ем! — бросает он сквозь зубы и отворачивается в сторону. Ему хочется теперь побыть наедине со своим старым другом.

— Не ешь? Как хочешь! Только меня не проведёшь. Не думай, что тебе улизнуть удастся, щенок заячий!

Ничего не поделаешь. Хай-ва поворачивается и идёт на ток. Японцы там уже наелись.

Черти спят

Ну и запасливые эти черти. Наелись, кажется, до отвала, но оставшееся мясо, хоть и с запахом, а расхватили и стали привязывать к поясным ремням. Справившись с этим делом, они один за другим отправляются по фанзам. Спать захотели.

Только криворотый не идёт спать.

— А ну-ка, гони своих овец в загородку! — командует он, утирая засаленные губы.

Загородка для овец находится за деревней. Она разрушена. Хай-ва загоняет в неё овец, закрывает ворота и поджигает их камнем. Потом он берёт охапку соломы и кладёт её у ворот.

— Что делаешь? — удивляется полицейский.

— Спать буду,— отвечает Хай-ва, опускаясь на корточки. Он укладывает солому так, чтобы везде было ровно.

— Марш в фанзу! Там спать будешь.

Тут Хай-ва вспылел.

— А кто... кто овец караулить будет? В горах волков полно.

— Кто... Кто... — передразнивает Хай-ва полицейский, а потом вдруг набрасывается на него. — Ты что это, щенок заячий, перечить мне вздумал?! Хэй! Убежать думаешь?! А ну, пошёл, — и крепко схватив его за шиворот, тащит за собой.

Притащив Хай-ва в фанзу, полицейский толкает его в дальний угол.

Весь пол в фанзе устлан соломой. Японцы и полицейские спят вповалку на соломе. Спящие, они тоже не выпускают из рук винтовок. Хай-ва оказывается зажатый солдатами со всех сторон.

Проходит некоторое время. Японцы засыпают по-настоящему, с храпом. Только часовой, оставленный в дверях, сидит с открытыми глазами.

Хай-ва не спит. На сердце у Хай-ва большая рана, ему очень тяжело. «Не скажешь наверняка, — думает он, — что завтра черти больше не будут закалывать моих овец. Если ночью не убежишь, считай, что пропало твоё письмо с пегушиными перьями! Ай-я, моё письмо. Станут черти допытываться, позабудь думать о том, чтобы жить. Хай-ва, Хай-ва, что ты станешь делать? Как же это ты такое письмо не смог доставить!»

Хай-ва думает, но ничего придумать не может. Он чуть приоткрывает глаза, рассматривается и, как бы невзначай, бросает взгляд на раскрытую дверь.

Луна только-только выползла из-за горы. Луна последней четверти месяца. Хай-ва знает, на какой час падает время, когда луна выходит на небо в последней четверти месяца: как раз на половину ночи. Поздно. Но часовой всё так же сидит у дверей, не двигаясь, раскинув в стороны ноги китайским иероглифом «восемь», и караулит.

Хай-ва снова закрывает глаза и напрягает слух. По звукам он знает, что делается вокруг. За перегородкой раздаётся храп — это спят японцы. С улицы доносится монотонный хруст — это овцы грызут солому.

Хай-ва прислушивается; вдруг тишину улицы разрывает громкий окрик: «Кто?..» Так, значит, там тоже есть часовой.

«Лошадей посмотреть!» — отвечает другой голос, и тогда часовой успокаивается. Хай-ва снова прислушивается.

Как здесь не волноваться! В дверях часовой, по деревне — часовые. Попробуй убежать!

В это время откуда-то издалека доносится петушиный крик: «У-у-у-уу...»

Итак, пропел первый петух!

Ещё проходит время, и откуда-то совсем с другой стороны раздаётся крик второго петуха: «У-у-у-уу...»

Беда! Вторые петухи запели! Дождётся третьих — на небе светло станет.

Больше так нельзя — решает Хай-ва и быстро садится.

Хай-ва садится и смотрит: часовой в дверях, изогнувшись, прикорнул к стене, голова его упала на грудь, руки обнимают винтовку. Часовой спит глубоким сном...

Хай-ва осматривается вокруг. Японцы спят вповалку, как бараны. Голова одного улеглась в ногах другого, ноги этого преспокойно упираются в живот того. Криворотый тоже спит, раскинув ноги, готовый, кажется, вот-вот схватить Хай-ва.

Но Хай-ва встаёт. Он осторожно приподнимает левую ногу, носком её легонько отодвигает руку криворотого и таким образом освобождает себе крохотный кусочек земли. На этот кусочек он ставит левую ногу, а правую осторожно приподнимает. Повторяется заново та же операция: носком ноги он отодвигает чью-то руку и на освободившееся место ставит свою ногу. Но сделать третий шаг ему не удаётся. Заворочался короткоусый, задвигал во сне руками и ногами и снова захрапел во-всю.

Хай-ва смотрит в пролёт двери: край неба начинает светлеть. Хай-ва смотрит на короткоусого — ноздри его раздуваются, рот раскрыт, а оттуда несётся громкий храп.

Хай-ва нагибается и расковыривает у самой ноги ямку. Он растирает пальцами землю в пыль и осторожно приминает её. Ведь теперь ему нужно поставить ногу около самого короткоусого. Надо, чтобы нога ступила на мягкое, беззвучно.

Короткоусый сразу перестаёт храпеть. Ноздри его уже не раздуваются. Наоборот, нос его начинает всё больше и больше морщиться и — «апчихи!» — раздаётся оглушительный чих и следом за ним — второй. Так расчихался, что всё тело заходило.

«Беда! — пугается Хай-ва. — Сейчас, наверно, проснётся».

Но короткоусый не просыпается. Он только закрывает нос рукой, трёт его, потом поворачивается всем телом на другой бок и снова храпит во-всю. А повернулся очень удачно: перед Хай-ва открылась дорога.

Хай-ва облегчённо вздыхает, как будто большой камень свалился

с его сердца. И так легко сразу стало всему телу, что Хай-ва без всякого труда перепрыгивает через короткоусого, потом ещё через одного японца, ещё один миг — и он в дверях.

Часовой всё ещё спит, уронив голову на грудь. Ему не до Хай-ва.

Хай-ва тоже ничего не имеет против того, чтобы часовой спал. Хай-ва осторожно переступает через его раскинутые ноги, раз! — и вот он уже на деревенской улице.

— Кто? — сразу раздаётся с другого конца улицы окрик часового.

— Лошадей посмотреть! — отвечает Хай-ва грубым голосом и сам удивляется: откуда у него так здорово это получилось.

Часовому, повидимому, этого достаточно. Получив ответ на свой вопрос, он проходит дальше. А Хай-ва смело входит в загородку, как будто он в самом деле приставлен японцами к лошадям.

Но Хай-ва и не собирается кормить лошадей. Как только он появляется в загородке, он с одного прыжка вскакивает на полуобвалившуюся стену.

Завидя Хай-ва, овцы заблеяли и стали тыкаться холодными носами в руки Хай-ва. С того времени, как их сюда пригнали, им ещё не приносили есть. Они голодны.

Но Хай-ва знает — сейчас ему не до овец. Сейчас его интересует только старый меринос. Хай-ва обнимает его за шею, на которой висит колокольчик, и вытаскивает из-под курдюка письмо с петушиными перьями.

Колокольчик тихо позвякивает: дин-дин, и от этого звука Хай-ва становится холодно. «Ай, овцы, овцы! Шесть лет я ходил за вами, шесть лет охранял вас. А вот сегодня, ох, сегодня мне уже не до вас!..» Хай-ва ощущает боль в сердце, но в это время он слышит, как поют третьи петухи. Белый японский флаг с кровавым пятном посредине, воткнутый на крыше фанзы, тот самый флаг, который ещё только что казался серым, бесформенным, сейчас чётко выделяется на фоне крыши.

Хай-ва прячет письмо с петушиными перьями в карман. Потом он быстро засучивает штаны, чтобы не болтались, и, не оглядываясь, бежит прямо к перевалу. Это недалеко: перевал находится на горе, нависшей над деревней.

Белый флажок

Недалеко от перевала, у перекрёстка дорог, высится небольшой утёс. Хай-ва бежит со всех ног. Вот уже и утёс. Остаётся совсем немного до перевала, но вдруг ноги Хай-ва сами собой останавливаются. Впереди кто-то кричит.

Хай-ва напрягает слух, но разобрать, что ему кричат, не может. Тогда он прищуривает глаза и смотрит... Ха! Как же это он не видел

раньше! На самом перевале — белый флажок. Кто-то машет им, то поднимая над головой, то отбрасывая в сторону.

— А-у, уру-уру-у-у! — кричит человек на перевале, намахавшись как следует. Он кричит точь-в-точь так, как кричали вчера вечером японцы, только куда слабее. Очень знакомый голос.

Ну, конечно, это чёрт. Тот самый чёрт, который вчера палил костёр.

Но что это с ним? Японец вдруг перестаёт кричать, он даже не мешает своим флажком. Он что-то поднимает и направляет прямо на Хай-ва. Присмотревшись, Хай-ва видит: японец направил на него винтовку.

Пусть стреляет, Хай-ва не боится! Только бы поскорее обогнуть перекрёсток, тогда можно спокойно убежать. Но Хай-ва не бежит. Хай-ва думает: кто их знает, сколько здесь в горах японцев и где они спрятались. Выстрелит один, тогда попробуй побегать!

Хай-ва придумал, что нужно сделать. Он снимает с себя рубашку — она тоже белая. Он размахивает ею, во всём подражая японцу: то поднимает над головой, то отбрасывает в сторону. Не разобрать издали — может, и в самом деле человек флажком размахивает.

Японец опускает винтовку и снова поднимает свой флажок. Он размахивает флажком и кричит: «у-ру-ру-у-у», как будто говорит: «Вот хорошо, что свой. Извини, пожалуйста, меня, я ошибся. Решил, что ты разведчик из Восьмой армии. Теперь я знаю, кто ты. Иди спокойно».

Итак, беда миновала. Продолжая размахивать рубашкой, Хай-ва поворачивается и медленно направляется к утёсу. Но как только утёс остаётся позади, он припускается бежать во весь дух.

Ветер свистит в ушах. Далеко-далеко радостно заливаются петухи. В лесу весело распевают на все лады проснувшиеся птицы. А сердцу Хай-ва — о, сердцу Хай-ва сейчас веселее, чем петухам, и радостнее, чем птицам. Он летит, словно ветер, всё вперёд и вперёд, как будто у него от радости выросли крылья. Он сбегает с обрыва, пробегает овраг и одним махом взбегают на самую вершину противоположной горы.

Взбежав на вершину, Хай-ва падает как камень. Больше бежать он не может — выдохся. Да и нет нужды сейчас так бежать. Впереди гора Саньванмао. Перевалишь её — тут тебе и Саньванцунь.

— Ай-я! — облегчённо вздыхает Хай-ва. — Письмо ты моё, сколько беды ты принесло мне. Но сейчас-то я тебя уже наверняка доставлю.

И верно, сейчас на сердце у Хай-ва не осталось ни капельки уныния и горестей. С какой стороны ни подойди — кругом счастлив и рад. Хай-ва так рад, что даже не обращает внимания на то, как он вспотел и как тяжело дышит. Рука его тянется к карману. Ему не терпится снова увидеть письмо и прижать его к груди, прижать, словно маленького ягнёночка.

И вдруг, совершенно неожиданно, Хай-ва вздрагивает всем телом... «Где письмо? Моё письмо!»

Хай-ва ещё и ещё раз ощупывает карман: письма нет. Хай-ва вскакивает и осматривается: письма нет. Хай-ва снимает рубашку и ищет в ней: письма нет. Хай-ва переворачивает камень, на котором только что сидел, обшаривает вокруг него всё место, но и здесь письма нет. Нигде нет письма с петушиными перьями и никак его не найдёшь, сколько ни ищи!

Дрожащие губы Хай-ва посинели. Хай-ва никак не может устоять на одном месте, он мечется из стороны в сторону и никак не может найти себе покоя. Ай, Хай-ва, Хай-ва, как же это ты так сплеховал, а? Где же, в конце концов, ты мог потерять письмо?

Но ведь Хай-ва помнит всё ясно-ясно. Вот он кладёт письмо в карман. Карман в порядке, даже половинки прорехи нет. Как же письмо могло из него выпасть?

Хай-ва никак не может вспомнить, как и где он потерял письмо; Хай-ва просто не имеет больше времени думать об этом. Он медленно спускается с горы тем же путём, по которому только что поднялся сюда, опустив голову, не отрывая глаз от дороги.

Хай-ва ищет письмо на дне оврага — не находит. Хай-ва ищет письмо на подъёме — не находит. Перед глазами — перевал, но и там нигде не видно даже тени петушиного пера, где же ему быть, письму самому?!

Сердце Хай-ва сжимается от боли. Так больно, что Хай-ва даже голову поднять не может. Хай-ва думает: «Если письмо не найду, больше мне не жить». Но как бы там ни было — жить ли Хай-ва или не жить, а письмо надо найти. И, уже совсем выбившись из сил, задыхаясь, Хай-ва взбирается на последний подъём. Вот и перевал. Хай-ва карабкается на утёс. Вот он уже на нём.

И когда Хай-ва оказывается на гребне утёса, его неожиданно охватывает чувство страха. Так страшно, что Хай-ва чуть-чуть не вскрикнул: там, вон там — не письмо ли там с петушиными перьями?

Никакой ошибки нет. На перекрёстке дорог, у самого утёса, как раз на том самом месте, где Хай-ва совсем недавно размахивал рубашкой, лежит письмо с петушиными перьями. Лежит себе как ни в чём не бывало. Солнце накрыло перья своими лучами, под которыми они сверкают, словно золотые.

Хай-ва затаил дыхание. Он боится пошевелиться, как будто действительно видит золото. Но вот он набирается смелости, два прыжка — и он на перекрёстке, ещё один — и письмо у него в руке.

Письмо в руках Хай-ва! Ну как теперь не радоваться! И спина Хай-ва от радости выпрямляется, и голова от радости поднимается. Поднимает голову Хай-ва и... испуг снова охватывает его всего, с ног до головы. Теперь действительно есть от чего пугаться. На току, в горной деревушке, от людей черным-черно. Японцы — а это они — стоят, выстроившись рядами, ощетинившись злобные поблескивающими штыками. Все японцы в сборе!

Снова арестован

Хай-ва поспешно опускается на корточки и прячет письмо в карман. Он уже собирается повернуться и бежать, как вдруг слышит, кто-то зовёт его.

Хай-ва быстро поворачивает голову и видит, как с перевала бежит криворотый.

— У, щенок собачий, сбежать захотел! — кричит на ходу полицейский. — Убью сейчас! Дезертир!

Вот теперь Хай-ва действительно убежать не может. Криворотый совсем загородил собою дорогу. Ничего другого не остаётся, как покориться.

— Кто дезертир? — удивлённо вскидывает Хай-ва глаза на полицейского. — Я овец искал.

Хай-ва поднимается с земли и смотрит на полицейского с таким видом, как будто он в самом деле никогда не собирался убежать.

Но надуть полицейского не так легко.

— Чьих это овец искал? Кто велел тебе искать их? И чего это вдруг здесь ищешь овец? — шипит он через зубы, толкая Хай-ва вперёд.

Полицейский угрожающе смотрит на Хай-ва. Тот кланяется, изгибаясь в поясице.

— Своих овец искал, вот что. Пошёл в загородку — ворота повалены, двух овец недосчитал...

— Почему мне не сказал? Почему сам побежал?

— Вы тогда ещё спали, а я побоялся, что овцы далеко убегут, как же я мог будить старшего господина! Сам побежал.

— Ерунда всё! — опять раскричался полицейский. — Где овцы? Какие овцы? Что, думаешь, не вижу, что сбежать хотел? Дезертир! — полицейский ругается, снова больно толкает Хай-ва прикладом, как будто Хай-ва не живой человек, а сделан из дерева. Но ведь Хай-ва не из дерева сделан. Ему очень больно, и он начинает плакать.

— Какой я дезертир? Да если бы в самом деле захотел убежать, зачем мне нужно было возвращаться!

Полицейский, не ожидавший такого ответа, замолкает. И тогда Хай-ва, заметив его замешательство, сам переходит в наступление.

— Можешь меня убить. Убей, всё равно не уйду... Овцы не мои — хозяина. Которых закололи — те заколоты, которые сбежали — тех нет... На этой горе ищи, на той горе — всё равно нигде не найдёшь. Нет овец, и всё. Хозяин больше не захочет меня. Что буду делать? Убей меня лучше.

Хай-ва говорит, перемешивая слова со слезами, и чем больше говорит, тем всё больше ему становится жалко самого себя. Он садится на землю и горько плачет. Он закрывает лицо руками, хватается за жи-

вот, как будто случайно, хватается за карманы. Больше всего Хай-ва боится опять потерять письмо. «Письмо ты моё,— мысленно обращается он к нему,— письмо с петушиными перьями! Как от тебя зависит жизнь человека! Об одном прошу, не показывайся на свет. Если только попробуешь шепнуть чёрной собаке, что ты у меня,— ты просто никуда не годишься!..»

Идя под конвоем полицейского, Хай-ва вдруг замечает, что на этот раз криворотый не собирается обыскивать его карманы.

Японцам давно уже пора выходить, но нет проводника. Полицейский что-то задумал. Он хватает Хай-ва за шиворот и говорит ему:

— Будешь проводником большому господину. А вздумашь ещё раз реветь — изобью!

Хай-ва, собственно говоря, и не собирается плакать. Он смотрит на полицейского, шагающего рядом, и лукаво говорит:

— Главный старший, скажи большому господину, чтобы он смиловился. Он тебя слушается. Скажи ему, чтобы он оставил меня у себя солдатом. Я не думаю убежать.

— Чтобы ты на довольствие стал! — удивлённо шмыгает полицейский носом. — Этого ещё не хватало, заячий щенок. Вот прибью тебя прикладом до смерти, тогда увидишь!

Тогда Хай-ва снова плачет, размазывая по лицу слёзы.

— Добрый главный старший, спаси меня, прошу тебя. Скажи моему хозяину, пусть меня не прогоняет...

У полицейского душа не лежит заниматься этим пустяковым делом. Он тащит Хай-ва в деревню и подводит к загородке, где ждут овцы.

В это время появляется ещё несколько полицейских. Завидя криворотого, они наперебой кричат ему:

— А-ха! Скорей беги к большому господину. Он ждёт проводника.

Только собрался было криворотый что-то сказать, как со стороны тока раздался сигнал: «ду-ду-ду-дууу...» Труба созывала всех строиться. Полицейские быстро перебрасывают винтовки за спины и убегают.

— Ну, скорей,— торопит криворотый. — Бери своих овец и выходи. Опять вздумашь бежать, прибью! — он торопливо натягивает на голову коротенькую шапку — кепи, грозит Хай-ва кулаком и тоже убегает.

Сейчас перед загородкой для овец остался только один человек — Хай-ва. Бежать! Но сейчас Хай-ва не видит перед собой пути, по которому можно было бы убежать. Сперва нужно спрятать «корень жизни», как он уже назвал про себя это письмо. Потом только можно будет сказать что-нибудь определённое. А то ещё короткоусый хватится и опять прикажет обыскать Хай-ва.

Хай-ва торопливо вытаскивает письмо с петушиными перьями из кармана и подвязывает его под курдюком старого меринуса. Потом осторожно выгоняет овец из загородки и направляется с ними к месту сбора японцев.

Отряд в это время уже весь в сборе. Японцы выстроены в две ше-

ренги, ошетилившиеся штыками. Глаза всех устремлены на Хай-ва. Криворотый стоит перед короткоусым и не шелохнётся, словно телеграфный столб. Короткоусый раскачивается на своих кривых ногах, опираясь рукой о саблю, и ругается, брызжа слюной прямо в лицо полицейского. Но когда наконец Хай-ва появляется, короткоусый сразу перестаёт ругаться. Он быстро вытягивает шею и останавливает свой взгляд на мальчике.

Хэй! Опять будет бить!.. Хай-ва невольно пятится назад. Ох, как болит ещё то место, которое извело полицейский кулак!

Гора Саньванмао

Но короткоусый даже не собирается бить Хай-ва. Он только бросает ему отрывисто:

— Поведёшь дорога Саньванцунь. Скоро-скоро!

И опять сердце Хай-ва подскочило: пу-тун!

— Понимай,— поспешно отвечает он.— Вот эта дорога. Короткоусый подаёт саблей команду, и отряд трогается. Хай-ва с овцами зажат с обеих сторон. Впереди — полицейские, сзади — японцы, за ними лошади с пустыми телегами.

«Хоть бы на этот раз накликать на вас беду от ротного Чжана,— просит сердце Хай-ва.— Ротный Чжан, товарищ Чжан, как хорошо было бы, если бы ты устроил налёт на этих чертей! Иначе письму — конец!..»

Короткоусый несносен до невозможного. Он только и знает, что вертится вокруг Хай-ва. То с этой стороны появится, то с другой, никак не даёт Хай-ва подумать спокойно. Он показывает ему то на эту высоту, то спрашивает про эту дорогу в горы, только и знает, что ругается: «Скоро-скоро веди, скоро-скоро веди!», да заставляет Хай-ва подхлестывать своих овец.

Отряд подходит к горе Саньванмао.

По узкому склону горы пролегает узкая дорога. Она карабкается со дна оврага до самой вершины. По этой дороге люди почти не ходят, она вся заросла дикой травой и ползучим тёном. Рядом с ней тянется несколько протоптанных в зарослях кустарника овечьих троп, заваленных валунами.

Хай-ва прищуривает глаза. На вершине Саньванмао торчит короткоствольное дерево. Это — «Сяосишу» деревни Саньванцунь. За ним следят ребята из этой деревни. О, они действительно молодцы, эти саньванцунцы! Только японцы спускаются в овраг, как Хай-ва видит: «Сяосишу» медленно падает. Не нужно и говорить, что в отряде ротного Чжана уже знают о появлении японцев!

Но японцы даже не догадываются об этом. Они преспокойно рас-

полагаются в овраге на отдых. Короткоусый садится на земле и закуривает, его солдаты начинают жевать оставшуюся с вечера пропахшую баранину. Полицейские же не курят и не едят. Полицейские продолжают идти в голове. Они прокладывают японскому отряду дорогу на гору Саньванмао.

Не отдыхает и Хай-ва. Хай-ва гонит овец на полянку, которую приметил. Полянка поросла густой травой, она довольно далеко от того места, где остановились японцы. «Сейчас надо быть подальше от них,— думает Хай-ва,— а то, смотри, рогатый Чжан и тебя вместе с ними прибьёт. Так ни за что и пропадёшь».

С горы не слышно ни одного выстрела. Много времени проходит, но стрельбы так и нет. А полицейские всё продолжают лезть вверх, скоро уже половину горы одолеют, а оттуда — никаких выстрелов.

В чём дело? Но только Хай-ва задумывается над этим, как на середине подъёма раздаётся сильный взрыв. Полицейские напоролись на мину! Дым

взорвавшейся мины закрывает полицейских с головой.

Из-за дымовой завесы выскакивает несколько полицейских. Они мечутся, словно угорелые, выбирая валуны, за которыми можно было бы укрыться. Но кто мог знать! «Хун-н!» — взрывается один камень, «Хун-н! Хун-н!» — взрываются одна за другой припрятанные мины. «Уу-хун-н!.. Уу-хун-н!..» — отвечает эхом горы, обступившие овраг.

Проходит ещё некоторое время, но больше в овраге уже не слышно страшного грохота. Вместо взрывов воздух сотрясает пронзительный вопль полицейских. «Ай-я-яй!» — кричит один. «Ай-йи!» — кричит другой. «Спасите!» — кричит третий... Полицейские истошно вопят, цепляются за камни, но удержаться не могут и катятся под откос. Вниз удаётся добежать только одному криворотому. Прихрамывая и обхватив голову руками, он подбегает к японскому офицеру.

— Ай-йи, большой господин. Бомба оторвала мою голову!..

Голова у полицейского еле держится. Вытянулась, болтается, даже не держится на шее, а из уголка рта течёт, извиваясь, струйка крови. Кто его знает, то ли в самом деле он ранен осколком мины, то ли сам стукнулся головой о камень.

Короткоусый брезгливо отворачивается от него. Он не смотрит

на голову полицейского и даже не хочет забинтовать её. Он подзывает к себе Хай-ва и тычет пальцем в сторону тропинки.

— Твоя — вперёд, води дорога! Императорская армия — сзади иди. Понимай?

На овечьей тропе

Глаза Хай-ва от страха становятся круглыми-круглыми. Он склоняет набок голову и вопросительно смотрит на криворотого, как будто спрашивает: «Что говорит короткоусый? Я не понимаю его».

Криворотый сидит в это время на земле, перевязывая голову куском оторванной штанины. Он только сейчас, кажется, приходит в себя.

— Большой господин велит тебе гнать овец вперёд, чтобы ты первым забрался на гору.

— Ай-я! — вскрикивает Хай-ва. — Я боюсь, я боюсь мин. Я не...

— С-собака! — выхватывает саблю короткоусый и со злостью кричит на Хай-ва: — Скоро-скоро води дорога!

Криворотый тоже приходит в бешенство.

— Собачий выкормыш! — сыплется изо рта его брань. — Не хочешь пойти вперёд? Хочешь, чтобы я на мину нарвался?!..

Хай-ва смотрит на короткоусого — в руках у того сверкает сабля

Хай-ва смотрит вокруг — со всех сторон на него направлены дула винтовок. Не итти? Попробуй! Хай-ва тяжело вздыхает. Делать нечего, он берёт плетль и начинает погонять овец.

Вот Хай-ва добирается до места, где произошёл взрыв. Везде валяются трупы убитых. Раненые полицейские, обвязанные какими-то пёстрыми тряпками, ползают по окровавленной земле и зовут Хай-ва: «Ай-йо, добрый наш братец, спаси!»

Видя их, Хай-ва ещё больше ощущает беспокойство. Ай, пионерский вожак, пионерский вожак! Чем больше Хай-ва выдумывает, тем тяжелее у него на сердце. Чем тяжелее у него на сердце, тем медленнее он идёт. Хай-ва просто не хочет итти дальше.

А солдаты кричат издалека: «Скоро-скоро иди, скоро-скоро веди дорога!». Они отстали от Хай-ва: боятся подойти ближе.

Хай-ва огибает один придорожный валун, другой, и перед ним открывается небольшой лесок. Овцы останавливаются, как будто спрашивают у Хай-ва: «Хозяин, по какой тропе итти, а?»

Здесь, на опушке, развилок: узкая дорога и овечья тропа расходятся в разные стороны.

Хай-ва смотрит назад: отряда не видно, он где-то внизу, за выступом скалы.

Хай-ва решает: вряд ли кто станет на овечьей тропе зарывать мины. И, не долго думая, он поворачивает стадо на тропу...

Овцы забираются в глубь леса, но очень скоро тропинка снова выводит на опушку. В этот самый момент Хай-ва слышит снизу истощный вой криворотого.

— Назад, на перекрёсток! — кричит он. — Итти надо левее, по дороге!

— Нет! — кричит в ответ Хай-ва. — Здесь ближе, идите спокойно!

— А кони пройдут?

— Пройдут! Очень хорошо итти! — отвечает Хай-ва, подхлестывая овец, будто в самом деле идёт по ровной дороге. А тропинка то изгибается между валунами, то круто взбирается по каменному выступу, то скрывается в диких зарослях кустарника. Далеко-далеко позади остаются японцы...

— Стой! — опять раздаётся снизу окрик полицейского. — Стой! Дальше не ходи! Коня не идут!

Хай-ва послушно останавливается. Он поворачивает голову и смотрит вниз. Лошади действительно столпились у обрыва и дальше ни с места. Впереди — пропасть.

Хай-ва вытягивает шею и кричит во всю глотку:

— Ничего страшного. Обойдёте пропасть, а дальше итти хорошо. Совсем равно... Вы их — кнутом.

И японцы действительно берутся за лошадей. Один яростно хлещет коня по крупу ремнём, другой тянет за уздечку, вытягивая морду лошади до последней возможности... Ай-я-хэй! — взяли всё-таки кони!

Но чем дальше, тем овечья тропа становится всё уже и уже, а чем уже, тем всё хуже по ней взбираться. Вот теперь, действительно, далеко они отстали от Хай-ва.

А Хай-ва с каждым шагом всё нажимает и нажимает, всё громче щёлкает в его руке плеть. Послушные овцы торопливо перебирают ногами, словно мыши крадутся за головным. Глянул Хай-ва назад — полдороги как не бывало.

Снизу снова раздаётся окрик. Теперь кричит короткоусый.

— Чуть-чуть спешить не надо! Веди дорога, спешить не надо!

Хай-ва как будто не слышит окрика японца, он идёт ещё быстрее.

— Стой! — кричит тогда криворотый так яростно, что от этого голоса становится страшно. Голос этот далеко разносится в горах. — Стой! Только сделаешь шаг — стрелять буду!

Но Хай-ва не останавливается. Наоборот, он изо всей силы хлопает плетью и пускается бежать во весь дух.

И тогда японцы открывают огонь.

— Пха-а!.. Цю-цю-у!.. — полетели в небо пули. — Па-ту-па-па-па... — цокают пули совсем рядом.

Но и плеть Хай-ва непрестанно щёлкает... Поворот скалы, ещё поворот, потом заросли, густой кустарник...

Хай-ва бежит быстро, овцы быстрее его. Белошёрстные они то исчезают в зелёных зарослях, то снова выскакивают на каменистую тропинку...

— Па-пу, па-пу-пу-пу — выстрелы ближе, громче и чаще...

Хай-ва уже не бежит. Хай-ва падает на траву, открывает рот и кричит, задыхаясь.

— Черти близко! — теряя последние силы, кричит Хай-ва, обращаясь к горам. — Ну, стреляйте же! Стреляйте скорее!

Хай-ва — настоящий балуцзюнец

И тут с вершины раздаётся дружный залп, за ним второй.

Хай-ва слышит — это стреляют свои. Тогда в ногах снова появляются силы. Он поднимается и пробует ползти.

Хай-ва ползёт, цепляясь за выступы камней, но вдруг пальцы разжимаются. — Ай-я! — раздаётся пронзительный крик, и Хай-ва бездыханный падает на траву.

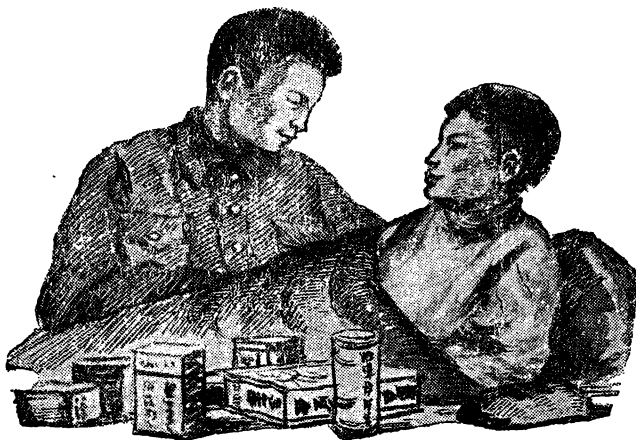
В это время из-за скалы выбегает какой-то военный. Он подхватывает Хай-ва одной рукой и быстро возвращается на северный скат.

— Это пастушок, — говорит он кому-то на ходу. — Он ранен. Две пули угодили...

Тогда к нему подбегает ещё один военный. У него ручной пулемёт. Он садится на корточки перед Хай-ва и вдруг вскрикивает:

— Да ведь это — Хай-ва. Хай-ва из Лунмыньцунь. Тот самый мальчишка, который нам донесения всегда приносит. Что же это? Как это он попался в руки японцам, а?

Хай-ва медленно раскрывает веки, и вдруг на глазах у него выступают две жемчужные слезинки. Ну как же! Кто-кто, а уж он-то сразу узнает товарища Чжана. Ротного Чжана из партизанского штаба! Ай,

Хай-ва, Хай-ва, вот не везёт тебе! Совсем своё лицо потерял. Что теперь скажет ротный Чжан: пионерский вожак — и плачет! Хай-ва пытается смахнуть слёзы, но не может поднять руку — боль в ране не позволяет. Хай-ва может только раскрыть рот.

— Меринос... Старый меринос... письмо... с петушиными перьями...

— Какой меринос? — удивляется ротный Чжан, перевязывая раны Хай-ва. — Где письмо?

— Старый меринос, головной... Письмо под курдюком... — Хай-ва всё больше и больше путается, в голове у него всё смешалось, смешалось настолько, что он уже ничего не помнит и ничего не слышит. Не слышит Хай-ва даже того, как ротный Чжан погнался короткоусого..

Очнувшись, Хай-ва чувствует только, что он лежит на тёплом кане, что всему телу так жарко, как будто жарче уже быть не может.

А дело в том, что Хай-ва лежит на мягкой войлочной кошме, на яркой кошме, расшитой красными цветами. Из окна на кошму падают лучи солнца, а кругом так красиво, что и сказать не скажешь. На кане полным-полно разных коробочек, круглых банок, ящичков, пакетов, и все они — яркокрасные, зелёные — заполнены вкусно пахнущими сладостями, печеньем, фруктами.

Хай-ва недоуменно смотрит на кан, рядом сидит ротный Чжан и улыбается.

— Лучше тебе теперь? — тихо спрашивает ротный Чжан. — Ещё болит?

Но Хай-ва совсем не думает о боли.

— Откуда это? — спрашивает он. — Чьи эти вещи?

— Твои, — отвечает ротный Чжан.

Стоит удивляться! За всю свою жизнь Хай-ва не только не имел ничего подобного, он даже никогда не видел таких красивых вещей.

— Нет, — отвечает он уверенно. — Это не мои вещи.

Ротный Чжан громко смеётся.

— Как же, Хай-ва, разве ты забыл, что вчера принёс мне письмо с петушиными перьями? То самое донесение, которое написал твой отец? С долины донесение, от наших разведчиков... Вот что в этом донесении было сказано: все черти из дотов направились в горы грабить у населения продовольствие. В дотах, которые около Передней Чжоучжуан, никого из японцев не осталось, только несколько чёрных собак. Отец просил нас послать отряд, чтобы напасть на вражеские доты. Вот мы и пошли вчера вечером. Шли всю ночь, чтобы не опоздать. Мы напали с дороги, а партизанская группа твоего отца ударила с тыла, со стороны деревни. Все доты разворошили. Если бы ты не доставил нам вовремя письмо, откуда бы у нас были эти трофеи?

И тогда, ласково дотронувшись огрубелой рукой до головы Хай-ва, ротный Чжан сказал так:

— Ты настоящий *балуцзюнец*, Хай-ва, настоящий маленький боец Восьмой народной армии, наш маленький герой. Все эти вещи — это тебе от штаба. Подарок.

Лицо Хай-ва зарделось от счастья.

— А винтовки тоже захватили? — спрашивает он.

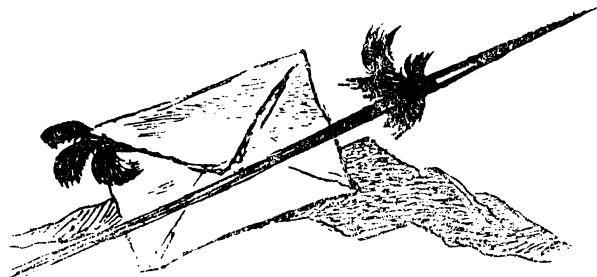
Тогда ротный Чжан встаёт и показывает рукой в угол.

— А это что?

В углу — целая грудa скорострельных винтовок, новеньких, смазанных маслом «тридцать восьмёрок» — японских винтовок образца 38-го года.

Ах, как тогда Хай-ва обрадовался.

— Ну, я и не собираюсь валяться на кошке. Дай и мне винтовку. — Но только Хай-ва хочет вытянуть руку, как вдруг тихо вскрикивает. Рана в плече, полученная от японцев, ещё болит...

Священное ИМЯ

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Сын учился по земле ходить.
Мать учила сына говорить.

Называла мальчику сперва
самые хорошие слова,
самые родные имена
называла первыми она.

И ему запомнилось тогда
сталинское имя навсегда.

Возле моря, у мохнатых скал
серебристый планер он пускал,
и летела лёгкая модель,
как мечта, за тридевять земель.

Будто впрямь имела два крыла —
вот какой мечта его была:
уплывать на северные льды,
как Мичурин, создавать плоды,
от увечий, боли и обид
защищать израненный Мадрид...

Издалёка целилась война
в радость пионерского звена.

Опоясан воинским ремнём,
юноша не дрогнул под огнём.

Жарче раскалённого свинца
было сердце гневное бойца,
а у сердца — как залог побед,
как залог бессмертья, — партбилет.

И дошёл до трансильванских рек,
дошагал до снеговых Карпат
знаменитый в мире человек,
сталинский испытанный солдат.

Он людей, как братьев, обнимал,
на руки детишек поднимал,
и они запомнили тогда
сталинское имя навсегда.

Вот уже не счесть, который год —
так оно по всей земле идёт.

Где-нибудь в заморском далеке
начал мальчик по земле ходить.

На своём заморском языке
учит мать сынишку говорить.

самые родные имена
называет первыми она.

Называет мальчику сперва
самые хорошие слова,

И малыш запомнит без труда
сталинское имя навсегда...

НАЧАЛО ПОДВИГА

Я шагал с друзьями рядом
в праздничной колонне.
Гром Октябрьского парада
плыл над головой.

Сквозь прибой рукоплесканий
пролетали кони,
и печатали солдаты
шаг по мостовой.

Штормовой байкальский ветер
окрылил знамёна,
и на площадь Горсовета
хлынули рекой
пионерские дружины
нашего района,
с гулкой дробью барабанной,
звонкой и тугой.

Мне запомнилась девчонка
с прядью золотою,
с синим бантом из-под шапки,
в шубке меховой.

Шла она, держа в ручонках
прямо над собою
флаг отрядный, пионерский,
яркоогневой.

Рвал полотнище колючий
ветер с океана,
и шагать ему навстречу
было нелегко.

Но отрядный знаменосец
Павлова Светлана
только крепче прижимала
алое древко...

И ударили литавры,
как раскаты грома,
увлечённый капельмейстер
трубы не берёг.

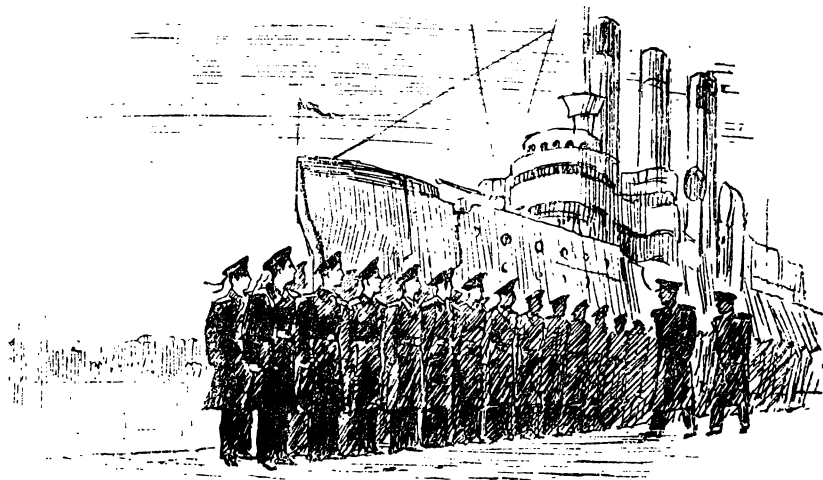
И смахнул с ресниц снежинку
секретарь обкома,
и застыли генералы,
взяв под козырёк.

Мне казалось, будто зная
солнце излучало.

В этой девочке, идущей
впереди колонн,
я увидел юность Зои —
подвига начало,
твой огонь неугасимый,
город Краснодар.

Я тебе желаю, Света,
в жизни много света,
чтобы флаг твоей дружины
над страной летел,
словно огненная птица,
словно эстафета
нашей жизни, наших планов,
помыслов и дел.

ТРАДИЦИИ „АВРОРЫ“

Легендарный крейсер «Аврора» установлен на вечную стоянку на Неве. На крейсере обучаются юные нахимовцы.

Звёзды опрокинулись в Неву,
чтобы плыть в Балтийские просторы...
Будто бы впечатан в синеву
чёткий профиль крейсера «Авроры».
Ветер пробегает по броне.
Вахта замирает в карауле.
Склянки бьют.

В вечерней тишине
юные нахимовцы уснули.

Лампой на столе освещена
строгая газетная страница...
Дальняя горящая страна
им сегодня к полночи приснится.

Вот идёт китайский батальон
по Янцзы, ночей не досыпая.
Полыхает зарево знамён
над крылатой буркою Чапая.

Слышен стук колёс издалека,
Хлещут автоматы из засады.
Это партизаны Ковпака,
или виноградары Гренады?

Над Кореей — чёрный дым войны.
Над Вьетнамом — алые зарницы...

Спят ребята.

Спят и видят сны.

Впрочем, это явь сегодня снится.

Это, расстояния покрыв,
за века грядущие в ответе.

русской революции порыв
Октябрём бушует на планете.

Красным флагом поднята заря.
Сладко спят в тельняшках полосатых
юные питомцы Октября,
мальчишки, рождённые в тридцатых.

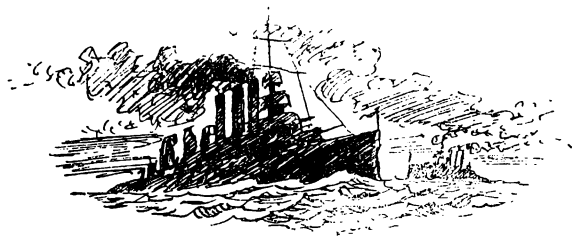
Им в наследство отдана броня.
Им ходить в солёные просторы,
с детства постигая и храня
славные традиции «Авроры».

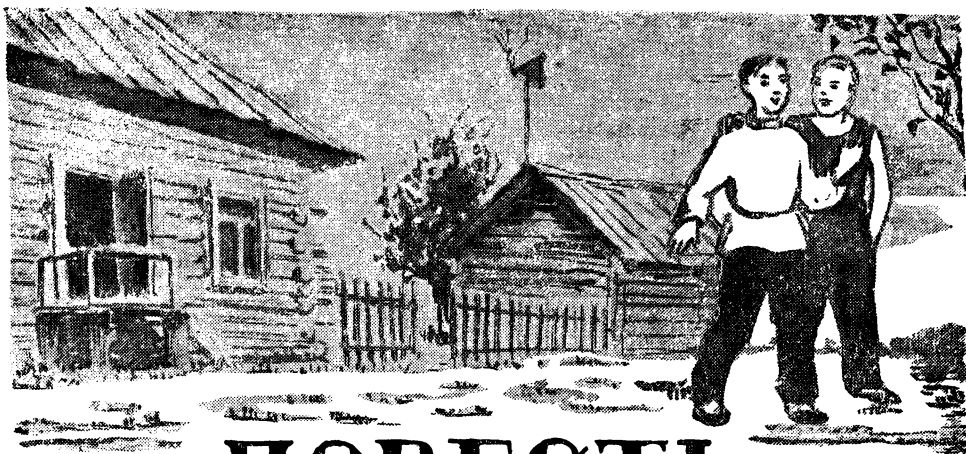
Крейсер спит, прекрасен и высок.
У него державная осанка.
Грузный якорь врезался в песок.
Вечный якорь.

Вечная стоянка.

Но на рейдах

многих стран земли,
словно братья, на него похожи,
ждут своей минуты корабли,
чтобы по дворцам ударить тоже.

ПОВЕСТЬ

о юном партизани

И. ЕФРЕМОВ

Экскурсовод ввёл нас в Знаменный зал Центрального музея Красной Армии. На высоком постаменте покрытое стеклянным колпаком, цветшее на солнце, израненное в боях — знамя Победы. Оно было поднято 9 мая 1945 года над берлинским рейхстагом советскими воинами Кантария и Егоровым.

...Ожили в памяти события Великой Отечественной войны, боевые друзья-товарищи, с которыми я переживал тяжесть походов, горечь поражений и радость побед.

Из глубокой задумчивости меня вывел незнакомый голос:

— Товарищ командир!

Я поднял глаза и увидел молодого сержанта танкиста. Невысокого роста, широкоплечий, юношески стройный, он был мне совершенно незнаком. Может быть этот возглас относился не ко мне, вокруг меня много военных.

— Товарищ командир!

Сержант подошёл ко мне вплотную. Его серые глаза сияли радостью. Он подал мне руку, я пожал её, всё ещё считая, что юноша принял меня за кого-то другого.

— Товарищ командир! Иван Андреевич!.. Не узнали? Ведь это же

я, Геннадий Вашурин. Ну, Генка, из Расловки... Связной командира 1-й роты партизанского отряда «Гроза»! Забыли?..

Расловка... Смоленщина... 1941 год...

Как же мне узнать тебя, Генка, когда ты с той поры вырос вдвое и ростом и годами! Когда из вихрастого мальчишки, утопавшего в отцовском пиджаке, ты превратился в мужчину, в воина!

Как мне забыть тебя, Геннадий Вашурин, мой боевой соратник, вынесший на своих детских плечах тяжесть партизанской страды, умело и смело державший в своих ручонках священное оружие народного мстителя.

Всё помню! Минувшие годы не вытравили из моей памяти ни одного дня и часа, ни одного события грозных, славных лет.

И я пишу эту правдивую повесть о тебе, Геннадий Вашурин: советском пионере, юном партизане.

1

Летние каникулы начались только месяц тому назад, а сколько Генка Вашурин — пионер отличник, ученик четвёртого класса Расловской школы за это время сделал полезного, сколько событий произошло с ним за эти тридцать дней.

Во-первых, в колхозной конторе висит ведомость, где лиловыми чернилами записано: «Вашурин Геннадий Захарович — 22 трудодня». Генка боронил ранние пары, перебирал семенной картофель в овощехранилище, возил глину для нового птичника, а на той неделе даже ездил на Арапчике в Семлево с важным пакетом в райзаготскот.

Во-вторых, они с Витькой Путинцевым поймали огромного ужа для школьного уголка живой природы и даже заготовили ему на целый месяц кормов — маленьких лягушат. Правда, Витька хвастает, что он первый увидел ужа, но важно не то, кто первый увидел, а то, кто первый схватил.

В-третьих, из райкома ВЛКСМ приезжал в Расловку инструктор, такой весёлый и простой, что даже как будто он и не инструктор. Ребята жгли с ним пионерский костёр, пели песни, устраивали игры, прыжки в длину и высоту. Генка занял второе место после Ильки Каргина. Но ведь Ильке уже тринадцатый год пошёл, так что можно считать за Генкой почти первое место.

И чего только ещё не произошло за этот месяц! Разве перечислишь все удовольствия и радости, которые, казалось, окружали Генку, его товарищей расловских школьников со всех сторон?

2

Гена слышит чьи-то голоса за стеной, но проснуться никак не может. Чуть-чуть откроются глаза, пропустят через щёлку узенькую полосу света и снова смыкаются.

Гена знает, что, если подвигать руками, глаза сразу откроются. Но всё-таки, лучше дожидаться пока подойдёт бабушка и будто сердитым голосом скажет: «Ну, шатун-болтун, хватит лавку утюжить!»

— Гена, вставай, сынок!

Это не бабушка, это мамка. Она почему-то дома, а ведь собиралась с отцом на луга. И глаза у неё какие-то не такие, как надо, а красные, и мокрые от слёз. И почему-то на стене папкин брезентовый пиджак, в котором он ходит на работу?..

— А папка где?

Мать порывисто наклоняется к Гене, обнимает его за плечи, и тяжёлые рыдания, щемящей болью вливаются в сердце мальчика.

— Мамка! Ну, мамка, же! Что это вы?

Мать крепко прижимает к себе голову сына, и он опускает на лбу, на щеке тёплые ручейки слёз.

— Гена... Сынка... Папка наш уходит... На войну.

Так вошло это страшное слово в жизнь Гены Вашурина.

3

Около колхозной конторы народу — как на собрании. Люди плотным кольцом обступили Васю Буренкова, двоюродного брата Гены, передававшего содержание выступления по радио товарища Молотова.

...Бомбили Киев, Севастополь. Молотов сказал, что опасность очень серьёзная, но что фашистов мы разобьём, что наше дело правое.

Рядом с Геней стоит Васин отец, дядя Егор, самый высокий человек в Расловке. Он задумчиво тербит рыжие усы и постукивает берёзовым подожком о землю. А потом как хватит им о поперечину коновязи — подожок враз надвое.

— Значит, Россию Гитлеру захотелось! Неймётся собаке! Та-ак... Что ж, будем воевать!

Кто-то из толпы бросил:

— Тебе, Егор Викулыч, не придётся. Годы твои не те, седьмой десяток, поди.

— А ты слыхал, что товарищ Молотов сказал? Всеми государству нашему угроза! Общенародная война! Тут года ни при чём. Наполеона из России старые и молодые гнали всем народом.

Гена вернулся домой, там шли приготовления к отъезду отца.

Бабушка гладила полотенце, кроила новые портянки. Мать пришивала лямки к холщёвому мешку. Отец разбирал бумаги, записывая что-то в тетрадку. Потом сели завтракать, но никто до еды не дотронулся.

— Ну, мне пора.

Отец подошёл к бабушке.

— Прощайте, мама!

Бабушка обвила руками шею отца, припала к его груди и замерла в беззвучном рыдании.

— Не тужите, мама. Живы будем — свидимся.

А у самого глаза тоже мокрые — никогда Гена не видел у отца таких.

— Прощай, Анисья, жена!.. Не плачь, не надрывайся горем... Берегите тут все, хозяйство содержите в порядке. Тяжело вам будет, а надо как-нибудь справляться...

— Ну, сынок, прощай. Умником будь. Ты теперь за мужика в доме остаёшься. Матери помогай. В колхозе будешь работать — изо всех сил старайся. Пионер — всем пример... Прикончим Гитлера, приеду погляжу, как ты тут хозяйничал...

Гена хоть и твёрдо решил не заплакать, да ничего не получилось... Хорошо, что Витька не видит его сейчас такого беспомощного в эти горестные минуты.

— Папка, миленький, хороший! Приезжай скорее, папка!..

4

С каждым днём жизнь становилась тревожнее, труднее, непонятнее. Как будто кто-то чужой, страшный, взял и захлопнул перед Генкой дверь, за которой осталось всё привычное, ясное, обжитое.

Снова приезжал из Семлева комсомольский инструктор, но костра уже не было и песен не пели.

Инструктор собрал в школе всех школьников и пионеров и сказал им, что они в дни войны сила в колхозе, что Расловка теперь прифронтовая полоса и все должны быть бдительными.

Гене не очень понятно, что значит «сила в колхозе» и как это «быть бдительным», одно только ясно: конец прежней беззаботной жизни, каникулам, составлению рациона для ужа...

Гена привык просыпаться при первом окрике бабушки. Он наскоро завтракал, надевал отцовский брезентовый пиджак и вместе с матерью шёл на работу — копнить сено, полоть просо, складывать снопы в бабки.

Гена соревновался с Витей Путинцевым, и бригадир Иван Павлович говорил, что он наверняка займёт первое место. Конечно, займёт, потому что Витька то и дело бросает работу и начинает рассказывать новости.

— Генка, слышал! Опять бомбили Смоленск...

— Слыхал, Генка? Дорогобуж горит...

Но какие же это «новости», когда каждую ночь встаёт на половину неба зарево пожаров, когда всё чаще и явственнее доносится до Расловки гул взрывов с той стороны, где железная дорога.

С каждым днём всё ближе надвигается война. Над самой Расловкой чуть ли не каждый день летают фашистские самолёты, да так низко, что ясно видны чёрные паучьи лапки в белом кружке. Возле Чесноковки,

в березняке, разорвалась немецкая фугаска. Через Расловку на грузовиках и на подводах везут раненых красноармейцев.

Гена вчера слышал, как Иван Павлович говорил его матери:

— Наши на войну ушли, а война на нас идёт... Ой, худо, Анисья! Неужто под фашистом доведётся жить? Ведь это горше смерти...

Мать ничего не сказала. Только приложила кончик платка к глазам и плечи у неё мелко-мелко затряслись.

5

Никогда ещё не было такой тяжёлой осени. И дожди какие-то очень мокрые, холодные.

Занятий в школе нет. Вчера рыли картошку и позавчера. И всё время дожди. Хоть папкин пиджак и брезентовый, а всё равно промокает и делается такой тяжёлый, лубяной.

И люди такие молчаливые, а если и говорят, то о таком, что слушать страшно...

Через Расловку часто проходят воинские части. Красноармейцы усталые, хмурые. Спросишь у которого-нибудь: «Дяденька, а до нас фашисты придут?» — так даже не ответит. Отвернётся, будто ничего не слышал, идёт дальше. Вот и сегодня утром проходили красноармейцы. Гена, как всегда, встретил их у околицы и проводил до другой, зорко всматриваясь в лица бойцов — может быть и папка его тут?

Одному красноармейцу, пожилому, с седыми усами, Гена задал всё тот же тревожный, не дававший ему покоя, вопрос:

— Дяденька, а до нашей деревни фашисты дойдут?

Усатый сначала ничего не ответил, только чудно так посмотрел на Генку, потом погладил его большой рукой по голове и сказал:

— Может, и дойдут, парень... Может и дальше, малость заберутся... А только назад уже им не выбраться... Не горюй, парень, наша возьмёт!

И в тот же день, через несколько часов произошло то, что давно заставляло трепетать в страхе Генино сердце. На всю жизнь запомнится этот холодный, страшный октябрьский день, когда в Расловке появились немцы...

Гена и Витя Путинцев, неразлучные с самого первого класса товарищи, сидели на ступеньках школьного тамбура и, по обыкновению, ожесточённо спорили. На этот раз спор шёл о том, кто громче воет — «Мессер» или «Фокке». Ребята уже хорошо разбирались в марках самолётов и научились даже только по шуму моторов отличать советские машины от вражеских.

Вдруг до слуха мальчиков донёсся неясный гул. Он надвигался на деревню, быстро нарастая, неумолимо приближаясь к ней. Уже можно

было разобрать дробный перестук моторов, треск выхлопных труб, назойливый вой гудков.

В деревню на большой скорости ворвался отряд немецких мотоциклистов. Они были в серых, мышиного цвета, шинелях и металлических касках. Лица у них были прикрыты ветровыми очками.

По сигналу головного отряд замедлил ход и, поровнявшись со школой, остановился. Головной снял очки, осмотрелся по сторонам. Увидев на ступеньках мальчиков, он поманил их пальцем.

Страх сковал Геннадия язык и ноги. Он смотрел на немца округлившимися от испуга глазами. Вот они, эти самые фашисты, которых Гитлер прислал сюда грабить, убивать, сжигать людей заживо!..

Отрывисто, будто залааяв, немец крикнул:

— Мальшик, иди сюда! Скоро! Ну!

Гена неуверенно подошёл к мотоциклисту.

— Чего вам?

— Мальшик, ты будешь нам показывать дорога на деревня Потапово. Понималь?

Гену обожгла страшная мысль. Потапово... Но туда же направились, проходившие утром, красноармейцы. Фашисты могут догнать их и...

— Вам на Потапово? Как выедете за околицу...

— Околицу? Я не знайт, что такой — околиц, я спрашивайт Потапово.

— Я говорю: как выедете из нашей деревни, сворачивайте налево и прямо, мимо лесочка.

— Налево? Линкс! Понималь. Ошень хорошо. Ты умни мальшик...
Немец что-то крикнул отряду. Затарахтели моторы и мотоциклисты двинулись к околице. Гена видел, как они на полном ходу свернули налево, в противоположную от Потапово сторону...

Витя Путинцев серьёзно, понимающе смотрел на товарища. Быть может, впервые за три года дружбы ему нечего было возразить, не о чём было спорить.

— Ух, и здорово ты их надул! Хитрый ты, Генка!

Гена ответил:

— Не хитрый, а такой, как сказал тогда инструктор: бдительный...

6

Поздно ночью кто-то постучался в окошко. Гена проснулся, но, решив, что ему почудилось, снова закрыл глаза.

Тук, тук, тук!

Нет не почудилось. Осторожно и в то же время настойчиво кто-то стучал в дребезжащее стекло. Проснулась мать, подошла к окну, отогнула край домотканного рядна и, всматриваясь в темноту, испуганным голосом спросила:

— Кто такие?

Гена не разобрал, что ответили за окном, но по голосу узнал колхозного дедушку Митрофана. И сразу догадался: дедушка привёл к ним «окруженца»¹, его надо спрятать.

Когда Анисья зажгла подслеповатую коптилку, Гена увидел дедушку Митрофана и незнакомого человека. Лицо его обросло бородой до самых глаз, но всё равно видно было, что он совсем не старый. На нём ватник с короткими рукавами, линялые брюки, рваные сапоги и старенькая шапка-ушанка. Он стоял, тяжело опираясь обеими руками на берёзовую палку.

— Вы присядьте. Вот сюда. Печка ещё тёплая...

— Садитесь, товарищ политрук, — забасил дедушка Митрофан. — Это не секрет, что в ногах правды нет. Да ещё когда они ранены.

Незнакомец не сел, а повалился на пододвинутый к печке табурет. У Гены даже защемило сердце — так явственно ощутил он, насколько обессилел этот человек. От нахлынувшего чувства жалости у мальчика подкатил к горлу тёплый комочек и зашипало глаза.

Дедушка Митрофан свернул цыгарку, высек огонь кресалом и, выпуская клубы дыма из носа и рта, сказал:

— Так вот, значит, Анисья Викуловна, берёшь ты этого товарища к себе на жительство и под свою ответственность. Выходи его, на ноги поставь. Хлеб, приварок пока есть — кормитесь, потом что-нибудь при-

¹ Так звали в то время красноармейцев, оставшихся в немецком окружении.

думаем... Если хлопотно покажется — Захара своего вспомни, может и его чья-нибудь добрая душа пригрела... И вот что ещё: у нас в деревне пока тихо, в дальнем углу живём, но на всякий случай надо бы в подполье нары сколотить. Утречком приду, сделаю... Ну, политрук, не опускай рук, придётся ещё германа бить... Пошёл я.

— Обожди, отец!

Ночной гость выпрямился, будто сбросил с себя придавившую его усталость, и, строго глядя на Анисью, спросил:

— Вы, хозяйшюшка, понимаете, какая опасность вам грозит, если немцы меня здесь найдут? Они ведь ни милости ни жалости не знают. О себе не говорю, но и вас не пощадят. Подумайте об этом, а потом уже решайте.

У Гены от волнения даже кулаки сжались. Широко раскрыв глаза, он смотрел на мать. Что скажет она? Неужели испугается? Неужели скажет этому человеку: «Боюсь я, уходите»...

— Вас как звать-величать?.. Николай Фадеевич? Так вот, Николай Фадееч, что я вам скажу: думать мне сейчас нечего, давно все думы передумала. Смерть горька, а Гитлер — горше смерти... Не поддадимся мы! Оставайтесь, живите!..

Дедушка Митрофан опустил руку на плечо ночному гостю и гаркнул своим бацищем:

— Слыхал, политрук? Вот они какие мы, советские! Ершисты фашисты, да не на таковских напали!..

А Гена забрался с головой под одеяло и горячо прошептал:

— Спасибо, мама! Ты у меня хорошая... Настоящая!..

7

Деревня Расловка стоит в стороне от больших дорог. До железнодорожной станции километров тридцать, почти столько же до районного центра, и до шоссе пятнадцать километров.

В осеннюю распутицу эти расстояния становятся ещё более длинными, но расловцы этому рады: после промчавшихся через деревню немецких мотоциклистов, ни один фашист не показывался в Расловке.

В конце октября ударили, необычные для той поры морозы, выпал снег и в несколько дней установился санный путь. Людей охватила жгучая тревога. Со дня на день могли нагрянуть немцы и с ними их неотступные спутники — грабёж, разбой, издевательства.

В это утро Гена, как обычно, справлял хозяйские обязанности по двору. Он вычистил хлев, сменил подстилку корове и кабанчику-годовичку, оставалось свалить с чердака охапку сена и можно идти завтракать.

Со двора слышались незнакомые голоса. Гена быстро спустился с чердака и приник к щели. В нескольких шагах от сарая стояли два не-

мецких солдата, а с ними Елохов, приехавший в колхоз перед самой войной, и ещё какой-то небольшого роста человек в чёрном дублённом полушубке.

Немцы что-то говорили Елохову, который стоял перед ними навывтяжку и смотрел немигающими глазами. Когда к нему обращался тот, что в полушубке, он ещё больше вытягивался и отрывисто отвечал: «Так точно! Слушаюсь!»

Затем они все вошли в сарай. Немец постарше, оглядев кабанчика, осклабился, открыв большие, жёлтые зубы и, перегнувшись через дверку закута, начал чесать «Борьку» за розовым ухом.

— О, гут! Карош свинка... Шпиг, много шпиг...

Переводчик обернулся к Елохову:

— Кто дома есть? Кликни сюда хозяйку.

Теперь Гена узнал этого человека... Это же Ваня — избач, из Рамени! Ещё он приезжал в Расловку на Первое мая с кружком самодеятельности и показывал в школе какую-то пьеску. Потом, уже в войну, кино привозил. А теперь он с немцами ходит. Значит, предатель?..

Когда Анисья, бледная, с трясущимся подбородком, вошла в сарай, Елохов строго сказал ей:

— Так вот, Анисья Вашурина: немецкая комендатура берёт у тебя на учёт корову, боровка их благородия сегодня возьмут. Понятно?

Поблудившими губами Анисья ответила:

— Понятно, Афанасий Гордеевич...

— После обеда явишься в школу. Господин представитель коменданта будет разговаривать. Поняла?

— Поняла, Афанасий Гордеевич.

Длинный и худой, как жердь, немец погрозил Анисье пальцем, показал на свой автомат и что-то сказал жёлтозубому. Тот причмокнул языком, ухмыльнулся, потом они залопотали что-то по-своему и в сопровождении переводчика направились к калитке.

Через несколько минут из соседнего двора, где жила Вера Игнатьевна Домашнева, колхозная свинарка, донёсся отчаянный крик.

Размахивая кулаками, Вера Игнатьевна кричала Елохову:

— Убей — не отдам борова! Правление, бесстыжие твои глаза, в премию мне его выдало за стахановское старание, а теперь — грабить? Уходи, Иуда!

Елохов, отступая от разъярённой женщины, с опаской поглядывал на немцев и старался говорить, как можно начальственнее.

— Но, но, помалкивай, дурья башка! Раз приказано — должна подчиняться властям.

— Плевала я на твою власть грабительскую и на тебя, немецкая шкура!..

Быстрым движением длинный немец снял висевший у него на шее автомат и со всей силой ударил Домашневу в грудь. Она без звука свалилась навзничь и раскинула руки. Глаза у неё закатились, на посинев-

ших губах запузырилась розовая пена. Немец подошёл к ней, пнул тяжёлым сапогом в бок и начал что-то громко, сердито говорить переводчику.

Гена слышал, как Ваня-избач сказал Елохову:

— Велят сегодня же увести корову, борова и всех овец. Под вашу ответственность.

Елохов вытянулся перед немцем, сложил руки по швам:

— Слушаюсь.

8

Испуганные, подавленные событиями дня и мрачной неизвестностью, шли на собрание в школу расловские жители — женщины, старики, ребяташки.

За столом сидел здоровенный немец с такой маленькой головой, что Генина шапка, наверное, болталась бы на ней, как на чучеле. Он часто обращался к переводчику, смотрел на него выпученными глазами и что-то записывал себе в книжку.

Когда же в школе собралось порядочно народу, немец встал, обвёл всех воловьими глазами и, сильно картавя, заговорил, медленно подбирая слова:

— Толмач будет передавать вам приказание германский комендатура. Ахтунг! Внимание!

Ваня-избач встал у края стола и, вытерев ладонью вспотевший лоб, начал читать по бумажке:

«Представитель районной немецкой комендатуры господин ефрейтор Отто Венцель (немец, услышав своё имя, задрал головёнку и ещё больше выпучил глаза)... извещает жителей деревни Расловка, что с сегодняшнего дня старостой вашей деревни назначен известный вам Елохов Афанасий Гордеевич. Запомните это... Все приказы комендатуры будут передаваться населению через старосту, и население должно ему во всём подчиняться.

Господин ефрейтор приказывает вам соблюдать спокойствие и порядок, не чинить никаких препятствий старосте и солдатам германской армии. За неповиновение виновные будут наказываться по законам военного времени, вплоть до расстрела.

Строго запрещается хранить огнестрельное и холодное оружие и содержать у себя в домах посторонних лиц. При появлении таковых в деревне, немедленно извещать о том представителей власти. За нарушение виновные будут строго наказаны, вплоть до расстрела.

Господин ефрейтор отдал приказ старосте Елохову в десятидневный срок обмолотить весь хлеб, хранящийся в скирдах. Население должно оказать ему в этом полное содействие. За невыполнение виновные будут строго наказаны, вплоть до расстрела».

Ваня-избач кончил читать и передал бумажку немцу.

В зале водворилась мёртвая тишина. И вдруг раздался зычный бас дедушки Митрофана, ефрейтор Венцель даже вздрогнул, и глаза у него беспокойно забегали.

— Господин переводчик! Вы извиняйте, что я вас так обзываю,— нынче, я вижу, многие в господа норовят... Вопросец нашему старосте можно задать? За это расстрел не полагается?

Венцель вопросительно посмотрел на переводчика, тот ему что-то сказал, и ефрейтор важно кивнул головой в сторону дедушки Митрофана:

— Битте.

— Сперва «битте», а потом будем биты... (в зале возник робкий смешок...). Хочу задать вам вопросец, Афанасий Гордеевич. Вот приказано нам обмолотить хлеб. Хорошо. А кому, интересно нам знать, этот хлеб достанется?

Елохов, сидевший в переднем ряду, подошёл к столу и, поглядывая то в зал, то на ефрейтора, ответил:

— Весь обмолоченный хлеб будет передан в распоряжение господина районного коменданта, который определит ему назначение по мере надобности. Понятно?

— Понятно, господин староста! Покорно благодарим за разъяснение...

Дедушка Митрофан низко поклонился Елохову. Сделал он это, как будто, очень серьёзно, но снова в зале кое-где раздался сдержанный смех. Гене даже показалось, что весёлая, лукавая искорка сверкнула в глазах у Вани-избача...

9

Вечером Гена рассказывал в подполье «окруженцу» Николаю Фадеевичу о всём, что он видел и слышал за этот день.

— Вера Домашнева плоха, кровь у неё горлом идёт... Немцы после собрания бражничали у Елохова, затем пошли по дворам отбирать скотину, «Борьку» тоже увели... У Епифановских пьяный немец застрелил из автомата штук пять гусей... У дяди Егора Буренкова немцы задержали трёх каких-то нездешних людей, но переводчик объяснил, что это мастеровые, которые пришли в Расловку на заработки... Потом немцы погрузили награбленное у колхозниц имущество на двенадцать саней и уехали.

— Дядя Коля, может быть они уже больше в нашу деревню не приедут?

— Нет, Гена, приедут... Сегодняшний налёт — только начало. На этом гитлеровские грабители и убийцы не остановятся... А кто эти мастеровые, у дяди Егора?

— Я и сам не знаю, дядя Коля, сегодня видел их в первый раз.

Вася говорил, что они будут жить у них на квартире. Один, такой пожилой, с бородкой — сапожник, а двое помоложе — слесарь и плотник. Дядя Коля! А как же теперь будет с хлебом?

— С каким хлебом?

— Ну, что немцы велели обмолотить.

— Как будет? — Николай Фадеевич горько улыбнулся. — Очень просто, Гена: заберут его немцы. А люди будут голодать...

Помолчав, добавил:

— Я расскажу тебе, Гена, один случай. В деревню, не помню в какую, приехали немцы и велели обмолотить и сдать им колхозный хлеб. Точь-в-точь как сегодня в Расловке... Староста согнал народ на ток, а молотилка не стала работать. Староста кричит, шумит: «В чём дело? Почему молотилка не идёт?» А когда проверили, то оказалось, что кто-то снял с неё ремень и некоторые части, молотилка вышла из строя.

— А кто же это сделал, дядя Коля?

У Николая Фадеевича лицо как будто серьёзное, а глаза хитрые, смеющиеся.

— Говорили после, что сделали это пионеры...

У Гены даже рот раскрылся от восхищения.

Он о чём-то задумался. Уходя, сказал:

— А это вы здорово про пионеров рассказали.

10

С тех пор, как у Буренковых поселились мастеровые, здесь каждый вечер собиралось много народу, как раньше в красном уголке. Придут, рассядутся по лавкам или на корточках к стене приткнутся, и пошли разговоры. Махоркой надымят так, что из одного угла другого не видно.

Сапожник — его все звали Андреичем — сидит на низеньком табурете с ремёнными перепонками вместо сиденья и чинит какое-нибудь старьё. Плотник Илья Лукич на полу возле печки долбит долотом осиновые чурбашки — корытца мастерит. А Пал Палыч, слесарь, вроде как помощником у обоих: то плотнику топор заточит, то шило для Андреича.

Дедушка Митрофан был здесь завсегдатаем. И хотя говорили всё больше о печальном, — какие же при немцах радости! — но дедушка умел шутку какую-нибудь пустить и про гитлеровцев что-нибудь смешное рассказать.

Гена приходил сюда почти каждый вечер. Ему самому интересно среди взрослых, и кроме того Николай Фадеевич очень интересовался этими беседами. Он всегда расспрашивал Гену, о чём шёл разговор, а главное, что говорили мастеровые.

А говорили они о разном, особенно сапожник: будто, в Белоруссии и на Украине действуют партизаны, не дают немцам житья, и на Смоленщине уже появляются партизаны. Под Дорогобужем поезд под откос

пустили. Около станции Угра линия перерезана партизанами, и уже несколько дней поезда не ходят...

— Не дремлет народ, Андреич! — вставляет слово дедушка Митрофан. — Думал немец, будет ему покой, а выходит — «со святыми упокой»...

— Везде люди, как люди, — продолжал Андреич, — одни мы сидим, на авось надеемся: авось смилятся над нами немцы, авось поросятами от них откупимся...

— Посидим, посидим — и встанем. Мы ведь тоже русские!..

— Нашёлся бы кто команду подать...

— Было бы кем командовать...

— Правильно говоришь, Андреич! Командир без армии, что крыша без стен...

— Елохов опять вчера в район ездил, всё насчёт ремонта молотилки хлопочет... Рассказывает, будто не нынче-завтра немцы в Москву войдут...

— Не пустят, — гаркнул Митрофан.

— Врёт он!.. — выкрикнул вдруг Гена и сам испугался: нехорошо вмешиваться в разговоры взрослых. Но ведь не может быть, чтобы фашистов пустили в Москву!..

— Не пустят? — Как бы удивился Андреич. — За других говоришь?.. А партизаны говорят иначе: не пустим!.. Вот оно что...

Когда уже все расходились, Андреич задержал Гену.

— Может поговорим ещё?

Гена остался вдвоём с Андреичем.

— Вот, пионер, какие дела... На фронте у тебя отец?

— С первого дня...

— Может помочь ему хочешь?

У Гены загорелись глаза.

— А как?

— А вот, скажем, сходить в Гряково.

— Так это же какая помощь папке?

— Большая... Мы здесь должны крепить силы, а всё, что я буду тебе поручать, — это связано с укреплением нашей силы здесь. Согласен?

— Согласен.

— Отнесёшь для начала гостинец от тётки Настасьи вдове старшего сына Буренковых Липе.

У Гены в ближних деревнях много знакомых ребят, они не раз приходили в Расловку на пионерский костёр и расловские пионеры у них бывали. Гена должен узнать у тамошних ребят, есть ли в Грякове «окруженцы», много ли и у кого живут. Как вернётся из Грякова, немедленно обо всём расскажет Андреичу — и больше никому ни слова!

Гена, конечно, не мог знать, что придумал всё это не один Андреич, что вопрос о посылке его в Гряково обсуждали накануне все трое мастеровых, дядя Егор, дедушка Митрофан и ещё один человек, которого Гена напрасно считал очень плохим человеком.

После Грякова Гена побывал с таким же поручением в старом Потапове, в Ботине, в Клину, выясняя там всё то, что интересовало Андреича, и Андреич, похвалив Гену, назвал его «лихим разведчиком».

...Девятое ноября. Гена возвращался домой из Чесноковки, где гостил у своей бабушки. Для Андреича у него были богатые сведения: «окруженцев» в Чесноковке человек сорок, раненых двое. Гитлеровцы рыскают по деревням, как бешеные собаки, отбирая у населения скот, хлеб, одежду, избивают людей; в Мостищах повесили захваченного ими командира Красной Армии и согнали всё село на место казни; в Сенном убили старика за то, что он отказался снять с себя полушубок.

Но самое страшное рассказал один из чесноковских жителей, вернувшийся вчера из районного центра. Он сам читал в газете, что немцы уже заняли Москву и что седьмого ноября состоится на Красной площади парад фашистов и на нём будет присутствовать «фюрер»...

Гена свернул с дороги, огибавшей лес, чтобы напрямик, лесной тропой выйти к Расловке.

Вот кончается лес. Сквозь оголённые деревья уже виднеется пожарная вышка, трубы на школьной крыше, верхушка ветлы, что возле двора дедушки Митрофана. Только перейти овраг, подняться в горы и дома.

Мальчик уже начал спускаться в овраг, когда шагах в двадцати от тропки он заметил темневший на снегу свёрток. Гена подошёл ближе и увидел плоский пакет, завёрнутый в коричневую бумагу и перевязанный верёвочкой.

Потерял кто-нибудь? Припрятал? Нет, не может быть: снег кругом нетронутый, нигде никаких следов.

Гена поднял свёрток и хотел было развернуть его, чтобы посмотреть свою находку, но передумал: кто-нибудь может из лесу подойти, надо быть осторожным. Он сунул свёрток под ватный пиджак и, придерживая рукой оттопыренную полу, чуть не бегом припустил в горку...

Анисья радостно тормозила сына, целовала его в порозовевшие щеки и потный лоб.

— Гена! Сыночка! Гостевальщик ты мой миленький! Проголодался, наверно. Скоренько раздевайся, как раз к обеду поспел. А вспотел-то как! Мышонок мокрый...

Николай Фадеевич тоже обрадовался мальчику и посмотрел на него добрыми, ласковыми глазами. Анисья развязала шерстяной шарф, несколько раз обёрнутый вокруг Гениной шеи, и стала расстёгивать на нём пиджак. Гена отстранил её рукой.

— Не надо. мама. Я сам.

Вынув из-под полы свёрток, он протянул его Николаю Фадеевичу:

— Смотрите, дядя Коля, что я нашёл. Вон там, в овраге.

Николай Фадеевич начал распутывать верёвочный узел. Гена заметил, как у политрука от волнения дрожали пальцы.

— Анисья Викуловна! Голубушка! Вы знаете, что это? Да ведь это же газета «Правда»! За 8 ноября. Вчера ещё она была в Москве!.. Гена, ты посмотри сюда!.. Слушайте: «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года». Вот, смотрите!.. Значит, Москва наша...

Гена увидел на газетном листе знакомые очертания мавзолея. На трибуне среди своих верных соратников стоял Сталин. Высоко поднятой рукой он приветствовал участников парада. Через Красную площадь нескончаемым потоком двигались пушки и танки.

Мальчик, не отрываясь, всматривался в знакомые, родные черты вождя и чувствовал, как радостно замирает сердце. Он понял, что никогда Москва не будет осквернена врагом, что на защиту её, вместе со Сталиным, вместе со всей Красной Армией, со всем советским народом, встанет раненый политрук, Андреич, дядя Егор, дед Митрофан и многие, многие другие.

Торжествующий просветлённый радостью Гена бросился к политруку и горячо обнял его за шею.

Газеты, по совету Николая Фадеевича, он отнёс сапожнику.

На следующий день квартиранты Буренковых ушли из Расловки. Тётя Настя сказала, что они пошли в окрестные деревни на заработки. Дядя Егора тоже не было дома — надумал сходить в Гряково сноху провёлать.

Незаметно прошла неделя. Как-то Гена собрался навестить тётку Настасью и застал у Буренковых полон дом людей. Вернулись мастера-вые и дядя Егор. Был здесь дедушка Митрофан и ещё какой-то незнакомый, которого звали Иван Фёдорович.

А этот?.. Неужели Гене привиделось? Нет, это он... Но что ему здесь нужно? Почему терпят его рядом с собой эти хорошие люди?

За столом, рядом с сапожником сидел бывший раменский избач

Ваня — немецкий переводчик, предатель. Он со спокойной улыбкой посмотрел на оторопевшего мальчика, явно насмехаясь над его растерянностью. Коверкая слова, Ваня-избач обратился к Гене:

— Малыш, потшему ты смотришь на меня с такой сердита глаз?

Все расхохотались, а громче всех, конечно, дедушка Митрофан.

— Не робей, Гена! Это хитрость наша: речь немецкая, а душа советская.

Гена молча сел рядом с Васей и спрятался за его широкую спину.

А взрослые продолжали прерванный приходом мальчика разговор.

Все слушали внимательно, хотя говорили, казалось Гене, о пустяковых делах. Сапожник рассказал, что он в трёх деревнях починил около семидесяти пар обуви. Иван Лукич с серьёзным видом сообщил, что сделал в Чесноковке сорок с лишним корыт. Пал Палыч в Сенном подогнал к замкам с полсотни ключей. Потом дядя Егор ни с того, ни с сего заявил, что у него в Грякове и в Мостищах наберётся не менее полсотни родичей и все обещали придти в гости.

— А как же с угощением быть, Андреич? — спросил Ваня-избач. — Гостей-то мы назвали, а угощения хватит едва ли.

Сапожник барабанил пальцами по столу, подумал, затем сказал:

— Выход, Ваня, один: взять угощение придётся у заезжих купцов. Узнать, когда они появятся в здешних местах, — это твоя забота.

Гене скучно было слушать эти разговоры, и он шёпотком спросил двоюродного брата:

— Вася! Ваня-избач до немцев был комсомольцем? Правда?

— Он и сейчас комсомолец, — улыбаясь ответил Вася.

— Вася! Так ведь он с немцами ходит! И тогда в школе, помнишь?

— Ходит потому, что так надо. Такое дано ему комсомольское задание...

— Вася! А у тебя комсомольское задание есть?

— У меня, Гена, задание — держать язык за зубами. И тебе такое же задание даётся. Ясно?

12

— А-а, лихой разведчик явился! Здравствуй, здравствуй! Как живём, что поделяваем?

— Ничего, дядя Андреич, не поделяваю. Просто так.

Сапожник сидит на своей перепончатой скамейке и приколачивает подмётку к сапогу. Кольнёт шилом, вынет из уголка губ гвоздик и вгонит его молотком. Вот ещё один, ещё. Уже штук двадцать вколотил. И всё молча.

— Дядя Андреич, вы меня звали?

— Приглашал...

И продолжает молча работать. Как будто для того и позвал, чтобы похвастать, как он ловко вгоняет гвоздики...

— На лыжах бегать умеешь?

— В прошлом году на БГТО нормы сдал!

— В таком случае у нас с тобой состоится разговор.

Гена сейчас же должен отправиться в Мутилино. Там он найдёт Ивана Фёдоровича Голдобина, того седого высокого, что был здесь тогда с Ваней-избачом, отдаст ему сапоги и получит деньги за починку. Иван Фёдорович знает сколько.

— Домой вернёшься, когда Голдобин тебе скажет, и прямо с ходу ко мне.

И Гена тотчас же встал на лыжи и через лесок направился в Мутилино, а когда совсем стемнело, уставший, разгорячённый быстрой ходьбой, постучался к Буренковым. Не успел переступить порог как сапожник нетерпеливо спросил его:

— Деньги принёс? Сколько?

— Тридцать восемь рублей, дядя Андреич. Вот на.

— Ничего Голдобин не наказывал?

— Велел сказать спасибо. Сапоги, говорит, как новенькие стали. В таких сапогах можно от Мутилина до Дорогобужа дойти.

— Так и сказал? — от Мутилина до Дорогобужа? — переспросил Гену Андреич.

— Ага! И в гости к вам собирается. — Пусть, говорит, ждёт гостей завтра к обеду.

— Так, так... Молодчина, Геннадий! А теперь, сынок, ступай домой, отдыхай. Мамка, наверно, заждалась тебя...

На следующий день в Раслово прибыл немецкий обоз. Три десятка саней были с верхом нагружены мешками и ящиками.

Староста Елохов разместил гитлеровцев в школе. Он насбирал в деревне кур, яиц, масла и заставил школьную сторожиху готовить обед. До поздней ночи немцы пьянствовали, играли на губных гармошках и горланили песни.

Рано утром обоз выступил из Расловки на Дорогобуж. В пяти километрах от деревни там, где лес с двух сторон вплотную подвинулся к дороге, партизаны напали на немцев. Тридцать восемь немцев были уничтожены. Партизаны захватили богатые трофеи: полсотни автоматов с большим запасом патронов, четыре пулемёта и много продуктов.

Гена и не подозревал, что в этой первой боевой операции расловских партизан, открывшей счёт мести фашистским захватчикам, он сыграл немалую роль, что его лыжная прогулка в Мутилино была разведкой численности и маршрута немецкого обоза, которая и обеспечила успех операции.

Обо всём этом он узнал только на следующий день, в тот знаменательный день, когда перед мальчиком раскрылось много чудесных тайн, наполнивших радость, гордостью и надеждой его маленькое сердце.

С самого утра в Расловку начали стягиваться со всей округи вооружённые люди.

Шли из Чесноковки, из Грякова, из Сенного, из Мостищ, из Старого и Нового Потапова, из других селений. Шли военные и штатские, молодые и старые, коренные жители Смоленщины и люди из дальних краёв, заброшенные сюда невзгодами войны.

Шли вооружённые русскими винтовками, немецкими автоматами, охотничьими ружьями, старыми берданками.

В доме Буренковых было тесно.

Андреич — Гена привык видеть его на низенькой скамейке, в просмоленном брезентовом переднике, — одет сейчас в военную форму. На воротнике гимнастёрки блестит красной эмалью командирская «шпала». Неузнаваемо преобразились в военной одежде Илья Лукич и Пал Палыч.

И Николай Фадеевич здесь, который до этого утра не выходил никогда из подполья вашуринского дома! И откуда он знает дядю Егора и всех этих людей? Опираясь на палку — одна нога ещё не совсем окрепла, — Николай Фадеевич разговаривает с Голдобиным.

А это кто в чёрной гимнастёрке, высоких белых бурках, прикрывающих выше колен ватные брюки? Его зовут товарищ Морозов. Он ещё совсем молодой и маленького роста, но почему-то его все признают старшим, главным в удивительных событиях этого дня. Так хочется расспросить обо всём Васю, но он разговаривает в углу возле печки с молодым пареньком в длинной до пят шинели.

У парня смуглое лицо, узенькие щёлки глаз и волосы такого чёрного блеска, как будто их начистили ваксой. Закинув голову, он смотрит на Васю сверкающими глазами, хлопает его по плечу и говорит высоким гортанным голосом:

— Ты Вася — я Вася. Ты комсомолец — я комсомолец. Ты партизан — я партизан. Очень хорошо! Вместе воевать будем. Стрелять тебя научу — снайпером будешь. Лошадку найдёшь — кавалеристом будешь. Воин без коня — половина воина, воин на коне — два воина...

Они долго о чём-то говорят, Вася белый и Вася чёрный. В оживлённой речи, в радостных глазах зарождается, зреет кровная дружба двух советских юношей: смоленского паренька Василия Буренкова и казахского джигита Васакара Кусаинова...

— Товарищ Морозов! — зычный бас дедушки Митрофана притушил говор. — Народу в школе сотни две набралось. Не пора ли?

— Правильно, дед, пора. Пошли, товарищи, к народу!

14

...Говорил Морозов: «Наступление гитлеровцев на Москву закончилось полным их разгромом... Враг отброшен на десятки километров от нашей любимой столицы... Подмосковная земля завалена трупам...

ми фашистских захватчиков. Тысячи немецких танков, пушек, машин превращены в железный лом. В Белоруссии, на Украине, на всех временно захваченных гитлеровскими бандами землях сотни тысяч людей по зову великого Сталина встают с оружием в руках, чтобы отомстить фашистам за кровь и муки, за поруганное счастье, за слёзы жён и матерей. Сегодня в ряды этих славных советских патриотов вступают расловские партизаны. По поручению районного комитета партии...»

Так вот, кто он, человек в чёрной гимнастёрке! Вот почему все слушают его с таким вниманием и доверием! «По поручению районного комитета партии»...

Теперь Гена понимает, что делал в Расловке «сапожник» Андреич, кто давал задания комсомольцу Ване-избачу, зачем ходили по деревням мастеровые и дядя Егор, откуда Николай Фадеевич знает Голдобина, кто привёл сегодня в Расловку вооружённых людей.

Значит и теперь, как раньше, до немецкой оккупации, организующей, руководящей, направляющей силой остаётся партия большевиков, и голос партии — единственный, к которому прислушиваются советские люди, на зов которого они откликаются!..

15

Командиром и комиссаром партизанского отряда назначен «сапожник» Андреич. Помощником командира — Иван Фёдорович Голдобин. Командиром первой роты — Николай Фадеевич, второй роты — Илья Лукич и третьей роты — незнакомый Гене военный — Демид Супрун.

По предложению дедушки Митрофана, отряд назвали «Гроза».

— И пусть наш новорождённый партизанский отряд, — закончил дедушка свою короткую речь, — станет грозой для гитлеровской нечисти! И чтобы не знали мы страха в груди и дрожи в руках! И чтобы каждая наша партизанская пуля разила фашиста в самое его сердце!

Андреич заполняет списки личного состава отряда. У стола образуется длинная очередь.

— Галанин Иван Сергеевич. Здешний житель, колхозник...

— Мироненко Опанас Трофимович. Красноармеец. Оружие сохранил. Винтовка, сорок патронов, три гранаты...

— Вареницин Пётр Игнатьевич. Пулемётчик...

— Егор Видулов Веников...

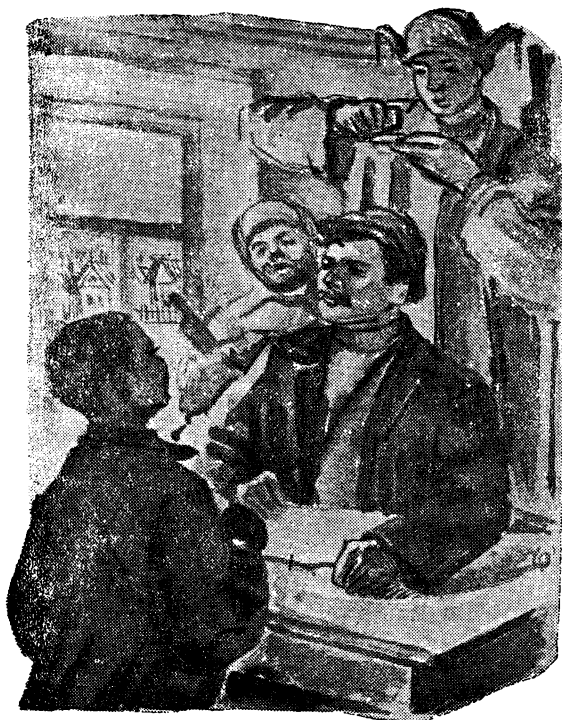
— Веников Василий Егорович...

— Мустафа Наметдинов. Младший лейтенант. Личное оружие имею.

— Серафима Барина, из Грякова, комсомолка. Ворошиловский стрелок...

Сильно припадая на согнутую в колене ногу, к столу подходит рыжебородый человек.

— Пиши меня, командир. Потаповский я, из Старого Потапова.

Бунчуков Иван, по батюшке Иванович... С немцами не впервой встречаться, в ту войну, в германскую, знакомство с ними заимел...

Андреич, улыбаясь, смотрит на рыжебородого:

— Как же ты, дядёк, воевать будешь с полутора ногами? А вдруг удирать придётся?..

— Я, товарищ командир, не для того в партизаны пишу, чтобы удирать от немцев. А догонять — от других не отстану...

Затаив дыхание, Гена всматривается в лица людей, которые один за другим подходят к столу. Бородачи и безусые, мужчины и женщины, рослые и тщедушные. Но у всех совсем одинаковые глаза: суровые, ясные, сохранившие тот огонь, который зажгёт в них своею

речью представитель райкома партии Морозов.

Гена слышит много разных имён и фамилий. Русские, украинцы, грузины, казахи. И понимает Гена, что на борьбу с фашистами идут люди из всех советских республик, из всех уголков Союза, все, кому дорога Родина и ненавистны её враги.

Мальчик решительно подходит к столу и чётко, как будто рапортует на пионерской линейке, говорит:

— Вашурин Гена... Геннадий Захарович. Прошу записать в партизаны!..

Морозов удивлённо и ласково смотрит на мальчика.

— Сколько тебе лет, Геннадий... Захарович?

— Скоро уже двенадцать будет.

— Да-а, пожилой возраст...

— Гена, сынок, — говорит Андреич, — я знаю, ты смелый парень и лихой разведчик, но партизанить тебе рано. Это очень трудно, Гена.

— Дядя Андреич! Товарищ командир! Я всё понимаю. Вот увидите! Товарищ командир! У меня и папка на фронте...

Надо крепче прикусить задрожавшие губы. А то какой же он партизан, если сейчас расплачется...

К столу подходит Николай Фадеевич:

— Товарищ командир! Ходатайствую за Геннадия Вашурина. Прошу принять его в отряд и зачислить связным при командире первой роты...

Так свершился великий перелом в жизни расловского пионера Гены Вашурина.

16

Когда составление списка было закончено, Андреич объявил первый приказ отряду о дисциплине, о бдительности, об организации мастерских для ремонта оружия, о пошивке тёплой одежды.

Затем Андреич внёс новое предложение: во всех селениях, откуда собрались партизаны, немедленно обмолотить оставшийся в скирдах хлеб, распределить его по колхозникам и запрятать так, чтобы ни одного зёрнышка не досталось врагу.

— Дозвольте сказать слово,— поднялся с задней скамейки бывший колхозный бригадир Иван Павлович.— Я с таким предложением вполне соглашаюсь. Негоже колхозным хлебушком кормить фашистов. Надо не только его для себя припрятать, мы согласны даже совсем сжечь свой хлеб, только бы он немцу не достался. Так и Иосиф Виссарионович посоветовал нам... Одна беда, граждане,— молотить нам нечем! Наша БР—23 разутая, раздетая стоит, ремень с неё снят, многих частей не хватает. Я думаю так сделать придётся: как гряковцы с молотьюбой управятся — машину доставить к нам. Мы даже согласны помочь им для ускорения дела...

В классе поднялся шум. Одни соглашались с бригадиром, другие возражали. Со всех сторон сыпались предложения и тут же отвергались.

— Молотилку, Иван Павлович, в мешок не спрячешь. Пока ты её из Грякова будешь доставлять, немец как раз и выследит...

— Предлагаем молотить цепами. По старинке...

— Вот так удумал! Восемьэтаких кладей цепами перетюкать — до конца войны хватит дела...

— Какой это лиходеи молотилку разобрал? Народным судом судить бы его!

— Не лиходеи, а добрый человек. И не судить, а всем бы народом ему поклониться. Кабы не он — давно бы наш хлебушко немцу в лапы попал...

Под шум и горячие споры никто не заметил, как исчезли из школы Гена Вашурин и его дружок Витя Путинцев.

Один только человек видел это: вашуринский постоялец, Николай Фадеевич. Он улыбнулся в усы и что-то сказал Морозову. Тот сначала удивился, а затем заулыбался и оба нетерпеливо посматривали на дверь.

Андреич, дробно постукивая своим портсигаром по краю стола, успокаивал спорщиков:

— Товарищи! Кончаем ярмарку и продолжаем собрание... Насчёт того, кто разобрал молотилку, я тоже думаю, что сделал это не лиходеи, а добрый человек. Говорило в нём чувство патриотизма. Думаю, что и человек этот скоро найдётся. А пока надо заняться подготовкой к мольбе.

В эту минуту открылась дверь, вошли Гена с Витей. У обоих за плечами мешки. Согнувшись от тяжёлой ноши, они с трудом пробрались через узкий проход к столу и тут же на глазах всех выворотили мешки, оттуда посыпались на пол шестерни, колёсики, шайбы, прутья. Затем Гена вынул из мешка и положил на стол туго свёрнутый в круг передаточный ремень.

Раздались возгласы:

— Ай да молодцы! Вот уважили!..

— Малы, а хитрее больших оказались...

— Чистая работа! Пионерская!..

— Наградить бы за это следовало!..

С пылающими щеками Гена и Витя стояли, окружённые плотным кольцом людей. Сверкающими от счастья глазами они смотрели друг на друга, на Андреича, на Николая Фадеевича, на партизан.

— Товарищи!

Морозов раскинул руки, словно собирался обнять всех собравшихся здесь...

— Товарищи! Правильно кто-то предложил наградить ребят. Но разве не лучшая награда для них — наше всеобщее признание! Непобедим наш народ, воспитавший таких детей! Непобедима наша страна, где все, от мала до велика, беззаветно встают на её защиту, на борьбу с её врагами!.. Спасибо вам, товарищи пионеры! Партизанское спасибо!..

17

За последнее время гитлеровцы не появлялись в Расловке и окрестных селениях.

Остатки разгромленных под Москвой немецких дивизий, перебрасываемых в тыл на переформирование, избегали маршрутов, отдалённых от железной дороги и больших трактов, из-за снежных заносов, сделавших дороги непроезжими, а главное, в страхе перед партизанами, которые всё чаще и смелее нападали на немецкие обозы и гарнизоны.

Партизанский отряд «Гроза» не собирался отсиживать в Расловке, дожидаясь пока появятся здесь гитлеровцы. Командование отряда спешно готовилось к боевым операциям.

Приводилось в порядок оружие. На складах с каждым часом росла горка полушубков, валенок, овчин, шапок. Женщины ночи напролёт вязали рукавицы, носки и шарфы, шили маскировочные халаты. Со всей округи привозили хлеб, мясо, масло, сало, крупу.

От всего сердца, ничего не жалея, местное население снабжало партизан всем необходимым для трудного боевого пути.

Связной первой роты Геннадий Вашурин с утра до ночи носился вихрем по деревне, выполняя распоряжения Николая Фадеевича, которого он называл теперь не иначе, как «товарищ командир»; бегал от оружейников к портным, от сапожников к кузнецам, надоедал начхозу Илье Лукичу бесконечными расспросами о количестве заготовленного для первой роты обмундирования.

Были у Гены и свои личные заботы и тревоги.

Получит ли он оружие?.. Автомата, пожалуй, не дадут и даже на простую винтовку нечего надеяться. Но уж пистолет ему обязательно должны бы выдать. Без оружия — какой же он партизан!..

И с маскхалатом тоже до сих пор неясно. Они все такие длинные: когда Гена примерил один, половина халата волочилась по полу. Неужели товарищ командир сам не догадается насчёт халата для него.

Но Николай Фадеевич был очень заботливый командир. Он интересовался каждым бойцом своей роты и знал их нужды. Не забыл он и о связном. Гена сам слышал, как командир просил начхоза заказать маскхалат «мальчишеского размера». Ясно для кого.

А насчёт оружия Николай Фадеевич и не заикался. Гена уже и намекал и вёл окольные разговоры, но командир какой-то недогадливый... Гена терпел, терпел и решил итти напролом. Выбрав подходящий момент, дома за ужином, он попросил разрешения «обратиться».

— Товарищ командир, оружие мне выдадут?

— А как же! Обязательно! Пушку хочешь?

— Ну да, пушку... Мне пистолет. Личное оружие системы «Наган»..

— А ты знаешь, как надо обращаться с личным оружием?

— Знаю: беречь как зеницу ока.

— Допустим... А как надо беречь зеницу ока?

Этого Гена не знал. Он даже не знал, что такое «зеница». Но, очевидно, это такая вещь, которую полагается очень, очень беречь...

— Зеницу ока надо беречь всё равно, как личное оружие...

Николай Фадеевич смеётся. Анисья ерошит Генке вихрастый чуб и ласково говорит:

— Ах ты, вояка! Несмышлёныш ты мой...

Она улыбается, а глаза печальные. У неё в последние дни всегда такие глаза, когда она смотрит на сына...

Гена уже лёг... Мать сидит за столом и, придвинув к самому краю коптилку, быстрыми пальцами перебирает вязальные спицы.

Николай Фадеевич стоит у печки и курит, пуская дым в отдушину.

— Так вот, Анисья Викуловна, послезавтра выступаем.

Гена заметил, как вздрогнули у матери руки. Большими от испуга глазами она смотрела на Николая Фадеевича.

— Послезавтра!..

— Да... Спасибо вам за приют, за материнскую заботу. Знаю, что

вы спасли мне жизнь, никогда этого не забуду... Разобьём Гитлера, кончим войну — приезжайте в гости к нам в Сормово... С мужем, с сыном. Завод наш покажу вам, на красавицу Волгу полюбуется. Не надо плакать, Анисья Викуловна! Слезами горю не поможешь, а наше народное горе и рекою слёз не залить...

— Николай Фадеевич! Голубчик! За Геной смотрите. Вместо отца будьте ему. На вас надеяться стану, добрый вы человек...

Анисья спрятала лицо в недовязанный носок. Гена видел, как вздрагивали у неё плечи...

Конечно, партизану плакать не полагается, но так жалко маму, так жалко!..

18

Партизанский отряд «Ураган», действовавший на территории Дорогобужского района, получил задание напасть на город Дорогобуж, уничтожить немецкий гарнизон и вывести из строя станционные сооружения, чтобы задержать на некоторое время передвижение свежих немецких частей на восток.

Ближайший гарнизон, который мог бы прийти на помощь Дорогобужскому при нападении на него партизан, находится в Семлеве. Чтобы помешать этому, необходимо связать руки Семлевскому гарнизону.

Для выполнения этой комбинированной операции решено привлечь расловский отряд «Гроза». Часть отряда должна участвовать в нападении на Дорогобуж, а другая — в Семлевском рейде.

Командованию «Грозы» известно, что немцы сильно укрепили районный центр. Пулемётные и миномётные точки расположены в разных концах села и держат под обстрелом все подступы к нему.

Необходимо точно выяснить количество и расположение огневых точек, вывести их из строя, чтобы подорвать боеспособность вражеского гарнизона и лишить его возможности оказать помощь Дорогобужской группе гитлеровцев.

...Узенькой тропой, протоптанной по краям занесённой снегом улицы, идут двое нищих — слепой старик с мальчишкой-поводырём. Они одеты в рваные полушубки, уши под старыми, вытертыми шапками повязаны платками, на ногах истоптанные лапти, надетые поверх разного тряпья. Через плечи висят холщёвые сумки.

Нищие переходят от дома к дому, стучатся в двери, в окна.

— Подайте милостыню слепому, незрячему, — гнусавит нараспев старик. — Не вижу света белого, солнца ясного... Пожалейте мое калечество, подайте милостыню Христа ради...

— Подайте милостыньку, — вторит плаксиво мальчик-поводырь...

Сердобольные люди выносят нищим краюшку хлеба, пару картофелин. А иные отказывают в подаении. Уж очень много развелось сейчас

нищих, бездомных людей, согнанных войной с родных мест, лишённых крова.

— Бог подаст, милые... Самим впору суму надевать. Не взыщите...

А к некоторым домам вовсе не подступишься. У дверей стоит немец — часовой и сердито кричит на нищих, прогоняет. К таким домам и подходить бы не следовало, да ведь старик слеп, а мальчишка глуп. Один немец даже за автомат схватился и как заорёт:

— Цюрюк! Блинде швайн!¹

Не прекращая заунывных причитаний, нищие обошли село из конца в конец. Уже надвигались на короткий зимний день сумерки, когда слепой старик со своим поводырём вышли из Семлева.

...В глухую полночь партизаны бесшумно сняли часовых, охраняющих вход в село. Через несколько минут в разных концах одновременно раздались сильные взрывы. Закиданные связками гранат огневые точки были взорваны вместе с прислужкой.

В селе поднялась невообразимая паника. Из домов выбегали полуодетые гитлеровцы, и многие тут же падали, сражённые пулями невидимых стрелков.

Какой-то ошалевший в страхе немец бежал по улице в одном белье, нелепо взлягивая босыми ногами, и истощенным голосом орал одно слово:

— Партизанен! Партизанен! Партизанен!..

Не дав немцам опомниться, бойцы отряда «Гроза», невидимые в своих белых халатах, отползли по снежной долине к намеченному для сбора пункту. Через десяток минут они уже соединились с поджидавшей их в густом ельнике резервной группой.

Перед командиром первой роты стояла невысокая белая фигура с надвинутым на лоб капюшоном и бойко рапортовала:

— Докладывает командир взвода Хусаинов. Задание выполнено! Восемь огневых точек выведено из строя. Был немецкий гарнизон — стал сумасшедший дом. Десятка три фашистов были живые — стали трупы. Потерь не имею!

¹ Назад! Слепая свинья!

Через два дня приказом по отряду были отмечены бойцы и команды, отличившиеся в Дорогобужской и Семлевской операциях. За умелую разведку вражеских огневых точек в Семлево командование объявило благодарность бойцам первой роты Егору Буренкову и Геннадию Вашурину.

19

В первой роте кроме Гены Вашурина было ещё два подростка: Павлик Охотников и Митя Супонев.

Ребята всегда держались вместе. На строевых занятиях они стояли рядышком на левом фланге, во время переходов норовили попасть в одни сани, а на стоянках — на одну печку. В роте их шутя прозвали «детский сад».

Юные партизаны проявили себя как хорошие разведчики и заправские бойцы. Они уже участвовали во многих операциях.

...Во второй половине февраля партизаны отряда «Гроза», стремительно ворвавшись в Яковлево, уничтожили вражеский гарнизон, охранявший расположенную рядом железнодорожную линию.

Командование отряда решило устроить здесь длительную передышку, так как большие переходы и непрерывные бои при 35-градусных морозах вымотали силы партизан.

Однако, долго отдыхать не удалось. На следующий день разведка донесла, что на ближний разъезд прибыл немецкий бронепоезд. Было очевидно, что гитлеровцы намереваются выбить партизан из Яковлева.

Всю ночь напролёт партизаны и местные жители рыли в снегу глубокие траншеи, охватившие полукольцом часть деревни, выходившую к железной дороге.

Утром бронепоезд подошёл к деревне и с ходу осыпал её градом пуль из нескольких пулеметов. Минут десять спустя обстрел повторился.

Деревня не подавала признаков жизни. Гитлеровцы решили, что партизаны скрылись и что новый гарнизон может беспрепятственно водвориться в Яковлево.

Из вагонов выскочило около сотни немцев и, быстро развернувшись в две цепи, с тремя ручными пулемётами на флангах и в центре двинулись к деревне.

В тщательно замаскированных траншеях стояли партизаны, готовые

открыть огонь по наступающему врагу. Командиры решили подпустить гитлеровцев на такое расстояние, чтобы они стали досягаемыми не только для винтовок и пулемётов, но и для пистолетов, которыми были вооружены многие бойцы отряда.

С командного пункта передали приказ открыть огонь по фашистам.

Смертоносным веером прошли по вражеским шеренгам пулемётные очереди. Непрерывно гремели ружейные залпы. Замертво валились гитлеровцы, скошенные партизанскими пулями. Истощённые вопли раненых перекрывали грохот стрельбы.

— По немецким захватчикам — огонь!

— Огонь! Огонь!..

С возрастающей яростью обрушивался на фашистов свинцовый ураган. С каждой секундой таяли ряды врага. Выстрелы партизанских снайперов настигали тех, кто пытался убежать, отползти, спастись от карающей руки народных мстителей.

Через несколько минут всё было кончено. Бронепоезд, стоявший под парами, в бессильной злобе выпустил несколько пулемётных очередей и задним ходом ушёл восвояси.

20

В солнечный мартовский день к деревне Кукушкино подходил маленький нищий. Поверх рваной шубёнки болталась торба с сухарями и корочками — подаванием добрых людей, растроганных жалостными причитаниями нищего.

Вот он уже подошёл к мельнице. В сиянии водяной пыли, пронизанной золотом солнечных лучей, вертелось огромное деревянное колесо, ревела под ним вода, добела вспененная быстро мелькающими плечами.

Гена Вашурин — это был он — как зачарованный стоял на мостике.

На пороге мельничного амбара появился невысокий, кряжистый старик. Его безволосое лицо, ресницы и уши густо посыпаны мучной пылью.

— А-а, странничек!.. Опять в наши места заявился! Где хаживал? Много ли дани собрал?.. Видать, не очень жирно — сума к земле не тянет... Ну, заходи, к самому обеду поспел.

Гена вслед за мукомолом прошёл в сторожку. Раздевшись, чинно присев на лавку, он «сиротским» голосом рассказал, где побывал за два дня, в какие деревни наведывался.

— Подают нынче скупое, на недостатки всё жалуются. Во многих дворах собаки спущены, от одной еле отбилсЯ. Как цапнула, проклятая, за шубу — пола напроць... Откуда он родом?.. Из Дорогобужского района, деревни Гряково. Отец и мать померли, дома бабушка хворая да сестрёнка...

Гена, как говорится, «врал через дугу». Он знал, что это нехорошо,

но ведь иначе нельзя. Не мог же он рассказать мукомолу, что ходил разведать численность немецкого гарнизона в Издешково, выяснить, идут ли к железной дороге обозы с хлебом, знает ли местное население о партизанском отряде «Гроза».

Мукомол налил в большую глиняную миску горячих щей, нарезал хлеба толстыми ломтями и позвал Гену к столу.

— Садись, сынок, хлебай... Ты свои сухари бабке оставь, у меня хлеба хватит...

Не успел Гена ложку ко рту поднести, как возле сторожки раздался скрип полозьев. Мукомол выглянул в окошко и с досадой выругался:

— Чёрт гостя принёс! Гитлеровская вражина из комендатуры за мукой приехала... Ты, малый, ешь, не обращай внимания.

В сторожку вошёл пожилой немец с редкими рыжими усами под крючковатым носом. Поверх шинели на нём был надет дублёный полушубок. На шее висел автомат.

— Гутен таг, Петер Паулевитш. Здра-тсуй-те! О, о! Миттаг эссен! Обедаль! Отшень карашо. Я тоже буду обедаль здесь... А кто есть этот мальшик?

— Нищий. Милостыню собирает. Не понимаешь? Хлеба просит.— Мукомол протянул руку, изображая нищего.

— А, понималь. Хочет кушаль — нет хлеб... Отшень плохо...

Немец снял полушубок и шинель. Положил автомат на колени и, сев за стол, придвинул к себе налитую ему миску со щами.

— Смотри, Иоганн, не обожгись. Горячо.

— Нет, это не есть горячо. Водка — горячо... Петер, почему нет водка? Разве ты не знайт порядок?

— Знаю, знаю немецкий «порядок», сейчас подам.

Мукомол достал из шкафчика бутылку самогона и поставил на стол. Немец с жадностью выпил одну за другой три рюмки лиловой жидкости и, чавкая, обливаясь шами, принялся за еду.

— Ну, Петер, я ещё немного выпить водка, потом ты будешь выдавать мне на этот ордер чет-ре-ста килограммен мука и я поехал цюрюк нах Издешково.

Гена ел молча, наблюдая, как немец рюмку за рюмкой опрокидывает в себя вонючий самогон. У него уже начал заплетаться язык и всё больше соловели глаза.

— Петер! Шнель, быстро мука! Я немножко посидель и цюрюк. Из-деш-ково... Битте, гер комендант, Йоганн Штрипке выполняйт ваш приказание...

Негнушимися пальцами он расписался в ордере и отдал его мукомолу. Пётр Павлович вышел на мельницу. Немец, допив остатки самогона, шатаясь, встал из-за стола и плюхнулся на лавку. Автомат свалился на пол, но пьяный не заметил этого и продолжал что-то бормотать себе под нос...

Гсна выбежал во двор, бросился к мукомолу.

— Пьяный он, спит... Дядя мукомол, я не нищий... Я... я партизан... Не будите его... Нам нужен язык... Помогите нам... Мы возьмём его...

Мукомол широко открытыми глазами посмотрел на мальчика и вдруг заволновался, заглянул в сенки, выбросил оттуда пару лыж и заторопил мальчика:

— Беги... Задержу, сколько могу... Поторопи своих... Если он очнётся, той дорогой поедет, там и встречайте его...

Через минуту мальчик уже мчался прямо через лес к партизанам, а через час лесной дорогой медленно двигалась подвода, нагружённая мукой. Между мешками лежал связанный верёвками немец Йоганн Штрипке.

В стремительных партизанских рейдах, в смертельных схватках с врагом, в радости побед и горечи поражений прошли полтора года.

Воспоминанием стали боевые операции под станцией Угра, в Переходском, Знаменском, Издешковском, Дорогобужском, Восточном, Семёлевском и других районах, где от карающей руки народных мстителей не одна тысяча фашистских захватчиков нашла свою гибель.

Ушла в прошлое вторая партизанская зима «Грозы» с тяжёлыми переходами по пояс в снегу, с лесными ночёвками без костров, без горячей пищи, с отчаянно смелыми прорывами из вражеского окружения. Многих славных героев не досчитывались в отряде «Гроза».

Осенью 1943 года, когда смоленские земли были уже очищены от фашистских полчищ, в Расловку вернулась группа партизан. Не было с

ними только дяди Егора и деда Митрофана: фашистские пули сразили их, Вася ушёл в Армию...

На месте бывшей Расловки чернели остовы печей.

Велика радость встречи с мужьями, братьями, сыновьями, отцами, возвратившимися из священного похода народных мстителей.

...Анисья Вашурина, прижимая к себе голову Гены, не отрываясь смотрела на сына.

— Сыночка! Родной ты мой! Кровиночка моя...

Гена гладил родные ласковые руки матери, целуя её заплаканные глаза.

— Мама! Хорошая моя мама! Не надо плакать... Ой, какая ты стала седая!.. Всё равно как бабушка.

— Нету нашей бабушки, Геночка. Померла ещё в ту осень. Не выдержала лихой жизни...

Горячими ручейками катятся материнские слёзы по загоревшему, обветренному лицу мальчика...

Всё это мне вспомнилось при встрече с молодым танкистом, курсантом училища Геннадием Вашуриным.

А. ПИНАЕВ

Шлю пионерский, пламенный привет!
Я получил твоё посланье, Боря,
Хотел тотчас же написать ответ,
Но был вчера я на отрядном сборе...

Мы — старшие, и мы должны ребят
Готовить постепенно в пионеры.
Есть у меня Серёжа — младший брат
И тоже младшая — сестрёнка Вера.

Ещё недавно часто мы дрались.
А почему? Всё что-нибудь делили:
То карандаш, то из тетради лист,
То мяч (троим один нам подарили)...

Мне хорошо: я старше и сильнее,
Что захочу — у младших отнимаю.

Я штангу — двадцать килограммов
в ней —
Двумя руками с пола поднимаю!

Не правда, скажешь?

Я теперь не вру
И вызвал на соревнование брата,
Но очень трудно отучить сестру —
Всё говорит: «А сам ты врал когда-то?»

Но всё равно я своего добьюсь!
С братишкой тоже было трудновато:
Прольёт чернила, скажет: «Ну и пусть!
Ты сам чернила проливал когда-то!..»

А если б были мы всегда дружны,
То разве так мне отвечала б Вера?
И получается, что мы с тобой должны
Для малышей всегда служить примером...

Устал писать! И в школу к двум часам.
Письмо большое... Но сознаюсь прямо,
Что я его писал сначала сам,
А под конец мне помогала мама.

Н. УСТИНОВИЧ

Повесть

Дочери Наде

Беседа о реликте

На последнем уроке, когда прозвенел звонок и ученики начали складывать тетради в сумки, учительница объявила:

— С вами хочет побеседовать научный сотрудник государственного заповедника «Столбы» Валентин Петрович Муравьёв. Оставайтесь после урока на полчаса.

Митя Бубликов, юркий, непоседливый юноша, нацелившийся было первым выскочить в дверь, дёрнул за рукав соседа по парте Петю Пахомова:

— Исчезаем?

Тот аккуратно застегнул ремни сумки и неторопливо, будто взвешивая каждое слово, произнёс:

— Во-первых, комсомольцы должны быть дисциплинированными. Во-вторых, тебе уже был выговор на собрании за легкомысленное поведение. А в-третьих, раз мы собираемся отдыхать летом на «Столбах», нам полезно будет послушать научного сотрудника заповедника.

Ребята гурьбой направились в актовЫй зал. Скоро туда вошли директор школы и сутуловатый человек с разметаВшейся по груди серебристой бородой. Он остановился возле стола и, пока директор представлял

его ученикам, сосредоточенно протирал платком стёкла больших роговых очков. Потом ловким движением вскинул их на нос и начал густым, роко-чушим басом:

— Вы, конечно, знаете, ребята, что такое реликт?

— Знаем! — слышались голоса.

— Я так и думал, — улыбнулся Муравьёв. — Но если кто из вас забыл, напому: реликт — это вещь, явление или организм, сохранившийся как пережиток древних эпох. И вот мне хочется рассказать вам об одном реликтовом организме, сохранившемся в наших местах с незапамятных времён. Речь идёт о сибирской липе.

— О липе? — не смог сдержать своего удивления Митя Бубликов. — Разве она у нас растёт?

— Растёт, — ответил Муравьёв. — В нашем заповеднике есть липовая рощица. И знаете, в какую эпоху уводит нас её родословная? В доледниковый период, когда в Сибири была совсем другая по характеру, богатая и пышная южная растительность. Ледники смели её с лица земли, но предки наших лип уцелели каким-то чудом... И вот начался медленный, непрерывный процесс приспособления деревьев к новым, суровым условиям. Шли тысячи лет, и липы настолько акклиматизировались, что стали легко переносить самые лютые холода. Но расселялись они очень медленно. Рощица находилась в глухом каменистом ущелье, откуда древесным семенам почти невозможно было попасть на другую плодородную и благоприятную для роста почву. Липы росли только на маленьком клочке земли, и мы до сих пор знаем всего лишь несколько деревьев, растущих вдали от этой рощицы.

Блеснув стёклами очков, Муравьёв окинул взглядом внимательно слушающих учеников и продолжал:

— К чему я об этом рассказываю? А вот к чему. Всем вам известно, что наше правительство приняло историческое решение о посадке защитных лесных полос. Это постановление касается и нас, сибиряков. Не берегли у нас раньше леса, и во многих местах, где сто лет назад была дремучая тайга, теперь тянутся голые степи... Вот почему наши

колхозники так же, как и колхозники, скажем, Кубани, усиленно готовятся к посадкам леса на своих полях.

— В Хакасии у нас уже много посадили,— сказал Гриша Килижеков.

— Правильно,— подтвердил Муравьёв,— посадили много. А ты обратил внимание, какие породы деревьев там сажают? Те, которые быстро растут и приносят пользу в хозяйстве. Я видел, например, в Хакаских степях громадные полосы, засаженные быстро растущим тополем. А по краям этих полос — высажены яблони и ягодники. Через несколько лет там будут громадные колхозные и совхозные сады!

— Но липа ведь не плодородное дерево...— заметил кто-то вполголоса.

— Зато медовое,— ответил Муравьёв.— И быстро растущее. Кроме того, древесина и дуб липы идут на самые разнообразные поделки. Вот почему наши агрономы и лесоводы сейчас усиленно рекомендуют колхозникам сажать липы на полях. Представьте себе полезную лесную полосу, в центре которой возвышаются липы, а по краям стоят плодовые деревья. И всё это цветёт, благоухает... А где-нибудь недалеко — колхозная пасека. Знаете, сколько мёда будут брать пчёлы с такой полосы? Сотни пудов!

Валентин Петрович умолк и мечтательно посмотрел поверх голов притихших ребят, словно любуясь на осыпанную ароматными цветами лесную полосу, а когда заговорил вновь, голос его был по-хозяйски деловит.

— Реликтовая рощица лип — это наш зелёный клад. От этих приспособленных к сибирскому климату деревьев мы будем брать семена и посылать их во все районы края для посадки. Беда только в том, что рощица эта мала. Очень мала... А нам нужны центнеры семян.

— Может быть, где-нибудь в тайге найдётся ещё такая же роща?— вставил опять Митя Бубликов.

— Я думаю, что найдётся,— уверенно заявил Муравьёв.— Если не роща, то отдельные деревья. Мы ещё плохо знаем наш заповедник, а за границами его почти и не бываем. А если поискать там как следует...

Не закончив фразы, Валентин Петрович в упор посмотрел на учеников.

— Я ведь к вам по этому делу и пришёл, ребята. Скоро кончается учебный год, многие из вас за лето не раз побывают на Столбах. Вы могли бы оказать большую помощь научным сотрудникам заповедника в поисках лип. Очевидно, мало кто из вас видел это дерево,— зайдите сперва к нам, мы вам покажем свою рощицу. А потом — в счастливый путь по неизведанным таёжным местам!

— Петенька! — толкнул в бок Пахомова Митя Бубликов.— Если мы будем отдыхать в Столбах около двух недель, прикинь философским умом: сколько лип можно найти за это время?

— Задача с многими неизвестными,— ответил серьёзно Петя.

— Но если мы найдём хотя бы одно дерево, это уже превратит нашу экспедицию из развлекательной в научную. Надо спросить, что думает по этому поводу Женья Чернышёв. Он собирался с нами на Столбы.

Женья ответил:

— Замечательная цель для нашей экспедиции! Мы будем не только загорать и любоваться скалами, но и делать большое дело!

— Решено! — кивнул головой Митя.

— Мы идём на поиски лип,— заключил Петя.

Скалы, овеянные историей

В один из ясных июньских дней на Красноярском вокзале появилась группа туристов. Их было трое: Петя Пахомов, Митя Бубликов и Женья Чернышёв. Одетые в широоченные шаровары и просторные парусиновые рубахи, подпоясанные длинными красными кушаками, в широкополых соломенных шляпах, они резко выделялись среди остальных пассажиров своими «экзотическими» костюмами красноярских «скалолазов», или, как их здесь называли — «столбистов».

В погожие летние дни часто можно было видеть в пригородных поездах людей в таких костюмах. А после конца учебного года поток туристов увеличился ещё больше. Ученики старших классов охотно откликнулись на призыв дирекции заповедника, и каждый день всё новые группы школьников отправлялись в тайгу.

Ребята были нагружены туго набитыми заплочными мешками, увешаны футлярами с фотоаппаратами, биноклями, флягами. По всему чувствовалось, что приготовились они к серьёзному, длительному путешествию.

Мальчишки купили билеты и вышли на перрон. У вокзала уже стоял поезд пригородного сообщения. Из открытых окон вагонов неслись смех, весёлые песни.

Едва туристы успели войти в вагон, как поезд тронулся. Мимо окон поплыли станционные здания, товарные составы, маневровые паровозы. Потом открылся Енисей. Великая сибирская река широкой полосой разрезала город на две части, и сверкающая гладь её терялась среди зелени далёких островов. У берегов сновали юркие катера. Дальше, у пристани, белел только что пришедший с низовьев двухпалубный красавец-теплоход.

Переехали через реку, и поезд вскоре остановился.

— Станция Енисей! — объявила проводница.

Ребята вышли из вагона, пересекли небольшой пристанционный посёлок и снова оказались у реки. Гладко накатанная дорога вилась у самого Енисея, прижатая к берегу крутыми сопками. Дальше возвышалась каменная громада горы Такмак.

Некоторое время ребята шли молча. Потом Митя полуспросил:

— Интересно знать, откуда произошли наши «столбы»? Такие причудливые скалы... Говорят — что ничего похожего на них нет во всём мире.

— «Столбы» — вулканического происхождения. Это я читал в книге, — ответил Петя. — Много-много тысяч лет назад горячие сиенитовые магмы прорвали толщу земли и пробились на её поверхность, застыв в трещинах, как металл в формах. Отдельные породы выветрились, и сиенитовые столбы начали подниматься всё выше и выше над поверхностью земли. Скалы приняли такие причудливые формы...

Занятые разговором, ребята не заметили, как отмахали километров пять. Они прошли мимо большого опытного сада, где цвели десятки различных плодовых деревьев, и остановились возле устья быстрой речки Лалетиной.

— Здравствуй, красавица! — крикнул Митя и, сбросив с плеч мешок, припал губами к чистым, прозрачным струям.

— А не устроить ли нам тут маленький привал? — предложил Женья.

— Давайте! — согласился Петя. — Торопиться некуда.

Туристы расположились в тени берёз, с наслаждением растянувшись на мягкой траве.

— Хорошо! — восхищённо проговорил Митя, и веснущатое его лицо расплылось в счастливой улыбке. — Экзамены сданы, погода чудесная, впереди — Столбы...

— Хорошо! — подтвердил и Женья. Глядя в бездонное небо, он прочитал собственные стихи:

Я вновь в тайге, которой бредил,
Где в глушь такую забредёшь,
Что камень кажется медведем,
Медведь с мохнатым камнем схож,

Где полны силы животворной
Земля и голубая высь,
Где дождь пройдёт, а мнится — зёрна
На землю с неба пролились,—

Где в зное, над цветком духмяным
Звенит пчела тугой струной,
Где крикнуть хочется Саянам,
Что никогда я не устану
Бродить таёжной стороной...

— Кто-то к нам идёт, — прервал Чернышёва Петя.

Ребята подняли головы. С дороги к ним сворачивал коренастый мужчина в костюме скалолаза, с рюкзаком за плечами.

— Филипп Иванович, учитель из девятнадцатой школы,— шепнул Митя.— Знаменитый скалолаз...

— Здравствуйте, ребята! — произнёс Филипп Иванович.— На Столбы идёте?

— На Столбы!

— Значит — попутчики. Бывали там раньше?

— Я все скалы облазил с фотоаппаратом,— поспешил ответить Митя Бубликов.— Каждый столб со всех сторон сфотографировал.

Учитель снял рюкзак, сел на землю.

— Неужели — каждый? — еле приметно улыбнулся он.

— Ну, может быть, и не все...— смутился Митя.— Их там не считать...

— Да, сосчитать трудно,— согласился Филипп Иванович.— Я брожу здесь уже больше двадцати лет, а знаю ещё не все утёсы.

— Больше двадцати лет! — воскликнул Митя.— Так вы, наверно, даже рабочие маёвки помните?

— Нет, не помню. В маёвках мой отец участвовал,— ответил учитель.— Он мне многое о них рассказывал. Бурное было время...

— Одни надписи на скалах чего стоят! — вставил Митя.

— Надписей здесь много, и они в своё время играли роль политических лозунгов. Возьмите хотя бы знаменитую «Свободу». Это слово написали белилами на отвесной стене самого высокого Второго столба учитель Денисюк со студентами Беловым и Островским. Если бы вы знали, в какую ярость пришли жандармы, когда узнали об этой надписи! Начальство приказало немедленно стереть надпись. В тайгу была отправлена жандармская «экспедиция». В её состав входил и шпик, наблюдающий за Столбами.

Шпика подняли на страшную высоту, где красовалась надпись «Свобода», трясаясь от страха, он начал выскребивать первую букву «С» и уронил скребок на землю. Его спустили вниз, и он категорически отказался подниматься снова вверх, за это был с позором изгнан из «экспедиции». Жандармы решили взяться за дело сами. Они разыскали какого-то скалолаза и стали уговаривать показать им самый безопасный лаз на утёс. За это ему была обещана четвертная. Парень подумал и согласился. Он поднялся сам на вершину Второго столба, втащив туда на верёвке жандармов. «Экспедиция» подошла к краю площадки, и у всех сразу же пропала охота спускаться на верёвке над страшной пропастью. Оставалось одно: возвращаться в город и докладывать начальству, что приказ не выполнен... Хватились — а парень в это время исчез, даже не получив денег! И тут только жандармы поняли, как ловко провёл их неизвестный столбист. Слезть со скалы без посторонней помощи было невозможно!..

Ребята весело рассмеялись.

— Целые сутки просидели жандармы на столбе,— закончил Филипп Иванович.— Замёрзли, проголодались, охрипли от крика... И толь-

ко на второй день сняли их со скалы случайно проходившие мимо охотники... Смеху-то во всём городе сколько было! А слово «Свобода» так и осталось на скале до наших дней, первую букву вскоре опять подновили, а на соседнем утёсе кто-то сделал ещё одну надпись: «Всё-таки — свобода!»

Учитель оживился.

— А то ещё такой случай был...— начал он опять.— Из ряда вон выходящее событие... В девятьсот втором году красноярские рабочие, под видом десятилетнего «Юбилея» избушки у Третьего столба, в которой останавливались скалолазы, решили провести политическую маёвку.

В назначенный день народу хлынуло за город очень много. Полиция спохватилась поздно и успела послать только двух-трёх переодетых агентов. Но рабочие сумели направить их на ложный путь, и маёвка прошла без лишних свидетелей. К вечеру рассерженные неудачей шпики оказались, наконец, среди рабочих, но наблюдать тут оказалось нечего: люди веселились, играли на гармошках, пели песни, пили вино...

— Ловко провели ищеек! — восхищённо хлопнул ладонью по колену Женья Чернышёв.

— А в сумерках, когда везде запылали костры,— продолжал Филипп Иванович,— с вершины столба «Дед» вдруг донёсся условный сигнал скалолазов: «Тра-ля-ля!..» Таким сигналом столбисты извещали другие компании о своём появлении или уходе. Был тихий вечер, и звуки эти донесли до самых далёких уголков. Все настрожились. После короткой паузы, необыкновенной силы бас провозгласил:

«Императору и самодержцу всероссийскому, царю польскому, великому князю финляндскому...»

«Вот это голос! — не выдержал один из шпииков.— Только в кафедральном соборе петь!»

А бас продолжал греметь:

«...палачу и тюремщику Николаю Кровавому прокля-тие!!»

Шпики заметались, как бешеные. Будто свора борзых собак, бросились они к «Деду»...

Неизвестно, каким путём полиции удалось узнать, что столь «предерзостный крамольник» был не кто иной, как воспитанник духовной семинарии Кирилл Прозоровский. «Преступнику» грозила каторга. Епархиальный совет, перепуганный надвигающимся скандалом и служебными неприятностями, поспешил замять дело Прозоровского и только исключил его из семинарии...

Жандармское управление, обеспокоенное ростом революционных настроений, запретило населению посещать Столбы. На дорогах и тропинках были расставлены полицейские посты, они хватали и отправляли в тюрьму всех задержанных. А чтобы «пресечь крамолу в корне», полицейские подкупили одного известного хулигана, и он сжёг столбовскую избушку...

— Мудрое решение!..— рассмеялся Петя.

— Это что! — смеясь, воскликнул Филипп Иванович.— История знает ещё более «мудрое» решение. Один красноярский губернатор, напуганный рабочими маёвками, распорядился... взорвать Столбы!

Ребята захохотали.

Филипп Иванович взглянул на часы и поднялся с земли:

— Пойдёмте, друзья. Заговорились... Впереди у нас — самый трудный путь.

Перейдя по толстым жердям через речку, путники свернули по её берегу влево, в тайгу. С небольшой возвышенности снова открылась чёрная громада Такмака.

Учитель остановился, посмотрел на вершину горы в бинокль.

— Развеается! — произнёс он удовлетворённо.

— Что развеается? — не поняли ребята.

— Красный флаг. Видите — на Большом Беркуте. Самая высокая вершина Такмака так называется... Флаг скалолазы меняют каждый год. Это — старая традиция. Нынешней весной, в день Первомая, поручили водружать его мне.

— А как эта традиция установилась? — живо заинтересовался Жень Чернышёв, равнодушный к поэтическим историям.

— Это тоже связано с революционным прошлым. В девятнадцатом году, во время колчаковщины, большевики Красноярска ни на минуту не прекращали борьбы. В окрестных сёлах и деревнях создавались партизанские отряды, в железнодорожных мастерских изготовлялось оружие, в подпольных типографиях печатались прокламации... И как символ этой борьбы, на вершине Такмака однажды взметнулся красный флаг! Он был хорошо виден из рабочих предместий города.

Колчаковский комендант пришёл в ярость. Чтобы снять флаг, он направил целый взвод солдат.

Солдаты подошли к скале и растерянно остановились. Большой Беркут был недоступен! По гладким, отвесным его стенам не могла бы, казалось, вскарабкаться даже кошка...

Тогда взвод, построившись в шеренгу, начал стрелять. Немало патронов было израсходовано, пока подрубленное пулями древко склонилось на камни... Изрешеченный красный флаг остался на месте, и вскоре, после разгрома Колчака, был заменён новым. С тех пор так и повелось: каждый год Первого мая самые опытные столбисты взбираются на Такмак, чтобы заменить выбеленное солнцем полотнище.

— И в самом деле, тут каждая скала связана с историей... — задумчиво проговорил Петя Пахомов.— Уже только по одному этому Столбы следовало объявить заповедными.

— Заповедник тут создан по другой причине, — объяснил учитель.— Здешние скалы представляют большой интерес для науки. Советское правительство решило сохранить этот уголок тайги в его естественном виде. Природа собрана здесь, как в музее, образцы различных минералов, многих представителей растительного и животного мира...

Об истории Столбов можно рассказывать очень долго. Но это — в другой раз. Сейчас давайте поторапливаться, солнце уже к лесу клонится.

Филипп Иванович размеренным шагом тронулся вперёд. Узкая тропинка, вильнув несколько раз между больших валунов, повела путников в таёжный сумрак. Речка осталась где-то внизу; теперь её не было видно, только слышался приглушённый звон быстрых струй. Всё круче и труднее становился подъём.

Туристы вступили на территорию заповедника.

Зоя, Зина и „Хитрый“ пенёк

Перед отправлением в экспедицию ребята раздобыли карту заповедника, на которой были обозначены почти все «столбы», и долго изучали её. Каких только не было тут названий! «Китайская стенка», «Слоник», «Крепость», «Воробушки», «Грешник», «Манская баба»... Но более всего интриговали «Чёртовы пальцы». От этого названия веяло чем-то немного жутким, таинственным...

Каково же было удивление не бывавшего раньше на Столбах Пети Пахомова, когда «Чёртовы пальцы» оказались невысокими остроконечными утёсами красноватого цвета. Издали они и в самом деле напоминали растопыренные пальцы, но вряд ли стоило давать им столь интригующее название...

— Это что, начинаются хвалёные Столбы? — не скрывая насмешки, спросил Петя.

— Почему хвалёные? — обиделся Митя Бубликов. — Столбы наши не нуждаются ни в чьих похвалах, они сами за себя говорят...

— Мне они пока говорят, что рассказы об их красоте и неприступности слишком преувеличены.

— Ты это всерьёз? — даже остановился от возмущения Митя.

— Всерьёз, — твёрдо ответил Петя и тут же подумал, что последнее заявление сделано им слишком опрометчиво. Кто знает, какие там скалы впереди! Но отступать не хотелось, и Петя добавил с убийственным спокойствием:

— На моей родине, в Туруханске, я видел кое-что поинтереснее.

Митя не ответил. Он демонстративно отвернулся от товарища и с подчёркнутым пренебрежением к нему стал насвистывать какую-то песенку.

— Не говорите о Столбах плохого так громко, — загадочно улыбнулся Филипп Иванович, — «Хитрый» пень услышит...

— Что это за «Хитрый» пень? — заинтересовался Петя.

— Скоро дойдём, покажу, — ответил учитель.

Крутому подъёму, казалось, не будет конца. Виляя между вековых деревьев, тропинка вела всё выше и выше.

Прошли Первую и Вторую Поперечины. Так назывались ручьи, впадавшие в Лалетину. Они с бешеной скоростью мчались под уклон по узким распадкам, прорезавшим возвышенность поперёк.

Впереди выросла старая корявая лиственница с причудливой развилкой.

— Ух-дерево — сказал Филипп Иванович, показывая на лиственницу. — Стоит оно здесь уже лет триста, примерно со дня основания города, и знают его почти все красноярцы.

Митя Бубликов щёлкнул фотоаппаратом и прибавил шагу. Скоро он скрылся за деревьями.

Туристы снова увидели своего товарища минут через двадцать. Он сидел у подножья двух растущих рядом стройных сосен, между которыми проходила тропа. Бедный Митя, казалось, совсем изнемогал, по лицу его крупными каплями бежал пот.

— Умаялся? — проговорил учитель. — Не зря эта возвышенность называется «Пыхтачом». Приходится попыхтеть, пока поднимешься... Теперь до конца пути недалеко, я думаю, что можно тут немного передохнуть. Кстати, вон в том черёмушнике — «Хитрый» пень. Кто желает, может посмотреть.

— Что же всё-таки это за пень? — повторил свой вопрос Петя.

— Обыкновенный лиственничный, очень большой. На нём — столбовский «почтовый ящик». Если, например, вам нужно сообщить что-либо товарищам, которые будут здесь проходить после вас, напишите записку и положите в этот «ящик». Все, кто проходят мимо, обязательно в него заглядывают.

Петя посмотрел на друзей. Они лежали на траве, а Митя Бубликов так тяжело дышал, словно пробежал не менее десяти километров.

«Быстро устали», — подумал Петя и направился в кустарник один.

Здесь со всех сторон свисали белоснежные кисти цветов черёмухи. Воздух был наполнен пьянящим ароматом. Где-то басовито, словно слабо натянутая струна, гудел шмель.

«Хитрый» пенёк находился не遠далеке от тропы. Он был и в самом деле огромен. Толстые скрюченные корни его казались впаянными в каменистую почву.

Петя обошёл пенёк вокруг и у развилки двух корней заметил прикрытое корой углубление. Запустив туда руку, он достал кучу пожелтевших от времени бумажек. «20 августа прошли на Дальние столбы Сергей Макаров и Алексей Лесков,— извещалось в одной записке.— Пробудем там неделю». «Кто найдёт у «Львиных ворот» бинокль, прошу сообщить по адресу: улица Гоголя, 18, Галине Ивановой»,— просила какая-то девушка. «Валя, ты что же не пришла сюда в воскресенье?» — спрашивал неизвестный Костя в третьей записке.

И вдруг Петя вздрогнул от неожиданности. На сложенном вчетверо чистеньком листке из блокнота было чётко выведено печатными буквами: «Пете Пахомову». Он торопливо развернул листок и прочёл:

«Петя! Мы знаем, что вы сегодня должны прийти на Столбы, где будете разыскивать липы. А мы тут бродим уже третий день и завтра думаем возвращаться домой. Мы ни разу не видели лип, но, кажется, это они растут в одной глухой пади. Их там много. Сегодня мы будем ночевать у «Хитрого» пня. Как стемнеет — приходи, мы расскажем, где находится эта падь. Зоя и Зина».

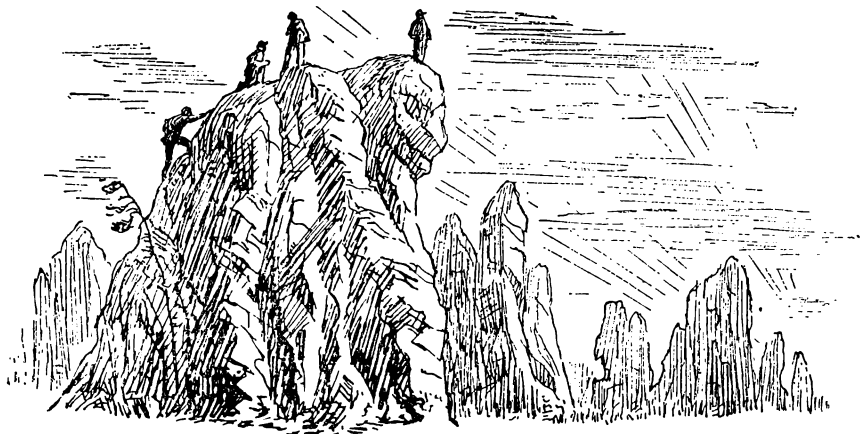
— Вот так удача! — воскликнул Петя. — Молодцы девочки!

И тут он задумался. Кто эти столбистки? Зина — это, конечно, та белокурая девушка, с которой он однажды познакомился на катке. Она училась в четырнадцатой школе. Но Зоя... Такого имени не было ни у одной знакомой ему девушки.

Наверно, близкая подруга Зины,— решил Петя, пряча записку в карман.

Он зашагал к товарищам, спеша скорее рассказать им о находке. Но пока пробирался напрямик сквозь черёмуховые кусты, передумал. Ведь могло быть и так, что девушки приняли за липы какие-нибудь самые обыкновенные деревья, например осины. Благоразумнее было, конечно, пока об этом промолчать и сперва посмотреть деревья самому. И если это в самом деле липы... Удивит он друзей!

Когда Петя снова вышел на тропу, Митя встретил его нетерпеливым вопросом:

— Ну, как?

— Пень, как пень,— стараясь казаться спокойным, ответил Пахомов.— Ничего «хитрого» в нём я не заметил.

— Э-эх, ты...

Митя, забыв про свою недавнюю усталость, быстро исчез в кустах. Его не было несколько минут, и когда он вернулся, веснущатое лицо сияло довольной улыбкой.

— Снимочек хороший будет,— похлопал он ладонью по фотоаппарату.— Для воспоминаний...

От «Хитрого» пня до вершины Пыхтача прошли без отдыха. Филипп Иванович, шагавший впереди, остановился на усеянной сосновыми шишками поляне и воскликнул:

— Вот они, Столбы!

Вдали над тайгой возвышались исполинские каменные громады. Они были настолько велики, что вековые сосны и кедры, растущие у их подножья, казались не больше обыкновенных травинок...

— Да-а...— изумлённо протянул Петя Пахомов.— Этого не нарисует никакая фантазия.

Как зачарованный, смотрел он на открывшуюся перед ним панораму. Угрюмые Столбы подавили его своим диким величием. Освещённые заходящим солнцем, они как бы вздымались к облакам из неведомых пучин тайги, подёрнутой синеватой дымкой.

Где-то далеко-далеко послышалась и тотчас же замерла песня. С вершины сосны сорвалась сухая шишка и, падая с сучка на сучок, мягко шлёпнулась в мох...

— Что ж, пойдём на туристскую базу? — нарушил молчание Филипп Иванович.

— Пойдём, — неохотно согласились ребята. — Места займём, а потом побродим.

Туристская база приткнулась на ровной площадке у подножья Второго столба. Живописные домики тонули в зелени тополей и черёмух. Здесь уже было много людей. На открытых верандах шумели школьники, у большого круглого стола неторопливо пили чай пожилые рабочие, на спортивной площадке тренировалась команда физкультурников...

В одном из домиков нашлись свободные места, ребята сбросили с плеч мешки и решили до наступления темноты пройтись по окрестностям. Но пока Митя с Женей спорили о маршруте, Петя Пахомов куда-то скрылся. Заметив исчезновение товарища, Бубликов лукаво подмигнул:

— Петя наш не желает тратить времени впустую. Я думаю, что он занят сейчас более серьёзными делами...

Пете и в самом деле было не до бесцельных прогулок. Незаметно ускользнув от друзей, он торопливо зашагал к «Хитрому» пню.

Пока Петя поднялся на Пыхтач, начало смеркаться. Над ближней падью протянулась молочная коса тумана, где-то заскрипела тоскливо сова. Под шатром из сосновых вершин затрепыхалась летучая мышь...

До «Хитрого» пня Петя добрался уже в темноте. У стройных сосен-близнецов он остановился, прислушался. Нигде не было слышно ни звука. Тайга засыпала, только на вершине Пыхтача, в стороне от тропы, поблёскивал чей-то костёр.

— Может быть, ещё придут... — подумал Петя, напряжённо вглядываясь в темноту.

Но девушки не пришли. Простояв около часа, Петя направился на вершину возвышенности к приветливо сверкающему костру.

Ещё издали он заметил, что среди большой компании, расположившейся вокруг костра, были две девушки. «Они», — решил Петя и прибавил шагу.

Но у костра его ждало разочарование. Девушки оказались незнакомыми. Войдя в освещённый круг, Петя нерешительно остановился.

— Присаживайтесь, молодой человек, — радушно пригласил пожилой столбист с лихо закрученными чёрными усами. — Видно, от компании отстали?

— Да, отстал... — выдавил из себя Петя.

— Бывает,— промолвил столбист и подвинулся немного в сторону, освобождая для пришедшего место. Потом он потянулся за угольком, раскурил погасшую трубку и, очевидно продолжая прерванный разговор, сказал:

— Ведь мы с ним вместе учились, вместе боевое крещение на Столбах принимали, вместе на свидание к Зое и Зине ходили...

Все рассмеялись.

— А кто это такие — Зоя и Зина? — живо заинтересовался Петя.

— Две сосны так называются, что растут у тропы на Пыхтаче,— объяснил рассказчик.— Новичкам, которые в чём-либо нарушат столбовские порядки или непочтительно отзовутся о скалах, «Хитрый» пенёк назначает свидание с этими соснами... А вы разве этого не знали?

— Я в Красноярске живу недавно, на Столбы пришёл первый раз.

— Так-так-так...— улыбнулся рассказчик, пристально глядя на Петю.— А скажите, молодой человек, вы сейчас откуда бредёте? Не от Зои с Зиной?

— От них...— сознался покрасневший Петя.

Столбисты дружно захохотали. А когда все вдоволь насмеялись, мужчина с чёрными усами добродушно похлопал Петю по плечу:

— Ты не обижайся, на Столбах — свои обычаи и традиции. В следующий раз будешь знать... А переночевать можешь с нами, у костра.

— Нет, я пойду,— поднялся Петя.— Отсюда до базы — рукой подать.

Поминутно спотыкаясь в темноте о корни деревьев, он добрался, наконец, до своего домика. Там уже все спали. Устраиваясь на топчане, Петя силился придумать, чем бы отплатить Мите Бубликову. Но ничего интересного в голову не приходило, и он тоже скоро уснул.

Необыкновенное утро

...Петя взбирался на скалу. Цепляясь за еле приметные выступы, он поднимался по отвесной гранитной стене всё выше и выше. Вот уже остались внизу вершины столетних сосен и вокруг, насколько хватал глаз, раскинулся необъятный простор. Остроконечный пик чётко вырисовывался на голубом небе. Ещё одно усилие — и Петя достигнет его...

Но тут кто-то схватил скалолаза за ногу, потянул вниз. «А-а!..» — вскрикнул от страха Петя. Руки скользнули по камням. Теряя точку опоры, он полетел с головокружительной высоты и... проснулся.

— Ну и спишь же ты...— оставляя в покое ногу товарища, удивился Митя Бубликов.— Это ночные прогулки на тебя так действуют.

Петя неохотно сел на топчане, позёвывая огляделся. В домике уже почти никого не было. У распахнутой настежь двери, шумно фыркая, умывался Филипп Иванович. Полуодетый Женя Чернышёв торопливо записывал что-то в блокноте.

— Где ты вчера пропадал? — с невинным видом приставал к товарищу Митя. — Мы уж думали с Женькой, что ты заблудился, хотели разыскивать итти...

Петя упорно молчал. Он сердито отвернулся от друга и начал медленно одеваться.

— Поторопитесь, ребята! — крикнул от умывальника учитель. — Солнце вот-вот взойдёт!

Скоро вся компания шагала ко Второму столбу. Туристы спешили забраться на его вершину, чтобы встретить там восход солнца. Это было старой, свято соблюдаемой столбистами традицией. Проспать восход солнца считалось так же неприлично, как не ответить на приветствие лучшего друга...

В тайге стоял ещё полумрак. Туман, сползая с утёсов, оседал на деревьях и траве крупными каплями росы. Лес гремел от разногласного птичьего хора.

На пути выросло несколько валунов, каждый из них был величиной с добрый дом. Когда-то эти «камешки» сорвались с соседних утёсов и, сокрушая на своём пути могучие деревья, остановились, наконец, в широкой долине. Теперь проделанные ими «просеки» заросли, и сами камни покрылись толстым слоем мха...

Отдохнувшие за ночь ребята легко преодолели подступы к утёсу. Здесь не нужно было никакой сноровки, приходилось только шагать и шагать по каменным осыпям. И чем ближе подходили туристы к отвесной громаде столба, тем неприступнее она казалась.

От маленькой ровной площадки начиналась лестница. Смело переброшенная через пропасти, еле заметной паутиной она терялась у вершины скалы.

Эта лестница была построена столбистами около пятнадцати лет тому назад для участников всемирного геологического конгресса, посетивших заповедник. С тех пор ею никто не пользовался, и когда-то надёжные ступеньки и перила от времени постепенно приходили в негодность. Даже начинающие скалолазы взбираться на утёс по лестнице считали ниже своего достоинства.

Митя Бубликов, проходя мимо лестницы, фыркнул:

— Давно бы пора убрать...

Но, несмотря на своё пренебрежение к лестнице, он тут же прикинул, с какой точки выгоднее будет заснять это сооружение.

Филипп Иванович повёл ребят по самому лёгкому «Сарачевскому лазу». Туристы так торопились попасть на скалу до восхода солнца, что почти не обращали внимания на живописные виды, с каждым новым шагом открывавшиеся перед ними. И лишь когда они оказались на самой вершине Столба, все замерли в немом восхищении.

От далёкого подножья утёса во все стороны раскинулась тайга. Она то взбегала на скалы, то скатывалась в глубокие пади. И там, где сталкивались зелёные таёжные волны, к небу устремлялись морщинистые от

времени, но всё ещё могучие утёсы, как величественные памятники канувших в вечность эпох...

Слева, в синеватой дали, угадывалась широкая лента Енисея, на розовом от зари востоке чётко вырисовывались зубцы далёких столбов, а внизу, в пади, всё ещё подёрнутой сумрачной дымкой, белели до смешного крошечные домики туристской базы...

— Ну и высота...— почему-то шёпотом проговорил Митя Бубликов.

— Пятьсот девяносто два метра над уровнем Енисея,— спокойно сообщил Филипп Иванович.— Самая высокая точка в заповеднике.

В это время Жень Чернышёв, взмахнув руками, восхищённо закричал:

— Солнце! Солнце!

И словно в ответ, с соседних столбов донеслось:

— С... о-олн-це!..

И в самом деле, из-за чёрной вершины Такмака показался край огненного диска. Веером брызнули яркие лучи. А через минуту всё солнце, большое, жаркое, поднялось над горизонтом.

В одно мгновение тайга преобразилась. Громады скал, вспыхнувшие светлыми красками, стали казаться лёгкими, воздушными. Уползающий в пади туман за клубился розовыми гребнями. Росистые листья деревьев засверкали мириадами искр. Откуда-то из-за утёса выплыл беркут и, взмыв в бездонное небо, застыл на месте, широко распластав крылья...

— Красота какая!..— еле слышно выдохнул Жень Чернышёв, подходя к самому краю площадки.— Совсем как у Пушкина:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орёл, с отдалённой поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне...

— Теперь понятно вам, ребята, почему все столбисты встречают солнце на скалах? — проговорил Филипп Иванович.— В другое время здесь такой красоты не увидишь...

Между тем день разгорался. Растаял в падах туман, начала высыхать роса. Поблёкли фантастические краски, тайга и скалы приняли свой обычный вид.

— Что ж, навестим другие Столбы? — предложил Филипп Иванович.

— Нет,— решительно заявил Митя,— мы должны сейчас зайти к Валентину Петровичу и посмотреть, какие бывают липы, мы ведь не видели их никогда. А без этого нельзя отправляться в экспедицию.

— Это верно,— согласился Филипп Иванович и присел на камень.

— Побеседуемте, друзья, перед расставанием минуток пять.

И когда все расселись по камням, учитель заговорил о тайге, о тех районах, куда должны направиться ребята в поисках липы, предупредил о тех опасных местах, которые могут оказаться на их пути.

— А можем мы встретиться там с дикими зверями? — спросил Женья.

— Только случайно. Все эти места исхожены человеком, ежегодно посещаются столбистами, и дикий зверь их избегает, но вы можете увидеть коз, барсуков...

— Вот бы нам ружьё! — вздохнул Митя.

— Вот этого никак нельзя, — решительно возразил Филипп Иванович. — Вы в заповеднике, где никакая охота не разрешается, и с ружьём здесь ходить категорически воспрещено. Служащие в заповеднике отберут его у вас при первой же встрече. — Он посмотрел на часы и заторопился.

— Главное, друзья, в вашем деле — это дружеская спайка, товарищеская помощь друг другу. Помните это всегда.

Он поднялся с камня.

— Идите к Валентину Петровичу, а мне сюда... Желаю удачи. — Он пожал ребятам руки и быстро исчез в расщелине. Качнулась вершина тонкой сосенки, послышался звук падающих с обрыва камешков, и снова на утёсе воцарилась тишина...

— А ведь нам, пожалуй, рано идти к Валентину Петровичу, — проговорил Петя. — Он ещё спит.

— Конечно спит, — подхватил Женья, отрываясь от блокнота.

— Не думаю, — покачал головой Митя Бубликов.

— Мы ещё можем часа два походить по заповеднику, — продолжал Пахомов. — Покажите мне самые интересные скалы...

— Это можно, — солидно согласился Митя. — Не знаю, как Жене, а мне тут каждый камень знаком.

И Бубликов решил, что вчерашнее поведение Пети следует, пожалуй, предать забвению...

Ребята спустились со Столба, пошли по тропе, протоптанной поколениями скалолазов. В это утро туристы побывали и у скалы «Дед», удивительно напоминавшей лицо угрюмого бородатого старика, и у «Перьев», что колоссальными каменными брусьями взметнулись над тайгой, и у «Львиных ворот», похожих на громадную арку...

На вершине Первого столба они видели приколоченную к дереву доску, надпись на которой гласила, что здесь бывали известный путешественник В. К. Арсеньев, народный артист республики Словцов, писатели Вячеслав Шишков, Алексей Кожевников, Иван Молчанов, участники Сибирского съезда РСДРП, группа исследователей Арктики во главе с профессором Никольским...

Посетили ребята и то место, где когда-то стояла избушка, сожжённая жандармами.

Оттуда вернулись к домику Валентина Петровича. Он провёл ребят в квартиру, усадил их за стол и наполнил горячим чаем.

Потом ходили по площадке липовых насаждений, а ещё через час слушали наказания Валентина Петровича о том, куда и как лучше напра-

виться в поисках липовых рощ, какие и где выбирать тропки, как организовать ночлег в горах, развести костёр, сделать шалаш.

Он долго стоял на каменной площадке, смотря вслед молодым исследователям, уходящим в горы...

Над пропастью

Искать липы в центре заповедника, где каждое дерево столбисты видели десятки раз, не было смысла, и поэтому ребята решили пробраться в отдалённые, очень редко посещаемые туристами районы.

В путь тронулись по скалистой гряде, уходящей от Второго столба на юг. Некоторые утёсы этой гряды по высоте и трудности подъёма на них мало уступали прославленным Столбам.

По гриве тянулась еле заметная тропка. То избегая на кручи, то стремительно спускаясь в глубокие распадки, она вводила всё дальше и дальше от людных мест, в царство мёртвого бурелома и сонной тишины. Порой приходилось идти по узким обрывистым карнизам, и тогда вершины стрелчатых елей и раскидистых кедров шумели у самых ног и далеко вокруг открывалась суровая и величественная панорама тайги. Но чаще путь лежал по глухим расселинам, где топорщились груды валежника, сплошной тёмной стеной стояли хвойные деревья, а вверх голубел лишь маленький клочок неба...

Ребята шли уже довольно долго. Слабосильный Женья Чернышёв всё чаще и чаще начал отставать. Заметив это, Петя Пахомов предложил:

— Может быть, отдохнём?

— Давайте! — согласился Митя Бубликов. — Вон на той скале.

Он указал на утёс, полого поднимавшийся над лесом и кончающийся отвесным обрывом.

Ребята свернули с тропы, стали карабкаться вверх. В это время на громадный пирамидальный камень откуда-то из кустов выпрыгнула кабарга. Грациозно изогнув шею, она доверчиво смотрела на людей.

Митя Бубликов, схватив подвернувшуюся под руку известняковую плитку, швырнул её в кабаргу. Плитка ударилась о камень, рассыпалась на куски. Животное мгновенно исчезло.

Петя Пахомов остановился и строго спросил:

— За что ты хотел ударить кабарожку?

— Н-не знаю, как получилось... — виновато промолвил Митя, опуская глаза. — Рука сама потянулась...

— Тише! — перебил Женья. — Слышите?

Пирамидальный камень, словно потревоженный колокол, издавал глухой, медленно затихающий звук.

— Ничего особенного, — заявил Митя, радуясь возможности замять неприятный для него разговор. — Я слышал от столбистов об этом камне. Оболочка у него сиенитовая, внутри был известняк. Потом известняк

выветрился, внутри камня получилась пустота. Вот и гудит, если по нему ударить.

Подойдя к диковинному камню, ребята осмотрели его со всех сторон. Он напоминал своей формой свёрнутый из бумаги конусообразный пакет, поставленный основанием на края глубокой расселины. Петя с трудом втиснулся в эту расселину, заглянул под камень. Внутри его и в самом деле чернела пустота.

Женя стукнул гранитным обломком по камню. Густой вибрирующий звук разнёсся далеко по окрестности...

— Здесь что ни шаг, то чудо! — удивлялся Петя.

Митя сфотографировал камень крупным планом. При этом он так старательно искал наиболее выгодную точку, что, пятась назад, чуть не упал с обрыва...

Взобравшись на вершину утёса, ребята недовольно переглянулись. Площадка, на которой они хотели отдохнуть, оказалась занятой. Навстречу незваным гостям шагнул высокий старик в чёрной шляпе, с обвисшими полями, и сердито спросил:

— Это вы перепугали Малышку?

— Мы никакой Малышки не встречали, — поспешил ответить Митя, на всякий случай становясь за широкую спину Пети Пахомова. — Одну только кабаргу видели.

— Так это ж Малышка и есть! — неожиданно мягко улыбнулся старик. — Её здесь все знают и любят. Она людей не боится, почти ручная... А сейчас чего-то испугалась. Как шарахнется мимо меня, мольберт опрокинула и — скрылась...

Тут только ребята заметили на одном из плоских камней раскрытый чемоданчик с красками и кистями. Рядом лежала палитра.

— Знаешь кто это, — торопливо зашептал на ухо Пете Бубликов, всё ещё скрывающийся за его спиной. — Знаменитый наш художник Иннокентий Васильевич Карабанов. Заслуженный деятель искусств. Он когда-то у самого Сурикова учился!

— Я третий день над этюдом работал, — продолжал между тем художник тихим, старческим голосом. — И вот — пропали труды... Уронила Малышка мольберт с полотном в пропасть...

Иннокентий Васильевич потерял седую бородку и засмеялся:

— Такая резвая! Как прыгнет — только её и видел! Теперь откуда-нибудь с другого утёса за нами наблюдает. Кабарожки — они любопытные...

Ребята подошли к краю обрыва, заглянули в пропасть и невольно попятились назад. От страшной высоты кружилась голова. Огромные валуны на дне ущелья казались игрушечными. Вековые ели не достигали и до середины гранитной стены.

Незаконченный этюд повис на ветках боярышника, прилепившегося на маленьком выступе метрах в десяти от вершины утёса. Мольберт, как видно, упал на дно ущелья.

— Вы, ребятаки, попроворнее меня,— сказал Иннокентий Васильевич.— Спуститесь-ка с утёса, поищите мольберт. Может быть, он не сломался...

Ребята с готовностью бросились выполнять просьбу художника. И когда они отошли достаточно далеко, Петя Пахомов, укоризненно покачивая головой, произнёс:

— Высесть бы тебя надо, Митенька.

— Крапивой,— добавил Женья Чернышёв.

— А почём я знал, что кабарга столкнёт мольберт...— начал было оправдываться Митя, но Пахомов сурово его прервал:

— Молчи! Что кабарга уронит мольберт, ты, конечно, не мог знать, но что нельзя швырять камнями в незащищенное животное, должен был помнить.

Бубликов замолчал. Насупившись, он смотрел в землю...

Мольберт был найден быстро. Он упал сперва на вершину ели и по её ветвям скатился на камни. Никаких повреждений в нём, кроме незначительных царапин, не было.

— Как бы теперь достать этюд...— произнёс Женья Чернышёв, глядя на белеющее сверху полотно.— Иннокентий Васильевич столько над ним трудился...

— Это невозможно,— махнул рукой Петя.— Здесь не вскарабкаться и кошке.

И в самом деле, гранитная стена была совершенно отвесна, без единой щели и хоть мало-мальски пригодных для подъёма выступов или «карманов».

— А знаете что,— оживился вдруг Митя.— Этюд можно достать сверху!

— Каким путём? — удивлённо посмотрел на него Петя.— Сверху стена тоже отвесная и гладкая.

— Ну, и что же? Надо связать наши кушаки и спуститься над пропастью.

Петя и Женья переглянулись.

— А ведь это, кажется, неплохо придумано! — сказал один.

— Очень неплохо,— подтвердил другой.— Только хватит ли наших кушаков?

— Хватит! — авторитетно заявил Бубликов.— Ну, а если уж верёвка наша окажется короткой, поднимите меня обратно — и только.

— Почему — тебя? — быстро возразил Пахомов.

— А кого же? .

Петя неуверенно сказал:

— Ну... меня, например.

— И ты думаешь, что мы с Женькой вытащим тебя? Ты вешишь не меньше центнера! А я легче каждого из вас. К тому же ты сильнее меня и Женьки, вместе взятых. А потом... раз уж я виноват, что этюд упал, значит мне его и доставать...

— Так и быть,— согласился Петя, убеждённый неоспоримыми доводами.— Пойдём!

Когда друзья снова поднялись на утёс, художника там не оказалось.

— Где же он? — с недоумением посмотрел на товарищей Митя.

Петя пожал плечами и ответил:

— Придёт. Краски здесь.

Не теряя времени, ребята взялись за дело. Они связали три длинных кушака, заменяющих у столбистов верёвки, прикрепили к одному концу поперечную полуметровую палку, а другой конец привязали для страховки к молодой ели. Потом Бубликов сел на палку, и товарищи пристегнули его к кушаку подмышками поясным ремнём.

— Ну, начнём? — стараясь скрыть волнение, спросил Петя.

— Давайте! — решительно ответил Митя и шагнул к краю пропасти.

— Ложись на живот,— посоветовал Женя.— Придерживайся руками за камни. Вниз не смотри, чтобы не закружилась голова.

— Ладно...— еле выговорил пересохшими губами Бубликов.— Спускайте...

Петя и Женя, крепко вцепившись в своеобразный канат, начали его постепенно отпускать. Митя почувствовал, как ноги скользнули в пропасть. Сердце на мгновение сжалось, словно перед прыжком в холодную воду, на спине выступил противный липкий пот... Потом перед глазами промелькнул край обрыва и Митя закачался над бездной.

Со скалы, шурша, посыпались мелкие камешки. Митя взглянул вверх и увидел ребристый край утёса, голубое небо над ним и медленно ползущий вниз красный канат...

Долго ли продолжался спуск, он не смог бы сказать. Понятие о времени спуталось. Митя хорошо запомнил лишь тот момент, когда рядом с ним сверкнуло своей белизной полотно.

— Стоп! — крикнул он машинально и снял с веток этюд. Поворачивая его к себе, Митя успел заметить, что этюд почти не пострадал, только в одном месте размазалась не успевшая высохнуть краска.

— Поднимайте! — крикнул Бубликов и, не в силах более сдержаться себя, глянул вниз.

Теперь, когда он висел над пропастью, глубина её казалась ещё более страшной. Чувствуя, как опять сжимается в комок сердце, Митя на мгновение закрыл глаза и крепче впился пальцами свободной руки в кушак...

Канат шёл вверх медленно, рывками. Митя представил, как напрягают свои силы товарищи, и со страхом подумал: «А если не вытащат?..»

Но подъём завершился благополучно. Над обрывом показалось красное от напряжения лицо Пети, потом Митя схватился рукой за ребристый край утёса, и друзья вытащили его наверх.

Все трое в изнеможении опустились на камни. Только теперь друзья почувствовали, что за каких-нибудь пять минут они совершенно обессилили, словно весь день совершали тяжёлую работу.

— У тебя, Митенька, даже веснушки как будто побелели,— засмеялся Женя Чернышёв.

— Тут побелеешь...— буркнул Бубликов.

Однако скоро к Мите вернулось обычное настроение.

— Жалею, ребята, что не захватил с собой «лейки»,— говорил он.— Такой там вид подо мной раскинулся... Умри — лучшего не увидишь!

— В самом деле? — заинтересовался Пахомов.

— Честное комсомольское!

— Давай, Женя, спустим его ещё раз. Пусть сфотографирует живописный вид.

— Как-нибудь в другой раз,— поспешил отказаться под хохот товарищей Митя.

Послышались шаги художника. Он медленно взбирался по отлогому склону, неся новое полотно.

— А я уже в свой шалашик сходил,— промолвил он, кладя полотно на камень.— Когда в тайгу отправляюсь, всегда лишние подрамнички захватываю. Вот и пригодилось... А как мольберт, цел?

Тут Иннокентий Васильевич увидел свой этюд.

— Позвольте, друзья...— изумлённо посмотрел он на ребят.— Как вы его достали?

— Очень просто,— самым равнодушным тоном ответил Митя Бубликов.— Я на кушаках с этого обрывчика спустился.

— Н-да...— покачал головой художник.— Я бы вам этого не позволил. Рисковать из-за такой мелочи...

— Какой тут риск! — махнул рукой Митя.— Пустяковое дело...

Художник продолжал качать головой.

— Я бы этого не допустил.

Пять Калтатов

До заката солнца ещё можно было пройти несколько километров, но ребята за день так устали, что с удовольствием воспользовались приглашением Иннокентия Васильевича переночевать в его шалаше.

У костра, за чаем, завязался оживлённый разговор. Оказалось, что Иннокентий Васильевич прекрасно знает не только район заповедника, но и прилегающую к нему тайгу. За долгую свою жизнь он побывал с мольбертом почти на каждой скале, в каждой пади.

— А не приходилось вам где-нибудь встречать липы? — спросил Митя Бубликов.

— Липы? — удивился художник.— Для чего они вам?

Выслушав объяснение, Иннокентий Васильевич оживился:

— Встречал, как же! Лет двадцать назад. В глухой тайге, близ устья Калтата. Как сейчас вижу: два молодых, стройных деревца... Но вот память стариковская... У какого Калтата? Ведь их здесь пять: Столбовский, Бабский, Крепостной, Сухой, Мокрый...

Художник тёр ладонью морщинистый лоб, глядя куда-то в небо, геребил бородку, но ничего более определённого вспомнить не мог.

— Мы обследуем устье каждого Калтата,— решил Петя Пахомов.— Разыщем!

— Найдёте, конечно,— подтвердил Иннокентий Васильевич.— И я думаю, что найдёте не только эти две липки. Они были ещё совсем молодые. Значит — где-то поблизости растут старые деревья. Может быть, целая роща...

В эту ночь, несмотря на усталость, ребята долго не могли уснуть. Неожданное сообщение художника вызвало самые радужные мечты.

Лёжа на постели из еловых веток, друзья перешёптывались о том, как завтра они смело углубятся в таёжные дебри, где их ждут, может быть, самые поразительные открытия...

Утром, едва занялась заря, ребята были уже на ногах. Иннокентий Васильевич ещё спал, его не стали будить. Закончив недолгие сборы, друзья покинули гостеприимный шалаш.

Поиски решили начать с долины Бабского Калтата, получившего своё название от скалы «Голова манской бабы», очень напоминавшей голову повязанной платком старухи. Из всех пяти Калтатов — это самая маленькая речка; к тому же до её впадения в Сухой Калтат осталось не более двух километров.

— Ведь очень может быть, что Иннокентий Васильевич видел липы именно возле этой речки, — размышлял вслух Митя Бубликов. — Выйдем мы к устью, а они — тут как тут. Ветками нам прошелестят: «Здравствуйте, давно вас ждали!...»

— Очень уж легко у тебя всё получается, — засмеялся Петя. — Даже неинтересно.

Разговору помешал внезапно вылетевший из кустов касач. Ребята не дошли до него каких-нибудь трёх шагов. Шумно захлопав крыльями, он метнулся в сторону и скрылся в тайге.

— Эх, ружьишка нет! — воскликнул Петя. — Я бы его сейчас срезал.

— В заповеднике охота запрещена, — напомнил Женя.

— Знаю... — со вздохом кивнул головой Пахомов. — Сейчас охотиться нельзя нигде. Лето...

— А что мы будем делать без ружья, если нам вдруг встретится медведь? — делая страшные глаза, спросил Митя. — Ведь тут много всяких зверей, не зря этот район называют «Зоопарком»...

— И в самом деле, место глухое, дикое... — невольно поёживаясь, произнёс Женя. — Медведи тут должны быть...

Словно в подтверждение, где-то поблизости треснул сучок. Бубликов и Чернышёв переглянулись. Тогда Петя Пахомов остановился и твёрдо заявил:

— Вот что, друзья: давайте не будем думать о страхах. Самое это последнее дело в тайге. Если человек ничего не боится, с ним ничего и не случится. Это мне ещё отец внушал. А он в Туруханске самым знаменитым охотником был.

— А кто тебе сказал, что мы трусим? — заершился Бубликов. — Уж и поговорить ни о чём нельзя... Не знаю, как Женька, а я не боюсь ни медведей, ни рысей!

И расхрабравшийся Митя во всё горло затянул:

Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!..

Бабский Калтат встретил ребят приветливым звоном прозрачных струй. Пенясь у каменистых берегов, речка мчалась под уклон, сверкая на солнце ослепительными серпами быстрых волн. С обеих сторон к ней низко склонялись мохнатые ветви пихт. В прогалинах между деревьями виднелись захламлинные валежником полянки; над ними ещё клубился тающий туман.

— М-да... — протянул Митя. — Нелёгкое это дело — отыскать в такой глуши две липки...

— Найдём, — уверенно заявил Петя. — Только придётся нам не всем вместе ходить, а порознь, цепью. Поднимемся вверх по правому берегу, спустимся по левому.

— Порознь так порознь, — тряхнул кудрями Бубликов. — Против умной мысли не спорят.

— Идти так, чтобы всё время видеть друг друга, — продолжал Петя, взявший на себя роль начальника экспедиции. — Кто отстанет — подавать голос. Всё понятно?

— С трудом, — иронически отозвался Митя.

— Тронемся!

Растянувшись цепочкой, ребята двинулись вверх по Калтату. Идти у самого берега пришлось Жене Чернышёву. Шагах в тридцати от него справа пробирался сквозь молодой подлесок Петя Пахомов. Ещё дальше изредка мелькал среди деревьев Митя Бубликов.

Сразу за устьем речки тайга резко переменилась. Кончился подлесок, исчезли весёлые лужайки. Со всех сторон поднялись угрюмые, обомшелые деревья-великаны. Раскидистые кроны закрывали небо, и солнечные лучи проникали сквозь них тонкими косыми полосками. Здесь почти не было лиственных деревьев, лишь кое-где попадались хилые, дуплистые осины.

«В самом деле — медвежий места, — подумал Петя. — Какие уж тут липы, когда берёзы даже не растут...»

И всё же, несмотря на то, что встретить у Бабского Калтата липы

почти не было надежды, ребята добросовестно обшарили весь левый берег на протяжении, примерно, пяти километров. А когда солнце поднялось высоко над лесом и впереди показалась ещё более глухая хвойная чаща, Митя Бубликов, подойдя к Пете Пахомову, сказал:

— Устье Калтата мы давно оставили позади. Идти дальше нет смысла.

— Пожалуй...— согласился Петя.

Ребята расположились на короткий привал. Развели костёр, вскипятили чай, закусили, тут же заштриховали на карте обследованную площадь и, перейдя через речку по валежине, тронулись в обратном направлении.

Растительность на правом берегу была столь же однообразная, как и на левом. Пихтовые массивы сменялись еловыми, еловые кедровыми — и опять всё начиналось сначала...

Когда вернулись снова к устью, Митя Бубликов тяжело опустил голову на землю и проворчал:

— Ещё одна такая прогулка, и я больше не жилец на белом свете...

— Рановато. Впереди у нас четыре Калтата,— спокойно напомнил ему Петя Пахомов.

Митя почесал распухшее от комариных укусов веснушчатое лицо, но ничего не сказал.

Через полчаса ребята шагали дальше, чтобы обследовать лес возле устья речки Крепостной Калтат.

Приключения Жени Чернышёва

Речка Крепостной Калтат, протекавшая возле огромной скалы, издали похожей на средневековую крепость, почти ничем не отличалась от Бабского Калтата. Она текла в том же направлении, впадала тоже в Сухой Калтат, и даже длина их была примерно одинакова. По обоим берегам тянулись бесконечные пихтовые и еловые массивы, лишь кое-где, на возвышенных местах, прерываемые сосновыми и лиственничными рощами.

Без всякой надежды на успех, ребята долго бродили по левому берегу, потом перешли на правый. Холмистая местность и непроходимые завалы бурелома совсем вымотали их силы, и к концу пути друзья еле плелись, думая не столько о липах, сколько о близком привале...

Невдалеке от устья Женья Чернышёв немного отстал от товарищей. А его друзья в это время уходили всё дальше и дальше. Они миновали то место, где речка делала поворот влево, добрались до её устья и только тут заметили отсутствие товарища.

— Где же он? — с тревогой в голосе спросил Петя.

— Замечтался и отстал,— спокойно ответил Бубликов.

Но Женья не появлялся.

— Женья! — крикнул во всю мочь Митя.

В ответ ни звука...

— Вот так история... — забеспокоился и Бубликов. — Что же с ним случилось?

— Он шёл третьим в нашей «цепочке», справа от тебя, — сказал Петя. — Ты давно его не видел?

— Давно...

— Почему же не крикнул?

— Мы ведь условились, что голос подаёт тот, кто отстанет.

— Ты всегда найдёшь оправдание, — недовольно пробурчал Пахомов. — Товарищ...

Ребята постояли ещё минут пятнадцать, покричали. Женя не отзывался.

— Пойдём разыскивать, — решительно заявил Петя.

— Пойдём, — согласился Митя.

И друзья, снова закинув за плечи вещевые мешки, тронулись по только что пройденному пути...

А Женя в это время был далеко. Отстав от товарищей, он шёл всё прямо и прямо, совсем позабыв, что речка перед впадением делает поворот влево. Не видя её, он срезал угол, образуемый извилиной Калтата, и остановился у невысокой гряды разрушенных временем скал.

Здесь Женя решил, наконец, крикнуть. Сложив ладони рупором, он звал то одного, то другого, прислушиваясь, в надежде услышать их голоса. Но вокруг было тихо, только изредка попискивала в кустах какая-то пичужка...

«Неужели до устья ещё далеко? — с недоумением подумал Женя. — Придётся выйти к речке, она где-то здесь, рядом»...

Женя свернул налево и, по всей вероятности, вышел бы к Крепостному Калтату, но в это время впереди, в мелком ельнике, что-то шевельнулось, и у большого выворотня показался... медведь!

От неожиданности Женя окаменел. Ноги вдруг отказались ему служить, и он застыл на месте, словно замороженный, глядя на зверя...

А медведь, сделав несколько шагов вперёд, остановился. Зверь, как

видно, тоже был изумлён неожиданной встречей и, подняв морду, с любопытством наблюдал за человеком. Позднее Женья рассказывал, что вид у Мишки был самый добродушный, но заявить это сейчас он бы не мог. Женья бросился наутёк так стремительно, что не заметил, как оборвал где-то футляр с биноклем...

Сколько времени и в какую сторону Женья бежал, он после никак не мог определить. Давно уже скрылась скалистая гряда, впереди показались какие-то новые утёсы, а Женья всё мчался и мчался вперёд.

Остановила Женю внезапно возникшая на пути речка. Только здесь перевёл он дух и оглянулся назад. За ним никто не гнался. Вокруг стояла глубокая тишина, нарушаемая лишь неуёмным журчанием воды.

Женья машинально побрёл вниз по течению. Ему всё ещё казалось, что сзади вот-вот раздастся треск сучьев и зверь бросится на него из таинственно притихших кустов... Но тайга была попрежнему безмолвна, и говорливая речка журчала всё так же весело и беззаботно.

В конце концов, Женья успокоился. Только теперь он почувствовал, что страшно устал и проголодался. Он лёг на землю, вытащил из мешка сухарь и стал грызть его, запивая водой. Покончив с сухарём, Женья хотел было достать другой, но усталость взяла своё, и он уснул, положив голову на скрещенные руки...

Разбудили его какие-то странные звуки, напоминающие то треск разрываемого холста, то шорох бумаги. Женья пошевелился, открыл глаза. От лежащего рядом заплечного мешка метнулся в кусты росомах. Мешок был разорван, сухари, масло, сахар и консервы разбросаны по земле. От большого куска сыра остались только крошки...

В бессильной ярости Женья швырнул вслед росомахе камень и гневно закричал:

— Пакостница! Воришка!

— ...и-и-иска!.. — насмешливо ответило эхо.

Кое-как залатав разорванный мешок, Женья собрал разбросанные продукты и огляделся. Наступал вечер. От речки потянуло сыростью. Каменная вершина недалёкой скалы краснела в лучах заходящего солнца. Над тайгой пролетела ворона и, тяжело взмахивая крыльями, скрылась за утёсом.

«Что это за речка? — задал себе вопрос Женья. — Неужели Сухой Калтат? Если так, то мне надо подниматься вверх, до устья Крепостного Калтата. Там ребята»...

Но в следующую минуту Женья подумал, что друзья его, конечно, на месте не сидят. Они его ищут. Только где, в какой стороне?

Женья решил подняться на скалу. Если товарищи недалеко, то оттуда они услышат его голос. К тому же, может быть, с утёса он увидит знакомые по очертаниям Столбы...

Подняться на скалу оказалось делом не лёгким. Здесь было несколько лазов, но пока Женья нашёл самый безопасный из них, начало темнеть.

Взобравшись на вершину, Женя набрал полные лёгкие воздуха и крикнул. Звук пронёсся над сумерочной тайгой, дробясь и замирая где-то в отдалении. И когда раскаты эха замерли, вокруг снова сомкнулась настороженная вечерняя тишина...

«Надо развести костёр! — догадался Женя. — Ночью огонь будет виден за много километров».

Он стал таскать на вершину сушняк, недостатка в котором здесь не было, и скоро наносил большую кучу.

Когда костёр запылал, Женя повеселел. Огонь показался ему добрым, знакомым ещё с детства другом. С ним не страшно и не скучно было коротать время...

Вскрыв банку консервов, Женя поужинал. Потом он прислонился спиной к валуну и задремал.

Костёр разгорался всё ярче, весело постреливая в стороны уголька-ми и взметая в звёздное небо снопы искр. А внизу, под утёсом, расплы- валась тёмная, непроглядная ночь.

„Ласточки“

— Женька... Да проснись же ты, в конце концов!

Кто-то сильно тряхнул Женю за плечо. Открыв глаза, он увидел перед собой радостно улыбающегося Митю. Бубликов и стоящий за ним Петя Пахомов были с головы до ног мокрые от росы, кодежде их при- липли песок, листья, какие-то цепкие колючки...

— Ребята! — бросился к друзьям Женя. — Откуда вы вдруг взялись!..

— Хорошенькое вдруг, — усмехнулся Митя. — Мы почти всю ночь на твой огонь шагали. Петька шишку на лбу набил, я чуть ногу не вы- вихнул. А сколько раз падали — тому и счёта нет...

Снимая с плеч мешок, Бубликов распорядился:

— Разводи костёр, сушиться будем. Промокли до костей...

Женя раздул ещё тлеющие угли, и костёр запылал вновь.

— Ты как же здесь оказался? — спросил Петя Пахомов.

Женя рассказал о своих приключениях, Митя не удержался от не- скольких иронических замечаний, но было видно, что он чуточку зави- дует товарищу. Он носом к носу встречался с медведем, его обокрала росомаха... Как интересно можно бы обо всём этом рассказать! А у Женьки всё это получается как-то уж слишком коротко и сухо...

— Обычная история, — с видом бывалого таёжника произнёс Митя, когда Женя закончил свой рассказ. — Встрече со зверем удивляться не приходится, они тут — на каждом шагу. Но вот что непонятно: как ты без карты и компаса вышел прямо к устью Мокрого Калтата?

— Когда? — не понял Женя.

— Как — когда? Ведь мы же сейчас — как раз в развилке между Сухим и Мокрым Калтатами. Они сливаются в каких-нибудь двух сот- нях метров отсюда.

— Никак не думал! Я так запутался, что потерял всякую ориентировку...

— Постарайся не терять её в следующий раз,— назидательным тоном посоветовал Бубликов.— Тут, братец мой, можно так заблудиться, что никогда больше не увидишь людей...

Пока друзья сушили у костра одежду, Женя сходил к речке и вернулся с полными флягами воды. Над огнём повесили котелок, и скоро в нём закипел чай.

Попив чаю, Петя и Бубликов легли спать. Женя попытался последовать их примеру, но встреча с товарищами его так обрадовала и разволновала, что уснуть он больше не смог и снова подсел к костру.

На востоке разгоралась заря. Ярko алели редкие, висящие в вышине облака, потускнел, словно подёрнулся пеплом, серп луны. Одна за другой гасли звёзды. В тайге загремел разноголосый птичий хор.

Жене стало скучно сидеть у потухающего костра, и он спустился со скалы. Внизу было светло, как днём, и хоть солнце ещё не взошло, стволы деревьев и камни отсвечивали тёплыми розовыми отблесками.

Обходя росистые кусты, Женя пробрался к месту слияния Сухого и Мокрого Калтатов. Устье оказалось и в самом деле недалеко от утёса, на котором он ночевал. Отсюда речка называлась уже просто Калтат, и текла она куда-то в глубину тайги, за границу заповедника.

Умывшись холодной водой, Женя сделал утреннюю физкультурную зарядку и, не спеша, стал возвращаться к друзьям. Он прошёл через поросшую пахучим багульником полянку, миновал беспорядочное нагромождение морщинистых валунов и здесь, словно вкопанный, остановился. Впереди, раскинув сверкающие росой ветви, высоко поднимались два стройных дерева, которые они так настойчиво искали...

Всё ещё не веря своим глазам, Женя шагнул вперёд... И тут у него пропали последние сомнения. Перед ним были липы, самые настоящие липы!

Сорвав с одного из деревьев несколько листочков, Женя стремглав бросился к товарищам.

Он мгновенно вскарабкался на утёс и, тормоша крепко спавших друзей, закричал:

— Вставайте, вставайте! Хватит спать!

— Опять медведь, — недовольно приподнялся на локте Митя. — Одно беспокойство с тобой, Евгений...

— Липы! Липы! — приплясывал у костра Женя.

— Наяву или во сне?

— Смотрите сами... — И Женя протянул Бубликову листья. Тот долго рассматривал их со всех сторон, даже для чего-то понюхал и, передавая Пете, авторитетно заявил:

— Липы!

— Самые настоящие, — подтвердил Пахомов.

Сна как не бывало. Через минуту ребята уже мчались вслед за Женей к устью Калтатов.

— Вот они, первые ласточки! — воскликнул Чернышёв, подводя друзей к деревьям. — Где-то здесь, поблизости, должны быть старые липы. Эти ещё молодые.

И в самом деле, каждой из лип было, по всей вероятности, не более сорока-пятидесяти лет.

Не обращая внимания на росу, окатывавшую их с головы до ног, ребята обшарили все окрестности, но ни одной липы больше не нашли. Возвратясь опять к устью, они молча сели на камни.

— Я никак не могу допустить мысли, что семена, из которых выросли эти липы, попали сюда из той рощицы, которая уже давно всем известна, — сказал после долгой паузы Петя. — Это — слишком далеко. Семена сюда занёс ветер из другого места. Ветры у нас обычно бывают западные. Падь, по которой течёт Мокрый Калтат, уходит на юго-запад. Значит — где-то там, вверх по речке, растут старые деревья.

— Всё это, пожалуй, правильно, — согласился Женя, — но дело в том, что сюда, к устью, выходят три пади. Одна — по Мокрому Калтату, другая — по Сухому...

— Она — не по направлению ветра, — перебил Петя. — К тому же мы по ней уже достаточно побродили.

— Зато третья падь, что тянется между этими двумя идёт прямо на запад. Мы в ней ещё не были.

— Вот здесь-то и должны быть липы! — заключил Митя.

— Тогда, может быть, решим так: сперва обследуем среднюю падь, а потом — по Мокрому Калтату?

— Решено и подписано! — потрянул чубом Бубликов.

Вытащив из планшета карту заповедника, Петя отметил на ней

крестиком то место, где росли липы. Обозначив ближайшие ориентиры, он обратился к Жене:

— Ты как сказал об этих липах? «Первые ласточки»?

— Кажется... А что?

— Давайте так их и назовём: «Ласточки».

— Давайте! — в один голос согласились друзья.

И Петя с видимым удовольствием нанёс новое название на карту.

Переход по „Честному слову“

Все поиски лип ребята по средней пади оказались безуспешными. Два дня они бродили от одного хребта к другому, забираясь всё дальше и дальше в глубь тайги и осматривая чуть не каждое дерево. А на третий день падь стала сужаться и скоро кончилась в узком, глубоком ущелье. Здесь был стык двух скалистых грив, и по обе стороны пади, напоминающей глубокую расселину, поднимались почти отвесные утёсы.

— Дошли... — мрачно сказал Митя Бубликов, когда ущелье упёрлось в гранитную стену. — Дальше некуда.

Он устало сел на камень и вытер платком потное лицо.

— Дошли... — повторил Петя Пахомов. — Зато мы теперь знаем, что в этой пади лип нет. Остаётся обследовать долину Мокрого Калтата.

— Весёленькое путешествие у нас впереди, — усмехнулся Женя Чернышёв. — Придётся шагать ещё целый день по безводной пади. А в флягах наших — ни капли...

Ребята уныло молчали. Петя вытащил из планшета карту и, морща лоб, долго что-то изучал на ней.

— Говори, капитан, — нарушил, наконец, молчание Бубликов. — Какие мысли зреют в твоей голове?

— Я думаю, что путь к Мокрому Калтату через скалы будет, если не легче, то, во всяком случае, ближе, чем по этой пади, — ответил Петя.

— А ведь верно! — хлопнул себя по колену Митя. — Перевалить только через хребёт, и мы сэкономим целых два дня!

— Всё это так, — согласился Женя, — но пройдем ли мы тут? Очень уж обрывистые скалы...

— Попробуемся, — сказал Петя. — Не удастся здесь — пройдем ниже.

— Короче говоря — тронемся! — заключил Митя, готовый лазить по скалам круглыми сутками. — Маленький перевальчик — и мы у Калтата.

Почти не отдохнув, ребята направились на поиски удобного лаза. Пройдя с полкилометра, они обнаружили узкую расселину между двух скал. Густо заросшая кустарником, она оказалась очень удобной для подъёма.

— А ты, Женька, боялся, что не пройдем, — кричал карабкавшийся впереди Митя. — Да тут удобнее взбираться, чем по лестнице!

Чем выше поднимались, тем более величественная панорама развёр-

тывалась вокруг. Там, где столкнулись друг с другом две скалистые гряды, над тайгой дыбились причудливые нагромождения чёрных утёсов. Разбросанные в хаотическом беспорядке, они напоминали то полуразрушенные башни, то остатки рухнувших от землетрясения стен. А дальше синела необъятная холмистая тайга, сливающаяся с голубым горизонтом...

В седловине между скал расселина кончалась. Здесь было что-то вроде узкого коридора, и, несмотря на тихую погоду, в нём, ни на минуту не затихая, свистел ветер. Беспрерывный поток воздуха отшлифовал гладкие каменные стены чуть не до блеска.

— Перевал! — провозгласил Митя, поднимаясь в коридор. Не дожидаясь товарищей, он сделал несколько шагов вперёд и в изумлении остановился.

Противоположная сторона обеих смежных скал оказалась обрывистой, и о спуске здесь нечего было и думать. Правда, к самому «полу» коридора поднимался отлогий, покрытый лесом утёс. Но этот утёс от гряды отделяла широкая, почти трёхметровая трещина. Заглянув в неё, Митя не увидел дна...

Природа устроила через эту трещину своеобразный «мост». Там, где кончался коридор, между сиенитовой стеной гряды и вершиной утёса застрял камень. Когда-то он, очевидно, сорвался с одной из двух соседних скал и, заклинясь в трещине, повис над головокружительной пропастью. На чём он держался — трудно было понять. Очень возможно, что достаточно было незначительного толчка, чтобы камень обрушился в пропасть...

— Вот так история... — промолвил подошедший Петя Пахомов. — Карабкались, карабкались, и всё оказалось напрасно... Придётся спуститься километра на два ниже, там скалы не такие обрывистые.

— Лучше бы, конечно, перевалить здесь, — ответил Митя. — Отсюда так близко до Калтата! Досадно делать такой круг из-за каких-то трёх метров...

— Ещё досаднее будет, если ты вместе с этим «мостом» полетишь в пропасть...

— Да, удовольствие не из особенно приятных... — почесал в затылке Бубликов. — Но мне кажется, что камень застрял здесь надёжно и выдержит тяжесть слона. Я попытаюсь перебежать...

— Никаких попыток! — решительно возразил Петя. — Нам нет необходимости рисковать.

— А если я докажу, что риска нет?

— Каким это путём?

Бубликов загадочно улыбнулся и, не отвечая, стал поднимать лежащий поблизости круглый камень. Но он был очень тяжёл, и Митя еле сдвинул его с места.

Ребята поняли замысел товарища.

— Дай-ка я, — отстранил Бубликова Пахомов.

Он поднял камень высоко над головой и швырнул на «мост». Валуи даже не дрогнули.

— Что! — торжествовал Митя. — Теперь убедились?

— Не совсем... — покачал головой Петя. — Может быть, достаточно ещё одного толчка, чтобы «мост» обрушился.

— На случай этого «может быть» нам никто не мешает застраховаться, — нашёлся опять Бубликов. — Кушаки у нас есть? Есть!

— Так и быть, попробуем, — сдался, наконец, Петя. — Только с одним условием: я самый тяжёлый из вас, а поэтому перейду первым. Если всё будет благополучно, вы можете перебежать и без страховки.

— Ладно, иди первый, — неохотно согласился Митя.

Ребята связали кушаки и один конец их надёжно закрепили среди камней. Другим концом они крепко перевязали Петю подмышками. Если бы он даже и «нырнул» вслед за валуном в щель, кушаки удержали бы его над пропастью.

— Ну, ни пуха, ни пера! — пожелал Бубликов.

Петя подошёл к щели. Он поправил заплечный мешок и решительно шагнул на округлую поверхность валуна. Камень не шелохнулся, и через несколько секунд Пахомов был уже на вершине утёса.

— У-р-ра!.. — закричал Митя. — Я же говорил — он слона выдержит! Петя глубоко вздохнул и, стараясь скрыть волнение, сказал:

— Переходите...

Следующим через «мост» перебежал Женя Чернышёв и, наконец, Митя.

Ребята спустились к подошве утёса. Здесь дорогу им преградил невысокий обрыв. На краю его лежал огромный яйцеобразный камень. Его можно было обойти выше и спуститься к подножью утёса по более длинному, зато безопасному пути. Но расхраб्रившийся Бубликов решил обойти камень по узенькому карнизу над самым обрывом.

— Не надо, Митя! — попытался удержать его от этой затеи Пахомов, но Бубликов, ничего не ответив, вышел на карниз.

Оказавшись над обрывом, Митя понял, что пройти по карнизу будет не так легко, как он думал. Благоразумнее было бы, конечно, вернуться назад. Однако Бубликов этого не сделал и продолжал пробираться вперёд.

В одном месте карниз сужался почти до ширины ладони. Боясь потерять равновесие, Митя инстинктивно прижался к яйцевидному камню. И тут Петя и Женя совершенно ясно увидели, как камень качнулся сперва назад, потом к обрыву и столкнул скалолаза вниз...

Всё произошло так быстро, что ребята не успели даже ахнуть. Под обрывом затрещали сучья, и всё смолкло...

— Разбился! Разбился!.. — закричал Женя.

— Кто там поднимает панику! — услышался снизу голос Мити. — Просто неловко упал...

На счастье Бубликова, обрыв был не выше трёх-четырёх метров..

и под ним росли густые кусты. Скалолаз отделался лишь испугом и лёгкими ушибами.

Сойдя по безопасному пути с утёса, друзья нашли Митю в довольно плачевном состоянии. Рукав парусиновой рубахи был разорван чуть не до локтя, над глазом расплывалось синее пятно, по распухшей щеке струилась кровь... Но Бубликов не обращал на это внимания и, сидя на земле, заботливо осматривал свою неразлучную «лейку».

— Цела! — вздохнул он, наконец, облегчённо.

— А голова? — серьёзно спросил Петя.

— Что ей сделается... — буркнул Бубликов, вытирая платком со щеки кровь.

— Я тебе говорил: не ходи по карнизу...

— А откуда я мог знать, что камень качается? Удивительно, как он тоже не упал вслед за мной. Осталось бы от меня мокрое место... Давайте столкнём его с обрыва, чтобы с кем-нибудь другим несчастья не случилось.

— Кроме тебя вряд ли кто туда полезет... Но столкнуть можно.

Ребята снова добрались до карниза и начали раскачивать камень. Однако все их усилия оказались напрасны: камень покачивался из стороны в сторону, но с обрыва не падал.

— Пустое занятие, — сделал заключение Митя. — Он, может, тысячу лет качается и падать совсем не думает. Ещё одна шутка природы...

Невдалеке от подножья утёса ребята наткнулись на прозрачный ключ. Он вытекал из-под камней и через несколько метров снова уходил под почву.

— Давайте здесь заночуем, — предложил Петя. — До вечера, правда, ещё далеко, но ведь мы сэкономили два дня. Да и устали все...

Друзья охотно приняли это предложение, и скоро у ключа запылал костёр. Женя Чернышёв, исполнявший в этот день обязанности повара, занялся приготовлением обеда.

— Знаете, ребята, что я вспомнил? — сказал вдруг Бубликов. — Кто-то мне рассказывал, что есть тут где-то в скалах переход, который называется «Честное слово». Не наш ли это переход? Ведь камень здесь висит над пропастью на честном слове...

— Очень остроумно! — засмеялся Петя. — Если речь шла не об этом переходе, то мы имеем все основания назвать его «Вторым Честным словом».

И друзья единогласно решили, что лучшее название для только что пройденного «моста» трудно было бы придумать.

После урагана

С утра воздух был наполнен зноем и духотой, а после полудня жара достигла предела. К раскалённым камням нельзя было притронуться. Неподвижно повисли листья на деревьях. Умолкли птицы, исчезли надоедливые комары...

— Ну денёк! — вздыхал Митя Бубликов, поглядывая на подёрнутое мутью небо. — Палит, как в тропиках.

Однако жара не мешала ему сразу же после обеда исчезнуть.

Оставшись вдвоём, ребята занялись своими делами. Женя начал писать что-то в блокноте, Петя решил привести в порядок путевой дневник. Но едва они сосредоточились, как откуда-то издали донёсся голос Бубликова:

— Идите сюда, ребята!

— Что он там? — оторвался от дневника Петя.

Женя пожал плечами и, сунув блокнот в карман, поднялся с земли.

— Сходим. Мешки захватим с собой, чтобы не похозяйничали в них росахи.

Друзья обогнули подножье утёса и вышли к обрывистой стене скалы. Там, на большом валуне, стоял Митя и кричал:

— Открытие! Я думаю, что это — пещера первобытного человека!

У подножья скалы чернела узкая щель, наполовину засыпанная каменной осыпью. Мелкий щебень, сползающий со скалы, медленно, но неуклонно закрывал вход в пещеру.

Ребята ползком пробрались в щель и стали на ноги. Пещера оказалась небольшой, но достаточно высокой. Тут царили мягкий полумрак и прохлада.

— Вот где спасенье от жары, — сказал Женя. — На открытом воздухе сегодня дышать нечем.

— Ночевать будем здесь! — заявил Митя. — В пещере нам никакие звери не страшны.

И словно хозяин, входящий в свой дом, Бубликов повесил на каменный выступ шляпу.

Друзья начали тщательно обследовать пол пещеры. Скоро они обнаружили еле заметные остатки костра.

— Я думаю,— сказал Митя,— если мы здесь покопаем, то найдём следы первобытного человека.

— Копать нельзя,— ответил Петя.— Об этой пещере надо сообщить в музей, возможно, оттуда пришлют археологов. Они будут делать раскопки по всем правилам науки.

Митя, вытащив из футляра «лейку», направился к выходу, но выбраться из пещеры не успел. Едва он подошёл к щели, как в пещере внезапно потемнело и в лицо стегнула струя песку. Протирая глаза, Митя услышал страшный шум у подножья скалы.

— Ураган! — донёсся до него крик Пети, и когда он снова открыл глаза, то прежде всего увидел, как по склону мчалась, подпрыгивая и ломая кусты, огромная вершина вековой сосны. Потом впереди что-то

грохнуло, больно стукнул по щеке камешек, и вокруг стало тихо и совершенно темно.

Ничего не понимая, Митя зажѣг спичку. Красноватое пламя осветило испуганные лица стоящих рядом друзей. Они смотрели туда, где только что была узкая щель. Теперь её не было. Упавший со скалы камень наглухо закрыл выход из пещеры.

Ребята молчали. Митя не почувствовал, как догоревшая спичка обожгла ему пальцы. Трещащими руками он пытался зажечь новую спичку, но коробок выскользнул и упал к ногам.

— Замурованы...— сказал чужим голосом Петя.

— Живо...— добавил Женья.

— И никто не узнает, что мы здесь, не пойдѣт на поиски нас,— прошептал Бубликов.

Ребята в отчаянии бросились к выходу. Разбивая до крови пальцы, они начали трясти руками камень, но гранитный валун был недвижим, словно могильная плита. И чем яснее становилось ребятам, что все их попытки сдвинуть с места камень ни к чему не приведут, тем иступлѣннее пытались они сделать невозможное.

Первым опомнился Петя Пахомов.

— Бросьте, ребята,— тихо сказал он.— Не надо паники.

Товарищи послушно отошли от камня.

Петя пошарил в своём вещевом мешке, достал свечу, взятую на случай ночѣвок в отдалѣнных туристских избушках, зажѣг её и осветил то место, где только что был выход из пещеры. Валун закрыл щель наглухо. При падении он глубоко зарылся в кучу мелкого щебня.

— Надо посмотреть, нет ли где другого выхода,— предложил Пахомов.

Друзья обошли со свечой всю пещеру, внимательно исследовали каждое углубление в её стенах и вернулись на прежнее место. Второго выхода не было.

— Значит, нам остаѣтся только одно: прокопать под валуном нору,— решил Петя.— Щебень тут мелкий, прокопаем.

— А если нас завалило не одним валуном? — произнёс Женья.— Может быть, здесь обрушилась половина скалы...

— Всѣ равно будем копать. Другого пути у нас нет.

Петя постоял, подумал и заявил:

— К продуктам без общего согласия не прикасаться. Сегодня мы обедали, значит до завтра можем не есть. Утром разделим свои запасы на пайки.

Он снял с себя флягу, поболтал.

— Пустая... А у вас как?

— У меня тоже пусто,— ответил Женья.

— В моей что-то плещется,— радостно заявил Митя.

— Воду оставим на самый крайний случай,— продолжал Петя.— Говорят, что жажда страшнее голода.

Он проверил, хорошо ли завёрнута пробка, и бережно поставил флягу в дальнем углу пещеры. Потом вынул из ножен отцовский охотничий кинжал и стал на колени перед осыпью.

Вначале дело подвигалось быстро. Мелкие камешки с шорохом сыпались из-под кинжала на пол пещеры. В стене осыпи образовалась ниша. С каждой минутой она делалась всё шире и глубже. Но чем дальше, тем копать становилось труднее. Слежавшийся щебень с трудом поддавался кинжалу. Нередко попадались довольно крупные обломки камней, и чтобы извлечь их из осыпи, приходилось тратить много времени и сил.

Поработав около часа, Петя протянул зазубренный кинжал Мите:

— Покопай ты, а я отдохну.

Бубликов проворно забрался с головой в углубление и с жаром взялся за дело...

Сменяя друг друга, ребята работали безостановочно довольно долго. Сколько прошло времени, как они оказались погребёнными в пещере, никто не мог бы сказать. Друзья видели только, что подкоп становится всё глубже, а это вселяло уверенность и придавало новые силы.

Между тем свеча догорала. Поправляя огарок, Женя вздохнул:

— Скоро погаснет. В темноте совсем жутко будет. Как в могиле...

— А ты не падай духом,— подбодрил товарища Митя.— Если человек не теряется, он найдёт выход из любого положения. Мне один фронтовик рассказывал, как ему пришлось так вот из-под земли выбираться. Снарядом блиндаж завалило и самого солдата ранило. Будь человек не твёрдый духом — пропал бы. А этот умел за жизнь бороться. Была с ним сапёрная лопатка, и начал он землю копать. Два дня копал, и всё-таки выбрался!

Свеча, мигнув, погасла. Пещеру наполнила непроглядная темнота. Не находя больше сил продолжать разговор, друзья умолкли. В наступившей тишине было слышно, как тяжело дышал в подкопе Петя...

И вдруг тьму прорезал тоненький золотистый лучик. Он скользнул по стене пещеры, на мгновение скрылся и опять проник под землю, живой и сияющий.

— Ребята, свет!...— донёсся из подкопа ликующий возглас Пети.

— Свет! Свет!...— не помня себя от радости, закричали друзья.

В подкопе что-то сильно зашуршало, и в пещеру ворвался сноп лучей. Друзья увидели, как у другого конца прокопанной ими «норы» мелькнули растрёпанные волосы Пахомова.

— Вылезайте! — звал он.

Через минуту друзья были на свободе. Глубоко вдыхая свежий воздух, они щурились от яркого света и, всё ещё не веря своему избавлению, радостно улыбались.

Над тайгой поднималось большое, ослепительно яркое солнце. Наступал новый безоблачный день.

Находка

Налетевший внезапно ураган оставил после себя страшные следы. Очень многие деревья были поломаны, выворочены с корнями. У подножья скал появились новые нагромождения сброшенных со склонов камней. Один из таких камней и загородил вход в пещеру...

Ураган, как видно, пронёсся узкой полосой. Когда ребята спустились вниз по пади километра на два, следы его разрушительной работы почти исчезли.

Падь по Мокрому Калтату была значительно шире той, которую друзья только что обследовали. Сюда проникало больше солнца, часто встречались массивы лиственных деревьев. Но зато, чем шире расходились скалистые гряды, тем медленнее подвигались вперёд ребята. Теперь уже недостаточно было пройти по берегам речки «цепочкой», то и дело приходилось далеко сворачивать в ту или иную сторону, чтобы не оставить необследованным какой-нибудь участок.

Свернув в сторону от главного пути, Петя Пахомов вышел к одинокой скале, напоминающей своей формой круглую башню. Со всех сторон она была совершенно отвесна, на вершине её выступали остроконечные зубцы...

Вслед за Петей к утёсу вышел Женья Чернышёв. Друзья побродили вокруг скалы и, не найдя здесь более ничего интересного, двинулись вниз по пади.

Но ушли они в этот день очень недалеко. Издали послышался голос Мити Бубликова:

— Ко мне, ребята! Сюда-а!!

Перепрыгивая через камни и валежник, Петя и Женья помчались на голос товарища. Они увидели его отплясывающим какой-то дикий танец среди толстых стройных деревьев.

— Нашёл, братцы! Нашёл!..— радостно кричал Бубликов.

Тут только друзья увидели, что Митя пляшет среди высоких старых лип. Их было много, целая роща!

Петя начал считать деревья, но сбился со счёта и, прислонясь к толстой липе, стал гладить ладонью её шероховатую кору.

— Нашли! Нашли! — воскликнул он.

— Нашли зелёный клад! — вторил ему Женья, широко раскидывая руки, словно пытаясь обнять всю драгоценную рощу.

Здесь ребята провели весь день. Они пересчитали деревья, определили примерный возраст каждого из них и добросовестно обследовали окрестности. Ниже, близ устья Калтата, нашли ещё несколько лип. Все они были нанесены на карту.

Ночевали здесь же, в роще. Сидя у маленького костра, над которым позвякивал крышкой чайник, друзья извлекли из мешков все свои съестные припасы. Их оказалось совсем немного: несколько горстей сухарей, три банки консервов, большой кусок сахара, плитка шоколада.

— Как раз на сутки,— определил Женя.
— Ну-у...— усмехнулся Бубликов.— Петька не все продукты из своего мешка вытащил, он скрывает от нас кое-что.
— Не болтай пустого...— покраснел Петя.— Нет у меня больше ничего.

— А это что! — выхватил Митя из рюкзака товарища объёмистый мешочек... соли.

Все расхохотались.

— Шутки шутками,— заговорил Митя,— а надо решать, что нам делать дальше?

— Возвращаться домой,— заявил Пахомов.— Неплохо бы, конечно, ещё кое-куда заглянуть, но раз продукты кончаются — нечего об этом и мечтать.

— Что ж, мы вернёмся не с пустыми руками,— сказал Женя.

Его поддержал Бубликов.

И друзья единогласно решили, что вряд ли кому выпала такая удача, как им.

Возвращение

Утром проснулись поздно. Лёжа на пихтовой постели, слушали, как шелестят пышными кронами липы, как щебечут вокруг птицы и неумолчно звенит речка...

К туристской базе вышли во второй половине дня. Остановясь у домика Муравьёва, постучали в калитку.

— Кто там? — выглянул в открытое окно Валентин Петрович и, узнав ребят, заулыбался:

— А-а, путешественники! Посвежели, загорели — не узнать... Да вы проходите, что стоите... Калитка не закрыта. Рассказывайте, как дела.

Валентин Петрович отодвинул в сторону недописанный лист бумаги, шагнул навстречу гостям.

— Далеко побывали?

— Не очень... — скромно ответил Петя. — Но липы нашли.

— Да что вы! — радостно воскликнул Муравьёв.

Петя достал из планшета карту, развернул на столе.

— Вот!

И он стал рассказывать о том, где они побывали и сколько нашли лип. Муравьёв слушал внимательно и, когда Пахомов закончил, коротко произнёс:

— Спасибо, друзья! Вы оказали нам очень большую помощь. Я завтра же пойду в найденную вами рощу, чтобы определить, сколько она даст семян. Этой осенью мы возьмём их все до последнего зёрнышка. Мы отправим семена ваших лип в лесные питомники Хакасии, Минусинска, Причулымья...

Он прошёлся по комнате и заговорил снова:

— Итак, часть «зелёного клада» найдена. Интересно, кто ещё пора-
дует нас добрыми вестями...

— А кто ещё отправился на поиски лип, кроме нас? — спросил Митя.

— Позавчера ушло три экспедиции школьников — семнадцать чело-
век. Я думаю, что они тоже будут искать не впустую.

— Очень возможно, — солидно согласился Бубликов.

Валентин Петрович заштриховал на карте заповедника обследован-
ную ребятами площадь, обозначил крестиками те места, где были най-
дены липы, и попросил оставить ему описание рощи.

Возвращаться домой решили по другому пути, через гору Каштак.
Миновав Второй столб, вышли на торную тропу и неторопливо зашагали
по невысокой «Весёлой гривке».

Местность и в самом деле была тут весёлая. По обе стороны гривы
раскинулись таёжные увалы. Они щетинились остроконечными верши-
нами елей, стрельчатыми макушками сушняка. Вдали — в необъятном,
пронизанном солнцем просторе, рисовались причудливые очертания
Столбов. А вверху голубело бездонное небо с плывущими в нём пышны-
ми белоснежными облаками...

Сбежав с «Весёлой гривки», тропа вступила в тихий, на редкость
чистый бор. Многометровые мачтовые сосны, как две капли воды, похо-
дили одна на другую.

— «Заколдованный» лес, — сказал Митя. — Какая бы буря над тай-
гой ни бушевала, тут всегда так тихо, что не гаснет спичка... И что инте-
ресно: «заколдованный» бор со всех сторон открыт ветрам. До сих пор
никто не разгадал этой загадки.

— А мне думается, что в этом районе вообще сильных ветров не
бывает, — сказал Петя. — Местность защищённая.

Митя улыбнулся.

— Давайте свернём с тропы, я вам кое-что покажу. Это не очень
далеко.

— Что же ты хочешь показать?

— Там увидите...

— Ладно, веди, — согласился Петя.

Ребята свернули вправо и по отлогому склону стали пробираться
среди смешанного леса. Они шли напрямик не менее получаса, а склону
всё не было конца. С каждым шагом всё темнее и гуще становился лес.

Неожиданно впереди открылась широкая просека. Тысячи деревьев
были свалены в одну сторону. Над мёртвой площадью лишь кое-где тор-
чали высокие пни с отщепами...

— Это что же такое?.. — остановился в изумлении Пахомов.

— Ничего особенного, — засмеялся Бубликов. — Обычная для защи-
щённой местности картина...

Митя помолчал и с видом превосходства объяснил:

— Прошлой весной пронёсся здесь ураган. Он бушевал всего не-
сколько минут и переломал даже кустарник. А в «заколдованном» лесу

в это время отдыхали столбисты, и они потом рассказывали, что там не шелохнулась ни одна ветка.

— Один такой ураганчик мы видели...— проговорил Женя.

— Этот был раза в три сильнее. Хорошо ещё, что проносятся они не часто и не широкой полосой...

— Сказочный уголок...— развёл руками Петя.— Всё тут интересное, необычное, невиданное... Чудеса на каждом шагу...

— Скажи, Петя, честно: «Хитрый» пень не зря тебя наказал?— спросил Митя, улыбаясь.

— Хоть наказывал и не «Хитрый» пень, а коварный Бубликов, но... не зря.

Шутя и смеясь, друзья вышли на тропу. Впереди выросла чёрная громада Такмака. Она поднималась всё выше и выше, постепенно за-
слоняя небо.

— Давайте заберёмся,— предложил Митя.— Время у нас ещё есть.

— Давайте!— охотно согласились Петя и Женя.

Ребята снова свернули с тропы и начали карабкаться на крутой подъём. По каменистому склону, кое-где поросшему кустиками жёсткой травы, осыпался крупный песок. Ноги скользили по круче, и каждый шаг давался с большим трудом.

Но, в конце концов, ребята преодолели подъём и остановились у вершины «Большой Беркут», увенчанной красным флагом.

Стоя у края обрыва, друзья молча любовались родным городом. Вот пробежал по берегу реки крошечный поезд, и чёрные клубы дыма повисли у подножья Такмака. По Енисею проплыл нарядный пароход; с палубы его лились звуки баяна и задушевной песни. По шоссе, ведущему к Дому отдыха, мчались автомашины...

Евгений ПАВЛИЧЕНКО

— Мама! Дай бумаги мне,
Ножницы и клею:
Быстрокрылый самолёт
Сделать я сумею,
Вот такой, как мы вчера
Видели с тобою,
Пусть и мой летит скорей
В небо голубое!

...Миша клеил и кроил,
Мама помогала...

Много времени прошло,
Три часа — не мало!
— Вот и крылья, вот и хвост
У моей модели.

Посмотри, как хорошо
Вертится пропеллер!..
Быстрокрылый самолёт,
Накренься немножко,
Круг по комнате прошёл
И — стрелой в окошко...

Мама вскрикнула: — Держи!
И во двор за Мишей...
Но, куда там — самолёт
Поровнялся с крышей!

Дети ахают вокруг:
— Выше полетел он!
Кто же этот самолёт
Так умело сделал?

Миша маленьким друзьям
Отвечает важно:
— Это я! Пока ещё
Смастерил бумажный...

Погодите, срок придёт —
К облакам парящим
Он отправит самолёт
Самый настоящий!

М Е Ч Т А

Над Обью алая заря
Моих друзей встречает...
Смеясь, ребята говорят:
— Держись, мороз крепчает!

На пуговицах якоря
Совсем заиндевели,
И от дыхания ребят
Белеет ворс шинелей.

К весне учёбу завершив,
Они придут в затоны.
Скорее бы весна! Разлив
Волны неугомонной,
Чтоб в первый свой заветный рейс
Отправиться далёкий!..

Но впереди ещё зима
И — неизменны сроки...

Но, брови сдвинув, паренёк
Сказал другим: «Ребята,
Я верю, что настанет срок
Моей мечте крылатой.

И вот зимой на речке лёд,
Снега в широком поле
Расплавит, сдвинет, разобьёт
Людей советских воля!

Нам, юным, издали видны
Черты грядущей жизни,
И мы растём не для войны —
Длястроек коммунизма!

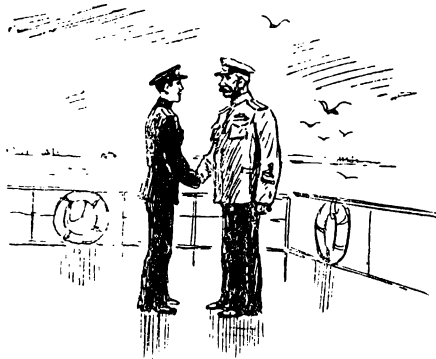
И нам удел счастливый дан:
Встречать мечты свершение —
Садов среди полярных стран
Увидим мы цветенье,
Изменим климат, ледоход
Сибирских рек ускорим,
Осушим тысячи болот,
К пустыням двинем море!..»

...Вдали над крышами дымки
Курчавятся лениво...
Стоят ребята у реки
С мечтой своей счастливой

Ещё лежит метровый лёд
Здесь, на речных просторах,
Но близок срок, весна придёт —
Желаньям сбыться скоро!

И капитаны-старики
На пароходах белых
С любовью встретят молодых
С задором их, с мечтами их:
— Ждём — не дождёмся!

К делу!

И. МОЛЧАПОВ-СИБИРСКИЙ

Над лесом зарницы блистали.
С озёр поднимался туман...
Ребята в отряде писали
Письмо в опалённый Пхеньян.

Летели сердечные строки
От наших сибирских ребят
К друзьям дорогим и далёким,
Которых злодеи бомбят.

Туда, где геройскую кровью
Омыта родная земля...
Глядят там с надеждой, с любовью
На алые звёзды Кремля.

Там любят советскую Зою,
Мересьев наш там знаменит,
Там подвиги наших героев
Не раз молодёжь повторит.

Для дружбы — нет расстояний,
Не ведает дружба преград:
Ведь каждый ребёнок в Пхеньяне
Советским ребятам брат.

Народы великою дружбой
Навек меж собой скреплены.
Им грома орудий не нужно,
Им вовсе не нужно войны!

Пусть сгинут все происки вражи,
Пусть грохот замолкнет мортир!
Стоит непреклонно на страже
Вся молодость мира — за мир!

ОРДЕН ЛЕНИНА

Как обрадован, взволнован
В это утро третий класс:
В «Правде» был опубликован
Замечательный Указ.

Прочитала нам Наташа
На собрании звена.
Что учительница наша
Орденом награждена.

Мы её с цветами ждали
И встречали у двора,
А при встрече прокричали
Наше дружное «ура»!

День отметив необычный,
Очень праздничный для нас,
Мы решили на «отлично»
Перейти в четвёртый класс!

УПОРНЫЙ ПАРЕНЁК

На «пять» учился в школе
Упорный паренёк.
Он и в лесу и в поле
Быть следопытом мог.

Он мастерил умело
Корабль из бересты,
Он шёл с разведкой смело
В колючие кусты.

Он книг прочёл не мало,
О подвигах мечтал,
Но в армию не взяли —
Сказали: «Слишком мал...»

Ребят созвал он быстро
На берегу реки,
Пошли они на пристань —
Не взяли в моряки!

Пусть мал, но мал не слишком...
Искал он и нашёл!
И на завод мальчишка
К директору пришёл.

Стоит такой вихрастый,
Взволнованный такой.
— Ну, здравствуй, мальчик,
здравствуй!
Что скажешь, дорогой?

— Не приняли в пехоту,
Не приняли во флот...
Примите на работу
Хотя бы на завод!..

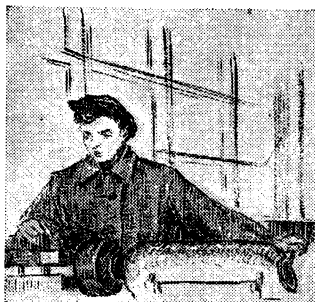
— Что ж, пригодишься если нам
Толковый паренёк,
В училище ремесленном
Поучишься, браток!..

И вот детали точит
Уверенной рука,
И, как большой рабочий,
Парнишка у станка.

Пытливый и проворный
Он входит в цех с утра.
— Мальчишка-то упорный,—
Сказали мастера.

Идёт дорогой торной:
Сначала дал полнормы,
А нынче, посмотри,—
Осилил целых три!

Его станок блестящий
Всё ускоряет бег...
Мальчишка —
настоящий
Советский человек!

ПИОНЕРЫ ПОМОГЛИ

Плохо учится Маруся.
Пишет так небрежно,
Будто напетляли гуси
По равнине снежной.

Цифры пишет так неровно,
Так читает плохо,
Что Евгения Петровна
Не сдержала вздоха
И с укором ей сказала:
— Как тебе не стыдно!..

В классе всем ребятам стало
В этот миг обидно...

Как тут быть? Совет отряда
Объявил решение:
Помогать Марусе надо,
И без промедленья!

Целый класс в беде помог
Слабой ученице:
Не прощал корявых строк,
Помогал учиться.

Вместе делал с ней задания —
Ведь ребятам больно,

Если кто-то, как в тумане,
На любой контрольной,
Если заданный урок
Кто-то выучить не смог!..

Целый класс взволнован был —
Вызвали Марусю...
Класс дыханье затаил,
За Марусю струсив.

Ей пошла ли помощь впрок?
Что ж молчит — не знает?
Но Маруся свой урок
Бойко отвечает!

Всё решила на доске,
Огляделась зорко...
Наконец-то, в дневнике
Первая пятёрка!..

Как ни спросят, каждый раз
Всё Маруся знает!
Облегчённо целый класс
Каждый раз вздыхает.

А Маруся отвечать
Вовсе не боится,
И Маруся хочет стать
Лучшей ученицей!

И она пойдёт в отряд
И со всеми встанет в ряд —
Отставать тому нельзя,
У кого кругом друзья!

ВПЕРВЫЕ НА ЭКЗАМЕНЫ

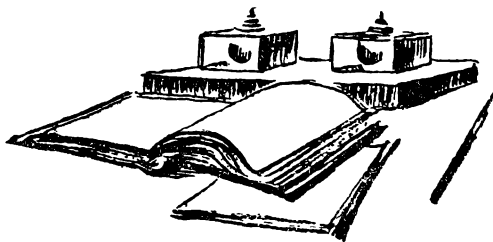
Листвой оделись яблони,
Черёмуха цветёт,
Впервые на экзамены
Четвёртый класс идёт.

Повсюду гомон катится,
Шумит весёлый сад.
Встречает в белом платье
Черёмуха ребят.

Им яблоня поклонится,
Приветит ясный день,
Как друг, к плечу притронется
Душистая сирень...

И вот — они за партами,
Их греет солнца свет...
В тетради ли, у карты ли ----
Готов у них ответ.

Сосна кивает веткою
И тянется к окну...
Хорошими отметками
Встречают все весну!

Рассказы о дружбе

Глеб ПУШКАРЁВ

ПОДРУГИ

На другой день после переводных экзаменов из четвёртого класса в пятый учительница Елена Максимовна объявила, что Тая Шишкиной назначается осенняя переэкзаменовка по письменному русскому. Услышав об этом, Тая выбежала в коридор, забилась в дальний угол и долго плакала, не замечая того, что возле неё стояли подружки Мила Цветкова и Наташа Новикова.

Им хотелось утешить Таю, сказать ей что-нибудь успокаивающее, но что? Ведь, всё равно двойка останется двойкой, переэкзаменовка — переэкзаменовкой и ничем тут дела не поправишь. Ясно, что за лето Тая позанимается хорошо и выдержит осенние испытания, но всё это значит, что целое лето она должна готовиться по русскому и не сможет наверное поехать в пионерские лагеря. А вдруг на экзамене попадётся такая диктовка, что Тая сделает в ней несколько ошибок, и тогда...

Об этом страшно было даже подумать не только Тае, но и её подружкам.

— Остаться в четвёртом классе на второй год... Нет, этого не может быть...

Наташа обняла подружку.

— Не плачь... Мы тебя не оставим, и ты обязательно в пятом классе будешь учиться с нами... Вот увидишь сама...

Тая хотела что-то сказать, но всхлипнула и прижалась к Наташе. Так они стояли долго-долго, наконец Тая сказала:

— Дома нас ждут...

И они вышли на улицу.

А солнышко такое тёплое-тёплое, деревья оделись в свежую, душистую зелень. Пахнет цветущей черёмухой, из-за деревянных заборов кое-где сыплются лепестки черёмух. Во всём чувствуется весенняя радость. Даже трамвай и тот звенит как-то по-весеннему радостно и весело.

Но девочки не видят и не замечают ни весны, ни той радости, которая кипит вокруг них. Они идут молчаливые, грустные. Тае обидно, что она лишилась такого замечательного лета, что каждый день она должна будет думать об экзамене, а сколько горя принесёт она сегодня маме и папе... Наташе и Миле больно за Тая, за их лучшую подругу, с которой они провели четыре года в школе, вместе учились, играли, радовались...

Прошли квартал, второй. Нет слов для разговора.

На углу Тая остановилась.

— Идите, девочки... Мне сюда,— и она показала рукой на небольшой деревянный дом, как будто Наташа и Мила никогда не бывали у неё, не знали квартиры Таи.

— Может быть, тебя проводить? — спросила Наташа. — Может быть...

Тая махнула рукой.

— Я сама... Идите девочки.— В её голосе слышались слёзы.

— Тая! — Наташа волнуется.— Помни: мы никогда не оставим тебя...

— Спасибо...— Тая быстро перебежала дорогу и скрылась в подъезде. Девочки постояли ещё минуты три-четыре в надежде, что Тая покажется в окне, махнёт им рукою и тогда они побегут к ней. Но никто не показывается в окне, не зовёт их, и девочки молча идут дальше.

На следующем углу их дороги расходились. Наташа вдруг сказала:

— Плохо получилось.

Мила удивлённо посмотрела на подругу, и на её маленьком курносом личике застыл вопрос:

— Не понимаю.

— Четыре года Тая училась хорошо, а за последнюю четверть почему-то стала отставать. А разве мы, её подруги, не могли бы узнать, что с нею, и помочь ей исправить свои отметки?

— Но она же не просила.

— Не просила,— рассердилась вдруг Наташа.— Она наша подруга, а если с подругой что случится, разве нужно ждать, когда она попросит помощи? Хороший друг сам первым бросится помогать своей подруге.

Мила промолчала, прижалась к Наташе, взяла её за руку, и они пошли дальше. Мила решила проводить подругу до следующего квартала.

— Раз Тая стала учиться хуже,— продолжала Наташа, и её веснушки потемнели,— значит, она не могла чего-то понять. Тая никогда не ленилась, это мы знали, а не поинтересовались, что случилось с ней,

не помогли. Мы перешли в пятый класс, а Тая должна будет работать всё лето. Хорошо это?

— Верно,— кивнула головой Мила,— нехорошо получилось... А вдруг да она останется на второй год?

— Что ты? — даже остановилась Наташа.— Этого никогда не может быть... Нет, нет...

Вот и дом Наташи. Мила вспомнила, что её ждут дома, волнуются, не знают, чем закончились экзамены, кивнула головой подружке и быстро побежала обратно к своей квартире.

А Наташа прошла в подъезд большого каменного дома, поднялась на второй этаж и позвонила.

Ещё там, в школе, когда Елена Максимовна назвала в числе первых фамилию Наташи, переведённой в пятый класс с отличием, девочке захотелось сорваться с места, пробежать от самой школы до квартиры, ворваться в столовую, броситься маме на шею, обнять её, поцеловать и крикнуть:

— А я провалилась!

Потом рассмеяться, схватить маму за руки и закружить по комнате.

И вдруг она услышала:

— Тае Шишкиной переэкзаменовка по письменному русскому.

И радость сразу пропала, как будто растаяла. Наташа вошла в квартиру грустная, подавленная так, что мама с тревогой взглянула на дочь и торопливо спросила её:

— Говори скорее, как?

— Тае переэкзаменовка...

— А сама ты как?

— Я? — Наташа как будто очнулась.— Я с отличием, мамочка. А Тая...

Мать прижала дочь к груди и крепко-крепко поцеловала её.

— Надо Тае помочь, вот она и перейдёт в пятый класс. Как это получилось?

— У неё, мамочка, за второе полугодие по русскому письменному всё время были тройки и даже двойка, а на экзамене она сделала четыре ошибки... Мамочка...

— Что, девочка?

— А мы с Милой не виноваты?

— В чём? — В глазах матери тревога.

— Она же наша подружка, и мы не помогли ей... Если бы мы помогали ей, она бы перешла с нами в пятый класс...

Мать гладила голову дочери.

— До экзаменов, дочка, два с половиною месяца, можно помочь ей и сейчас... Только надо подумать как.

— Но мы же с Милой поедem в лагерь, а Тае надо будет заниматься в городе.

— Не волнуйся, Наташенька. Школа поможет Тае, она не допустит,

чтобы способная девочка осталась на второй год. Тая всегда училась хорошо, она быстро освоит всё пройденное и будет хорошо учиться в пятом классе.

Наташа задумалась, а мама продолжала:

— Надо и вам с Милой подумать, как бы ей помочь. Она от вас не отстанет... А сейчас...

Мама привлекла к себе девочку, поцеловала её и подала большой свёрток, лежавший на столе.

— Это тебе от меня и папы подарок за твою хорошую работу в школе, за переход в пятый класс...

В этот день всё радовало Наташу: она перешла в пятый класс, настал отдых, впереди пионерские лагеря, лес, речка, которые так любила девочка. А может быть, Наташа поедет ещё с мамой в деревню к бабушке, где большой-большой сосновый бор, озеро и много-много ягод... И отдых целых три месяца...

В этот день у Наташи были гости. Пришла тётя Таня со своими мальчиками, пришли девочки из других школ. Все бегали, радовались весне, переходу в следующие классы, и всё же нет-нет, а Наташа вспоминала Таю и ей становилось грустно.

— А если?..

Додумать свою мысль не было возможности: Наташу тормошили подружки, вовлекали её в новую игру, и снова шло веселье, игры, танцы под виктролу. Наташа вспоминала, что она пятиклассница, и радость заполняла всё её существо. Впереди три месяца полного отдыха.

— А Тая?.. Ей три месяца ждать и думать...

И поздно ночью, когда ушли гости и Наташа легла, наконец, в свою постель, ей снова вспомнилась Тая. Но почему-то Наташа была уже спокойна, ей казалось, что всё будет хорошо.

— Не может быть Тае нехорошо, если ей — Наташе хорошо... Тая будет учиться вместе с Наташей, надо только продумать, как ей помочь.

И Наташа быстро уснула.

По привычке, выработавшейся за четыре года, Наташа проснулась рано и пугливо взглянула на часы: а вдруг проспала? и сразу громко и радостно рассмеялась:

— Мне же в школу идти не надо.

Понежилась ещё в постели, но сон ушёл и не было даже желания полежать ещё, отдохнуть. Сбросила одеяло, спустила ноги с постели и начала быстро одеваться. А думала всё же о школе. Конечно, в школу можно теперь не ходить до самого первого сентября, но вдруг там объявят что-нибудь интересное? Придут девочки, будут рассказывать о том, как их вчера встретили дома, как они праздновали свой переход в пятый класс, многим дарили подарки... Это тоже интересно...

После завтрака Наташа сразу заявила маме:

— Всё же надо сходить в школу.

Мама рассмеялась:

— Уже соскучилась?

— Нет, мамочка, но там вдруг скажут что-нибудь новое про лагеря или, может быть, в школу придёт сказочница или ещё что-нибудь...

Наташа решила поспешить, но собиралась, против обыкновения, очень медленно. На этажерке кучкой лежат тетрадки, они уже не нужны, их можно убрать, спрятать у мамы: мама бережёт все старые Наташины тетрадки. Она говорит: когда вырастешь большая, тебе приятно будет вспомнить, как ты была маленькой и как училась. Нужно было сложить их в пачки, завернуть в газеты и перевязать верёвочкой. Наташа раскрывала каждую тетрадь и каждая вызывала у неё какое-то воспоминание, иногда улыбку, иногда что-то неприятное и тогда лицо девочки морщилось, и мелкие морщинки сбегались почему-то к носу... Так прошёл, может быть, час, может быть, даже больше... Тетрадки просмотрены, связаны в пачки, дело дошло до учебников. Был рассмотрен каждый учебник, каждая книжечка в отдельности: а нет ли там

чего-нибудь постороннего: может быть, записка, картинка, ещё что-нибудь... Учебники надо будет сдать в школу.

И Наташа разложила их на две кучки: в первой — по этим учебникам придётся ещё работать в пятом классе, а эти можно уже сдать — они не нужны больше.

Осмотр закончен, комната приведена в порядок, тетради сданы маме на хранение, нужные ещё учебники вернулись на этажерку, ненужные остались лежать на табурете.

Миле также не сиделось дома. Хотя вчера не было сговора идти в школу, но как-то по привычке Мила ждала, что Наташа и сегодня зайдёт за нею: ведь Наташа всегда ходит в школу мимо Милинаго дома, а сама Мила ждёт её уже у крыльца. Не дождавшись Наташи сейчас, Мила сама зашла за нею.

— В школу пойдём?

— Обязательно.— И Наташа торопливо набросила на себя шляпку, крикнула маме:

— Мы всё же пошли.

— Надолго?

— Нет, мамочка.

В школе как будто ничего не изменилось. В коридоре много девочек, вид у них праздничный: глаза сияют, в волосах большие банты. Каждая рассказывает о том, как её вчера встретили дома, как поздравили, какие были подарки...

Не было только Таи.

Наташе представилось, что Тая дома, сидит в своей комнатке и плачет... Мама её сердится, а Тае пойти некуда и она одна...

— Зайдём к ней,— предложила Наташа. Мила кивнула головой. Их грустные лица заметили девочки.

— Что с вами?

— Вспоминаем о Тае...

Замолчали и девочки. Одна из них сказала:

— Помочь ей надо, вот она и перейдёт в пятый класс.

— А как помогать? — спросила Наташа.

— Не знаю.

— Надо подумать всем,— сказала Наташа и, заметив через окно, как по лестнице поднимается Елена Максимовна, побежала к ней навстречу: разве была в четвёртом классе «А» хотя бы одна девочка, которая бы не любила Елену Максимовну.

Девочки встретили её радостными приветствиями.

— Отдыхаете? — улыбнувшись, спросила учительница.— Отдыхайте, отдыхайте, девочки, вы теперь перешли в пятый класс, работать там придётся много, надо набираться свежих сил.

Она прошла в учительскую. Наташа и Мила сели на диван возле окна, заставленного банками с цветами.

— Интересно,— заговорила вдруг Мила,— а как думает про Таю Елена Максимовна?

В этот момент дверь учительской раскрылась, Елена Максимовна прошла в комнату завуча. Наташа заметила, что в комнате завуча никого нет. Она схватила Милу за руку.

— Давай спросим?

— Спросим,— согласилась Мила, и обе, спрыгнув с дивана, побежали к комнате завуча. Постучали. Приоткрыв чуть дверь, спросили:

— Можно?

— Можно.

Девочки вошли в комнату и неуверенно остановились у порога.

— Что скажете?

— Елена Максимовна! — шагнула к ней Наташа. — Как вы думаете, Тая выдержит экзамен?

— А почему бы нет? Тая способная девочка, за лето она хорошо освоит то, в чём не разбиралась, в школе будут консультации, это тоже поможет ей в работе...

— Елена Максимовна!

— Что, Наташенька?

— А мы с Милой тут не виноваты?

— В чём? — На лице учительницы удивление.

— Мы её подружки, а не помогли ей... Не подумали...

— А разве вы могли знать, что у неё окажется вдруг такой про-
бел?.. Я тоже этого не ожидала...

— А вдруг она останется на второй год в четвёртом классе? Мы с нею дружили четыре года...

Елена Максимовна погладила девочку по голове.

— Не волнуйся, Наташа. Тая будет с вами в пятом классе. Вот, если вы сами хотите помочь ей, помогите. Тая скорее тогда разберётся в правилах правописания, скорее осилит то, что она слабо знала.

— Мы, Елена Максимовна, поедem в пионерские лагеря, а она...

— Думаете, что её мама не отпустит в лагерь? Напрасно... Надо поговорить с её мамой, чтобы она отпустила девочку вместе с вами. Тая успеет подготовиться, и вы можете ей.

— Обязательно! — в один голос заверили девочки. — Значит, можно?

— Конечно... Я так думаю...

Девочки заторопились домой, попрощались с Еленой Максимовной и выбежали на крыльцо.

Куда?

Учительница говорит, что Тая выдержит экзамен, что ей можно поехать в лагерь, — это обрадовало девочек.

Не сговариваясь, взявшись за руки, прямо с крыльца они побежали к деревянному дому, где жила Тая Шишкина. Вот и подъезд. Деревянная лестница на второй этаж. Четверть минуты надо, чтобы взбежать на эту лестницу и постучать в дверь Тайной квартиры.

Обе остановились перед дверью.

— А вдруг?..

Но за этим словом дальше ничего не было. Что могло обозначать «вдруг»?... Могло быть, что Тайна мама очень сердится на свою дочь... Может быть, Тая плакала всю ночь и с нею трудно сейчас о чём-либо говорить... Может быть...

Девочки в нерешительности стояли перед дверью: стучать или нет?

И всё же Наташа ударила кулачком в дверь четыре раза: таково

было их соглашение с Таяей. На четыре удара дверь всегда открывала сама Тая, на другой стук — её мама или папа.

Послышались быстрые шаги, дверь раскрылась, за порогом стояла Тая.

— Ну, как? — ещё с площадки спросила Наташа.

— Проходите в комнату,— пригласила девочка.

Сразу налево от двери небольшая комнатка, будто залитая солнцем. Железная кровать, закрытая белым покрывалом, сверх подушки вышитая накидушка. Против окна стол, стулья, этажерка для учебников. На стене портрет товарища Сталина и несколько картинок.

— Садитесь, девочки.

— Как? — повторила вновь Наташа.

— Плакали вчера с мамой, а папа сказал: о чём плачете, чудаки?.. Очень неприятно, что у тебя экзамен, но разве ты не пионерка? Разве не преодолеешь трудностей и не перейдёшь в пятый класс? Конечно, преодолеешь, я даже не допускаю другой мысли... А сегодня мама сказала, что месяц я буду отдыхать, а потом начну заниматься с тётёй Алей — маминой сестрой. Она тоже учительница.

— И мы решили тебе помогать, Тая,— заявила Мила.

— Мне? Как?

— Не знаем ещё как, а решили твёрдо.

— А в лагерь ты поедешь? — спросила Наташа.

Тая покачала головой.

— Заниматься надо... Мама не отпустит.

Разговор неожиданно оборвался. Девочкам хотелось рассказать, как весело провели они вчера дома вечер, какие разговоры были сегодня в школе, но это могло ещё больше расстроить Таю. Наташа заговорила:

— Подумаем, девочки, как лучше провести нам июнь, пока Тая не занимается с тётёй Алей... Я думаю...

Разговор сразу же оживился.

Часы показали два. Надо было спешить домой к завтраку... Наташа поднялась первой.

— Так и решили: июнь мы проводим вместе, будем ходить в сад, на реку, в лес... А потом... Потом увидим, как дальше... Пошли, Мила!

Девочки виделись каждый день. Острота пережитого начала ослабевать. Девочки уже смеялись, бегали, играли, ходили вместе в городской сад, выезжали со взрослыми в лес, на реку, а изредка каждая вспоминала о тайном «горе».

Однажды, когда все трое лежали в траве на берегу реки, Наташа вдруг сказала:

— А всё же, Тая, может быть, ты поедешь с нами в лагерь?

— Мама сказала, что нет! — и голос девочки сразу стал глухим, чужим, в нём послышалась боль и обида.

— А если мы сделаем так,— поднялась с места Наташа,— если мы с Милой станем с тобой заниматься в лагере?.. А потом в лагере всегда есть педагог. Разве он не поможет нам?

— Мама сказала, что я буду заниматься с тётей Алей, значит, я должна быть всё время в городе.

— Но ведь в лагерь ребята поедут 28 июня, а вернёмся мы 19 июля, до экзаменов останется тебе ещё почти месяц, за это время ты успеешь всё ещё раз повторить с тётей Алей.

Тая молчала, по её вздрагивающим плечам Наташа поняла, что девочка плачет. Она обняла её, и так они лежали долго, не шевелясь, не произнося ни одного слова. И каждая думала о своём, но в общем — об одном. Наташе казалось, что она нашла хорошее решение: Тае нужно ехать в лагерь. А Тае было грустно, потому что её подружки скоро уедут в лагерь, будут там весело отдыхать, а она... она останется в городе и каждый день... Как не хочется об этом думать.

Тая не была лентяйкой. У неё всегда были хорошие отметки, и тройки являлись редкими, нежелательными гостями. А тут... Видимо она что-то пропустила, не освоила, недопоняла, и вот: что ни диктовка, то тройка, а однажды была даже двойка. И на экзамене снова двойка.

Как-то получилось так, что Тая не испугалась своей первой тройки и дома не обратили на это внимания, хотя Елена Максимовна сразу же заметила Тае:

— Что-то у тебя случилось неладное, девочка. Не могу я понять, но диктовки ты стала писать значительно хуже, чем раньше. Повтори дома вот эти правила и эти... Позанимайся дома с мамой...

Тая повторяла правила, но отметки не повышались. Двойка была даже после этого разговора.

Наташа снова приподнялась с земли: у неё были уже новые доводы.

— Каждый день в лагере ты будешь заниматься с нами, а тётя Аля приедет как-нибудь навестить тебя и проверит всё.

А на другой день Наташа рассказала о своём предложении Елене Максимовне. Учительница внимательно выслушала девочку, подумала и сказала:

— Поговорите с Тайной мамой, а если она не согласится, то я сама поговорю с ней... Пусть Тая завтра зайдёт ко мне, я скажу ей, на что больше надо обратить внимание, как и когда приходить ей на консультацию. Экзамен она выдержит, в этом я совершенно уверена.

Не чуя под собою ног, Наташа бежала на квартиру Шишкиных. Вот и подъезд, крылечко, лестница на второй этаж, четыре условных удара в дверь... И вместо Таи открывает дверь сама Александра Георгиевна — мама Таи. Наташа от неожиданности растерялась, забыла даже поздороваться.

— А Тая?

— Она ушла к тёте Але... Проходи, Наташенька, она скоро вернётся.

— Спасибо!

— Проходи, проходи, посидим с тобою, поговорим...

Всегда общительная, жизнерадостная Наташа сейчас не знала, о чём говорить, как вести себя. Присела на диван, не смея произнести слова, спросить. Александра Георгиевна заговорила сама.

— Тае всё как-то не везёт... Тётя Аля должна была на днях начать занятия с Таей, а тут её вызывают и она должна уехать дней на тридцать из города... Что делать с Таей, не представляю.

Наташа почувствовала: вот сейчас и надо начинать разговор о Тае. Она сразу подтянулась, появился даже голос и совершенно неожиданно для самой себя заговорила громко, чётко.

— Александра Георгиевна, отпустите Таю с нами в лагерь?

— А как же с экзаменом? С подготовкой?

— Мы будем помогать ей... Мы отвечаем вам за неё.

Шишкина покачала головой.

— Отвечать будете вы, оставаться же на второй год придётся Тае.

Казалось, всё рушится, почва уходит из-под ног, но Наташа чувствует, что у неё в запасе много самых убедительных слов, и, если она скажет их Александре Георгиевне, та обязательно согласится с нею, и Наташа торопливо продолжает:

— Вы, Александра Георгиевна, считайте: в лагерь мы выедем 28 июня, а вернёмся 19 июля и тогда у Таи до экзаменов останется ещё почти месяц. К тому времени и тётя Аля приедет, а в лагере двадцать дней мы будем заниматься с Таей... Елена Максимовна обещала ей тоже помогать и консультации будут, один раз из лагеря мы на консультацию можем с Таей приехать. В лагере будет педагог, разве он нам не поможет?.. Мы обо всём договорились с Еленой Максимовной, она тоже хотела просить вас отправить Таю в лагери... Мы, Александра Георгиевна, обязательно будем с Таей учиться в пятом классе вместе... Мы будем сами учить её.

Шишкина рассмеялась.

— Ох уж мне эти учителя.— Но говорила мягко, с улыбкой.— Так что же ты предлагаешь?

— И совсем не я, а Елена Максимовна... Она так и сказала: пусть Тая поработает с вами в лагере, поконсультируется в школе, а когда приедете из лагеря, с нею дозанимается тётя Аля. Позвольте, Александра Георгиевна, поехать Тае с нами вместе. Мы ведь подружки и мы не оставим друг друга...

Шишкина привлекла к себе Наташу, посмотрела ей в глаза и сказала:

— Пусть будет по-твоему, девочка. Поговорю сегодня с папой, тогда и решим, а тебе и Миле большое спасибо за вашу дружбу.

Глаза у девочки засияли:

— Значит?.. Спасибо вам, Александра Георгиевна...

Наташе хотелось вскочить с места и куда-то побежать. Куда, она

сама не представляла, но нужно было сделать какое-то движение, сидеть спокойно на диване она уже не могла. И сразу пришло решение: «Прежде всего об этом надо сказать самой Тае, но наедине. Если ждать Таю здесь, то всё равно разговор произойдёт при Александре Георгиевне, а при ней не расскажешь так, как без неё. Значит, надо выйти сейчас на улицу и подождать Таю где-нибудь недалеко».

И Наташа начала прощаться. Быстро сбежала с лестницы, прошла соседний дом и остановилась.

Другим путём Тая никак не пройдёт.

Наташа прошла от угла улицы до этого дома не менее семи-восьми раз, когда на другой стороне показалась, наконец, Тая. В один миг Наташа перебежала улицу, бросилась к подруге и повисла у неё на шее.

— Тая! Таенька! С нами! С нами! Едешь с нами в лагерь...

— Куда? Кто? — успевала выкрикивать только отдельные слова Тая, когда Наташа продолжала:

— Твоя мама согласна...

Двадцать восьмого едем вместе...

Печёт солнце. Лес застыл, разомлел от жары, на соснах как-то сникли иголки, побелели, изнемогая от духоты. А возле сосен, в тени, прямо на траве лежали Тая, Наташа и Мила. Под соснами не жарко, хорошо, пожалуй, даже прохладно. Сразу за соснами совсем маленький

ручѐек, его можно перепрыгнуть или перейти вброд, в самом глубоком месте не будет выше колена Тае, а она самая высокая из девочек.

В руках у Наташи книга, она спрашивает Таю.

— Какие есть правила на шипящие буквы?

Тая отвечает подробно, серьёзно.

— Ещё?

Тая на момент останавливается, на лице появляется тень, и она обращается к своей учительнице:

— Знаю, Наташенька, всё знаю...— Но тут же закрывает глаза и скороговоркой чеканит правила на шипящие буквы.

— Так! — строго говорит юная учительница и неумолимо продолжает.— А теперь скажи правила...— И она даёт новое задание, а Тая безропотно отвечает на все вопросы безжалостной Наташи.

Той и другой жарко, той и другой не хочется заниматься, так бы лежать и лежать на траве, ни о чём не думая, впитывая в себя солнечное тепло, свежесть леса, прохладу с реки, слушать тонкий звон ручейка.

Но ведь Наташа дала слово Александре Георгиевне, а Тая должна перейти в пятый класс, значит, они обязаны выполнять своё обещание... По расписанию у них час занятий утром и час вечером... Сейчас они занимались не более тридцати минут, значит...

Наташа задаёт новые и новые вопросы, потом говорит:

— Напишем небольшую диктовочку и на этом сегодня закончим.

Тая раскрывает папку, безропотно вынимает из неё лист линованой бумаги, садится к пеньку, который служит у них столом. Наташа, подражая Елене Максимовне, начинает диктовать:

«Вечером мы с охотником Ермолаем отправились на тягу... Но, может быть, не все мои читатели знают, что такое тяга?.. За четверть часа до захождения солнца, весною, вы входите в рошу, с ружьём, без собаки... Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки»...

Тая пишет, и вдруг на лист к ней опускается жук с огромнейшими усами, раза в три большими, чем он сам. Тая вскрикивает от неожиданности и перестаёт писать. Над листом склоняются сразу три головы: двух учительниц и Таи, они долго рассматривают чудесного усача. Вот он дополз до края листа, остановился, чуть расправил крылья, поднялся и полетел... Девочки долго смотрят ему в след. Потом вспоминают, что ведут урок... Тая снова склоняется над листом, а Наташа диктует.

«...оглядываетесь, осматриваете пистон, перемигиваетесь с товарищем. Четверть часа прошло. Солнце село; но в лесу ещё светло...»

Диктовка закончена. Наташа проверяет написанное Таей и придирается к каждому слову:

— Почему ты написала это слово так?

Это совсем не значит, что Тая сделала ошибку: ошибок в диктовке нет, однако Наташе надо знать, почему эти слова пишутся именно

так, а не иначе. Тая морщит лоб, припоминая правила грамматики.

Кажется, Наташа никогда не перестанет мучить бедную Таю, но в это время раздаётся звук горна и девочки быстро вскакивают со своих мест.

Это зовут желающих идти за ягодами, а разве можно пропустить такой случай?

Девочки не идут, а бегут, и дорогой Наташа успевает ещё напомнить Тае:

— Вечером я спрошу у тебя правило о...

Тая машет рукой:

— Мучительница ты моя... — Но не сердится, не дует на подружку, подружка делает правильно, справедливо... Мила — та мягче, добрее, она скорее согласится пропустить денёк, немного отдохнуть.

— Мучительница, — повторяет Тая и весело смеётся. — Как хорошо, девочки!..

Дни идут медленно только тогда, когда человеку нечего делать, когда он не знает, куда себя девать, не знает чем заняться, хотя бы даже в лагере...

Наташа разводила руками:

— Ну совсем короткие стали дни... Давно ли мы приехали сюда, а сегодня уже десять дней, как мы здесь... Ещё десять и на одиннадцатый возвращаться домой...

Подумав, добавила:

— А успеем мы с тобой, Тая, пройти всё?

— С такими учительницами да не пройдем, — хитро прищурилась Тая и не выдержала, рассмеялась. Потом совершенно серьёзно спросила Наташу. — Когда ты вырастешь, кем будешь?

— Доктором.

— Тебе учительницей надо стать.

— Почему?

— Ты такая... Рассказать всё умеешь и объяснить так, что не хочешь, да поймёшь... Спокойная ты и терпеливая... Вот и надо тебе учительницей быть.

— С больными надо быть ещё более спокойным и выдержанным... Больной не знает, что у него, а ты должен узнать... Станешь нервничать, и больной занервничает и ничего не узнаешь... Я выберу самые трудные болезни... Я люблю всё самое трудное. Когда я вырасту большая и стану доктором, я изобрету такую машинку, которую поставишь к больному, а в стёклышко всё и видно, что внутри человека делается. Вот тут я всякую болезнь и узнаю.

— Тогда ничего трудного и не будет, — вмешалась в разговор Мила. — Увидел и лечи.

— А машину изобрести надо? — запротестовала Наташа. — А если

к тому времени появятся ещё какие-нибудь новые болезни, которых никто не знает, как лечить?.. Вот это самое трудное и есть...

Однажды во время занятий к ним подбежала девочка из одного с ними отряда и сказала:

— Вас зовёт педагог лагеря Вера Васильевна, та, которая недавно приехала к нам.

Девочки переглянулись, собрали книжки, тетради, бумагу и отправились в домик, где жили работники лагеря. Постучали в дверь.

— Можно?

— Войдите.

У небольшого столика возле окна сидела молодая женщина — литератор Вера Васильевна. Она предложила девочкам сесть на табуреты, расставленные у стены.

— Будем знакомиться. Я совсем недавно здесь и не знаю вас по именам. Которая из вас Тая, Наташа и Мила?.. Так... Хорошо... О вас мне говорила Елена Максимовна и просила меня проверить, как идут у вас занятия. Кто расскажет мне? Может быть ты, Наташа?

Наташа поднялась с места, но Вера Васильевна сразу же заставила её снова сесть.

— Мы не в классе... Это дружеская беседа... Вот ты и расскажи мне...

И Наташа провела настоящий показательный урок. Она читала текст, а Тая писала диктовку.

Наташиных «почему» оказалось так много, что даже Вера Васильевна запротестовала:

— Вот какая строгая учительница. Я бы сама побоялась с тобою заниматься.

— Значит, плохо? — с волнением в голосе спросила Наташа, но Вера Васильевна поспешила её успокоить.

— Нет, Наташенька, очень хорошо, но только слишком строго. А как ты, Тая, смотришь на свою учительницу?

Тая сконфуженно улыбнулась:

— Строгая.— И ещё тише, ещё более сконфуженно добавила.— Только она очень хорошая.

— Хорошая, — улыбнулась и Вера Васильевна. — Вижу, что все вы хорошие, — и обратилась к Тае. — Принеси-ка сюда свои тетрадки.

Вера Васильевна просматривала тетради, задавала Тае вопросы, иногда спрашивала самих «учительниц», заставляла всех писать отдельные фразы, а в заключение сказала:

— Вот я и проверила, что знают сами учителя и как они обучают свою подшефную... Что ж, девочки, я считаю, что дело у вас идёт хорошо и Тая к экзамену готовится серьезно... Сколько времени вы занимаетесь?

— В день два раза по часу.

— А не много?

Тая вздохнула. Наташа хотела уже возразить, но Мила перебила её:

— А верно, Наташа, не много ли? Это только мы занимаемся с нею два часа, да сколько она одна должна готовиться. Она не отдохнёт совсем и придёт в школу усталой.

Наташа долго думала, потом встряхнула косичками и улыбнулась.

— А что если так: воскресенье — отдых, понедельник и среда — диктовки, вторник, пятница и суббота — устные занятия и только час.

— А куда же у тебя девался четверг?

— А четверг, как воскресенье. Тоже отдых.

Тая рассмеялась.

— Ты что?

— Я, Наташенька, радуюсь, что и ты отдохнёшь немного в лагере? Теперь уже смеялись все.

Вера Васильевна забрала Тайны листки.

— Это я перешлю Елене Максимовне, пусть она знает, как работают её ученицы.

19 июля девочки вернулись в город. А ещё через день Наташа и Мила пришли к Тае.

— Вот они — мои учителя,— сказала Тая, представляя тёте Але своих подруг.

— Молодцы, учителя, вы сделали так много, что мне почти ничего не остаётся.

А 19 августа Елена Максимовна объявила Тае:

— Диктовку ты написала на пятёрку. Поздравляю тебя и твоих учителей. Вот вы и вместе снова... Рада за всех вас.

Тая не выбежала, а вылетела из класса и бросилась в объятия своим подружкам.

— Наташа, Мила! Отлично... Пятёрка...

Медленно, как подобает пятиклассницам, девочки шли по улице к дому Шишкиных, но возле крыльца серьёзность вдруг пропала и все трое вприпрыжку взлетели на крыльцо и застучали в дверь. Александр Георгиевне не надо было спрашивать о результатах экзамена. Тая обняла мать.

— Понимаешь? Пять... Ни одной помарки и ошибки... Вот я и пятиклассница.

— Умницы вы мои,— прижала всех троих к себе Александра Георгиевна,— идёте скорее в столовую, завтрак готов.

Девочки сели за стол, возле каждой лежал свёрточек: это были подарки Тае, перешедшей в пятый класс, и её учительницам...

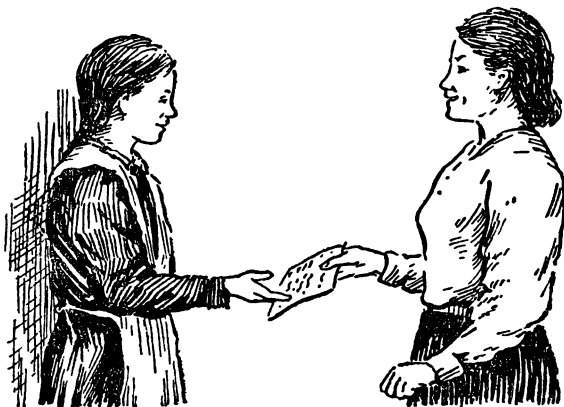
МЫ ВЕРИМ ТЕБЕ

Кончилась первая четверть. Лидия Алексеевна, классный руководитель и преподаватель русского языка, выдавала девочкам табели.

— Катя Глушкова!

С парты поднялась высокая девочка с двумя длинными чёрными косами, с вплетёнными в них широкими красными лентами. Медленно, как бы нехотя, она подошла к учительскому столу.

— По русскому языку у тебя, Катя, двойка, по арифметике едва-едва натянули тройку, по остальным предметам тоже тройки, ну хоть бы одна четвёрка... Как же ты будешь учиться дальше?.. Я не могу поверить, что четыре года у тебя были хорошие способности, а на пятом году эти способности покинули тебя. В чём дело, Катя?

Девочка взяла табель, но ничего не ответила.

— Садись. А я думала, что ты что-нибудь, скажешь. Я хотела бы знать, что мешает твоей учёбе и что надо сделать для того, чтобы ты училась опять так же хорошо, как в четвёртом классе. Подумай, а потом скажешь мне.

Катя вернулась на место, села за парту, закрыла лицо руками и заплакала.

В перемену девочки окружили её, утешали, предлагали помощь, но Катя махала только рукой:

— Не надо. Я как-нибудь сама.

Звеньевая Лера Козлинская подошла к Кате, присела к ней на парту и спросила:

— Какая тебе нужна помощь, Катя?

Катя попыталась промолчать, но Лера строго повторила:

— Я разговариваю с тобою, как звеньевая.

Катя замахала руками и почти вскрикнула:

— Не могу я, не могу...

— Что не можешь?

— Ничего не могу.

— Но это не ответ.

Катя вскочила и убежала от Леры.

И больше ничего за весь день не могли добиться от неё.

Уроки шли своим чередом. Катя сидела молчаливая, неразговорчивая. Казалось, что она ничего не слышит, не видит. А после уроков она первой поднялась с парты и, не глядя ни на кого, вышла из класса в раздевалку. Уже у выхода Лера и Галя нагнали её.

— Куда бежишь? Мы хотим с тобою.

— Зачем?

— Может быть, тебе как-нибудь помочь?

— Не надо,— сухо ответила девочка.— Не хочу, чтобы...— Она не закончила фразы.

— Но объясни же нам, почему ты не хочешь ни с кем разговаривать и отказываешься от товарищеской помощи?

Катя остановилась, посмотрела на подруг и глухо ответила:

— У меня не хватает времени: мама на работе, бабушка стала совсем старенькой, а братишка... ему ещё только шесть лет, вот я и должна работать за всех... У меня и не хватает времени на уроки.

Закрыла лицо руками и побежала.

— Катя! Катя, стой!

Девочка не оглядывалась.

— Я этого не знала,— прошептала Галя.

— Такого с ней никогда не случалось,— сказала и Лера.— Летом они переехали на другую квартиру, после этого я не бывала у них, но знаю, что никто никогда не заставлял её так работать... Надо поговорить в звене, как помочь Кате.

На следующий день, после уроков, когда Катя снова первой поднялась с парты и вышла в раздевалку, Лера обратилась к звену.

— Оставайтесь, девочки, на несколько минут. Нужно поговорить.

— А Катя ушла,— отозвалась самая маленькая пионерка — Валя.

— Ничего, мы проведём сбор и без неё.

Пять девочек кружком расселись вокруг стола в пионерской комнате, Лера осталась стоять, перебирая в руках листок бумаги.

— Девочки! — голос у Леры строгий.— Вы знаете, что Катя получила за четверть двойку по русскому. Мы, как звено, должны отвечать за неё перед классом. Мы разговаривали вчера с Катей, хотели узнать, почему она стала плохо учиться, и Катя сказала нам, что мама у неё утром и вечером на работе, бабушка старенькая и у неё есть ещё маленький братишка... И Катя за всех одна...

— А раньше как было? — подняла глаза на звеньевую Валя.

— Бабушка была здорова. Она вела всё хозяйство, и никто не заставлял Катю работать. Вот, девочки, нам и надо решить вопрос, как помочь Кате, чтобы она училась хорошо.

Девочки долго молчали, и только маленькая Валя предложила:

— Катиного братишку надо отдать в детский сад, вот и легче будет. У меня тоже есть братишка, так он в детском саду, и мама целый день свободна. У нас бабушки нет, а братишка не мешает мне учить уроки.

— Надо поговорить с Катиной мамой, — предложил ещё кто-то из девочек.

Валя добавила:

— Если Кате некогда учить уроки дома, так пусть она остаётся в школе, а мы ей будем помогать. Дома у неё найдётся немного времени доучить лёгкие уроки.

— А ты, Лера, бывала у неё дома? — снова спросила Валя. — Видела, что она одна за всех там?

— Нет, девочки, — ответила Лера. — На новой квартире я у них не была.

— А если она обманула? — почти выкрикнула Валя.

— Катя? Обманула? — зашумели все девочки сразу. — Она никого ещё не обманывала.

Валя продолжала настаивать на своём:

— А вдруг обманула... Тогда что?

Девочки ещё больше зашумели, но Лера остановила их:

— А может быть, Катя и на самом деле обманула нас?

Ей как-то не верилось, что Вера Степановна, а её знали все девочки, могла взвалить на плечи своей дочери много работы, не дать ей даже времени на подготовку уроков. Не такая Вера Степановна.

— Тут что-то не так...

И снова выступила маленькая Валя:

— А надо поговорить с пионервожатой. Вопрос такой, что в звене его не разрешишь: большой очень...

Дни шли. Катя жила какой-то своей отдельной жизнью, почти ни с кем не разговаривала, но лучше учиться не стала: в самом начале второй четверти её вызвали по арифметике. Катя задачку решила, но так неуверенно, с такой натяжкой, что учительница сказала ей:

— Хотя и ставлю тебе, Катя, тройку, но не уверена, что ты заслужила её. Работать надо больше дома, девочка.

В перемену Лера подошла к Кате.

— Почему ты такая не разговорчивая?

— Не знаю.

— Не хочешь, чтобы мы помогли тебе учиться?
— Как-нибудь справлюсь сама... Дома негде заниматься, а ходить к вам я не могу.
— Дома не стало лучше?
— Бабушка болеет.
— Катя!..
— Нет, нет!..— Катя зажала уши руками.— Не говори, ничего не говори...

Лера несколько минут сидела молча рядом, потом поднялась и отошла на свою парту. Всё, что происходило с Катей, начинало казаться ей загадочным, непонятным.

— Верно сказала Валя: надо поговорить с пионервожатой.

Но пионервожатой не удалось в этот день в школе, а на другой день Катя получила двойку по арифметике.

Лидия Алексеевна, придя на урок, сразу же обратилась ко всему классу:

— Катя опять получила двойку... Она не рассказывает почему стала так плохо учиться. Может быть вы, девочки, знаете?

Класс молчал.

— А ты, Лера?

Лера поднялась с парты и внимательно посмотрела на Катю, закрывшую голову руками.

— Мы, Лидия Алексеевна, тоже очень хотим помочь Кате, но она отказывается от этой помощи.

— Почему?

— Я точно не знаю, наверное, потому, что у неё дома не совсем хорошо.

Лидия Алексеевна с недоумением посмотрела сначала на Леру, затем на Катю.

— Нехорошо?.. Я знаю Катину семью, маму и не слышала, чтобы там что-то произошло.

— Мама у неё утром и вечером на работе,— продолжала Лера,— бабушка болеет, у них ещё мальчик шести лет есть, и все заботы по дому легли на Катю... Она не успевает учить уроков дома, не может придти и к нам...

— Так это, Катя? — строго спросила учительница.

Катя поднялась с места и почти шёпотом ответила:

— Так!

— Если так,— снова посмотрела на девочку Лидия Алексеевна,— то мы подумаем, как тебе помочь...

Катя снова весь день сидела молчаливая. Лере она сказала.

— Вместо помощи вы готовы товарища погубить...

— Я не понимаю,— растерялась Лера.

— Я вижу, что остаётся только одно — сходить к Катиной маме,— сказала она Гале.

Галя взволнованно посмотрела на подругу:

— Неужели на самом деле она нас обманывает?

Подошла старшая пионервожатая:

— Чем вы взволнованы, девочки?

— Несчастье с Катей.

— Я знаю... Советую вам сходить к ней на квартиру и узнать, почему изменились условия у Кати. Чем мы можем помочь ей.

— Мы тоже думали сходить.

— Катиной маме пока ничего не говорите: обсудим сначала сами здесь... Договорились, девочки?

Зимой темнеет рано, и в пять часов вечера Лера с Галей торопливо бежали к Кате. Жила она сейчас далеко.

Вот и дом. Девочки позвонили, им открыла сама Вера Степановна.

— Лера, Галя! — обрадованно вскрикнула она. — Как давно вы не были у нас. Нехорошо забывать старых знакомых... А как же это вы разошлись с Катей? Она пошла на звеньевой сбор в школу.

— На звеньевой? — переспросила Лера. — У нас никакого сбора сегодня нет. Я сама звеньевая...

— Нет? — удивилась Вера Степановна и рассмеялась. — Вот какая рассеянная девчонка, всегда всё перепутает. Раз нет сбора, значит, она минут через пятнадцать будет дома. Подождите её... Раздевайтесь, девочки, и проходите в комнату, я хочу посмотреть на вас, как вы выросли, какими стали большими...

Вера Степановна помогла девочкам снять шубки, повесить их на вешалку. Провела их в столовую, усадила на диван.

— Садитесь, рассказывайте... Как учитесь?

— Хорошо.

— Молодцы, а моя Катя подвела нынче меня: по русскому двойку получила, хотя сейчас исправила её и говорит, что больше двоек не будет: нагнала пропущенное... Я ей верю, она никогда меня не обманывала...

Девочки переглянулись, но промолчали, а Вера Степановна продолжала:

— Тяжело приходится Кате, она просто не успевает учить уроки: очень много нагрузок даёт нынче у вас школа. Я начинаю беспокоиться: то у неё собрания, то заседания, то ещё что-нибудь. Приходит она домой усталая, какие же тут уроки... Третьего дня с пионерского сбора пришла в двенадцатом часу. Разве можно так задерживать детей? Я буду говорить с Лидией Алексеевной...

— Мы поговорим с нею,— поднялась со своего места Лера и вдруг спросила: — А как у вас бабушка?

— Спасибо!.. Бабушка у нас молодец... Если бы не она, мы бы с Катей были связаны по рукам и ногам. Бабушка всё делает.

Лера взглянула на часы и заторопилась.

— Скоро шесть, на улице уже темно. Видно, Катя задержалась где-то в другом месте, ждать её нам некогда.— И начали прощаться.

Вера Степановна проводила их в переднюю, помогла одеться, сказала на прощанье:

— Заходите, девочки, я всегда вам рада.

Уже на улице Лера сказала Гале:

— Выходит, что всё неправда. Она обманывает нас, Лидию Алексеевну, пионервожатую, всех... И это Катя, которой мы так верили.

В это утро Катя пришла в класс почти одновременно с учителем. Разговаривать с нею не было времени, а в перемену, когда Лера подошла к ней, она быстро-быстро заговорила:

— Всё-таки вы были у меня... А мама спутала: я сказала ей, что пойду в дом пионеров на собрание кружков, там назначено такое, а она решила, что я пошла в своё звено в школу... Вот какая смешная...

— Смешного тут ничего нет,— холодно возразила ей Лера,— а кружковой сбор, к твоему сведению, назначен ещё только на завтра, и мне очень интересно знать, где же, всё-таки ты была вчера?

— Кажется, ещё никто не обязывал меня отчитываться перед тобой? — гордо подняла плечи Катя и пошла в коридор, бросив уже с порога: — Подруги называются... Где бы помочь, так готовы наоборот...

— Мы тебе ещё поможем,— спокойно возразила ей Лера.

Почти всю большую перемену Лера с Галей просидели в комнате старшей пионервожатой. Они говорили о том, как помочь Кате исправить учёбу.

— Хорошо,— сказала пионервожатая.— Я поговорю ещё с Лидией Алексеевной, а тогда и решим этот вопрос окончательно. Вы идите в класс, скоро конец перемены.

Катя стояла в коридоре. Лера слышала, как она сказала:

— Мне придётся перейти в другую школу: здесь меня начинают преследовать.

А после пятого урока, когда все поднялись, чтобы идти домой, в класс вошла старшая пионервожатая.

— Внимание, девочки... Попрошу вас задержаться на полчаса. Проведём классное собрание.

Катя заявила:

— Я живу очень далеко и возвращаться поздно домой мама мне не разрешает. Мне можно уйти?

— Нет! — ответила ей пионервожатая. — Тебе необходимо присутствовать на этом собрании.

Катя побледнела и быстро опустилась на своё место. Прошептала про себя:

— Это Лера с Галей нажаловались на меня.

И вдруг со всей ясностью перед нею встали события последних месяцев...

На новой квартире в большом каменном доме Катя быстро подружилась с двумя девочками.

Услышав через окно весёлые, громкие голоса Лили и Дуси, Катя всегда выходила во двор и они вместе играли.

Однажды, когда девочки собрались куда-то уходить, Катя спросила их:

— Куда вы, девочки, всё уходите?

— В клуб... Хочешь с нами? — предложила Лилия.

Катя ответила не сразу.

— Мама не пустит.

— Не пустит? Там же много девочек наших бывает... Там кружки и мы в кружках: я в драматическом, а Дуся в балетном... Ещё другие кружки есть... Идём!

Катя покачала головой:

— Нет...

Девочки ушли, а Кате вдруг почему-то стало скучно, не хотелось ни играть, ни читать, и она с нетерпением ждала, когда вернутся подружки...

Позднее Катя побывала в клубе, на занятиях того и другого кружка, и оба понравились: какой больше — Катя не могла определить.

Занятия проходили днём, и только раз в неделю вечером кружковцам показывали кинокартины и художественные и научно-популярные.

Катя решила поговорить с мамой:

— Знаешь, мамочка, в нашем клубе работают детские кружки... Лилия и Дуся там... Заниматься утром два раза в неделю... — Про кино Катя почему-то промолчала...

— Хочешь записаться в кружок?

— Хочу, мамочка...

Через несколько дней Катя работала уже в драматическом кружке. Ей даже дали роль в маленькой пьесе...

В кружке было очень интересно и после занятий, Кате не хотелось уходить из клуба. Вместе с Лилей они заходили в другие кружки, иногда дожидались Дусю, у которой занятия заканчивались позднее, а

там Катя увлеклась и записалась ещё в балетный кружок. Но маме об этом не сказала:

— Мама подумает, что я буду перегружена и это отразится на моих занятиях в школе, а я позанимаюсь, приду домой и... буду танцевать... Мама обрадуется.

Кончался август... Справится ли Катя с уроками в школе и с занятиями в кружке: ведь с первого сентября кружки будут работать только вечерами?

— Один кружок бросить? Лиля и Дуся занимаются в одном кружке, а она, Катя — в двух... А кино в среду?

— Первого сентября начнутся занятия в школе, — решила Катя, — вот тогда и видно будет, что мне выбирать.

С какой радостью бежала Катя 1 сентября в школу. Хотелось скорее увидеть всех, обнять Леру и Галя, ведь это самые близкие её подруги... А сколько будет разговоров, рассказов. Ещё накануне Катя вместе с мамой купила букет цветов и сейчас несла его в школу: каждому хочется, чтобы в этот день школа была особенно красивой.

Первый день прошёл весело, а в следующие дни Лера и Галя начали замечать, что Катя как-то изменилась. Бывало после уроков они вместе долго ещё гуляют, а сейчас — не успел прозвенеть последний звонок, Катя уже торопится, собирает свои книги, тетради и бежит домой. На оклик Леры: «Куда ты?» — Катя торопливо отзывалась:

— Дома ждут.

Раньше почти каждую перемену они разговаривали о вновь прочитанных книгах, а сейчас Катя махала рукой и как-то торопливо отвечала:

— Не до книг мне сейчас...

Лера задумалась:

— Что же произошло с Катей?

Даже когда Лера сказала было, что хочет зайти сегодня к Глушковым, Катя опять-таки торопливо ответила:

— А нас с мамой сегодня и завтра не будет дома...

Это видела и Галя. Она спросила Леру:

— Что с ней?.. Она совсем не такая...

А Катя мучилась и дома и в школе. Она понимала, что с двумя кружками ей не справиться, что четыре вечера в неделю она не может отдавать им, а пятый ещё кино... Скоро будут постановки, выезды в школы того и другого кружка...

— Что делать? Что делать? — ломала себе голову девочка и не могла решить. — Уходить из балетного кружка было очень жалко, и Катя говорила маме, что уходит то на общешкольное собрание, то на отрядный сбор, то на подготовку школьного вечера.

Мама заметила, что девочка стала рассеянной, вечно чем-то занятой посторонним, совершенно перестала читать.

— Что с тобою, Катя? — спрашивала она, и дочь каждый раз отвчала:

— Видишь, мамочка, в школе ещё не наладилась как следует жизнь и получается много нагрузок...

— Тогда надо, девочка, поговорить с Лидией Алексеевной или отказать от драматического кружка, но так же нельзя.

— Нет! Вот сама увидишь, всё будет хорошо...

...Всё это промелькнуло сейчас перед ней, и Катя даже не заметила, как в класс вошла Лидия Алексеевна.

Все встали.

— Садитесь.

В классе тишина. Обычно о каждом классном собрании сообщается заранее. А сегодня неожиданно. Что-то важное, наверное...

Лидия Алексеевна обратилась ко всему классу.

— В советской школе, девочки, работа строилась и строится на взаимном доверии и уважении между учащимися и преподавателями. Так всегда было и в нашей школе, так было и в вашем классе. Я всегда верила вам, думаю, что и вы верили мне?

— Мы уважаем вас, Лидия Алексеевна! — послышалось сразу несколько голосов.

— Почему вы так говорите? — сказал с последней парты Валя.

Лидия Алексеевна покачала головой.

— Мне кажется, что кое-кто из класса перестал верить мне.

— Кто?

Девочки заволновались. Учительница приподняла руку, и шум утих.

— Девочки, недавно я выдавала вам табели за первую четверть, вы, вероятно, помните, что сказала тогда Катя Глушкова?

Она строго посмотрела на сжавшуюся в комочек фигурку Кати.

— Может быть ты, Катя, повторишь?

Девочка молчала.

— Не хочешь? Тогда я напомню. Катя подтвердила слова Леры о том, что мама у Кати целые дни на работе, бабушка у неё болеет и всё хозяйство лежит на плечах Кати... Мы поверили ей.

Класс как эхо ответил:

— Поверили.

— А на самом деле, девочки, всё это не так. Что ни слово, то неправда... Может быть, теперь ты сама что-нибудь скажешь, Катя?

Девочка продолжала молчать, закрыв лицо руками.

Тогда поднялась с парты Галя, в голосе её зазвучало возмущение:

— Скажи нам сама: как назвать твой поступок и можно ли тебя считать пионеркой?

Катя плакала.

— Если она не хочет говорить,— продолжала Галя,— то я за неё скажу. Катя обманывала нас, обманывала Лидию Алексеевну, обманывала весь класс, пионервожатую... Дома Кате предоставлены все условия для того, чтобы хорошо учиться, а что делает она? Целые вечера она бродит где-то, а маме говорит, что общественница, что её загружают всякими поручениями, что у неё нет свободных вечеров, что ей некогда даже отдохнуть, нет времени учить уроки... Три дня тому назад она получила по арифметике двойку, а что, думаете, она сказала маме? Она сказала, что учительница по арифметике её похвалила... Я не знаю, как

после этого Катя покажет маме свой дневник с двойкой по арифметике? Может быть она сделает это вечером, заклеив двойку бумажкой?

— Как ты смеешь?— вскочила с парты Катя.

— Смею. Раз ты уже обманывала нас, маму, так можешь и ещё раз обмануть! Как мы можем после этого уважать тебя, верить тебе?

Катя молча опустилась на парту, закрыла лицо руками и заплакала. Плечи её вздрагивали.

— Плакать надо было раньше,— не могла уже

молчать Галя.— Не теперь. Надо было думать о том, что ты делаешь, что говоришь.

— Кто ещё хочет говорить?— спросила Лидия Алексеевна.

— Галя сказала правильно,— поднялась со своего места Лера.— Уважать больше Катю нельзя. Она не пионерка, если обманывает всех. Пусть она скажет сейчас сама, как всё это получилось и что она думает сделать, чтобы исправить свои ошибки.

— Катя, ты слышишь?— спросила девочку Лидия Алексеевна.

Катя не пошевелилась.

— Ещё кто хочет говорить?— продолжала спрашивать учительница.

Отозвалось сразу несколько голосов.

— Пусть сначала скажет Катя...

— Катя!— строго сказала Лидия Алексеевна.— От тебя класс ждёт ответа.

Катя поднялась. Глаза заплаканные...

— Слышала, что здесь говорили о тебе?

— Слышала.

— Тебя обвиняют в том, что ты не по-пионерски ведёшь себя, что ты обманывала всех, класс, пионервожатую, меня, маму...

Катя рванулась, и в голосе её зазвучало отчаяние.

— Лидия Алексеевна! Девочки! Я виновата... Я подружилась с девочками из нашего дома... Они занимаются в кружках, и я записалась туда... Только я не рассчитала и записалась в два... Я хотела маме сделать подарок, быстро научиться танцевать. А учиться надо долго... Мне надо было бросить один кружок, а я не могу... Все вечера у меня заняты, читать некогда и на уроки не хватает времени... Я сегодня же откажусь от балетного кружка, не буду каждую неделю ходить и в кино... Я буду учиться хорошо... Только не надо... Я пионерка... Не лишайте меня доверия, не лишайте меня вашего уважения... Я докажу вам, что я совсем другая.

Она опустила на парту.

— Я верю ей, — поднялась с места Галя.

Лера добавила:

— Обязуюсь помочь Кате нагнать всё пропущенное ею в классе.

— Девочки, — заговорила вновь Катя. — Даю честное пионерское слово, что двоек у меня больше не будет... Но мама... Если она узнает, её это убьёт...

— Маме ты сама расскажешь, — заметила Галя, — когда исправишь свои отметки.

— Как, девочки? — обратилась к классу учительница. — Поверим мы ещё раз Кате.

— Поверим! — ответил класс хором.

— Слышишь, Катя? Все верят тебе. Лера и другие девочки не откажутся помочь тебе.

— Спасибо! — прошептала Катя.

...Класс быстро пустел. За партой остались Лера, Галя, и что-то долго искала в парте Катя. Но вот она собрала книги, вложила их в сумку и подошла к девочкам.

— Вы мне верите?

— Конечно.

Катя прошептала:

— Этого я никогда не забуду.

— Где будем заниматься? — спросила Галя.

— Приходите ко мне, я буду вас ждать... Я не хочу больше уходить вечерами из дома...

— Значит, — улыбнулась Галя, — у нас опять дружба?

На её вопрос ответили Лера и Катя вместе:

— Навсегда!

ОБЩИЙ ДРУГ

В сентябре месяце на отрядном сборе седьмого класса «б» была избрана редакционная коллегия стенной газеты «Друг». В состав редакции вошли Вика Зверева, Света Костюкова и Рита Морозова. Старшая пионервожатая Эля Казакова в заключение сказала:

— Вы назвали вашу газету «Друг», значит нужно обязательно сделать, чтобы она стала общим другом семиклассниц, чтобы она помогла вам учиться. Желаю успеха, девочки...

Раздались аплодисменты, и девочки начали расходиться, а новая редколлегия вместе с Элей Казаковой прошла в комнату старшей пионервожатой. Надо было разрешить организационные вопросы.

Ни Вика, ни Света, ни Рита не ожидали такого ответственного поручения от отряда.

Когда на сборе встал вопрос о стенгазете и надо было наметить состав редколлегии, по старой привычке кто-то крикнул с задней парты:

— Пусть остаются старые...

Но это предложение никто не поддержал. В классе с минуту продолжалось неловкое молчание, после чего Эля спросила:

— Будем намечать новых?

И десяток голосов ответил:

— Новых. В прошлом году газету никто не читал...

— Предлагайте кандидатов!

И с разных концов класса зазвучали голоса:

— Вику Звереву!

— Свету Костюкову!

Потом послышалось имя Риты Морозовой.

Эля записала их имена на листок бумаги.

— Ещё?

Лиля Сабурова в наступившей тишине заметила:

— Этих девочек мы хорошо знаем. Они сделают газету интересной.

Отряд зашумел.

— Их! Они справятся!

«Тройка» была избрана единогласно.

И вот сейчас сидят новые «редакторы» в комнате пионервожатой, не зная, о чём говорить, с чего начинать и как вообще делать газету.

Эля предложила.

— Изберите ответственного редактора и секретаря.

Короткое молчание. Света сказала:

— Редактором Вику, секретарём Риту.

Потом распределяли обязанности по выпуску первого номера, а разошлись всё-таки очень встревоженные.

— А как же всё-таки выпускать газету?.. А вдруг да девочки не захотят писать в неё? Тогда что?

Три раза в эту неделю собиралась редколлегия, несколько раз обращалась к семиклассницам с предложением написать заметки, подска-

зывала темы. Прошло три дня — заметок не было. Одна девочка даже сказала Вике:

— Вот новость! Мы вас избрали, вы и пишете...

И на третьем заседании члены редколлегии распределили все темы между собой.

А через пять дней на стене седьмого класса «б» появился первый номер «Друга». Заголовок яркий, его сделал брат Риты, в номере были помещены три картинки, вырезанные из старых журналов и раскрашенные цветными карандашами. Но заметки оказались скучными, неинтересными, и члены редколлегии с беспокойством наблюдали, как девочки подходили к газете, мельком просматривали заголовки и со скучающим видом отходили.

Газета явно не удалась. Члены редколлегии были как в воду опущенные, а Вика даже всплакнула в коридоре.

Газета должна выходить два раза в месяц. Прошло несколько дней и надо было готовиться к следующему номеру. Но как не хотелось этого делать. В ушах Вики — ответственного редактора всё время звучали подслушанные ею в коридоре слова:

— Скучная газета!

Что надо сделать, чтобы газета стала другой, чтобы она была интересной?

И снова заседает редколлегия, снова составляются планы, ведутся разговоры с девочками, но всё остаётся попрежнему.

И второй номер был не лучше первого.

— Раз так, — заявила Вика, — то пусть нас перевыбирают, мы не справляемся. Пусть делают её другие.

И в этот момент их позвала к себе в комнату Эля Казакова.

— Садитесь, девочки... Как вы сами оцениваете два первых номера «Друга»?

- Никому он не нравится,— глухо ответила Вика.
- А почему?
- Не умеем, значит, делать газеты.
- Эля улыбнулась:
- Эту беду легко исправить, надо поучиться.
- У кого?
- На своих ошибках... Где у вас номера? Давайте их сюда.

На столе распростёрлись два огромных листа газеты. Эля прочла заголовки.

— Начнём с первого номера. Передовая «Будем хорошо учиться». Тема хорошая, а что в статье? Одни общие рассуждения. Неужели нельзя было построить её на примерах вашего класса? Эти примеры сразу бы заинтересовали всех девочек... Дальше...

Так она разобрала все заметки двух номеров, и не было даже самой маленькой заметочки, которая бы интересно отражала жизнь школы или класса.

— Вашу газету,— сказала Эля,— можно перенести в любой класс, в любую школу и она одинаково будет подходить к ним и одинаково останется скучной.

— Никто писать не хочет,— мрачно отозвалась Рита.

— Никто и не захочет писать,— живо отозвалась Эля.— Неужели у вас все учатся так одинаково, что некого отметить? Неужели у вас в классе нет девочек, которые ведут большую общественную работу или, наоборот, которые не хотят вести никакой работы, не помогают дома.

Рита Морозова вдруг вспомнила:

— Лиля Сабурова у нас за десять дней получила две двойки и ещё, наверно, получит, она не занимается дома. После обеда сразу уходит на улицу, а выучить уроки не успевает.

— Почему же вы об этом не пишете? — упрекнула девочек пионервожатая. Скажите, что Лиля позорит своё звено, и спросите, почему звено не обращает на неё внимания, не призывает Лилию к порядку?

— А если Лиля обидится на нас? — спросила вдруг Света.

— Вот это здорово! — перебила её Эля. — Выходит, мы ни о ком ничего говорить не можем? А вдруг он тоже обидится?.. Ни обижать, ни оскорблять в газете не нужно, но ваш «Друг» должен сказать Лиле Сабуровой, что так учиться нельзя.

— А это, пожалуй, можно сделать, — оживилась Рита.

И сразу вспомнилось ещё несколько случаев из жизни класса, о которых необходимо сказать в ближайшем номере газеты. Секретарь Рита под диктовку девочек писала новый план номера.

— Через месяц годовщина великого Октября, — подсказывала девочкам Эля, — она должна быть отмечена высокой успеваемостью и дисциплиной, но писать об этом надо опять-таки не общие слова.

Вика что-то подсчитывала на листке бумаги.

— Ты что, задачку решаешь? — спросила её Эля.

— Редакционную. А что, девочки, если мы сделаем так. Мы должны выпускать два номера в месяц. Номера очень большие, а если мы станем выпускать такие номера раз в месяц, а каждую неделю небольшой листок — не «Друга», а скажем «Дружочка»... «Дружочек» будет печатать такое, с чем нельзя медлить, чего нельзя задерживать.

Рита со Светой захлопали в ладоши. Эля согласилась:

— Это замечательно. Попробуем, девочки, сделать так. Не будем называть только такие газеты «Дружочком», нехорошее какое-то слово, а пусть будет тоже «Друг», а в скобках припишем «маленький».

...Десятого октября на стене возле 7 класса «б» появился свежий номер «Друга», в два раза меньший обычного, и вслед за его заголовком в скобках было написано «маленький».

Однако этот «маленький» «Друг» оказался сильнее двух больших, вышедших до него. И редакторы с полным удовлетворением могли наблюдать, как к нему подходили девочки из разных классов, и, видимо, читали всё до самого конца.

Чем же привлекал «маленький» к себе читателей?

В нём была статья о подготовке семиклассниц к Октябрьской годовщине, газета предлагала вызвать на социалистическое соревнование по успеваемости 7 класс «в», была помещена песня, которую рекомендовалось разучить к Октябрьской годовщине и мотив которой будут разучивать по радио через два дня. Тут же давалась рецензия на интересную детскую книгу и, наконец, заметка, в которой говорилось, что ученица 7 класса «б» Лилия Сабурова не хочет учиться, что после обеда она отдыхает, потом идёт «освежиться» на улицу и возвращается домой к девяти часам вечера, ужинает и... на уроки не остаётся времени.

Рядом несколько рисунков, изображающих Лилию за отдыхом, на улице, спящей над учебником. Они ещё издали привлекают внимание.

Появление «маленького» «Друга» взволновало девочек всех классов, особенно Лилию Сабурову:

— Вот и наврала! — Лилия бросилась по коридору искать Вику.

Нашла, зло посмотрела на неё и тут же потребовала, чтобы редколлегия немедленно сняла газету.

— Почему?

— Не имеете права...

— Мы написали правду.

— Вот и нет... Никогда я над книгами не спала и не сплю... Слышишь, сними немедленно, иначе...

— Что иначе?

— Увидишь сама...

— Я могу подождать...

Лиля побежала в комнату пионервожатой.

— Эля! Пусть они снимут газету!

— Почему?

— А ты думаешь, что мне не обидно?

— А разве неправда то, что там написано про тебя?

— Неправда.

— Что именно.

— Всё неправда.

— А ты две двойки на днях получила?

— Получила.

— А не рассказывала ты в классе о том, что на днях была в кино и не успела после этого выучить уроки, что третьего дня ты была в гостях у какой-то девочки и тоже не успела выучить уроки? Так или не так?

Лиля не ответила.

— Выходит, что в газете написано всё правильно.

— А я не спала над книгой.

Эля рассмеялась.

— Вот, действительно, самое главное...

Лиля вдруг расплакалась. Эля обняла её рукой, притянула к себе и тепло сказала:

— Постарайся получить хорошие отметки. Газета дружески напоминает тебе о том, как надо вести себя в школе. Ты можешь хорошо учиться, но ты поленилась и не хотела работать. Исправишь ошибки, и «Друг», кроме хорошего, ничего о тебе не скажет...

Лиля пообещала учиться хорошо, но примириться с Викой не могла:

«Вот она какая, а я её ещё в редколлегию предлагала избрать... Ну, подожди, Вичка... А не пора ли переизбрать редколлегию: все говорят, что газета неинтересная, скучная, а разве это номер? — Она передёрнула плечами. — Газетчики...»

Весь день она старалась не замечать ни Вики, ни Светы, ни Риты.

Она видела, что и остальные девочки за Вику, Свету, Риту, а не за неё. Лиля сама слышала, как девочки читали номер, смеялись, и никто не подошёл к ней, не заступился за неё.

— Значит и они...

С тяжёлым чувством Лиля досидела до конца уроков и ушла домой одна. Дома она весь вечер учила уроки, нагоняя пропущенное.

Через неделю вышел новый «маленький» «Друг». Снова около него стояли девочки, они читали всё от первой строчки до последней, не подходила к газете только Лилия, хотя очень хотелось подойти.

И вдруг до её слуха долетели слова:

— Молодец Лилия!

Тут уж не было сил терпеть, и Лилия как-то боком, неуверенно подошла ближе и через спины других девочек заглянула на разрисованный яркими красками лист газеты. Да, там было опять про неё:

«ЗАХОТЕЛА И СДЕЛАЛА».

ЛИЛИЯ САБУРОВА ХОРОШО ПОРАБОТАЛА ЗА ЭТУ НЕДЕЛЮ. И ЕЕ ДВОЙКИ ЗАМЕНИЛИСЬ ЧЕТВЕРКАМИ. ТАК НАДО УЧИТЬСЯ РАБОТАТЬ ВСЕМ ОТСТАЮЩИМ.
ПРИВЕТ ЛИЛЕ САБУРОВОЙ ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ!

Лилия прочитала весь номер, и он понравился ей, как нравился он и другим. В нём много было о классе, о девочках, были даже стихи и весёлая картинка.

В большую перемену Лилия подошла к Вике и несколько сконфуженно сказала:

— Посердились друг на друга и хватит...

— А мы разве сердились на тебя?

— Ну, не сердились, а в общем... давай не будем вспоминать, будем жить попрежнему в дружбе.

— Конечно,— согласилась Вика и взяла Лилию за руку.— А знаешь, что?.. Докажи нам, что ты на «Друга» не сердишься?

— Как?

— Возьми и напиши для него заметку.

— Я? О чём?

— О чём хочешь. Можешь о книге, о кинокартине, о школе, о классе, да мало ли о чём можно написать.

Лилия задумалась.

— Постой!.. А если я напишу о том, что в нашей школе надо бы организовать хоровой кружок?

— Очень хорошо. Пиши, а мы напечатаем.

И девочки разошлись, довольные друг другом.

После занятий редколлегия снова собралась в комнате пионервожатой.

— А ведь наша газета становится интересной,— заметила Эля.— Её читают ученицы других классов.

— Я сама смотрела, как девочки читают,— заметила Рита,— стоят долго, а некоторые даже что-то записывают.

— Это значит, что вы ещё больше должны уделять ей внимания, больше думать над тем, как сделать газету ещё более жизненной, акту-

альной... Почему бы вам не поговорить в газете о внешкольной работе, о кружках, о проведении интересных вечеров?

— А знаете,— перебила её Вика,— у меня есть уже такая заметка. Лиля Сабурова предлагает организовать в школе хоровой кружок.

— Лиля? Сабурова?

— Так это же замечательно! У вас начинают появляться и авторы... Давайте, девочки, наметим план того, о чём должен будет сказать в следующем большом номере наш «Друг».

И три головы с красными ленточками в косичках склонились над столом.

Лиля могла считать себя счастливой: в газете за её подписью появилась заметка о хоровом кружке, вызвавшая много разговоров в старших классах школы. Девочки из других классов подходили к ней, спрашивали: где и как можно записаться в кружок, кто им будет руководить. Лиле приходилось разъяснять, что это только её предложение, а для того, чтобы кружок был, надо обсудить вопрос о нём по классам.

Через несколько дней стало известно, что директор уже договорился с одной из родительниц, она будет руководить хоровым кружком.

А ещё через день под номером «Друга» появилось небольшое объявление:

Первое занятие хорового кружка назначается в среду в 7 часов вечера. Там же будет производиться и запись в кружок.

Лиля торжествовала: её предложение было проведено в жизнь. Она чуть было не загордилась, но Вика напомнила ей:

— Мысль твоя, но провела её в жизнь стенная газета. Слово «Друга» имеет большее значение, чем твоё или моё.

— Я знаю,— подняла на редактора глаза Лиля.— Я друг «Друга»...

Кончилась первая четверть. «Друг» поздравил девочек седьмого класса «б» с успешным окончанием четверти: «Надеюсь, что все девочки седьмого «б» класса будут хорошо учиться, писать для меня статьи, рассказы, стихи, заметки. Буду рад, если девочки найдут для меня хорошие шарады, ребусы, загадки. А я постараюсь помочь тем, кто нуждается в моей помощи. Желаю успеха в вашей дальнейшей работе».

«Друг» начал получать такое количество статей и заметок, что не успевал печатать их на своих страницах. Были статьи, рассказы, предложения, стихи, ребусы, шарады. Под стихами появились такие подписи: «Угадай», «Не я», «Чиж», «Еж» и даже «Ёрш колючий».

Редколлегии не приходилось больше сидеть за столом и припоминать, что случилось за эту неделю в классе, чтобы рассказать об этом в газете. Под руками всегда был свежий материал.

С начала учебного года в седьмой «б» была переведена из другой школы Рая Маслова. Тихая, скромная она быстро завоевала всеобщее

уважение. Рая охотно выполняла общественные поручения. В то же время девочки замечали, что сразу после уроков она одной из первых уходила из школы, никогда никого не приглашала к себе. Девочки даже не знали, где она живёт.

И вот однажды на одном из собраний редколлегии Эля спросила:

— А вы что-нибудь знаете про Раю Маслову?

— Нет.

— Напрасно. Надо было бы вам поинтересоваться.

— А что? — и сразу три пары глаз направились на пионервожатую.

— У Раи дома тяжёлая обстановка. Отец у неё умер, мама работает на железной дороге стрелочником. У Раи братишка лет шести. Рая успевает хорошо учиться, помогать маме и следить за братишкой. К приходу мамы всегда разогрет обед, а братишка уже накормлен...

— Это вы знаете точно? — взволнованно спросила Света.

— Я была у неё.

— А у нас, — тихо сказала Рита, — есть такие, которые не хотят убрать даже свою постель.

— Есть, — согласилась Эля, заметив, как покраснела вдруг Света.

— Знаете что, — заговорила вдруг Вика, — а если мы расскажем о Рае и попросим девочек написать, как они помогают дома.

— Тот, кто не помогает дома, тот и в газету ничего не напишет, — возразила Света.

— Пусть не пишет, а потом мы их спросим: почему вы молчите? Вот пусть тогда попробуют промолчать.

Девочки согласились.

— А сейчас, — продолжал редактор, — у меня есть статья Лили Сабуровой на очень важную для нашей школы тему. Лили предлагает общими силами оборудовать у нас в школе биологический кабинет. В статье она рассказывает, как это сделать, как распределить работы между классами.

Света и Рита захлопали в ладоши, Эля добавила:

— Вот если вы это проведёте в жизнь, ваш «Друг» действительно сделает большое дело.

И вся редакция проголосовала за статью Лили.

Заседание редколлегии продолжалось.

— Следующий большой номер у нас должен выйти 5 декабря. У нас уже есть статья, посвящённая Сталинской конституции. Две девочки дали свои стихи, посвящённые этому дню... У меня есть ещё...

Так создавался очередной номер стенной газеты «Друг» седьмого класса «б».

В школе проводился утренник, посвящённый Первому мая. В зале собрались ученицы старших классов. В президиуме были директор школы, преподаватели, представитель райкома комсомола, секретарь комсомольской организации школы, несколько учащихся и вся редакционная коллегия седьмого «б» класса.

Доклад делала старшая пионервожатая Эля Казакова. Затем выступил представитель райкома комсомола. Он поздравил девочек с Первым мая, пожелал успешно окончить учебный год, а затем вдруг сказал:

— Хочу немного остановиться на работе вашей стенной газеты «Друг». О ней знают во многих школах, у вас учатся работать. Ваш «Друг» ставил и обсуждал большие вопросы, помогал учиться, за это райком комсомола решил премировать редакционную коллегия путёвками в пионерские лагеря.

Представитель райкома комсомола пожал членам редколлегии руки:

— Кто хочет говорить ещё? — спросил председатель собрания.

Из задних рядов встала Лиля Сабурова.

— Разрешите мне.

— Пожалуйста.

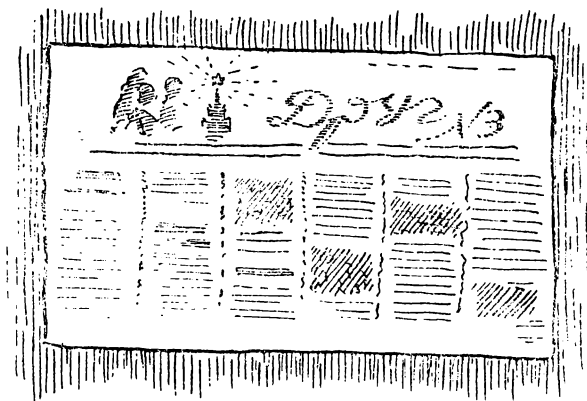
Лиля прошла между рядами и поднялась на сцену.

— Я хочу сказать, девочки, — начала она, — что наш «Друг» был настоящим другом, который умел посердиться на тебя, а когда надо заступиться за тебя и даже похвалить. Справедливый «Друг». Как-то раз Вика Зверева сказала мне, что голос нашей газеты сильнее, чем у каждого из нас... Верно. Мы говорим и даже кричим в школе и никто, кроме нас, этого не слышит, а вот голос «Друга» услышали в других школах и в райкоме комсомола...

Лиля сбежала со сцены, а на её месте уже снова стоял представитель райкома.

— Только одно слово, — поднял он руку. — Хорошо сказала Лиля Сабурова, но она умолчала о том, что сама была активным участником создания газеты и по её инициативе в школе работает хоровой кружок и биологический кабинет.

И сам первый захлопал в ладоши. С ним вместе аплодировал весь зал.

Кондр. УРМАНОВ

„Дружная тройка“

В тот момент, когда Николай Павлович вошёл в комнату, вся «дружная тройка» была в страшном возбуждении: они стояли друг против друга разгорячённые, кричали, доказывали и, казалось, готовы были разрешить этот спор рукопашной схваткой.

— Вы что расшумелись, петухи?

Николай Павлович взглянул в лицо сына и ещё более удивился: щёки его горели, глаза сверкали, а вьющиеся над высоким лбом русые волосы были растрёпаны. Отец впервые видел его в таком возбуждении. Его товарищи — Паша Савельев и Малыш — тоже кипятились. Рослый, белокурый, Паша Савельев со сбившимся на сторону пионерским галстуком тербил Малыша за борт полосатого пиджачка и кричал ему в лицо:

— Какой же ты пионер? Тебе с мамой путешествовать...

Маленький и юркий, как мышонок, Вася Полунин, не обижался, что его звали товарищи Малышом, но он не такой уж беспомощный, чтобы путешествовать с мамой; он отстранил руку Паши и не менее громко кричал:

— Причём тут моё пионерство? Голову на плечах надо иметь, а не кочан капусты...

Из жарких выкриков Николай Павлович ничего не мог понять. Не раздеваясь, он сел у стола и повелительно сказал:

— А ну-ка, друзья, остыньте... В чём дело?

— Папа,— сказал Коля,— мой вариант самый кратчайший и самый интересный — идти бором...

— А я, Николай Павлович, говорю, что идти бором — опасно, на нас могут напасть волки,— прокричал Малыш,— они сейчас голодные... Лучше ехать поездом...

— Поездом ездят только маменькины сынки,— презрительно и как-то свысока взглянув на Малыша, сказал Паша.— Я думаю, Николай Павлович, лучше сначала идти по реке, а потом по озёрам. Мы тут не заблудимся и никаких волков не встретим...

— Ничего не понимаю,— тяжело вздохнул Николай Павлович.— Куда вы собрались?

И «дружная тройка» в один голос ответила:

— В Зелёный Клин...

А Коля добавил:

— К тётке Маше...

Николай Павлович внимательно посмотрел всем в глаза и сказал:

— Прежде чем намечать какие бы то ни было маршруты и походы, пожалуй, следовало бы спросить родителей. Как вы думаете? У вас у всех есть родители...

Он встал и вышел в кухню.

Ребята притихли. Им показалось, что Николай Павлович обиделся. От недавнего задора не осталось и следа — они опять были «дружной тройкой». Члены тройки быстро забывали размолвки. Так случилось и в этот раз. Не успел отец закрыть за собою дверь, Коля сказал:

— Конечно, папа прав, но мы ведь никуда ещё не ушли...

— У меня мама физкультурница,— сказал Малыш,— с её стороны возражений не будет, а вот отец... «опять,— скажет,— одежду рвать»...

Паша стоял задумчивый, он не знал, как родители отнесутся к его походу. Коля взглянул на него и ободрил:

— Ничего, я думаю, всё устроится. Мы же не за тридевять земель идём, а всего только в Зелёный Клин и не к кому-нибудь, а к тётке Маше. Твои родители её хорошо знают...

— Так-то так...— глубоко вздохнул Паша и не досказал... В комнату, как вихрь, влетела раскрасневшаяся Зоя и, схватив брата за плечо, защебетала, как чечётка:

— Ты, думаешь, первый придумал поход? А вот и нет, вот и нет! Раньше тебя придумали ребята... У них уже всё готово...

— Не шуми, Зайчонок,— тихо сказал Коля, взял сестру за руку и усадил на диван.— Рассказывай толком: кто идёт, куда?

Паша сел рядом с Зоей, а Малыш опустил ся против неё на пол.

— Только ты, Зойка, говори всю правду и не задирай нос,— сказал Малыш.— Знаешь, это дело серьёзное...

— А зачем я буду говорить неправду? Я была у Сони Щербаковой, там были ребята. У вас «тройка» называется, а у них — «четвёрка». Ви-тя Щербаков говорит: «Наша четвёрка ближе к пятёрке, чем их тройка».

Это он о вас. «Мы,— говорит,— уже сговорились с инструментальным заводом и на каникулах там побываем, потом напишем, как провели каникулы. Хорошо напишем, так, чтобы ни твоему брату с его «тройкой», ни Косте Самсонову не написать. Всем,— говорят,— нос утрём»...

Малыш хмыкнул. У него не всегда ладилось со школьными сочинениями и он принял это на свой счёт.

— Тоже, маршрут выбрали! Да про заводы всякий напишет. Что там интересного?..

— Подожди, Малыш,— остановил его Коля.— Побывать на заводе тоже интересно. Мы живём в большом городе, каждый день ходим мимо заводов, а что знаем о них? У меня папа на заводе работает, постоянно говорит о станках, а какие они, что делают — я не знаю.

— Вот интересно тоже, как книги и газеты делают,— сказал Паша.— Сколько надо буквочек каждый день напечатать! А мы читаем и не знаем, как это делается. Разве это не интересно?

— Может кому и интересно,— согласился Малыш,— только меня больше тянет в природу...

Скрипнула кухонная дверь. Коля приподнял Зою за локти:

— Ну-ка, иди, Зайчонок, кажется, мама пришла. Кушать хочется... А мы тут немного подумаем...

— Мне тоже интересно, о чём вы будете говорить...

— Ты узнаешь первая обо всём... Иди, помогай маме...

Как только Зоя ушла, Коля пригласил всех к столу, положил чистый лист бумаги и взялся за карандаш.

— Я не знаю, о чём мы спорим,— сказал он.— Вот смотрите: как только перейдём реку, дорога пойдёт бором и приведёт нас прямо в Зелёный Клин. Никаких волков мы не увидим, и тебе нечего бояться...— Коля взглянул на Малыша.— Если же, Папа, мы пойдём рекой, а потом начнём пробираться по кустам да озёрам, то, пожалуй, заблудимся... А сейчас не лето...

Ему никто не возразил. Только Паша каким-то безнадежным тоном сказал:

— Может ещё ничего не выйдет из нашей затеи...

Дверь распахнулась, и Елена Васильевна пригласила всех за стол. Паша и Малыш заявили, что они недавно обедали и есть не хотят.

— Кто же это от хлеба-соли отказывается?— говорила Елена Васильевна, усаживая ребят.— Кстати, вы мне расскажите про свои секреты. Папа целый день на заводе, я — в школе, а у вас тут секреты завелись...

— Ты знаешь, мать,— сказал Николай Павлович,— когда я вернулся, они так расшумелись, я думал, перессорятся...

Коля

Малыш

Паша

— Им сейчас есть о чём поговорить,— сказала Елена Васильевна, подавая тарелку Малышу и подвигая ложку.

— Они, мама, в поход собираются...— не вытерпела Зоя.

— А ты, Зайчонок, не забегай вперёд, сами всё расскажем...— сердито сказал Коля.

Елена Васильевна строго посмотрела на сына.

— Я сколько раз говорила тебе, чтобы ты не называл её так? Что это за Зайчонок? У неё имя есть. Васю вот тоже Малышом зовёте. К чему это?

— Ну, мама, это же совсем не обидно,— оправдывался Коля.— Пусть она меня хоть волчонком зовёт, нисколько не будет обидно. Вася тоже не обижается. Ну что ж, если он такой маленький...— смеялся Коля, поглядывая на Малыша.— Ведь правда, не обидно?..

В знак согласия Малыш улыбнулся.

— Меня даже мама так зовёт...

— Ну, хорошо,— согласилась Елена Васильевна,— пусть не обидно. а всё же лучше товарища называть по имени... О чём же вы спорили, когда пришёл папа?

Ребята переглянулись. Коля сказал:

— Никаких, мама, секретов у нас нет. Небольшой поход задумали. Скоро каникулы...

Елена Васильевна сдвинула к переносью чёрные брови и спокойно сказала:

— Кто же это зимой походы устраивает? Я думаю, что для этого больше подходит лето. Куда сейчас идти? Зима, морозы... Нет, не выдумывайте. Лучше позаботьтесь об отличных отметках...

Паша и Малыш опустили глаза и положили ложки. Всё было кончено, как им казалось. Напрасны были споры о маршрутах, потускнела заманчивая даль и сказочный лес в зимнем серебряном наряде. И у Коли не весело было на душе. Он знал, что если мама сказала «Нет»,— значит так и будет. Искоса он поглядывал на папу и ждал его вмешательства. Но Николай Павлович молчал, как бы ожидая развязки.

Молчание становилось тяжёлым, и Коля умоляюще сказал:

— Мапочка, ведь это совсем недалеко...

— Незачем меня просить, я всё сказала. Будет лето — пожалуйста, отправляйтесь в своё путешествие хоть на неделю...

— Ты же своим ученикам говоришь: «Нужно быть крепкими, выносливыми»... А где мы получим эту выносливость?

Николай Павлович рассмеялся:

— Вот это довод!.. А ну-ка, Елена Васильевна, что вы скажете против?..

— Тебе бы только смеяться,— с ноткой обиды сказала Елена Васильевна.— Нет бы отговорить детей от неразумного шага...

— А чем же он неразумный? — улыбаясь, пожал плечами Николай Павлович.

Ребята притихли; теперь спор перешёл к родителям, и они ждали, чем кончится. А Николай Павлович, заглядывая в лицо жены, допытывался:

— Разве лучше будет, если они все каникулы будут сидеть в городе?

— Ты берёшь крайности...— ответила Елена Васильевна.— Этого им никто не позволит...

— Но это бывает! Мы не в состоянии следить за ними каждый час... Я в их годы летал на лыжах километров по тридцать в день, на охоту с отцом ходил, ко всему присматривался...

— Не забывай, ты рос в деревне...— перебила Елена Васильевна.

— Что же, что в деревне? Война началась, мы все там вместе оказались — и городские и деревенские — все в одинаковой степени защищали Родину... Только там я понял, как много мне дала отцовская школа: я мастерски ходил на лыжах, умел метко стрелять, маскироваться, определять страны света без компаса. А как тяжело было товарищам учиться всему этому на фронте, в разгар боёв! И некоторые из них погибли только потому, что с детства не имели охотничьих навыков. Впрочем, эти привычки нужны не только во время войны. Помнишь, Лена, как мы пошли с тобой за грибами? И лес-то там пустяковый, а ты заблудилась...— и Николай Павлович рассмеялся.

— Это совсем другое дело,— заулыбалась Елена Васильевна.— Ты спрятался от меня...

— Ничего я не прятался. Сел под сосну и гляжу, что с тобой будет? — и, повернувшись к детям, Николай Павлович изобразил, как Елена Васильевна испугалась,— «Ау! Ау!..» Про грибы совсем забыла...

Ребята повеселели. А Зоя, прижимаясь к матери, смеялась и говорила:

— Я теперь, как заблужусь в лесу, всё буду кричать: «Ау, мама! Ау, мама!..»

— Кто это тебя пустит одну в лес? — взглянула Елена Васильевна на Зою.— Кушай, я сейчас чай подам...

Ребята, затаив дыхание, ждали, когда Елена Васильевна сменит гнев на милость. Особенно волновался Коля. Он знал, что мама никогда не отступает от принятого решения, но ему казалось, что папа поколебал её упорство.

Когда был подан чай, Николай Павлович вдруг громко сказал:

— Знаешь, Лена, они ведь собрались к тётке Маше...

Елена Васильевна недоверчиво посмотрела на ребят:

— Правда, правда, мама,— подтвердил Коля,— мы собрались к тётке Маше...

— Что ж вы мне голову морочили до этих пор? Так бы надо сразу и сказать...

И дальше всё повернулось так, как хотели ребята. Елена Васильев-

на вспомнила свою старшую сестру, муж которой погиб на фронте в Отечественную войну, оставив на её руках двух детей.

— Живём почти рядом, а видимся редко... Как она, бедная, там с детишками? Надо какие-нибудь подарки приготовить ребятам...

И теперь, когда всё, казалось, налаживалось, на сцену выступила Зоя.

— Я тоже, мама, пойду к тёте Маше...

— Ещё что выдумай,— сурово сказала мать.

— Пойду! Пойду! — вдруг закричала и заплакала Зоя.— Им всё можно... по... почему... мне не... нельзя?

Николай Павлович подхватил Зою на руки и закружился с ней по комнате:

— Кто сказал, что тебе нельзя? Вот придёт лето, мы с тобой сядем в лодку и такое путешествие совершим, какое им и не снилось! А сейчас — куда же? Они на лыжах пойдут, а ты как?..

Скок-поскок,
с сучка на пенёк,
а с пенёка — в кочки
и — спокойной ночки?

Так что ли?

А в лесу буран гуляет,
все дорожки заметает,
И куда зимой Зайчонку идти,
как дорогу к тёте Маше найти?..

И Зоя притихла под песенку папы.

— Зато уж летом мы всем этим путешественникам нос утрём...

В поход!

Последняя неделя перед каникулами пролетела быстро. Ребята всё свободное время были заняты приготовлением к походу. Заняты были и родители. Поход был не дальний, но всё нужно было предусмотреть. Проверены были одежда, обувь и лыжи. Николай Павлович сам сделал несколько недостающих палок, смазал лыжи, подогнал крепления.

В субботу занятий в школе уже не было. Выдали на руки табели, и ребята шумными ватагами пошли домой.

Расставаясь на время с ребятами, Коля предупредил Пашу и Малыша:

— В двенадцать часов мы должны выйти. Лучше в пути не будем торопиться.

Но на деле всё оказалось совсем не так, как предполагали ребята. Елена Васильевна задержалась в школе, не было и Николая Павловича. А он обязательно хотел проводить ребят — «дать последний совет».

Первой пришла мама Малыша, за ней родители Паши и, наконец, почти одновременно явились родители Коли.

Николай Павлович принёс маленький новенький котелок.

— Это на тот случай, если ребята захотят совершить экскурсию в зимний лес. Все мы были ребятами и знаем, как это интересно...— говорил он родителям Паши и матери Малыша.

В сумку Коли он положил и свой маленький охотничий топорик.

Стрелки будильника показывали час, когда, наконец, ребята, одетые по-дорожному, с заплечными сумками и лыжами вышли из Колиной ограды.

— Самое главное, идите ровным шагом,— наказывал Николай Павлович.— Тут ведь не так далеко, а согреетесь, спотеете,— можете простыть...

Ребята простились с родителями, встали на лыжи и спокойно тронулись в путь. Но в первом же переулке Малыш выскочил вперёд, за ним поднажал Паша и, забыв о наказе Николая Павловича, все понеслись, как застоявшиеся кони. Не сдерживая хода, они промчались по крутому и длинному спуску к реке и, только выбравшись на дорогу, проложенную по льду, сбавили шаг.

Великая и буйная река теперь спала подо льдом, но её характер виден и сейчас — везде торосы льда, нагромождения, казалось, она продолжала волноваться, как в летнюю бурную погоду. От этого вся дорога через реку — в выбоинах, «нырках», и идти на лыжах по ней было очень трудно. Но никто из ребят и не подумал снять лыжи и идти пешком.

Малышу первому надоело «кувыркаться» и он предложил:

— Давайте перережем реку напрямую, а там пойдём берегом. Лучше идти по глубокому снегу, чем так...

— А там в кустах волки...— сказал Паша тоненьким голоском.

— Теперь я никого не боюсь... Это со мной только дома случается,— отшутился Малыш.

Предложение Малыша показалось Коле правильным. Он свернул с дороги и, выбирая впадины между торосов, не торопясь, пошёл к дальнему противоположному берегу.

Переход через реку занял много времени. Ребята часто падали, смеялись, помогали друг другу. Перебравшись через реку, они, нагоняя упущенное время, быстро двинулись вперёд. Снег был не глубокий и плотный, лыжи легко бежали, и тёмная стена бора незаметно приближалась. Никто из спутников не отставал, не просил отдыха, только когда вошли в лес, Малыш сказал:

— Я, кажется, зря надел шерстяной свитр, жарко. Да шапка всё на глаза лезет...

На кромке бора Коля предложил немного отдохнуть. Сидя на пеньке, он говорил:

— Дальше дорога пойдёт по кромке леса до самого Зелёного Клина.

Зачем нам идти по ней, наверно везде такие же «нырки», как на реке. Пойдёмте бором, только запомните, что ветер должен нам дуть в левую щеку...

— Компас я зря не взял,— пожалел Малыш.

— А ты с ним ходить умеешь? — улыбаясь, спросил Коля.

— Как же, он с компасом путешествовал по Африке... и в своё время по географии получил... троечку,— засмеялся Паша.

Малыш не обиделся. Что было, то было, никуда не денешься. Но он сказал, что такими вещами, как компас, пренебрегать не следует, что рано или поздно с ним придётся знакомиться...

— Мы тут без компаса добежим,— уверенно заявил Коля.— Охотники вон по лесу ходят без компаса. Папа говорил, они по деревьям узнают, где север, а где юг. А ночью можно и по звёздам: нашёл Полярную звезду, вот тебе и север...

Когда «дружная тройка» вошла в лес — стало совсем тихо. Даже тот маленький ветерок, который дул им слева, исчез, только вершины кудрявых заснеженных сосен несмолкаемо, тихо шумели. Лес был старый, но чистый, нигде не видно ни бурелома, ни валежника. Огромные ели и сосны стояли, как задремавшие великаны, их засыпало снегом и каждую веточку посеребрил куржак¹. Маленькие деревца спрятались под их широкими кронами и были похожи на детей возле своих родителей. Иногда на полянах ребята видели много-много молодых сосёнок и ёлочек, и им казалось, что они собрались сюда со всего леса и вот-вот начнут какую-то свою игру.

Ребята, увлечённые красотой зимнего леса, уходили всё дальше и дальше от дороги. Может быть они вспомнили бы о цели своего путешествия и повернули бы на дорогу, если бы не ряд случайных обстоятельств, заставивших забыть обо всём.

¹ Обильный, пушистый иней.

Спускаясь с пригорка в низину, заросшую берёзами, осинами и мелким кустарником, Коля увидел...

— Лиса! — вдруг крикнул он ребятам и стремглав пустился вниз. Не отставая от него, нажимали Паша и Малыш.

Лиса увидела ребят и на минуту остановилась, как бы в раздумье: опасно это или нет? Потом повернулась и спокойно побежала на взлобок.

— Пошёл, пошёл! — кричал Коля, подбадривая своих товарищей.

Ребята пересекли низину и вышли на лисий след. Подниматься в гору было несравненно трудней, чем катиться вниз. Снег сухой, как песок, шумел под лыжами. А лиса, не прибавляя хода, словно плыла по белому снегу, вытянув большой пушистый хвост. Она то скрывалась под низко опущенными ветками елей, то вновь появлялась, дразня и увлекая ребят.

Малыш отстал далеко. Паша видел его с пригорка и крикнул:

— Иди по нашей лыжне! Тут заблудиться негде! — и ринулся догонять Колю.

Ребята ещё долго бежали за лисой, часто теряли её из вида, шли следом, пока не встретили непреодолимое препятствие: густую поросль осинника и акации. Здесь нельзя было идти просто, нужно было продирааться, с бою брать каждый метр. Кустарники цеплялись за лыжи, за одежду, царапали лицо, руки.

— Хитручая лисанька, — сказал Коля, останавливаясь. — Разве её догонишь по такой чашобе?

— Вот если бы ружьё!.. — крикнул Паша.

Вдруг справа что-то зашумело, ребята обернулись и увидели убежавшего зайца. Его на снегу совсем не было бы видно, если бы не чёрные кисточки на кончиках ушей. Заяц бежал навстречу Малышу, спускавшемуся с пригорка.

— Держи ушкана! — дружно закричали ребята.

Эхо подхватило их звонкие голоса, зазвучало со всех сторон, и Малыш ничего не понял. Он постоял, послушал и неторопливо направился к товарищам.

— Ты что же не ловил зайца? — спросил Паша, когда Малыш подошёл к ним.

— А вы что лису не поймали? — Малыш, не снимая лыж, бухнулся на бок в снег. — Жарко стало, пока вас догнал... Придумали тоже, за лисой гоняться! Да разве её догонишь? Она хотя и на двух ногах, а вон как чешет!

Озадаченные ребята уставились на Малыша.

— Как на двух? — спросил Коля.

— Поглядите на след, всего две ноги... — сказал Малыш, не поднимаясь. Коля и Паша впервые пригляделись к следу. В самом деле, на снегу была только одна ровная строчка. Ещё когда шли левым берегом реки, в кустах видели много мелких следов. Какие зверушки наделали столько следов, они не знали, но все следы были парные, а здесь...

— Ерунда,— сказал Коля,— у всех зверей по четыре ноги...

— Вот и я о том же говорю,— промолвил Малыш.— У зайца вон все четыре лапы так на снегу и отпечатались... Сходите, посмотрите...

Паша сходил и, вернувшись, сказал:

— Тоже непонятно получается. У зайца передние лапки коротенькие, а задние длинные. Так? Всякое животное шагает сначала передними ногами, а потом уж задними... А у зайца — наоборот, след от передних лапок назади, а от задних — впереди... Вот так...

Он нарисовал след зайца на снегу, в это время рядом кто-то прокричал:

— Ки-ик... Ки-ик!..

И сейчас же на соседней сосне громко забарабанил дятел. Он ловко прицепился лапками к стволу дерева и часто-часто стучал своим крепким носом. Ребята сразу узнали его, а Малыш продекламировал:

Дятел носом тук да тук,
Звонко иволга кричит...

— Иволга в наших краях не зимует,— сказал Коля.— Папа говорит, что она прилетает только весной, когда уже зелень на деревьях появляется... Вот что, ребята, мы всё должны записывать в свой дневник. Обязательно.

Вспомнив о дневнике, Коля неожиданно вспомнил о Зелёном Клине и тёте Маше. Подняв голову, он посмотрел на небо. Солнце не было видно, и в лесу появилась сумеречная синь. Наблюдавший за ним Малыш встал и тоже молча стал вглядываться в лес. И вот все трое, не говоря друг другу ни слова, стояли и вслушивались в звуки вечерющего леса. Кругом была мёртвая тишина, и, как всем казалось, усиливался мороз. Страх перед зимней долгой ночью мгновенно закрался в сердце каждого, но никто не хотел первым сказать об этом.

— Ки-ик... Ки-ик... — снова прокричал дятел и, прилепившись к той же сосне, забарабанил носом.

— Он вот ничего не боится,— сказал Малыш.— Летаёт по всему лесу, а свою сосну находит...

Коля и Паша не отозвались. Они молча пошли на пригорок и, пройдя мимо сосны, на которой стучал дятел, остановились. Под сосной лежал ворох сосновых шишек. Ребята подняли несколько штук, все они были пустые.

— Это у него, должно быть, здесь столовая...— сказал Малыш.

Ребята не отозвались. С пригорка они долго глядели во все стороны. Высокие деревья закрывали даль. Сгущались сумерки, и большой лес, где днём они слышали голоса многих мелких птиц, затихал. Коля вздохнул и упавшим голосом сказал:

— Заблудились...

— Это всё проклятая ваша лиса! — с дрожью в голосе проговорил Малыш.— Ну куда теперь идти?

— Подожди, Малыш,— спокойно сказал Паша.— Никого не нужно обвинять... Во всех этих делах мы разберёмся после. Сейчас надо решить — куда идти?..

Коля быстро сбросил сумку, отстегнул лыжи и как кошка полез на сосну. Он карабкался всё выше и выше и, наконец, сказал словами лётчика из какой-то книги:

— Даль не просматривается... Лес и лес... Ветки вот ещё мешают...— Он долго молчал, потом быстро начал спускаться.— Всё-таки я что-то увидел...

Когда он соскочил, ребята приступили к нему:

— Ну, говори скорее, что ты увидел? — приставал Малыш.

— Зелёный Клин? — стараясь быть спокойным, спросил Паша.

Коля быстро закинул за спину сумку, подвязал лыжи и немного запыхавшись ответил:

— Мне кажется, я видел корову... Пошла вот в таком направлении,— Коля показал рукой.

— Ну и что? — закричал Малыш.— Может какая-нибудь заблудящая, как мы. Заблудилась и бродит по лесу. Ей-то что! Она и в лесу может переночевать, а мы...

— Малыш, не горячись,— остановил его Паша.— Давайте спокойно поговорим, что делать... Ну вот. Мы заблудились. Видим, по лесу идёт корова. Куда она идёт?

— Я думаю, что корова ходила в лес к какому-нибудь стожку сена,— сказал Коля,— а теперь наелась и возвращается домой. Есть такие коровы. Давайте пойдёмте за ней, может она приведёт нас в деревню...

— Я согласен с этим,— сказал Паша.— Пока она не ушла далеко, давайте догонять. Ты хорошо запомнил направление? — спросил он Колю.

— Хорошо...

Коля не дождался, что скажет Малыш, и двинул лыжи. За ним, не отставая, шёл Паша.

— Вы только не спешите,— просил Малыш,— а то я опять отстану. Скоро ночь...

Вот эта-то надвигающаяся ночь и была страшна ребятам. Ведь они первый раз в жизни оказались в таком необычном положении. Обсуждая дома маршрут похода, они ясно видели дорожку, по которой пойдут, и мысленно представляли себе Зелёный Клин, школу тёти Маши, её ребят... и вот. Ничего этого нет. Их окружил лес, как пленил. Ни дороги в нём, ни тропинки. Куда идти? А впереди — ночь, новогодняя, морозная, долгая ночь! Чувствуя себя виновником, несмотря на просьбу Малыша, Коля вырвался вперёд. Он сильно налегал на лыжи, ему хотелось скорее увидеть след коровы. Его лыжня хорошо была видна на снегу, Паша приотстал, чтобы не волновался Малыш.

Наконец, Коля остановился и, когда подошли ребята, сказал:

— Вот смотрите, чей след?

— Коровы...— враз ответили товарищи.

— Ну, так пойдёмте по нему, темнеет,— сказал Коля и ровным шагом пошёл прямо по следу коровы.

Они шли молча, потому что ещё не знали, куда приведёт их этот след. Вечерняя синева сгустилась, и в отдалении уже трудно было отличить сосну от ели. Без передышки, невольно ускоряя шаги, они долго шли, вглядываясь в чащу деревьев, чтобы увидеть ту спасительницу корову, которая должна привести их в деревню. Но коровы не было видно. Коля даже подумал, что ему привиделась корова, а что на самом деле никакой коровы и не было. А след? Ведь они ясно видят раздвоенное копыто.

Неожиданно, выскочив на поляну, они увидели небольшой стожок сена, накрытый снегом, как белой шапкой. Ребята не успели ещё подойти вплотную к стожку, как из-за него выглянула огромная голова с большими ушами. Одно короткое мгновение они видели страшную голову, потом услышали топот, и в снежном вихре исчезло всё.

— Лось!..— оправившись от испуга, тихо произнёс Коля.

— Лось!.. — повторил Паша и втайне радовался, что ему пришлось увидеть это дикое животное. Жаль только, что встреча была короткой.

— Какой же это лось? А где рога? — допытывался Малыш, видевший лося на картинке.

— Лосихи, говорят, безрогие бывают,— сказал Коля.

— За этой коровой пойдём, так никуда не придём,— не унимался Малыш.— Большой зверь, а трус, кажется, такой же, как мы...

И все вдруг захохотали, хотя смешного будто ничего не было.

Малыш обошёл стожок и сказал:

— Я больше никуда не пойду...

И тогда оба, и Коля и Паша, кинулись к нему.

— Что ты сказал? Что сказал?

Малыш, будто почувствовав угрозу в словах товарищей, тихо пояснил свою мысль:

— Ну сами посудите, куда идти? Заблудимся ещё больше и к утру замёрзнем как колчужки...

— Да ты из нас, оказывается, самый храбрый,— похвалил Паша.— Ну, а дальше что будем делать?

— Дальше? — Малыш взглянул на Колю.

— А дальше,— решительно сказал Коля,— сбрасывайте сумки, идёмте дрова заготавливать. Много наготовим, чтобы на всю ночь хватило. Подроемся под стожок, шалашик сделаем, разведём костёр и будем сидеть у огня. Неужели замёрзнем? Папа говорил, что охотники, как только останавливаются, первым делом заготавливают дрова. А дальше будет видно, что делать...

Коля достал из сумки папин охотничий топорик и первым пошёл в лес. Поблизости оказалось не так много валежника. Разрывали снег, собирали всё, что попадало, ломали сухие кусты и торопливо таскали

к стожку. Позднее, когда уже собрали большую кучу хвороста, Коля нашёл две спиленных сосенки. Долго, поочерёдно, они обрубали на деревьях сучки и всё таскали, таскали. Сосенки оказались тяжёлыми, но после очистки сучьев ребята всё-таки перетасили их к стожку.

— Кто ночью замёрзнет, вот топорик, может погреться,— сказал Коля и воткнул топор в одну из сосен.— Начнём разводить...— он вдруг осёкся и подошёл к ребятам.— А спички у нас есть?

Этот вопрос так испугал всех, что долго никто не решался ответить. Наконец, Паша сказал:

— Я не взял...

— Я тоже не взял...— тихо произнёс Коля.— Разве только папа положил...— и кинулся к сумке.

Вот тогда-то наступила минута торжества для Малыша:

— Эх вы, путешественники! — засмеялся он.— Кто же это идёт в поход без спичек? Вам бы только до леса добраться да за лисами гоняться. Вот они спичечки! — и он показал всем коробочку спичек.

Теперь, когда спички были налицо, можно было не искать, не копаться больше в сумках, но Коля решил всё пересмотреть, чтобы убедиться и окончательно поверить в папину предусмотрительность. Всё содержимое сумки он выложил на снег — спичек не было: прощупал шамины кульки с подарками детям тёти Маши — и там не оказалось. Укладывая всё обратно, он пошарил рукой в котелке и вскопил:

— Есть спички! Я же говорил, что папа не забудет... Ну, друзья, теперь слушать мою команду: я буду разводить костёр, а вы теребите сено, глубже ямку делайте...

Ночные голоса

И вот началась эта долгая морозная новогодняя ночь.

Ещё с вечера небо затянуло мороком, не было видно ни луны, ни звёзд. Деревья, казалось, всё гуще и гуще окутывались куржаком, как ватой, и такая тишина стояла, словно вокруг всё умерло или спряталось от мороза. Ни шороха, ни звука. Но ведь есть же в лесу звери. Не могут же они лежать день и ночь в снегу. Многие из них охотятся по ночам, может быть, у них мягкие лапки, чтобы не слышно было, как они подкрадываются к жертве.

Плохо знали ребята жизнь зимнего леса. Каждого из них давил страх, но сознаться в этом почему-то было трудно.

Паша и Малыш вырыли большую нору в стогу, сделали навес над входом, закидали всё плотно сеном и оставили только маленькую лазейку, чтобы можно было забраться туда и закрыться.

Коля завидовал им, они были вместе, барахтались в сене и шутили. а у него не разгорался костёр.

— Ну, товарищ командир, мы своё дело сделали — берлога готова,— доложил Малыш.

— Сейчас у меня будет... костёр...— Коля достал из сумки газету, подложил её под мелкий сушняк, и костёр запылал.

Не только светлей стало вокруг, но как-то даже весело. Еловые сучки трещали, далеко разбрасывая золотые искры. Разгоравшийся костёр давал всё больше и больше тепла. Ребята повеселели.

— Слушать мою команду,— вдруг объявил Коля.— Немедленно одеть свитры, переобуться в шерстяные чулки, просушить сырые рукавички!..

— Слушаем, товарищ командир! — улыбаясь, в один голос прокричали Паша и Малыш.

Они натаскали сена к костру, быстро переоделись, и Паша, усаживаясь, сказал:

— Совсем хорошо... Так можно всю ночь просидеть...

— А дорогу мы завтра найдём,— уверенно заявил Коля.— Пойдём по своей лыжне, выйдем на кромку бора, а там и дорога... Ночью, конечно, трудно, а днём — пустое дело...

Только теперь они вспомнили, что ещё не ели с утра. Коля развязал сумку, достал булочку — она была мёрзлая, как ледяшка.

— Попробуем разогреть,— сказал он, протягивая булочку к огню. Он не успел ещё положить её на палочки, как морозная тишина раскололась воем, похожим на стон:

— А-а-у-у-а-а-а...

Коля невольно отдёргнул руку. Стало вдруг холодно, по спине побежали мурашки. Он смотрел на товарищей, а те сидели, не шевелясь, над развязанными сумками. Они испытывали то же, что и он. Что-то леденящее, связывающее было в этом тоскливом звуке. Ребята не могли понять — что в нём: призыв, жалоба или угроза.

Вой повторился. Казалось, он возникал где-то в глубине бездны, вырывался на простор, раскатывался во все стороны и долго звенел в морозном воздухе. Ребята забыли о костре, смотрели друг другу в глаза и слушали.

Чтобы ободрить себя и товарищей, Коля сказал:

— Эх, как он ревет!.. Вот это да-а!..

— Кто — он? — с дрожью в голосе спросил Малыш.

— Ну кто? — ещё более развязно ответил Коля.— Тигры у нас не водятся, медведей, папа говорил, в этом лесу тоже нет, а если и есть, то они давно спят в своих берлогах... Волчишко это погуливает...

— А зачем он так? — спросил Паша совсем тихо, словно он потерял голос или боялся, что его может услышать этот страшный зверь.

— Ну зачем? — Коля тоже не знал, зачем волк воет, но у него спрашивали, и он ответил: — Должно быть, скучно одному в такую ночь...

— Я теперь не усну...— сказал Малыш.

— Да спать вообще не придётся... Зря вы делали балаган... замёрзнуть можно... Папа говорил, что в таких случаях охотники не спят, а ходят...

Никто не отозвался на замечание Коли. Из далёкого распадка снова долетело:

— А-а-у-у-а-а-а...

И сейчас же, как показалось ребятам, совсем недалеко, залаяла и завyla собака. Все вздрогнули, но уже не от страха, а от радости. Знакомый с детства звук окрылил их надеждой. Малыш даже шапку снял, чтобы лучше разобрать, откуда доносился звонкий залиvistый лай.

— Собака! — почти в один голос сказали ребята...

— Должно быть, тут рядом дорога, — сказал Коля. — Может колхозник какой домой едет... Быстро собирайте свои сумки!.. Пошли!..

— А если совсем заблудимся? — спросил Паша.

— Ничего не заблудимся. Собака одна в лесу ночью не будет, — уверенно заявил Коля и стал разбрасывать костёр и топтать в снегу обгоревшие сучья.

Малыш опять шёл последним и просил:

— Только, пожалуйста, не торопитесь... Теперь ночь, я боюсь отстать...

— А ты не отставай, — сказал Паша. — Нажимать надо, а то уедет колхозник и мы будем блудить всю ночь.

Они твёрдо были убеждены, что рядом с лесом проходит дорога, и по ней едет из города запоздавший колхозник. На пути была какая-то горка, днём они обошли бы её, но сейчас торопились на звонкий лай собаки, и, странно, он не удалялся, а как будто становился всё слышнее и слышнее.

Коля, по горячности, опять отрывался от ребят и на просьбы Малыша отвечал:

— Да никуда я не уйду, не бойся. Нам бы только на дорогу выйти да догнать путника.

При подъёме на горку ребята попали в густую поросль молодых сосенок. Тут быстро не побежишь. Задетая рукой ветка стряхивала с себя пушистый снег, он падал за воротники, обжигал холодом и струйками стекал под рубашки. Но остерегаться некогда было, их звал певучий лай собаки. Теперь он казался совсем близко.

Наконец ребята вырвались из плена заросли и, оказавшись между редких высоких сосен, неожиданно остановились: совсем недалеко, на опушке леса светились два тусклых огонька.

— Ребята, избушка! — от радости вскрикнул Коля. Паша и Малыш облегчённо вздохнули, им вдруг показалось, что все трудности уже остались позади.

— Избушка... избушка...

Они повторяли это простое, но какое-то тёплое слово, полные ещё смутения от недавно пережитого...

Правда, в сгустившемся мраке ночи избушки ещё не было видно, но свет! Это не походило на костры, нет, свет лился откуда-то тихий и ровный.

Они не заметили, как двинулись вперёд, словно лыжи сами понесли их, и только когда оказались возле избушки, Малыш сказал:

— А колхозника-то и не было...

— Может быть и не было, — отозвался Коля. — А собачка, видишь, всё лает...

Окна были вровень со снегом, и свет, падавший через переплёты рам, растягивался длинными неяркими полосами.

Услышав голоса ребят, собака залилась ещё сильнее, будто вызывала хозяина на помощь. Коля с робостью подошёл к окну и постучал:

— Пустите обогреться, пожалуйста...

Сквозь застывшие окна не было видно людей; проплыла какая-то тень, скрипнула дверь в сени, и ребята услышали старческий голос:

— Замолчи ты, Кудряш!.. Пошёл на своё место!.. — и, отодвигая засов, спросил: — Кто там?

— Пустите, пожалуйста, обогреться, — снова зазвенел Колин голосок. — Заблудились мы...

Малыш даже заплакал от радости, а человек стоял в раскрытых дверях и командовал:

— Быстрее скидавайте лыжи... вот сюда их ставьте... Ах ты господи! Ванюшка, да открой ты дверь, а то тут темно...

Дверь распахнулась, и на пороге ребята увидели мальчика.

— Дедушка Силан, ты замёрзнешь в одной рубашке, — сказал он.

— Да бросайте всё тут, никуда не денется... — говорил дедушка, подталкивая ребят. — Заходите, заходите скорее... Не обморозились? Ну и хорошо! — Захлопнув дверь, он сказал: — Вот тебе, Ванюшка, и гости на Новый год. Ты ждал деда Мороза, а пришли морозовы внуки. Раздевайтесь. У нас тепло... — суетился старик, снимая с ребят заиндеветшие шапки, и, отряхивая их, вешал у порога на гвоздики. — Вот оказия! Да как же это вы?..

Ребята молчали, они ещё не могли прийти в себя, всё было как во сне.

У дедушки Силана

Избушка у дедушки Силана довольно просторная. У двери стояла русская печка с плитой, в переднем углу зелёная ёлка до самого потолка, а у третьего окна, которого не видели ребята, прижимался к стене большой стол; деревянная кровать у стены, две скамейки и три некрашенных табуретки составляли всю мебель.

Дедушка Силан хлопотал у плиты и на попытки Коли рассказать всё о своём неудачном походе говорил:

— Подожди, милоч, об этом успеем поговорить. Вот я сейчас готовлю всё, сядем за стол, а потом вы и расскажете...— и повернувшись к Ванюшке, улыбался: — А ты говорил: «Скучно, дедушка, в город бы сходить, Новый год встретить»... Вот оно, веселье, к тебе самое пришло. Эвон сколько товарищей нагрянуло!

Он взглядывал на притихших у плиты ребят и пояснял:

— Жили и мы по-другому, когда у Ванюши были отец с матерью, да проклятые фашисты убили их. Пошли землю родную защищать и не вернулись... Вот и живём теперь горемыки двое: старый да малый. Спасибо правительство помогает, не забывает товарищ Сталин своих верных воинов и их семьи... Надо бы в деревню куда переселяться или в город. Ванюшке-то восьмой годок, учиться пора. Одолели мы с ним букварь, читает он бойко, а вот арифметику только на примерах проходим. Изменя учитель плохой, в школу надо... Всё родителей ждали, с места не трогались да, видно, придётся...

Дедушка Силан был одет в гимнастёрку и стёганные штаны защитного цвета. Большие седые волосы на голове аккуратно расчёсаны на две половины, а широкая белая борода закрывала всю грудь. Видно было, что он с внуком готовился встретить новогодний праздник, как, может быть, раньше встречал в кругу своей небольшой семьи. Ребята, неожиданно явившиеся в одинокую лесную избушку, нисколько не нарушили распорядка жизни; старик обрадовался их приходу не только потому, что Ванюшка может найти хороших товарищей, но и потому, что приютил ребят в морозную новогоднюю ночь.

А Ванюшка сидел рядом с ребятами, и его большие синие глаза горели любопытством. Ему хотелось скорее узнать: кто эти ребята, откуда и как попали к ним. Ради предстоящего праздника дедушка одел на него чистую белую с синей полоской рубашку, новые чёрные штанишки, только с волосами ничего не могли поделать: как вымоет Ваня голову, они и пошли в разные стороны, никаким гребнем не причешешь, никаким маслом не пригладишь. Его светлое круглое лицо с распушившимися белыми волосами чем-то напоминало подсолнечник в полном цвету, весело и радостно встречающий восходящее солнце.

Ребята изрядно проголодались и ждали, когда дедушка пригласит к столу. На плите в большой сковороде жарилась рыба, шумел почерневший зелёный чайник и грелись замёрзшие калачики и булочки, взятые ребятами из дома.

Наконец, дедушка сказал, что всё готово, что можно садиться за стол. Ванюшка подвинул к столу одну скамейку, поставил табуретки, а на стол — круглый берёзовый кружок, под сковороду. Ребята положили отогревшиеся булочки, калачики, пирожки с мясом, сахар, конфеты — всё, что у них было. Запах жареной рыбы был особенно приятен, хотелось скорее взять подрумянившийся кусок и вонзить в него зубы, но дедушка всё ещё не садился. Он спустился в подполье, достал маленьких груздочков и бутылку какой-то вишнёвой жидкости.

— Праздник так праздник,— сказал он, усаживаясь с края,— всё чтобы хорошо, как у людей...

Заметив, что ребята во все глаза смотрят на бутылочку, дедушка Силан сказал:

— Этого вина не опасайтесь, это вино особенное, косачиное... Ох, и любит же косачик это вино! Как только пойдут проталинки по лесу, косач сейчас брусничку искать пустится. Брови себе накрасит, соку брусничного напьётся, брусничкой же закусит и по-о-шёл распевать:

Тур-тур-тур,
да бу-бу-бу,
Не стой близко —
зашибу,
бу-бу-бу...

А потом как зачуфыкает, как распушится — потеха на него смотреть... Вам-то в городе этого видеть не приходится, а мы тут с Ванюшкой часто похаживаем, любимся ихними драками...— Он налил в четыре стаканчика брусничного «косачинового» вина, а себе в чашечку.— Ну, давайте выпьем. Часов-то у нас нет, ну всё равно — с Новым годом вас всех! Желаю вам счастья и ещё желаю, чтобы вы полюбили моего Ванюшку, право, он не плохой паренёк...

Ребята осторожно пригубили, но «вино» оказалось подслащённым, вкусным, и они с удовольствием опрокинули стаканчики.

— Кушайте рыбу,— предложил дедушка.— Рыбы у нас много. Не хватит — завтра же пойдём и наловим, рядом озеро...

За ужином Коля рассказал, как они трое, в каникулы, решили сходить к тёте Маше, в Зелёный Клин.

— Она там учительницей работает в школе...

— Так я знаю её,— сказал дедушка Силан.— У неё муж на фронте погиб. Я и его хорошо знал, жалко человека...

Коля ничего не хотел скрывать от дедушки, но Малыш не утерпел:

— Они лисичку захотели поймать и увязались за ней...

— Вот она вас и завела,— засмеялся дедушка Силан.— Это хитрая кумушка! Разве её такймаешь?!

— А почему, дедушка, у лисы две ноги только? — спросил Малыш, вспомнив следы на снегу.

— Две ноги? — улыбнулся старик. — Таких зверей не бывает...

— Это, дедушка, им потому показалось, что лисичка ставит лапку в лапку... Вот так... — и Ваня показал пальцами, как она идёт.

— Должно быть так легче идти, ноги не проваливаются, а может, ещё какая хитрость, — пояснил дедушка Силан. — Волки тоже так ходят. Пятеро пройдут, а след один...

Коля рассказал обо всём, что они за день видели в лесу, как шли по следу лося и дошли до стожка.

— Тут мы решили заночевать. Дров натаскали, костёр развели... Да волк нас напугал. Как завоет! Страшно стало. Потом слышим, собака залаяла, мы лыжи одели и ходу, да вот к вам и пришли...

— Так это, однако, наш стожок. Небольшая полянка и на ней стожок. Да? — допытывался дедушка. — Лось, говоришь, кормился? Ишь повадился! В лесу-то кроме осинової коры ничего не осталось, вот он к стожку и повадился... Вы-то не шибко стожок нарушили?..

— Нет, — ответил Паша. — Мы только ямку в боку вырыли, хотели ночевать...

Дедушка покачал головой:

— Разве можно в такую ночь в лесу ночевать? Даже при костре трудно. Сон сморит, а уснёшь и больше не проснёшься... Скажите спасибо нашему Кудряшу, что он залаял...

— Мы так обрадовались, что готовы были лететь, — открылся Малыш. — Думали, колхозник из города едет...

После рыбы и грибов долго пили чай. Ребята угостили дедушку и Ваню печеньем и конфетами и уже больше не чувствовали себя чужими. Дедушка рассказывал много такого, о чём они не читали и не слышали. Удивлял их и Ванюша знанием жизни леса.

После ужина Малыш, оглядывая ёлку, сказал:

— Вот если бы на неё навешать игрушек, совсем красиво было бы...

— А она у меня не пустая, — подошёл к нему Ваня. — Вон посмотри под самой вершинкой — кто сидит? А? Это мой щегол — Петька. Такой смельчага! Ничего не боится. Второй год у нас живёт. Выпустим, а он не улетает... А вон у окошка, на веточке — Чеча. У-у... эта робкая! А внизу, поглядите... — пригласил он Колю и Пашу.

У крестовины ёлки сидел большой заяц-беляк, рядом с ним серая кошка. Они дремали, прижавшись друг к другу.

— Ох, у них и дружба! — заспешил Ваня, обрадованный тем, что может гостям представить своих любимцев. — Выйдет Ушкан на улицу погулять, а Машка за ним, так и ходят вместе. Первый раз Кудряш было кинулся к Ушкану, так Машка чуть глаза ему не выцарапала. Больше Кудряш его не трогает. Ушкан ведь несчастенький, ему, видно, охотник перебил обе задние ноги, дедушка нашёл и принёс домой. Два года у нас живёт...

Долго в эту ночь горел огонёк в лесном домике дедушки Силана. Ребята легли на кровати, но уснуть сразу не могли, даже после того, как погасили лампу.

Ванюшка очень хотел услужить новым товарищам и стал просить дедушку рассказать сказку.

— Про ёлочку, дедушка, ребята тоже послушают, может такой они не слышали...

Дедушка Силан побряхтел и сказал:

— Ежели спать не хотите, могу рассказать...

— Я не усну,— заявил Малыш.— Я очень люблю сказки...

Ну, тогда слушайте...

Дедушкина сказка

...Не в каком-нибудь царстве-государстве, а на нашей земле на сибирской, на великой реке Оби, жил в одном селе старик со старухой. Была у них дочка Еля, да что-то не пожилось ей на свете — умерла. Скучно старикам жить одним и завели они собачку для забавы. Очень любили они своего Пиратку и по всякому его ублажали. Ну, а Пиратка, известное дело — собака, тварь бессловесная, только и знает одно: гав... гав... гав...

Как-то под Новый год лежат старики на печи; старуха нет-нет да и вздохнёт.

— Ты что, старая, вздыхаешь? — спрашивает её старик.

— Да как же, говорит, не вздыхать? Если бы у нас с тобой были детки, сходили бы мы в лес, вырубил ёлочку, поставили бы посредине избы, разукрасили, а детки побрались бы за ручки и пошли бы кругом ходить да песенки петь...

И опять вздохнула:

— Тоскливо, старик, без деток-то...

А старик и говорит ей:

— Знаешь, старая, что мы сделаем?

— Что?

— Пойдём сейчас с тобой в лес, срубим ёлочку, поставим её посредине избы, разукрасим и будем втроём ходить вокруг да песни петь...

— С кем это втроём?

— А Пиратка... Ему это в диковинку будет...

— Ну уж нашёл песенника! — смеётся старуха. — От его песни скоро лихо станет...

А потом подумала и согласилась:

— Пойдём, однако, день ныне короткий стал, пока сходим и ночь накроет...

Ну, не мешкая, собрались они; старик за пояс топор заткнул и только шагнул к двери, а Пиратка тут как тут: на задних лапах крутится, просит, чтоб и его взяли с собой.

— Нет, нет, Пиратка, тебе дома сидеть,— говорит старик,— добро караулить...

Сел Пиратка у порога, одно ухо поднял, а другое опустил, вроде как бы закручинился: такая, дескать, моя собачья доля — караулить добро, даже погулять не хотят взять...

Ну, перешли старики через великую реку Обь, что земли сибирские разрезает от самого Алтая до холодных морей северных, к лесу подходить стали, видят: у самого края, на опушке, стоит маленькая нарядная ёлочка.

— Далеко, старая, нам и ходить не надо,— гляди, какая красавица растёт...

Старуха осмотрела ёлочку и согласилась:

— Лучше её нам не сыскать, давай руби. В лесу-то снегу много, нам туда, пожалуй, и не пройти.

Отоптал старик снег вокруг ёлочки, чтобы у самого корня срубить, и только замахнулся топором, а ёлочка как вздрогнет всем своим маленьким телом, будто спросонок, да как заговорит человеческим голосом:

— Ой, дедушка, милый дедушка, не губи ты меня, сиротинку. Стою я на самом краю леса, ветры меня крутят, пурга забирает. Пожалей меня. Весной-то солнышко чуть поднимется над рекой, всегда мне первой улыбается, жалеет меня, золотыми руками ласкает... А срубите — солнышку скучно будет, не увидит оно свою ёлочку и в тучи скроется...

Опешил старик и говорит:

— Жалко... Она, как ребёнок...

Поглядела старуха, и в самом деле, ёлочка на ребёнка похожа: кудрявенькая такая, стоит смирёхонько, будто ласки материнской просит.

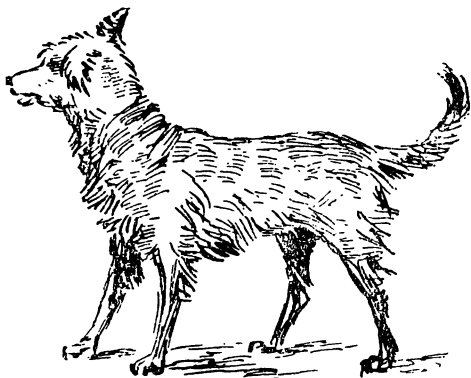
— Не руби ты её старик, пойдём другую сыщем...

Идут они дальше и видят: сосёнка молодая стоит.

— Давай,— говорит старик,— сосенку вместо ёлочки срубим. Вон она какая прямая да разлапистая.

Только он это проговорил и хотел уже топор из-за пояса вынуть, как из-под сосенки выскочил зайчишка беленький, сел против стариков и говорит:

— Милые дедушка и бабушка. Не рубите вы мою сосенку. Под ней ненастной осенью я спасаюсь от дождя и холодного ветра, под ней сейчас я устроил свой домик с двумя выходами. Теперь ни злому волку, ни хитрой лисице меня не поймать: они станут караулить меня у одного

входа, а я в другой выскочу и убегу... А в домике у меня тепло да хорошо, никакие злые морозы мне теперь не страшны...

Жалко стало старухе зайчишку:

— Не будем, старик, нарушать его домик, пусть живёт зайчишка. Лес-то не клином сошёлся, найдём себе ёлочку...

Ну, дальше пошли. Видят, молодой кедрчик стоит, лапами пушистыми помахивает.

— Что ж,— говорит старик,— и кедрчик нам пригодится. Вон он какой красавчик!..

И только было за топор взялся, а белочка-пушиночка скок-поскок, с сучка на сучок, с ветки на ветку, на вершинку уселась и начала просить:

— Милые дедушка и бабушка! Не губите вы молодой кедрчик, он вырастет, шишечки на нём созреют, я орешков наберу и вам принесу...

...Дедушка Силан откашлялся и спросил:

— Не уснули ещё?

— Нет, дедушка,— хором ответили ребята.— Мы сидим и слушаем...

— Ну, если сидите, так засвети, Ванюшка, лампу, я при огне доскажу.

Ванюшка вскочил, засветил лампу, и тогда дедушка увидел, что все гости сидят на кровати и смотрят в его сторону.

— Поглянулась моя сказка? — спросил он, спуская ноги с лежанки.

— Поглянулась, дедушка,— сказал Малыш.— Я никогда такой сказки не читал.

— И не прочитаешь, потому что она никем ещё не написана... Ну, слушайте дальше...

...Долго ходили старики по лесу и всё никак не могли срубить себе ёлочку, и может быть, ночь застала бы их там, если бы не натакались на Михаила Ивановича — медведушку.

Шли они, шли, видят, лежит буреломина, а вокруг неё густой-густой ельничек.

— Тесно им будет, когда вырастут,— говорит старик,— одну срубим — остальным вольготнее будет расти...

Достал он топор и только стал отаптывать снег, как из-под буреломины голос — громкий такой, сердитый:

— Кто, говорит, там ходит, сон мой тревожит?! Вот как встану сейчас да возьму...

Старик со старухой не слышали больше, что сказал медведушко — откуда и прыть в ногах взялась! Не заметили, как через Обь-реку перемахнули, как до избы добежали. Пиратка навстречу им кинулся, лает, прыгает от радости...

— Подожди, Пиратка, не до тебя...

Упали они дома на голбец,¹ еле отдышались.

— Ну была бы нам с тобой баня,— говорит старик,— попарил бы нас ёлочкой Михайло Иванович, ежели бы растревожили...

Старуха смолчала. Горько ей, что не пришлось под Новый год ёлочку зажечь.

Ночь пришла. Легли они спать на печи. Старик намаялся, сразу уснул, а старуха понять не может: будто она и спит и будто всё ясно видит, как днём: стоит посреди избы ёлочка, снежком опушённая, звёздочками украшенная, а вокруг неё Пиратка на задних лапах крутится. пляшет.

— Гляди-ка ты, ёлочка сама к нам в гости пришла...

Обрадовалась старуха, с печи слезла и давай ёлочку наряжать — ленточки разноцветные навешивать, картинки, игрушки, даже свои девичьи бусы прицепила. Совсем ёлочка нарядная стала.

— Надо старика разбудить,— думает старуха. — Пусть полюбуется на ёлочку.

Только повернулась она, глядь-поглядь, а перед ней не ёлочка стоит, а маленькая девочка: личико у неё беленькое, светлое, голова в льняных кудряшках, платице зелёное шёлковое, глазки голубенькие, искорками горят, а вокруг тоненькой шейки бусы огоньками переливаются.

— Вот чудо-то!..— шепчет старуха от удивления.

— Я — не чудо,— говорит девочка,— я ваша дочь Еля...

Обрадовалась старуха, кинулась, хотела обнять, к сердцу прижать доченьку свою родимую, а Пиратка: — гав!.. гав!.. гав!.. — и разбудил

¹ Возвышение перед печью, часто здесь же ход в подполье.

старуху. Глянула она на то место, где только что стояла её дочь Еля, а там Пиратка сидит: одно ухо кверху поднял, другое опустил и лапой морду трёт, будто умывается.

— У-у, оглашенный! — обругала его старуха. — Сна на тебя нету, разбудил...

Но уснуть уже больше не могла. Закроет глаза и видит: то ёлочка нарядная стоит, то Еля по избе крутится, игрушками позванивает и тонким детским голоском песенку поёт...

Когда пришла весна, сел старик в лодку и в лес поплыл. Выкопал там маленькую ёлочку, посадил под окном и говорит:

— Расти теперь, красуйся, чтобы нам старикам зимой за тобой в лес не ходить...

Узнали деревенские ребята про дедушкину ёлочку. Собрались, обсудили да на лодках через реку в лес поплыли. Много разных деревьев накопили: кто сосенку, кто берёзку, кто ёлочку, кто черёмуху, кто серебристую тополинку, — на островах тополей много-много росло.

И зазеленело село на великой реке Оби — лю-бо-дорого!..

А по всей-то степи заобской — ни одного деревца, и гуляют по ней злые ветры-суховеи, сушат землю матушку, губят посевы колхозные.

И вот случилось так: шёл по тем местам товарищ Сталин, смотрел, как люди живут. Дивно ему показалось: все степные деревни как голые стоят, а одна — вся в зелени. Видит, ребята в поле копаются, подходит и спрашивает:

— Что это вы делаете?

Ну, ребята его сразу узнали...

— Я бы тоже узнал товарища Сталина, — перебил дедушкин сказ Ванюшка.

— А как бы ты его узнал? — спрашивает Коля. — Ты же его никогда не видел...

— А на портретах. Вон у нас какой! — показал он на стену.

— Так на вашем портрете товарищ Сталин в мундире, с погонами и орденами. А если бы он был в простой солдатской шинели?

— Летом-то — улыбнулся Ванюшка. — Что ему за нужда летом в шинели ходить! Ночевать-то его всякий человек пустит...

— А почему — летом?

— Да деревья-то зелёные были! Значит лето. А летом товарищ Сталин в пиджаке ходит...

— Не в пиджаке, а в тужурке, — поправил Малыш.

— В какой это тужурке? — воззрился на него Ванюшка.

— А в такой, — пояснил Малыш. — На груди два кармана, и по бокам — тоже два кармана...

— Это белый, что ли?

— Белый — китель называется. В кителе товарищ Сталин снялся на Черноморском крейсере. Стоит на палубе и трубочку набивает.

Ваня с завистью смотрел на Малыша.

— Я такого портрета не видал, — сказал он.

— Много ты, Ванюшка, не видал ещё, — вздохнув, сказал дедушка Силан. — Были бы живы родители, по-другому бы твоя жизнь сложилась... Ну так слушайте дальше...

Спрашивает ребят товарищ Сталин:

— Что это вы тут делаете?

Ну, ребята окружили его и говорят:

— Это у нас, Иосиф Виссарионович, школьный участок. Сеем мы здесь пшеницу, овёс, просо, гречиху, горох, садим картофель, лук, огурцы. Земля у нас хорошая, только влаги не хватает — ветры сушат. Вот мы и решили лесонасаждение устроить на нашем участке, чтоб снегу больше задерживалось и ветры не так сушили землю. А потом ещё сад здесь разведём...

— Хорошо это, — сказал товарищ Сталин. — Вы — настоящие пионеры. Нужно по всей степи устроить лесонасаждение, тогда не страшны будут колхозникам ветры-суховей. Любить надо лес. Не губить его, а разводить. Лес большую пользу приносит человеку...

Попрощался и дальше пошёл.

— А куда же он пошёл? — спросил Паша, слушавший дедушкину сказку с большим вниманием.

— К другим людям пошёл, — ответил дедушка Силан. — Для него все — как одна родная семья. Где кого похвалит за добрые дела, ну а где кого и пожурит за ошибки. Ему хватает дела... Теперь по той голой степи везде зеленеют лесные полосы и колхозники стали много-много хлеба собирать, на всех людей хватает...

Ребята долго молчали, каждый обдумывая по-своему дедушкину сказку, потом Малыш спросил:

— Значит ёлку зимой рубить нельзя? Вот мы наряжаем её, поставим в комнате и выбрасываем. Только зря губим...

— Про новогоднюю ёлку товарищ Сталин ничего не сказал, — ответил дедушка. — Ему тоже любо смотреть на ребят, когда они веселятся вокруг ёлки... А вот зря губить никогда не надо. Других ребят учите любить и сохранять лес... Ну, пора спать, ребятки, — сказал дедушка. — Завтра вас быстрёхонько проводит Ваня в Зелёный Клин, если пойдёте...

Погас огонёк в лесной избушке, затих дедушка на лежанке, затихли и ребята, прижавшись друг к другу, как родные братья.

Ночь покрыла землю тишиной; высоко в небе серебряной лодочкой плывёт луна, а по лесу ходит дедушка Мороз, звёздочки, как фонарики вешает на каждое дерево, хрусталиками звонкими убирает, сказку зимнего леса рассказывает...

Прощай, лесной домик!

Два дня «дружная тройка» прожила у дедушки Силана. Ребята по-дружились с Ваней, записали много диковинок, которые узнали от дедушки. Им будет о чём рассказать на пионерском сборе.

На третий день утром дедушка накормил их свежей ухой из окуней и, когда солнце поднялось над лесом, сказал:

— Ну, Ванюшка, проводи своих товарищей до Зелёного Клина. Ты тут дорогу знаешь...

Ребята встали на лыжи и, помахав шапками дедушке Силану, дружно прокричали:

— До свиданья, дедушка! До свиданья, лесной домик!..

С ребятами увязался Кудряш. Они быстро докатили до села.

Тётя Маша и её дети очень обрадовались гостям. За чаем Коля рассказал обо всём, что случилось с ними, и попросил у тёти книжек для Вани.

— Он читать умеет, ему бы за второй класс подобрать все учебники... А на будущий год мы его в городе устроим в школу...

Нашлись и книжки, и тетради, и карандаши...

После чая ребята увязали книжки с тетрадками и вышли проводить своего нового друга.

Ване грустно было расставаться с товарищами, он так их полюбил!.. Ребята обещали ему навеститься летом:

— Обязательно придём!..

Ваня простился, налёг на лыжи и вскоре скрылся в серебристой снежной пыли...

Арх. ЛОКЕРМАН

Ночью на реке так стреляло и ухало, что в домах позванивали стёкла. Лёня несколько раз вскакивал на кровати и бормотал:

— Началось, пап, а? — и тотчас же снова валился на постель, не в силах раскрыть глаза, проснуться и разглядеть отца. Он боялся проспать, пропустить самое интересное — начало ледохода.

Раньше с отцом они жили в степной местности, и Лёня никогда не видел, как вскрываются реки, а главное — кружок юных натуралистов поручил ему описать ледоход во всех подробностях. Поэтому он очень тревожился.

Чуть свет Лёня с дружкой Васей сбегал на берег, где было всё по-прежнему. Ходил дежурный с красной повязкой. Желтоватый, исполованный санями лёд лежал прочно, как будто ему никакого не было дела до весны. В полынье лениво охорашивались утки.

Зато на излучине, выше посёлка всё неузнаваемо изменилось. Там образовался громадный затор.

Выросшая за ночь ледяная крепость так сверкала на солнце, что на неё было больно смотреть.

Лёня шурился, Вася надвинул шапку на глаза.

— Нет, сегодня ещё не сдвинется, силы такой не хватит, — попыхивая коротенькой трубочкой, говорил дед Копёнкин, знаменитый по всей реке лощман, сажённого роста, седой и благообразный, вглядываясь в затор. — А почему? Потому, что весна ныне недружная. С юга она движется, река-то. Там лёд пошёл, а у нас подморозило, придержало. Вот и

пробка! Придётся теперь, как в сорок третьем году, сапёров призывать, взрывать пробку динамитом.

Дед повернулся к стоявшим у берега горожанам.

— Стало быть пешнями пробили лунки, заложили в них заряды. Бахнуло, судари вы мои, так бахнуло! Затора как не бывало.

— Громче, чем сегодня ночью? — спросил Лёня.

— Куда! — снисходительно усмехнулся дед, — далеко до того! Тогда всю рыбу оглушило и всплыла она кверху брюхом. А ныне что? Разве зайчишек на островах пугануло!

Дед распрямился и посмотрел на низкие, слегка заснеженные острова посередине реки. Он отёр заслезившиеся глаза и задумчиво усмехнулся.

— Ведь вот они эти зайчишки, косоглазые: от земли два вершка, а соображают! Как начнёт лёд трещать, они со всех ног на тот остров бегают. Так его и прозвали — Зайкин остров. А почему бегают? Потому что все остальные острова затопляет. Бывает, что и Зайкин остров зальёт, но это в редкий год, когда большое наводнение. Сейчас там этих косоглазых — сила, — дед широко развёл руками, — целая дивизия!

— Дедушка, а почему они на берег не бегут? — спросил Лёня.

— Стало быть умны, коли не бегут! — невнятно пробормотал старик, распыхивая трубку. — Тут у них врагов много.

Лёня посмотрел на Васю:

— Айда за зайцами!

Лёня и Вася лучшие друзья. Они сидят на одной парте, но они совсем не похожи друг на друга.

Лёня высокий, тонкий, черноглазый. Он всегда чем-нибудь увлечён и говорит быстро, быстро.

Вася рос в ширину, пожалуй, больше, чем в высоту. Ресницы у него белые, глаза голубые, он нетороплив и очень рассудителен. Из всех ребят в классе Лёня и Вася меньше всего по характеру походили друг на друга, но, может быть, именно поэтому они так сдружились. Они как бы дополняли друг друга.

— Айда? — повторил Лёня.

— А в школу? — возразил Вася.

— Успеем! — уверенно сказал Лёня и зачастил: — Набьём штук двадцать, а то и тридцать или пятьдесят зайцев! Представляешь!

— А из чего? — поразмыслив, спросил Вася.

— Из отцовского ружья и моего самострела! — не колеблясь, ответил Лёня.

— А как отец?

Вопрос касался довольно неприятной темы, Лёня сморщился и отмахнулся:

— Ничего! Увидит пятьдесят зайцев и засмеётся!

Вася задумался.

— А если лёд пойдёт?

— Фу ты! — рассердился Лёня. — Ты же слышал, что дед сказал — ещё сапёров вызывать будут. А дед знает, он лучший лощман, его портрет даже в газете был.

Больше возражать было нечего. А главное, что завтра у Лёни день рождения и зайцы будут очень кстати.

Он вздохнул, подумал и решительно сказал:

— Айда!

Ружья ребятам, однако, взять не пришлось. Лёнин отец не забывал запирать патроны с тех пор, как Лёня стал считать себя охотником.

— Ну и что! — махнул рукой Лёня. — Мой самострел бьёт не хуже ружья, а зайцев там целая дивизия... По очереди, честное пионерское! — ответил Лёня.

Как опытные охотники, ребята взяли с собой хлеба, соли, спичек и острый нож.

— В крайнем случае сходим два раза, — рассуждал Вася. — Переважем зайцев верёвками, перебросим через плечи, на спину... сколько ни так внесёшь...

Но получилось всё совсем не так.

*
**

Подойдя к реке, возле базара, ребята натолкнулись на Дарью Степановну — Васину бабушку. Хуже встречи быть не могло. Она сразу же схватила внука за рукав и начала:

— Куда? А уроки?

И, взяв Васю на буксир, повела домой. Он плёлся, оглядываясь на Лёню, и жалобно моргал своими белыми ресницами. А Лёня шагал следом, надеясь на какое-то чудесное избавление от бабушки.

Потом он долго топтался под Васиными окнами. Зная характер бабушки, он понимал, что другу не ускользнуть, и всё-таки ждал. Вот раздёрнулась занавеска, и Вася с необычной для него торопливостью показал жёсткими: дверь заперта на два оборота, ключ у бабушки.

Ждать больше было нечего. Как же быть?

Лёня решил без зайцев домой не возвращаться и зашагал снова к реке, не замечая, какой чудесный, яркоголубой, выдался день. Он думал о том, что, вернувшись с охоты, обязательно подарит Дарье Степановне двух зайцев: пусть ей станет стыдно за то, что она мучила Васю.

— Обязательно подарю! — бормотал Лёня и обиженно вздыхал.

Ожил он только на реке, когда, улучив момент, ловко съехал на ногах с кручи и побежал через реку по льду. Дежурный с красной повязкой махал рукой и гулко, как в рупор, кричал:

— Куда? Вернись! Вернись!

Тревожно свистел милиционер, но Лёня продолжал бежать всё быстрее и быстрее, оглядываясь и смеясь.

Его охватила радость весеннего, солнечного дня, лёгкого бега, про-

стора, свободы. Он раздумячился, глаза блестели и всё казалось смешным — даже то, что он два раза растянулся во весь рост на снегу.

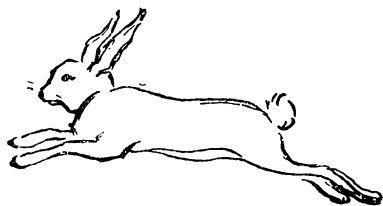
Зайкин остров порос тальником, и посредине его тянулась голая грядда. Выбежав на берег по крепкому, ещё снежному насту, Лёня настороженно огляделся и зарядил самострел стрелой с острым, железным наконечником. На гряде уже подсохла земля и щетинились прошлогодние травы, а среди кустов ещё лежал снег.

Весна выдалась поздняя. На коричневатых, гибких ветках тальника заметно бугрились почки, а за грядой, куда не достигало солнце, тальник был в инее, как в белых цветах, и снег казался чуть синеватым. Лёне некогда было любоваться красотой: снег прострочен путаным узором заячьих следов — впереди две лапки рядом, сзади одна за другой! Следы старые и совсем свежие, кое-где даже можно было разглядеть отпечатки коготков.

А возле гряды, рассекая петли, прямой тропинкой пролегли глубо-

кие отпечатки крупных лап, похожих на собачьи. Лёня тревожно огляделся, но решил: волк прошёл давно, наверно на рассвете, потому что следы слегка обтаяли. Трудно было распутать эти петли, понять, где им конец, где притаился ко-
соглазый.

Лёня свистел, покрикивал, даже лаял, чтобы спугнуть зверьков. Зайцы ни гу-гу. Он обошёл больше половины острова, поднялся на грядду. Следов везде много, одна петля пересекалась другой, а зайцев всё же не было.

— Наверно, дед Копёнкин что-нибудь спутал, — подумал Лёня, и в этот самый момент из-под ближнего куста, как птица, взвился заяц. От неожиданности, Лёня даже подпрыгнул, а заяц сделал огромный прыжок и помчался стрелой к кустарникам. Это был крупный, серый зверок. Одно длинное ухо он заложил назад, а другое держал торчком, прислушивался. Лёнина стрела пропела чуть выше, чем следовало, и серый исчез в кустах.

После Лёня с трудом мог вспомнить, всё, что было в этот день, сколько прошло времени на острове — такой им овладел азарт.

Он бежал, не замечая, как хлещут по его лицу гибкие ветви.

Он снова спугнул косоглазого и даже застонал, когда понял, что промахнулся. Заяц, ушёл, не торопясь, большими, но редкими прыжками, а следом за ним промчался другой, с чёрным пятном на спине, и ещё один — поменьше. Этот отбежал немного, остановился, поднялся на дыбки и стал водить взад-вперёд длинными ушами, поглядывая на Лёню. И снова Лёня бежал, стрелял, мазал, разрывал снег, отыскивая стрелы, снова спугивал и стрелял. Несколько раз до него доносились глухие раскаты, похожие на выстрелы. Лёня подумал даже, что это, наверно, кто-то охотится на одном из островов, но ему было не до этого.

При каждом промахе он готов был побить себя. Было так обидно, что он, который без промаха бьёт в мишень с двадцати метров, мажет с десяти, как последний «мазило», не может приноровиться к прыгающей заячьей походке.

Ему казалось, что зайцы смеются над ним и нарочно не убегают, а кружатся возле него, будто им нравится эта игра и они уверены, что не проиграют. Один раз заяц, тот, что поменьше, перекувыркнулся через голову, Лёня вскрикнул. Он был уверен, что попал в зайца, но заяц убежал, а Лёня потерял четвёртую, свою последнюю стрелу.

Что он скажет Васе, как вернётся с пустыми руками? Он хмыкал носом и что-то бормотал.

Где-то далеко грохнуло так сильно, что Лёня насторожился уж не прозевал ли он приезд сапёров, но тут нашлась стрела и снова азарт заслонил всё. Ещё два раза он промазал, а потом, заметив зайца приложился с колена и сразу почувствовал, что попал!

Его охватила огромная радость.

Заяц лежал неподвижно, будто прибитый стрелой к обрызганной кровью земле. Только передние лапки его ещё чуть вздрагивали. Лёню поразила страдальческий оскал усатого заячьего рта. Чёрный глаз не закрылся и смотрел прямо на Лёню.

И на снегу атели кровинки. Было так тихо. Лёня глядел и радость его как-то померкла, перемешалась с жалостью. Торопливо он сунул в мешок ещё тёплое тело и зачем-то затоптал кровавый след.

И тут только Лёня заметил, как низко солнце, как он устал и как он далеко от берега реки.

— Побегу прямо в школу,— решил он и улыбнулся, представив себе, как сбегутся ребята, как будут смотреть и слушать его.

— Как бы не опоздать! — Лёня вскинул мешок на спину и зашагал, пробираясь сквозь кустарник. Так он шёл добрых пятнадцать минут, но вот последний небольшой подъём и за ним река. Лёня поднялся на оттаявшую песочную полосу и остановился в ужасе. Даже колени у него задрожали, а глаза стали круглыми.

— Мама! — всхлипнул он и побежал вдоль берега. Он подумал, что с другой стороны острова, может быть, ещё «не началось».

Но где там! По всей реке бушевал ледоход.

Бурлила зелёная вода. Лыдины бились о берега Зайкина острова, поднимаясь под самый верх берегового уступа, а других островов вообще не было видно. Лёд шёл сплошной массой.

У Лёни поплыло в глазах. Ему стало казаться, что и он, и остров, и небо, всё куда-то стремительно плывёт.

Лёня закрыл глаза и сел на землю, и опять вскочил, подбежал к самой воде. Хотелось прыгнуть на лыдину и бежать через реку, перескакивать с одной лыдины на другую. Но так легко было только подумать! Лыдины грохотились одна на другую, трескались, рассыпались, река играла ими, гнала их вперёд, кружила на месте. Возле острова образовался водоворот. Он вертел и дробил лыдины, как стёклышки. Голая, обнажённая сосна вынырнула неожиданно из его середины. На мгновение встала «на попа», корневищем в небо и снова исчезла в водовороте. Страшная сила, какой Лёня не представлял, бушевала и крушила всё на своём пути. Казалось, она сокрушит и остров.

— Мне же в школу надо! — будто убеждая кого-то, пробормотал мальчик, и вдруг ему стало страшно. Как обезумевшее белое стадо, бежали лыдины, неся на себе обломки моста, какие-то бочки, вырванные с корнем деревья, стог сена. Как раз против Лёни стог остановился и завертелся, как карусель. И снова всё поплыло в глазах. Лёня не знал, что делать, что думать.

За его спиной тонул среди льдин багровый солнечный диск, и на высоком городском берегу всё стало красноватым. Заблестели стёкла. Даже крышу своей школы Лёня разглядел. Он ясно представил себе, как сидят ребята за партами. Татьяна Ивановна объясняет урок. А Вася косится на дверь и думает: где Лёня?

— Как хорошо, что его не пустила бабушка! Всё-таки взрослые бывают иногда правы! — вздохнул Лёня и готов был поклясться, что всегда будет послушным, если только выберется отсюда.

Красноватые лучи быстро померкли, городской берег отодвинулся,

помутнел. Плыли и плыли потемневшие, синеватые, вспухшие льдины. Лёня сидел неподвижно, вобрав голову в плечи, растерянный, оцепеневший.

Вдруг он вздрогнул. Впереди на льдине было что-то живое. Прошла минута, вторая, прежде чем он разглядел: это была лошадь. Льдину несло на остров. Лошадь тревожно поводила головой, бока её дымались. Съехавший на бок хомут, да обломок оглобли поясняли то, что

произошло. Лёня забыл о себе, о своём безвыходном положении. Он зашвырнул призывно, размахивая руками. Лошадь заметила его, заржала протяжно, жалобно и побежала по льдине к нему навстречу. Но на пути льдины водоворот. Льдина треснула, накренилась, лошадь сорвалась в воду и поплыла, разбрасывая мордой ледяное сало, прижав плотно уши. Она была уже на полпути, когда маленькая, вёрткая льдина рванулась ей наперерез, придавила её, как срезала. Лёня бежал вдоль берега до самого конца острова, но лошадь не вынырнула. Он всхлипнул. Ему стало жалко эту лошадь и самого себя. Он чувствовал, что никто не знает, где он и что с ним. Отец думает, что он в школе, а Вася, что он дома, и вспомнят его только ночью, когда остров совсем зальёт.

Лёня был неправ. В городе знали о случившемся. После первого урока Вася убежал из школы и, заикаясь, рассказал обо всём Лёнину отцу. Вместе они отправились в штаб по борьбе с наводнением, откуда разглядели в бинокль, что мальчик на острове Знаменитый лощман, дед Копёнкин, стоял уже у штурвала моторки, ожидая момента, когда откроется свободная полоса на реке. Но лёд шёл так густо, что дед хмурился и трубка его сердито сипела.

На городской набережной толпился народ. Многие уже узнали, что на острове остался мальчик. Одни жалели его, другие ругали.

— Всё оттого, что без матери растёт! — всхлипывая и утирая глаза шалью, говорила Дарья Степановна и продолжала стоять на берегу.

Лёня видел огни города. Они подбадривали его, вселяли надежду на помощь. И всё же Лёня был один.

Вода поднималась всё выше и выше, льдины наплзали одна на другую, стонали, ломали кусты. Лёня почувствовал холодок и страх. Хотелось лечь, закрыться с головой, заплакать и не видеть того, что будет дальше. Он, наверное, бы заплакал, если бы на помощь ему не пришла в голову мысль о борьбе за своё спасение. Он сказал сам себе: — А ты «Повесть о настоящем человеке» читал?

Он представил себе, как его любимый герой полз по снегу, как боролся за свою жизнь.

Конечно ползти тут было некуда. Но настоящий человек никогда не сдаётся! Это главное!

Лёня вскочил и скомандовал сам себе: наломать веток, пока не залило. Развести костёр на бугре, чтобы виден был сигнал. А если бугор затопит, прыгнуть на льдину, но обязательно с левого берега, потому что там течение тише!

За работой стало жарко, забылся и страх. Один раз он даже рассмеялся, когда увидел на бугре зайцев. Они встревоженно носились по берегу, не обращали на него внимания. Их было много. Дед Копёнкин не соврал.

Ночью на самой макушке бугра горел костёр, искры, как птицы, взлетали в синее небо. Лёня смотрел на городские огни — яркие и весёлые и видел, что с берега что-то сигналият фонарём.

Он замахал горящей веткой. В ответ опять замигал фонарь. Лёня улыбнулся и вздохнул. Он чувствовал, что отец стоит там и нервно потирает руки. Фонарь мигал снова и снова.

Еле слышно донеслись удары каланчи. Лёня сосчитал двенадцать. Начался новый день — день его рождения, которого он давно ждал, мечтая о ружье. За несколько дней Лёня пригласил к себе на рождение товарищей, знакомых девочек, наказывая каждому:

— Смотри, не опоздай...

И вот теперь.

Вода подошла под самый бугор — остановилась почти у костра. Наверно, ещё никто из ребят так не встречал дня своего рождения. Как Робинзон Крузо и даже хуже!

От костра веяло теплом. Лёня клевал носом, вздрагивал, вглядывался в темноту и снова начинал сигналить. Но усталость брала своё, и не заметно он заснул так крепко, будто был дома. Даже приснился сон...

И вдруг Лёня вскочил, оглушённый и перепуганный. Над самой его головой с грохотом и ветром промелькнул самолёт.

Светало. Плыли льдины. Незатопленной осталась лишь узкая поло-

са, похожая на дорожку. По ней бегали зайцы. Прежде чем Лёня успел разглядеть всё это и вспомнить, где он, самолёт развернулся и пошёл на посадку. Зайцы заметались, как сумасшедшие. Лёня тоже отпрыгнул к самой воде и пригнулся. Самолёт не добежал до него шагов двадцати. Лётчик ловко спрыгнул на землю, поднял на лоб защитные очки и махнул мальчику рукой.

Тут только до Лёни вполне дошло, что самолёт прилетел за ним. Он и обрадовался и испугался: «Теперь мне попадёт за самолёт». Но тут же придумал «оборонительную» фразу: — «Во-первых, я не просил Вас прилетать!»

Защищаться, однако, не пришлось. Лётчик щёлкнул его по шапке кожаной ладонью, усмехнулся и спросил:

— Ну как, наловил зайцев?

Лёня повеселел, а когда лётчик стал его подсаживать в машину, он показал на зайцев, сбившихся в кучу между самолётом и водой.

— Ладно,— засмеялся лётчик,— друзей нельзя бросать в беде. Быстро только, а то бензина мало!

Зайцы не разбежались.

Через несколько минут самолёт был уже на аэродроме...

С аэродрома они ехали на «Эмке». Лёня спешил рассказать отцу обо всём сразу и узнать, откуда самолёт, кто сигналил? Он говорил быстро-быстро, сразу обо всём, но отец не отвечал, прижимая к себе сына, и глаза у него в этот момент были ласково-влажные.

А дома Лёню ожидали Вася, Дарья Степановна, друг отца Борис Львович, соседи, соседки, ребята из школы и со двора. Его поздравляли с днём рождения, и Лёня отвечал всем:

— Ждём вас в двенадцать часов дня...

Было воскресенье...

В новом костюме и шёлковой, фисташкового цвета рубашке Лёня сидел в столовой. Даже волосы его, зачёсанные на пробор, аккуратно лежали.

Трудно было и представить, что это он недавно погибал среди льдин.

Вскоре стали приходить ребята. Почти всех Лёня уже видел сегодня утром, но теперь это были гости, и он снова с каждым здоровался за руку, а беря подарок, благодарил:

— Спасибо!

С каждым новым гостем все гурьбой шли в чулан — смотреть зайцев. Им натаскали всякого угощения.

— Какие маленькие! — восторгались девочки.

Всем хотелось погладить, приласкать зверьков, но зайцы волновались и даже от Лёни шарахались, как от чужого...

Когда кончились игры, стихи и песни, когда никто уже не хотел ни конфет, ни орехов, все ребята пошли погулять, посмотреть на ледоход.

Солнце тонуло за рекой, и на городском берегу блестели стёкла. Ребята снова расспрашивали Лёню про всё. Ещё бы!

Ведь только он летал на самом настоящем самолёте.

И вообще каждому хотелось пережить, конечно с благополучным исходом, такое приключение.

На набережной было много народу. С высоты стремительно бегущее ледяное стадо выглядело красиво и совсем не страшно. Но сердце у Лёни сжалось, когда он увидел, что там, где был Заячий остров, не осталось сейчас ничего: всё залито водой, идут огромные льдины.

...А вечером, когда в доме были взрослые гости, приехал на машине... лётчик.

Лёня повис у него на шее и не отходил от него весь вечер.

— Первый тост за именинника, — улыбаясь, сказал лётчик, когда все сели за стол: — Пусть растёт большой и сильный!

— За вас! За человека, спасшего жизнь нашему имениннику, — поднялся отец.

Лётчик, поглядев в синеватую глубь окна, поднял бокал и сказал:

— Тогда уж не за меня, а за тех, кто сделал всё, чтобы даже над самой глухой сибирской рекой в любую минуту мог взлететь самолёт!

За тех, кто создал страну, в которой все силы мгновенно приходят в действие, чтобы помочь человеку! Ведь если в это вдуматься...— он не договорил, глядя куда-то вдаль.

— Да! — тихо ответил отец.— За всех тех, кто осуществил это великое дело!

Глаза его блеснули и, поднявшись во весь рост, он сказал:

— За того, чей гений ведёт нас вперёд, кто приблизил будущее, сделал былью то, о чём мечтали многие поколения!

Широко раскрыв глаза, смотрел на портрет вождя Лёня. И ему казалось, что Иосиф Виссарионович тоже смотрит на него и чуть улыбается.

Потом, когда выпили и за лётчика и за именинника, Лёня, набравшись смелости, спросил лётчика:

— Вы всегда здесь живёте, в городе?

— Нет... Я должен был лететь вчера в тайгу, везти туда приборы для поисков железной руды, но....

— Почему же не полетели?

— Потому что один недисциплинированный пионер, несмотря на запрещения, убежал на Заячий остров и мог погибнуть там.

— И вы только поэтому не улетели в тайгу, не увезли аппараты?

— Только поэтому; в нашем государстве жизнь человека очень важна, и мы делаем всё, чтобы сохранить её...

— Значит я...

— Что ты? — улыбнулся лётчик.

— Своим поступком сорвал большое государственное задание?

— Да... Своим поступком ты совершил преступление перед всей страной...

Лёня опустил глаза. Лётчик положил руку ему на плечо:

— Надо думать, друг, о каждом своём поступке, стараться не делать того, что может принести вред государству.

...В темноте Лёня долго лежал с открытыми глазами.

Чуть слышно донеслись удары с каланчи. Лёня сосчитал двенадцать. Кончился день его рождения.

История

про

ДВОЙКУ

Михаил МИХЕЕВ

Учится мальчик
Воробушкин Коля
В классе четвёртом
В пятнадцатой школе.
Слышен из школы
Весёлый звонок,
В школе закончен
Последний урок...
Сунув подмышку
Тетради и книжку,
Коля по лестнице
Мчится вприпрыжку.
Шапку, пальто
Натянул на ходу.
В школьном саду
Поиграл в чехарду
И по сугробам
Дорогой прямой
Коля из школы
Приходит домой.
Дома покушал,
Чаю напился,
С Бобкой побегал,
Потом спохватился:
— Кажется,
Задали что-то решать.

Вынул из сумки
Задачник, тетрадь.
Смотрит условие
В задачнике
Коля:
«Трактором пашут
Колхозники поле,
Чтобы работу им
Выполнить в срок...»
Ну, и так далее...
— Трудный урок.

Замер, затих,
Притаился весь дом;
Мама на цыпочках
Ходит кругом,
Мама вздохнуть
Не решается:
— Колечка наш
Занимается!
Бобка затеял
С котом разговор,
Выгнали Бобку
С позором во двор,
Кот под диван
Забирается:

— Колечка наш
Занимается!
«Трактором пашут
Колхозники поле...»
Смотрит в задачник
Воробушкин Коля,
Смотрит Воробушкин Коля
В тетрадь,—
Трудное дело
Задачи решать.
Коля в чернильницу
Тычет пером
И начинает
Вдыхать за столом:

— Вот так задача,
Просто хоть плачь.
Сроду не видел
Труднее задач,—
Действий наверное
Шесть или пять,—
Будешь до ночи
Над нею торчать...
Коля с минуту
Подумал, зевнул,
Лоб почесал,
На окошко взглянул.
Там за окном
На площадке двора

Гору из снега
Сложили вчера.
— Вот бы на санках
С горы покататься!
Сколько же можно
Сидеть заниматься!
Лучше сейчас я
условье спишу,
Вечером сяду
И сразу решу!

«Трактором пашут
Колхозники поле...»
С горки на санках
Катается Коля...
Вечером снова
Задачу решал,
Действие сделал,
А дальше — застрял,
Снова всё бросил,
Отправился спать,
Утром опять
Принимался решать...
Словом, задачу решить
Он не смог...
Так неокончен
Остался урок.

В школе учитель
У Коли спросил:
— Воробушкин Коля,
Задачу решил?
Коля стоял
И глазами моргал;
На пол глядел
И краснел.
И молчал.
Ставится Коле
Отметка в тетрадь —
Очень плохая —
Стыдно назвать.

Коля печальный
Из школы пришёл.
Грустно садится
Обедать за стол.
Мама с испугом
На Колю глядит:
— Что невесёлый,
Головка болит?
Папа тотчас
Уточняет вопрос:
— Может быть двойку
Из школы принёс?
Коля сидел
И в тарелку глядел,
Ложку вертел
И молчал. И краснел..
Папа расстроен,
Расстроена мама,
Слёзы у Коли —
Тяжёлая драма.

«Трактором пашут
Колхозники поле...»
Снова сидит
Над задачей Коля,
Смотрит в тетрадку
Скучающим взглядом.
Папа заходит,
Садится с ним рядом.
— Ну, Расскажи мне,
Сынок, по порядку,

Как эта двойка
 Попала в тетрадку?
 Коля тетрадь подвигает
 Вздыхая:
 — Вот, посмотри-ка
 Задача какая.
 Сколько сидел я над ней,
 Занимался
 И не решил.
 Десять раз принимался!
 Кажется я
 Арифметику знаю,
 Правила помню,
 Делю, умножаю...
 Может быть, где-то
 В условии ошибка?..
 — Может быть,—

Папа ответил с улыбкой,—
 Зря, видно, двойку
 В тетрадку поставили.
 Есть в арифметике
 Главное правило:
 «Хочешь в решенье
 Добиться удачи,
 Не оставляй,
 Не закончив, задачи»

«Трактором пахут
 Колхозники поле...»
 Снова сидит
 Над задачей Коля.
 Смотрит скучающим взглядом
 В тетрадь
 И за столом
 Начинает дремать.
 Кажется Коле
 Сквозь сонные грёзы:
 Будто стоит он
 На поле колхоза;
 Борозды в поле
 Как книжные строчки,
 Вспахано поле —
 Ни ямы, ни кочки,—
 Чистое, гладкое
 Точно тетрадь.

И среди поля
 Поставлено «пять»
 Трактор весёлый
 По полю гуляет,
 И радиатором Коле кивает.
 — Здравствуйте, трактор,—
 Сказал ему Коля,—
 Чья здесь пятёрка
 Поставлена в поле?
 Трактор ответил:
 — Пятёрка моя,
 Поле вспахал
 Для колхозников я.
 Эту работу
 Я выполнил к сроку:
 стыдно мне было
 Не сделать урока!
 Сам председатель
 Пришёл проверять
 И за работу
 Поставил мне «пять».
 Ну, а теперь
 Расскажи-ка мне, Коля,

Как ты с делами
Справляешься в школе?
Коля ответить хотел
И запнулся...
Поле исчезло,
А Коля — проснулся.

«Трактором пашут
Колхозники поле...»
Взялся опять
За решение Коля.
Долго сидел он
Писал и считал:
Складывал, множил,
Делил, вычитал,
Путался, думал
И снова писал...
И про себя потихоньку шептал:
— Хочешь в решение
Лобиться удачи,
Не оставляй, не закончив,
Задачи...
В спальней
Стенные часы удивились,
От удивления остановились:
— Что это с Колей:
Сидит целый час,
Даже ни разу
Не взглянет на нас...

Коля в тетрадку
Глядит с удивлением:
— Сделал задачу!..
Ответ под сомнением —
Нужно проверить —
Так или нет?..
И при проверке
Сошёлся ответ:
«Вспахано поле
В положенный срок...»
Так, наконец,
Был закончен урок!..
В школе учитель
У Коли спросил:
— Воробушкин Коля
Задачу решил?
Так. Хорошо.
Покажи-ка тетрадь!..
Ставится Коле
Отметка опять...
Сунув подмышку
Тетради и книжки,
Коля по лестнице
Мчится вприпрыжку, —
Торопится папе
Тетрадь показать...
Значит в тетрадь
Поставлено
«Пять»!

МОСКОВСКИЙ СОСТАВ

Стоит паровоз у перрона,
А за ним пятьдесят два вагона.
Он стоит и вздыхает:
— Фф-у, ф-уу... ффу, ф-уу!
Паровоз отдыхает:
— фф-у, ф-уу... фф-у, ф-уу!
Но вот кондуктора свисток...
Паровоз даёт гудок:
— У-ууу!..

Фукнул паром
И вздохнул,
И вагоны потянул.
Заскрипев,
Застучав,
С места
Тронулся
Состав.
За вагоном вагон,
За вагоном вагон,
За вагоном вагон
Покидают перрон.
Буферов звенят тарелки,
Простучал состав по стрелке...
Мимо — садик... дом... забор...
И последний семафор.
Вот дороги колея
Развернулась, как змея...
Над рекой моста пролёт

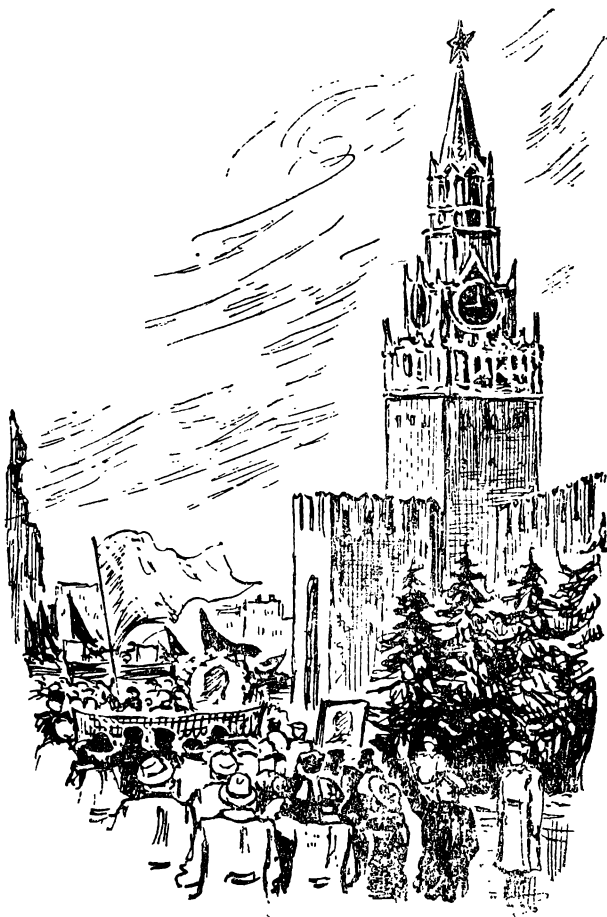
Прибавляет поезд ход.
Мост волнуется,
Гудит
И вагонам говорит:
— Ну, куда вы так летите?
Не спешите!
Отдохните!
А вагоны все подряд
Тараторят-говорят:
— Что ты, что ты,
Что ты, что ты!
Ты лежишь тут без заботы,
А у нас в пути работы —
Не поверишь ни за что ты!

Нам Москва дала задание —
Быть в Москве без опоздания, —
Завтра к празднику народ
Пассажиров наших ждёт.
Пассажиры наши с юга,
Все похожи друг на друга,
Все большие — первый сорт —
Называются «Апорт».
Переполнены вагоны:
Едут сливы и лимоны;
Едут груши, мандарины,
Золотые апельсины,
Темнорозовый гранат,
Черноглазый виноград.
Нас ребята будут ждать
Завтра, в девять тридцать пять.
Нужно выполнить задание
И прибыть по расписанию;
Не придётся отдохнуть.
До свидания!
— Добрый путь!
Мимо, мимо, мимо с ветром
Километр за километром.
За составом пыль и дым
Выются облаком густым.
В клочьях пара, в клубях дыма
День и ночь промчались мимо.
Вот заря из-за берёз:
— С добрым утром, паровоз!
Закричали вслед синицы:
— Торопитесь! Ждут в столице!
А вагоны все подряд —
Отвечают, говорят:
— Сами знаем, сами знаем.
День и ночь не отдыхаем.

Мы прибудем точно в срок,
Путь остался недалёк...
Полустанок... дом кирпичный...
Вот и пригород столичный.
И в тумане голубом
Звёзды блещут над Кремлём.
Замелькали огороды,
Дачи, садики, заводы,
Скверы, улицы, народ...
Замедляет поезд ход.
Вот перрон, вокзала крыша.
Поезд тише, тише, тише...

Буферами застучал,
Раз-другой вздохнул...
И встал.
Зашипел, зафыркал паром:
— Что ж, трудился я не даром.
Хоть и здорово устал,
Но зато не опоздал.

Здравствуй, матушка-столица!
Ты велела торопиться,—
Твой я выполнил приказ:
Прибыл к празднику как раз!

У КРАСНОГО МЫСА

Б. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

Рассказ

1

Саша устал и потому шёл последним, время от времени подправляя лямки рюкзака, резавшие ему плечи. Очень не хотелось, чтобы идущие впереди заметили его слабость. И так было много разговоров перед выходом из лагеря. Председатель совета отряда и физрук сомневались в его силах и советовали отправиться в более лёгкое путешествие. Это значило, что пришлось бы собирать семена дикорастущих трав, идти в ближайший совхоз или, чего доброго, ловить жуков и бабочек.

Можно было принять участие в шлюпочном походе. Но к нему Саша чувствовал себя неподготовленным. Он не особенно хорошо грёб и плавал. А кому же приятно отставать от товарищей?

До колхозной пасеки, куда идёт их звено, восемь километров, не так-то уж далеко...

Саша полной грудью вдохнул смолистый воздух и, ощутив свежесть и аромат соснового леса, зашагал быстрее.

Сашиного отца — инженера-строителя совсем недавно перевели из Уссурийского края сюда в Забайкалье. Худощавый, немного нескладный на вид, с бледным тонким лицом мальчик всё время, до приезда в пионерский лагерь, провёл в городе и не успел ещё окрепнуть и загореть, как его товарищи. Он был застенчив, много читал, хорошо учился и быстро сходился с товарищами, потому что привык считаться с каждым и уважал мнение коллектива.

С огромным наслаждением Саша стянул бы с плеч ремни тяжёлого рюкзака с продуктами и растянулся на душистой траве, чтобы дать отдых спине и ногам. Но плотно сжатые губы и решительный взгляд из-под сдвинутых бровей свидетельствовали о твёрдом характере и желании преодолеть трудности пути.

Среди высоких деревьев густо росли кусты багульника и молодая сосновая поросль. Звено растянулось цепочкой. Впереди, выбирая наиболее удобный путь, шёл вожатый Феликс с полевой сумкой через плечо и компасом в руках. Время от времени, выходя на прогалины, он бросал зоркий взгляд на вершины далёких сосен, держа ориентир на самую высокую из них.

Саше очень нравится Феликс. С первого же дня их знакомства Сашу подкупила начитанность вожатого, благодаря чему каждый лагерный день проходил у них интересно.

Следом за Феликсом лёгкой походкой физкультурника идёт Миша — лучший бегун, прыгун и пловец отряда. Саша всегда любовался золотисто-смуглым загаром своего сильного и ловкого товарища.

Третий — Коля, тоже, видимо, совсем не устал. Он деревенский житель и в лесу чувствует себя, как дома. Вот он свернул в сторону и, сорвав какое-то растение, рассказывает идущим за ним Сене и Боре что-то интересное. Коля посмеивается, глядя на придвинувшиеся к нему стриженные круглые головы приятелей, с любопытством следивших за его рассказом.

Веснушчатый, краснощёкий Сеня и не особенно поворотливый здоровяк Боря самые младшие в звене. Оба обожают футбол и купанье, неизменно за обедом просят добавочные порции и при случае не прочь проспать утреннюю зарядку. Друзья не очень храбры, но чистосердечны и всегда сознаются в провинности, обещая исправиться.

Дружнее всего Саша с девочками их звена — смуглой, энергичной и горячей Тоней и доброй, снисходительной ко всем, голубоглазой Женей. Подруги идут впереди Саши. Видно, что они тоже устали, особенно Женя, обмахивающая лицо листом папоротника.

Высоко над лесом, словно купаясь в синеве неба, распластав крылья, проплыл ястреб. Саша засмотрелся на него и, запнувшись о корень сосны, наступил на сучок, который звонко хрустнул.

Девочки обернулись, и Женя, заметившая усталость на лице Саши, крикнула:

— Феликс, я устала. Отдохнём немного.

Саша с благодарностью взглянул на приятельницу.

Вожатый, а за ним вся цепочка остановились.

— Идём уже полтора часа,— взглянув на часы, сказал Феликс.— Можно сделать короткий привал.

Все с облегчением сбросили ноши. Тоня, Женя и Саша уселись под огромной сосной, Сеня с Борей потянулись к рюкзакам с едой, Феликс и Миша, проверяя маршрут, склонились над небольшой картой, и только

неутомимый Коля исчез где-то в чаще, отыскивая спелые ягоды смородины.

— Осталось совсем немного,— сказал поднимаясь Феликс и показывая всем карту местности.— Вот наш лагерь, вот гора Красный мыс, около которой находится пасека. Видите, я провёл прямую линию — это наш путь. Он образует с линией север-юг угол в 30 градусов. Этот угол называется азимутом. По нему и надо ориентироваться.

— Дай я найду ближайший для нас ориентир,— попросил Саша.

Взяв у Феликса компас, он сориентировал его так, что чёрный конец стрелки находился как раз над буквой «С». На стекло компаса положил спичку с расчётом, чтобы она проходила через центр компаса и деление 30 градусов. Отложив таким образом азимут, Саша поднял компас на уровень глаз и посмотрел в направлении, которое указывала спичка.

— Вижу две сосны. Они не толстые, но поднимаются над лесом, очевидно растут на возвышенности. На них легко ориентироваться.

Феликс взял компас и в свою очередь отыскал ориентир.

— Да, похоже, что они растут на горе. Вероятно, там и Красный мыс и нужная нам пасека,— сказал он со своей обычной уверенностью.

— Расскажи, Феликс, что каждый из нас будет делать,— попросила Тоня.

— Нам поручено, как вы знаете, познакомиться с пасекой колхоза «Забайкальский партизан» и людьми, которые на ней работают, узнать, какой она даёт доход колхозу, зарисовать план пасеки, записать всё интересное о жизни пчёл. В нашем распоряжении три дня. Если успеем, осмотрим окрестности, соберём образцы горных пород, небольшой гербарий. Ты захватила папки и листы бумаги, Женя? — обратился к внимательно слушавшей его девочке Феликс.

— Захватила.

— Разобьёмся на группы по двое, быстрее всё сделаем,— предложил Миша.

— Ладно,— согласился вожатый. — Решим это на месте. А сейчас — в путь-дорогу. Где у нас Коля?

— Здесь я,— вынырнул откуда-то из-за куста Коля с веточками ягод в одной руке и сучком сосны необыкновенной формы в другой.

Освежившись сочной смородиной, дружная повеселевшая компания с песней тронулась в путь.

Пока надевали рюкзаки, Сеня и Боря успели справиться у вожатого, есть ли поблизости пасеки река, считая этот вопрос не менее важным, чем всё остальное. Узнав, что там протекает только горный ручей, друзья приуныли.

— Даже искупаться негде будет,— недовольно бурчал Боря.

Но более покладистый Сеня нашёл выход и, следуя за приятелем, Успокаивал:

— Ничего, ляжем в ручей, вот тебе и купание.

Через полкилометра местность стала понижаться, а лес — редеть. Когда юные путешественники вышли на опушку, Саша невольно залюбовался открывшейся картиной.

Пестреющий душистыми цветами травяной ковер лёг у их ног. Зелёные поляны раскинулись и влево, где на пригорке, вся освещённая солнцем в сиянии знойного дня дремала берёзовая роща. Постепенно уходя в горную падь, берёзовый лес снова сменялся густым сосновым бором. Вправо широко раскинулась золотистая степь. В нескольких километрах виднелось селение, а за ним — хлебные поля и розовые квадраты посевов гречихи. На горизонте степь терялась в синеватой дымке. С юго-восточной стороны её окаймляла тёмная кромка далёкого леса. А прямо перед глазами, выходя отрогом в степь, возвышалась метров на двести почти совершенно обнажённая, каменисто-песчаная красноватая гора. Она круто обрывалась, и лишь у её подножия были густые заросли тальника и орешника. Из степи, пролегая между берёзовой рощей и Красным мысом, в горную падь уходила дорога.

— Вот по ней нам и надо идти, — взглянув на карту, сказал вожатый. — Тут недалеко должна находиться пасека.

2

Пока шли по лугу, спускаясь к дороге, Саша снова очутился позади всех, но не потому что устал. Было удивительно много цветов. Аромат их смешивался с запахом травы, из которой при каждом шаге выпрыгивали десятки мелких и крупных кузнечиков. Над жёлтыми цветами кружилась яркооранжевая бабочка. Концы её крыльев окаймляла ровная жёлтая полоска.

Внезапно он увидел скабиозу — шаровидный синий цветок, который до этого он встречал только на картинке. Саша знал, что головка скабиозы состоит из массы мелких цветочков. Желая рассмотреть их, мальчик нагнулся, но не сорвал синий шар, чтобы не потревожить четырёх трудолюбивых пчёл. Зато он сорвал простой, но удивительно красивый цветок. Серовато-белая, словно из бархата, звёздочка его казалась знакомой на вид, но Саша не мог вспомнить название растения.

— Это эдельвейс — житель высоких гор, — подсказала Жень, видя затруднение друга. — Эдельвейсы растут в горах Алтая, Тянь-Шаня, Кавказа, Италии и Швейцарии. Наши места тоже лежат высоко над уровнем моря. И знаешь, я читала, что эдельвейсы Забайкалья даже крупнее и красивее швейцарских, — с гордостью добавила она.

Вскоре все вышли на дорогу и, пройдя по ней не больше двухсот метров, увидели невдалеке, среди начинающегося леса крыши строений, изгородь и, чуть правее дороги, высокий плетень. Левее построек виднелось много ульев. Оттуда слышался ровный пчелиный гул.

По привычке построившись по двое, пионеры подошли к дому с низкой террасой. На двери висел замок. За этим домом, совсем близко к

нему стоял второй. Замка на его двери не было, но никто не появился в окне, не вышел встретить неожиданных гостей.

Через пасеку, среди ульев шла тропинка, в конце которой виднелся дощатый домик, напоминающий мастерскую. Но и там никого не было видно.

Слегка обескураженные, не зная что предпринять, ребята переглянулись. В этот момент из-за дома неторопливо вышел чёрный лохматый пёс. Было похоже, что он спал в тени и не совсем доволен, что нарушили его отдых.

Однако почтенный страж не проявил никаких агрессивных намерений. Напротив, не таякнув ни разу, дружелюбно помахивая хвостом, он подошёл к стоявшему впереди Мише и ткнулся мокрым холодным носом в его руку.

Миша погладил нового знакомого, а тот, поднявшись на крыльцо, оглянулся на всё ещё стоявших в нерешительности юных гостей, словно приглашая их за собой.

— Пошли! — сказал Феликс и открыл дверь. Они очутились в просторной, опрятно убранной комнате. Около одного из окон стоял небольшой письменный стол. Чернильница, книги о пчеловодстве, несколько общих тетрадей и одна узкая толстая книжка в жёлтом переплёте с надписью «Дневник пчеловода» сразу давали понять, что здесь хозяин.

У противоположной стены на кровати лежал мужчина. По его осунувшемуся небритому лицу было видно, что он болен. Он только что проснулся и поэтому не сразу понял, кто к нему пожаловал. Словно желая успокоить хозяина, умный пёс глядел на него и продолжал вилять хвостом, как будто хотел сказать:

— Я привёл их. Это свои.

Через несколько минут всё объяснилось.

Иван Герасимович — пчеловод пасеки действительно несколько дней тому назад заболел: открылась на ноге старая рана и вдобавок простудился, пришлось лечь. Помощник его, он же столяр пасеки, Вася уехал с женой Ивана Герасимовича косить сено и видно задержался, потому что не вернулся вчера, как было условлено. Восьмилетняя дочурка Татьяна ещё мала, чтобы заменить взрослых. Вот и выходит, что пасека осталась без присмотра. А время горячее — начался взяток. Нужно готовить рамки для ульев, ставить магазины — уйма всяких дел. Придётся кому-нибудь из ребят отправиться за пятнадцать километров в колхоз, просить, чтобы прислали помощь...

Усевшись на длинной скамье и табуретках, ребята внимательно слушали. Загорелые лица были серьёзны. Даже Сеня и Боря, мечтавшие о развлечениях, притихли.

Всё было ясно. Феликс поднялся и, взглянув на взволнованное лицо Саши, твёрдо сказал:

— Иван Герасимович, разрешите оставить здесь наши вещи. Мы обсудим и решим, что делать.

Сбор звена по поводу чрезвычайного происшествия провели на теневой полянке.

— У кого есть предложения? — сразу по-деловому начал вожатый.

— Я могу сходить в колхоз, — предложил Коля.

— Неизвестно, сможет ли оттуда кто-нибудь подъехать, все сейчас в поле, — заметила Женья.

— По-моему, — начал Саша, — идти не надо. Нас много, поможем сами...

— Правильно, — поддержал Миша. — Я эту зиму работал в столярном кружке технической станции, берусь заготовить рамки.

— Так ведь Иван Герасимович сказал, что их нужно ещё наващивать и в ульи ставить. Благодарим покорно, иметь дело с этими злоучками пчёлами! — заявил Боря.

— Лучше в колхоз, — поддержал приятеля Сеня.

— Я буду ухаживать за пчёлами, — внезапно заявил Саша. Щёки его порозовели от волнения. — Я много читал о них, одно лето жил на пасеке и помогал пчеловоду, — поспешил добавить он, видя на лицах товарищей сомнение.

— Зажальят они тебя! — снова попробовал предостеречь Боря.

— Эх ты, трусишка! — устыдила его Тоня. — А я тоже не боюсь. Саша покажет, что делать, буду ему помогать.

— Думаю, что это правильно, — решительно сказал вожатый. — Нельзя терять время, берёмся за работу. А если и завтра не вернутся с покоса жена и помощник Ивана Герасимовича, что-нибудь придумаем.

— Решаем так, — заключил он. — Саша и Миша спросят у Ивана Герасимовича, что надо делать, и начинают работать на пасеке, Коля будет им помогать. Тебе, Тоня, придётся взять на себя хозяйство — приготовление обеда и прочее. В твоё распоряжение поступают противники пчёл — Сеня и Боря. Главная их обязанность — вода, дрова и уборка. Женья будет ухаживать за больным и помогать тем, кто не справится со своими обязанностями. Кроме того, ребята, у нас есть задание совета отряда. Его мы обязаны выполнить при всех условиях.

«Никогда-то он ничего не забудет», — с восхищением подумал о вожатом Саша.

Иван Герасимович одобрил решение звена.

— Должны наши подъехать. Не думаю, чтобы у них тоже что-нибудь случилось. А вам и моя Татьяна поможет. Она у меня за хозяйку осталась.

Притащив из ручья два небольших ведра воды на коромысле, босая нога загорелая с двумя тугими косичками светлых, как солома, волос девочка стояла уже тут, с живым интересом разглядывая синими глазами новых знакомых.

Иван Герасимович объяснил Мише и Коле, как делаются рамки, рассказал, где взять образцы, и вновь испечённые столяры сразу пошли в мастерскую. Сению с Борей — подсобных работников кухни — отправили за хворостом. Приятели заикнулись было о необходимости искупаться, но повариха Тоня так сверкнула на них своими большими чёрными глазами, что оба молниеносно исчезли. Сама Тоня отправилась учиться у Татьянки доить корову.

Взяв ключ, Женя принесла из соседнего дома небольшую аптечку и с видом искусного лекаря знакомилась с её содержимым. Сделав перевязку Ивану Герасимовичу, она посоветовала ему лежать и не двигаться.

После этого она заготовила лист бумаги для глазомерной съёмки местности и записала, какие нужно собрать сведения о пасеке.

Чувствуя на себе большую ответственность, Саша внимательно просмотрел «Дневник пчеловода», где рукой Ивана Герасимовича были старательно записаны сведения о каждом улье. Покончив с этим, он подсел к пчеловоду, который одобрительно поглядывал на действия своего нового помощника.

Пасека работала второй год, но имела уже пятьдесят ульев. Иван Герасимович несколько дней не осматривал пчелиные семьи.

«Работы много», — прикинул в уме Саша, слушая и записывая всё, что говорил ему пчеловод.

«Главное не спешить и не волноваться, — внушал он себе. — Ведь всё это я хорошо знаю».

Час спустя, тщательно вымыв руки (пчёлы не любят посторонних запахов), надев халат, а на голову сетку, вооружённый дымарём, с записной книжкой и карандашом в кармане юный пчеловод решительными шагами направился к ульям. Феликс и Женя тоже надели сетки и вызвались помогать товарищу.

Польщённый вниманием друзей Саша старался объяснять им всё как можно подробнее:

— Ульи красятся в разный цвет и ставятся в шахматном порядке, чтобы пчёлам легче было находить свои жилища. Видите, большинство ульев стоит около дерева или куста. Это для того, чтобы в них не было слишком жарко от солнца. От жары летом и холода весной и осенью спасает ещё и то, что эти ульи двухстенные. Пространство между стен-

ками ничем не заполнено, а воздух ведь плохой проводник тепла.

С деловым жужжанием вокруг летали пчёлы. Аромат леса смешивался с запахом мёда.

— Я знаю,— продолжал Саша,— что лучше осматривать ульи утром, когда пчёлы спокойны, не обращают внимания на работающего и не идут в медоотборочное помещение. Но Иван Герасимович сказал, что надо торопиться. Начнём с номера пятого,— добавил он, решительно подходя к выкрашенному в синюю краску улью. Подымив дымарём в

леток, сняв крышку, подушку и холстину, прикрывающие рамки, Саша снова подымил дымарём, чтобы пчёлы ушли в глубь улья, и стал вынимать одну за другой рамки, держа их за специально выпиленные плечики.

— Какое действие оказывает на пчёл дым? — спросил Феликс, которому Саша передал дымарь с тлеющими внутри его гнилушками.

— Почуввав запах дыма, пчёлы бросаются к сотам и припадают к медовым ячейкам. Думают, что этот инстинкт издавна закрепился у них. При лесных пожарах пчёлы, жившие в дуплах деревьев, заправлялись мёдом, улетаая из опасного района. Пока пчёлы пьют мёд, мы и должны успеть осмотреть улей,— пояснил Саша.

— Вот, Женя, видишь в нескольких ячейках сотов поблёскивает мёд. А вот полные запечатанные соты.

— А в этих тоже мёд? — спросила Женя, когда Саша вынул рамку из середины улья.

— Нет, видишь эти ячейки запечатаны не ровно, а немного выпукло.

Здесь растёт пчелиное потомство — детва. За личинками, вырастающими из яиц, которые кладёт матка, ухаживают пчёлы-няни, или кормилицы. С первого же дня рождения пчела последовательно работает в улье чистильщицей, воспитательницей и кормилицей, приёмщицей корма, уборщицей, санитаром или парикмахером, сторожем гнезда. Последний, самый длительный период жизни пчелы — лётный. Она собирает нектар и пыльцу с цветов. Есть пчёлы водоносы и пчёлы цистерны, которые принимают принесённую лётными пчёлами воду и держат её в себе, пока она не понадобится. Чтобы принести сто граммов воды, приходится сделать примерно три тысячи пчелорейсов. Чтобы облегчить пчёлам эту задачу, на пасеках, где нет поблизости воды, устраивается непросыхающий ручеек пчелиного водопоя.

— Как интересно! — воскликнула Женя.

— Иван Герасимович просил узнать, достаточно ли в гнезде этого улья мёда и не пора ли дать сюда магазинную надставку с полурамками. Сейчас посмотрим. Вот есть четыре полновесных рамки с мёдом в гнезде. Этого достаточно. Если завтра у Миши будут готовы рамки, дадим этому улью новую работу.

— Ты отлично знаешь пчеловодство, — одобрительно заметил Феликс, глядя на преобразившееся лицо обычно застенчивого мальчика.

— Молодец! — похвалила и Женя.

Они осмотрели ещё несколько ульев. Феликс помогал Саше, Женя записывала наблюдения. Несколько раз они втроем ходили к пчеловоду, чтобы проверить, так ли всё делают.

— А почему этот стоит на весах и под навесом? — полюбопытствовала Женя, указывая на улей с номером двадцать пять, в центре пасеки.

— Это контрольный улей. Каждый день записывают его вес и узнают прибыль мёда. Для контрольного улья выбирается семья средней силы, чтобы можно было подсчитать средний взятки за день по всей пасеке. Крыша сделана, чтобы улей не намокал и это не увеличивало его вес.

Только Женя успела записать вес улья, со стороны дома раздался звон.

— Наверно, сигнал к обеду, — сказал Феликс.

Предположение его оправдалось. Боря изо всех сил колотил палкой по старому тазу.

Сетки от пчёл, а больше всего Сашин халат вызвали зависть остальной компании. Всем захотелось тоже так нарядиться, и даже Сеня с Борей заявили о своём непременном желании присутствовать завтра при осмотре ульев.

— Ты же говорил закусуют, — напомнил Миша.

— Через сетку не доберутся, — довольно усмехнулся Сеня, вымазанный в саже нос которого свидетельствовал о добросовестном исполнении обязанностей на кухне.

— Сбегаем к ручью помыться, — предложил Коля.

— Недалеко и запруда есть, можно плавать! — подхватили Сеня с Борей.

— Они уж там не раз побывали, — усмехнулась Тоня.

— Отправились все! — скомандовал Феликс, и через минуту на пасеке воцарилась тишина.

Почувяв какую-то перемену, дремавший у крыльца пёс Верный подняв голову и посмотрел в ту сторону, откуда доносились смех и весёлые голоса...

У самого подножья красноватой горы, среди тальниковых зарослей по камушкам весело бежал прозрачный ручей.

— Какая холодная! — опустив руку в воду удивилась Женя.

Саша тоже подержал руку в воде, но через несколько секунд её вынул: вода была так холодна, что ломило кости.

Где уж тут купаться!

Однако немного ниже по течению, в более крутых берегах, оказалась кем-то устроенная запруда. Солнце нагрело здесь воду за день, и все отлично выкупались. Можно было даже немного поплавать.

Роскошный, но необычно поздний обед из трёх блюд — борщ, гречневая каша и кисель — завершил этот полный новых впечатлений, трудовой день.

Солнце уже начало садиться за окружавшие пасеку лес и горы. Готовились к ночлегу. Всем хотелось спать на открытом воздухе, но по совету Ивана Герасимовича, который предсказывал холодную ночь, устроились на сеновале. Перебралась на сеновал и Татьяна, для которой появление неожиданных гостей было настоящим праздником.

Как это всегда бывает в горах, неожиданно быстро стемнело. Утомлённая хлопотами, первой крепко уснула Тоня, за ней Женя и Татьяна.

Утомонились требовавшие страшных историй Сеня и Боря. Договорились о планах на завтрашний день и уснули Феликс, Миша и Коля. И только Саша лежал, глядя широко открытыми глазами на далёкую звезду, беспрерывно менявшую цвета.

«Капелла» — вспомнил он её название.

Не давали уснуть всплывавшие в воображении события минувшего дня: и трудности путешествия, неожиданность на пасеке и то, как пригодился его маленький опыт в их дружном коллективе.

С мыслью о друзьях, с которыми ему так хорошо, он и заснул, тесно прижавшись к лежавшему рядом Мише.

4

Показалось солнце, позолотив вершины сосен. А в долине ручья у горы ещё веяла сумрачная прохлада, и в зарослях тальника стоял небольшой туман. Крупные капли росы сверкали всюду в траве и цветах. Начали свой рабочий день муравьи. Там, где пригревало солнце, уже трудились первые пчёлки, перепархивали с куста на куст воробьи и синицы.

Зарывшись в сено, ребята сладко спали. Замычала внизу корова, и Татьяна, вскочив первой, протирая глаза, принялась будить Тоню.

— Доить пора, — наставительно говорила она.

— Сейчас, — сквозь сон пробормотала Тоня и, повернувшись на другой бок, уснула ещё крепче.

— Подъём! — скомандовал Феликс и принялся тормошить спавших.

— На зарядку, на зарядку! — говорил он весело.

Зарядка, купанье и коллективно приготовленный завтрак заняли порядочно времени. Солнце уже было высоко, и вожатый поторапливал: каждого ожидали его дела.

Иван Герасимович чувствовал себя значительно лучше и смог подняться, чтобы показать Мише и Коле, как наващиваются рамки. Юные столяры напилели, выстрогали и сколотили накануне больше тридцати рамок, в каждой из них натянув проволоку. Наващивание рамок оказалось делом не хитрым, но требовало ловкости и аккуратности. Все пожелали испробовать своё искусство.

Первым это проделал Миша. Он отрезал от толстого рулона по размеру рамки кусок вошины — тонкой широкой ленты воска, пропущенного через особые вальцы, которые выдавили на нём шестиугольные основания ячеек будущих сотов. Положил край вошины на внутреннюю сторону верхнего бруска рамки и провёл по нему нагретым ребристым металлическим колёсиком. Край вошины расплющился и плотно прилепился к бруску рамки.

После этого Миша согнул под прямым углом кусок вошины так, что тот занял почти весь просвет внутри рамки в одной с ней плоскости. А чтобы лист вошины не болтался и держался крепче внутри рамки, прижал его к проволоке специально для этого изготовленным металлическим колёсиком, на окружности которого был выточен желобок.

В движениях Миши чувствовалась уверенность и навык человека, привыкшего работать с инструментами. Не так чисто всё это получилось у Феликса и Коли. Женя, по своей привычке всё делать неторопливо и аккуратно, отлично справилась с задачей. Тоня же, напротив, поспешила. Сначала у неё отлепился край вошины, а когда она поправила этот недостаток, отстала слабо придавленная проволока.

Боря, слишком нажав колёсиком, прорезал вошину проволокой. А Сеня вообще всё перепутал: сначала укрепил вошину к проволоке, а когда собрался прилепить её край к брусочку рамки, увидел, что вошина не достаёт до него. Пришлось всё переделывать заново.

Саша умел наващивать рамки и охотно помогал товарищам.

Когда нужное количество рамок было готово, Саша с Колей поместили их в магазинную надставку и понесли на носилках к улью № 5, которому требовалось дополнительное помещение для медосбора.

Всем захотелось посмотреть, как поведут себя пчёлы, и Сеня с Борей чуть даже не подрались из-за сетки: на всех сразу сеток не хватало.

Пчёлы отлично восприняли заботу о них и быстро заполнили новое помещение, всюду ползая и по-хозяйски осматривая его.

В следующем улье нужно было найти матку, что оказалось не так просто, потому что она одна и отличается от обыкновенной пчелы, главным образом, лишь более удлинённым брюшком.

Сблизив головы, Саша и Женя с одной стороны, а Коля с Сеней с другой, внимательно разглядывали вынутые из улья рамки.

Внезапно Сеня, обладавший острым зрением, воскликнул:

— Вот она!

И, забыв осторожность, ткнул пальцем в гущу пчёл. Этого оказалось достаточно, чтобы рассердить их. Две пчелы ужалили его в палец и несколько — в шею.

Завопив, как маленький, отмахиваясь от преследовавших его пчёл, чего как раз не следовало делать, напуганный Сеня бросился наутёк. Пробежав два десятка метров и плохо разбирая сквозь сетку путь к отступлению, он запнулся за корень и с размаха растянулся на траве.

— Лежи! Не вставай! — громко крикнул ему Саша.

Сеня послушался совета и плотнее прижался к земле. Пчёлы окружились над ним, но ни одна больше не ужалила. На горьком опыте товарища юные пчеловоды узнали ещё одну особенность из жизни пчёл: они не бьют, точнее — не кусают лежащего.

Когда работавший на кухне Боря увидел вспухшие как подушки руки и расплывшую шею приятеля, он сочувственно свистнул, но не без злорадства заметил:

— Ну и видик у тебя. Тоже мне, пчеловод!

Иван Герасимович посоветовал пострадавшему приложить к укушенным местам сырую землю, после чего жжение и зуд утихли, хотя опухоль не спадала ещё дня три.

Выкупавшись, сытно пообедав и вздремнув часок на свежем воздухе, снова все занялись делами. Беседовали с пчеловодом, просматривали отчёты пасеки. Потом Тоня мыла посуду. Миша и Саша возились в мастерской. Женя с Татьянкой собирали цветы для гербария. Коля, Сеня и Боря отправились вверх по ручью, рассчитывая дойти до его истока и затем подняться на гору.

Им было поручено исследовать ручей и собрать образцы горных пород.

Они шли не торопясь, время от времени перескакивая через прозрачный ручей и доставая со дна гладко отшлифованные разноцветные камешки. Ручеёк извивался у самой горы. Всё гуще и гуще становились по берегам заросли тальника и орешника. Кое-где в них попадались низкорослые, с причудливо изогнутыми стволами берёзки. Чем глубже в падь, тем становилось прохладнее.

Наконец, они дошли до места, где ветви деревьев переплелись над ручьём, образовав свод. Здесь было сумрачно и холодно, несмотря на то, что в вышине попрежнему сверкало солнце.

Вопреки ожиданиям трёх друзей, ручей не становился уже. Иногда он стекал крошечными водопадами, которые шумели едва слышно. Даже голоса звучали здесь глухо.

Внезапно все трое остановились, заметив сквозь густую поросль впереди что-то широкое, белое, нависшее над водой. Ещё несколько шагов, и они замерли от удивления. Толстый слой льда нависал над ручьём. Быстрым потоком из-под него вытекала, казавшаяся здесь чёрной, холодная прехолодная вода.

Сказав: — Подождите тут, — ухватившись за ветви, Коля перемахнул на этот ледяной навес, поверхность которого была покрыта крупными, овальной формы, гладкими льдинками.

Нагнувшись, он набрал их полную горсть и одну льдинку немедленно отправил в рот, чтобы утолить жажду.

— И нам, и нам! — запросили его приятели.

— Прыгайте сюда! — ответил Коля, протягивая им руки.

Лёд отлично выдержал всех. Боря предложил идти по льду дальше, но это оказалось невозможным: так густо и низко переплелись надолдом ветви.

Было ли это место истоком ручья, так им узнать и не удалось. Почувствовав, что начинают мёрзнуть, юные краеведы вернулись снова на берег и стали продираться сквозь чащу к горе.

— Настоящий холодильник, — поёжился Боря, подставляя палящему солнцу лицо, руки и спину.

Немного поднявшись, они оглянулись: в кустах ручей совсем не был виден. Этим и объяснялось, что в такое жаркое время года здесь сохранялся лёд.

Поднялись на гору без особого труда, хотя гора была крутая. Мягкая почва позволяла устойчиво ставить ноги. На вершине одиноко стояли две сосны, но дальше к северу и северо-западу вновь начинался лес. Гора была сложена из красноватого песчаника. Лишь местами на поверхность её выходили скалы. Мальчики набрали в припасённые мешочки образцы горных пород и на этом закончили свои исследования.

Оглянувшись вокруг, они увидели наплывавшую с юго-востока широкую тёмную грозовую тучу. Пора было двигаться в обратный путь. Далеко внизу пасека выглядела небольшим квадратом, а ульи — маленькими точками. Узкой полоской пролегалла тропочка к запруде.

Спускаться пришлось осторожно. Красноватая песчаная почва так и сыпалась из-под ног. Коля шёл впереди. Когда он поравнялся с торчащим на склоне высоким обгорелым пнём, оттуда вылетела большая серая птица. Медленно махая широкими крыльями, птица спустилась в долину.

Обогнув пенёк, Коля увидел у его основания большое углубление, служившее гнездом. В гнезде лежали две мёртвые мыши, половина бундука и сидел ещё неоперившийся крупный птенец с ярко-кариими немигающими глазами и большим крепким клювом. При виде пришельцев

Птенец злобно защёлкал клювом и готов был вступить в самый жестокий бой.

— Ишь ты, забияка,— усмехнулся Коля, протягивая руку, чтобы взять птенца. Попытка не удалась. Птенец так злобно тяпнул его за палец, что пришлось отдернуть руку.

— Завернём во что-нибудь,— предложил Сеня, доставая платок.

С большим ухищрением удалось спеленать пленника. Увлечённые этим занятием, мальчики не заметили перемены, происшедшей в природе.

Огромная туча охватила полнеба, прикрыв солнце. Потускнели все

краски, смолкли птицы и даже кузнечики. Вдали вился вихрь и уже слышны были раскаты грома. Путники заторопились, но пока они спустились к ручью, стало ещё темнее, начал накрапывать дождь и налетели первые порывы ветра.

— Скорее, скорее! — торопил Коля не поспевавшего за ним Борю. — О нас, наверно, беспокоятся.

Так оно и было. Уже давно вернулись Женя и Татьяна с богатой ношей клевера, кипрея, дикой горчицы и других медоносов. Такое название растения носят потому, что в цветках у них находятся особые медовые желёзки-нектарники, выделяющие сладкий сок, который собирают пчёлы.

Приготовила ужин и убрала с улицы посуду Тоня. Вернулись из мастерской Миша и Саша, долго наблюдавшие, как летят с поля пчёлы. Застигнутые бурей и обременённые ношей драгоценных соков с цветов, они почти падали на леток своего улья и с трудом ползли по нему. В эти

минуты весы контрольного улья всё время были в движении, потому что вес его с каждой секундой прибывал.

Обеспокоенный Феликс уже надевал брезентовый плащ Ивана Герасимовича, готовясь идти на розыски, когда налетел шквал и хлынул ливень. В эту минуту при вспышке молнии на тропинке показались три жалкие, насквозь вымокшие фигурки. Все радостно закричали и, несмотря на дождь, выскочили на улицу.

Переодевшись, три героя с увлечением рассказывали о своих удивительных открытиях, кое-где приукрашивая обстановку и проявленные ими смелость и находчивость.

Пленника, оказавшегося по словам Ивана Герасимовича птенцом филина, тоже обсушили и обогрели. Накормив его намоченным в молоке хлебом, девочки устроили в углу комнаты тёплое гнёздышко, где он преспокойно и уснул, не подозревая, в какое далёкое путешествие ему придётся отправиться.

Гроза так же быстро прошла, как и налетела. Из-за туч брызнули лучи заходящего солнца. Всё было мокро вокруг, у крыльца собралась огромная лужа.

Шлёпая по ней босиком, Саша подумал, что ещё вчера утром никто из них ничего не знал об этой пасеке, не думал найти здесь так много интересного.

Однако, взглянув на Феликса, он заметил, что лицо вожатого озабочено, и Саша сразу понял почему.

Завтра им нужно отправляться в обратный путь. Но Иван Герасимович ещё не может работать, а уехавшие на покос всё не возвращаются. Он — Саша — думал только о себе, вожатый думает о всех...

Прибежали Миша и Коля. Оказывается разбушевавшийся ручей подмыл гору и много земли обвалилось, образовав озерко.

Держа в руках большую поварёшку, Тоня стояла на крыльце и раздумывала, где ужинать — дома или на улице. В эту минуту мимо неё проскочил Верный и с радостным лаем бросился на дорогу: к дому подъехала тележка, запряжённая гнедой лошастью. Соскочившие с неё мужчина и женщина с удивлением оглядывали высыпавшую им навстречу детвору...

5

Ярко горит прощальный костёр, высоко выбрасывая длинные языки пламени. В золе запекается любимая ребятами картошка. Переворачивая её палочкой, чтобы не сгорела, Тоня запекает:

«Есть песенка любимая
У нашего звена,
И дружба пионерская
Той песней скреплена».

Остальные подхватывают:

«Звено у нас хорошее,
Весёлое звено.
И что бы мы ни делали,
Всегда мы заодно...»

Одевшись потеплее, сидит у костра Иван Герасимович, ласково поглядывая на своих новых друзей и неожиданных помощников. Татьяна с гордостью показывает матери подарки: книжку от Жени и значок с портретом Сталина от Тони. Мать хвалит её и девочек за умелое хозяйничание.

— Молодцы, в порядке содержали корову.

— Я доить научилась,— живо говорит Тоня.

— А Сеня неплохо справляется с пчёлами,— поддакивает Коля, и дружный смех оглашает воздух.

— Ничего,— ободряет сконфуженного Сеню Иван Герасимович.— Без этого не обходится, чтобы немного не покусали. Лучше запомнится пчеловодная наука.

— А кто за меня управлялся? — спрашивает помощник пчеловода Вася.

— Все понемногу,— отвечает Миша.

— Скромничает, скромничает! — протестует Тоня.— Он больше всех и столарничал и нас учил.

— Саша молодец. Хороший пчеловод из него выйдет. Знает пчёл и с любовью к делу относится,— говорит Иван Герасимович.— Всем вам пришлось потрудиться, но зато с пользой для себя,— добавляет он.— Приезжайте к нам целым лагерем, когда мёд качать будем.

— А сколько мёда даёт один улей? — спрашивает любознательная Женья.

— Шестьдесят-семьдесят килограммов за лето. Бывает и больше. В прошлом году пасека дала колхозу двадцать тысяч рублей дохода, нынче мы богаче. Видели, как пчёлы трудятся,— от раннего утра до вечера. Иному человеку можно у них поучиться.

— Расскажите, Иван Герасимович, о жизни пчёл! — Хором просят ребята.

— Удивительна их жизнь. Но интереснее всего сама пчела. О том, что у неё три пары ножек, наверное, каждый из вас знает, а вот сколько глаз, едва ли ответит кто-нибудь?

— Два боковых сложных глаза и три простых на темени,— говорит Саша.

— Верно. Но самое любопытное в том, что каждый сложный глаз пчелы состоит из пяти тысяч немигающих глаз, которыми она видит вблизи и при ярком свете, а простыми глазами видит далеко и в темноте. Однако хорошо различает пчела только белый, жёлтый и синий цвета.

— А как собирает пчела сок цветов? — интересуется Женья.

— У неё для этого есть хоботок. Если нектара мало в цветке, она вылизывает его «ложечкой» — кончиком мохнатого язычка, длина которого почти равна длине её тела. Цветочную пыльцу, которая идёт на изготовление перги — корма для личинок, пчела несёт спрессованной и уложенной в особых углублениях на задних ножках.

— Я видел,— подхватывает Сенья.

— Рядом с сердцем у пчелы есть зобок, куда она и собирает нектар. Тут же и особая колбочка. В ней нектар перерабатывается, чтобы стать затем мёдом. Сердце у пчелы находится в брюшке и дышит она брюшком.

— Я читал, что пчела не ползает, а ходит, передвигая поочередно по три ножки: две с одной стороны и одну с другой. Пчела сильна, и по шероховатой поверхности может тащить груз в двадцать раз больше своего веса,— вставляет Саша.

— Здорово! — удивляется больше всех Боря.

— Двадцать пять тысяч взмахов в минуту делают крылья пчелы в полёте,— продолжает Саша.— Это установили, фотографируя пчёл аппаратом «лупа времени», который делает в секунду больше тысячи снимков.

— Пчёлы сами и вентилируют своё помещение,— говорит Иван Герасимович.— Встанут и машут крылышками, создавая струю воздуха. Всегда у них свежо и чисто в улье.

— А долго живут пчёлы? — интересуется Тоня.

— Летняя пчела — немногим больше тысячи часов, осенняя — около пяти тысяч. Большую часть своей жизни она проводит в улье. Зато умирает всегда на воле: прилетит, отдаст принесённый ею корм и, собрав последние силы, выползает из улья, чтобы умереть.

— Как всё это интересно! — восхищается Женя.— Вернусь в город, достану книги и прочту всё, всё о пчёлах.

— Спасибо, Иван Герасимович, столько интересного мы у вас узнали. И пожилки неплохо. Замечательно тут у вас,— поблагодарил вожатый.

— Осенью у нас столько брусники, грибов. Растут рыжики, волнушки и грузди! — смелеет Татьяна, большая любительница собирать грибы.

— Приедем за ними обязательно,— отвечает ей Феликс.— А сейчас споемте ещё на прощание и спать. Завтра рано подниму всех. Пора нам возвращаться домой.

И тревожа лесную тишь, раздаётся походная-пионерская.

«Мы пройдем лесами, бродом,
В гору по тропинке узкой.
Наливается в походах
Бронзой тело, сталью — мускул.

Освещает перекаты,
Кручи, волны, лапы ёлок —
Рыжекудрый, языкатый,
Золотой костёр весёлый...»

Ещё одно ясное росное утро.

Снова дружное звено в походе. Белые рубашки с алыми галстуками далеко видны среди зелени. Татьяна машет им на прощанье. Верный, стоя с ней рядом, тоже помахивает хвостом.

Саша оглядывается. Вот берёзовая роща и поляна, где он сорвал «дельвейс», вот тропинка, по которой они шли по лесу.

За вершинами сосен скрывается Красный мыс.

Прощай, пасека!

Славно отдохнувшие, с запасом ценных знаний весело шагают пионеры.

Впереди ждут их новые дела и радости.

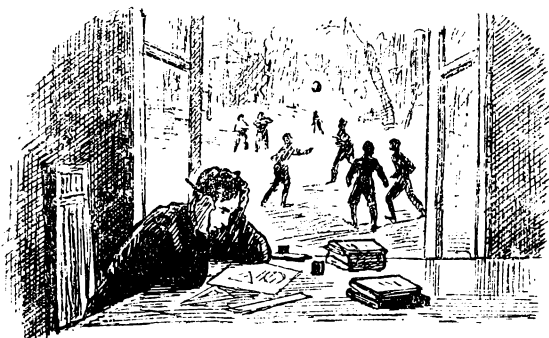

М. СЕРГЕЕВ

Он в сентябре играл в футбол,
И, целый день гоняя мяч,
Он ни минуты не нашёл
Для упражнений и задач.
Он в декабре швырял снежки,
Чертил коньками синий лёд,
А в пятом «Б» ученики
По всем предметам шли вперёд.
Зато когда июль настал,
И, сдав экзамены весной,
В футбол на улице играл
Не пятый «Б», а «Б» шестой,
Когда мальчишки-сорванцы

Пускали змея в небеса,
Когда заядлые пловцы
Купались в день по три часа,—
Пришлось Серёже день-деньской,
Забыв о рыбах и крючках,
Глядеть на улицу с тоской.
Сидеть с учебником в руках.
И в жарком августе Сергей
Сдавал экзамены опять,
Чтобы догнать своих друзей,
Чтоб второгодником не стать.
И твёрдо помнит он сейчас:
Учёбе — день, забавам — час.

РАДИСТ В ЛЕСУ

Я шёл сквозь лес, был путь немал,
А стужа — птицы мёрзли.
Вдруг кто-то «Здравствуй» простучал
По азбуке, по Морзе.
Я снова вспомнил о войне,
О битвах, об отряде...
И вдруг я вижу: на сосне
Сидит весёлый дятел.

Он головой кивал, дразня,
С таким смешным задором,
Как будто приглашал меня
К лесному разговору.
Тогда с земли я палку взял
И по сосне вихрастой
Неторопливо простучал
Простое слово «Здравствуй».

ЗВЕЗДОЧЁТ

Во дворе у нас живёт
Мальчик Вова — Звездочёт:
Все планеты и кометы
Знает он наперечёт.
Чуть зажгутся звёзды в небе,—
Он ребятам говорит:
— Это вот созвездье — Лебедь,
Это — Сириус горит.
Разбуди его средь ночи,
Звездочёта испытай:
«Сколько в небе звёздных точек?»
Он проснётся, скажет сонно:
— Триста сорок миллионов,
А не веришь — сам считай!
Я попробовал — куда там:

Сразу сбился — вот беда!
Во дворе у нас ребята
Говорят: — Вот это да!
Как-то раз мы шли вдоль сквера,
Вечер был, уже темно:
Дядя Коля — папа Веры —
Нас гурьбой водил в кино.
Шёл Семён Кузьмич навстречу
И, когда увидел нас,
Закричал нам: — Добрый вечер!
Как дела? Который час?
Посмотрел на небо Вова:
— Тридцать шесть минут восьмого.
Дядя Коля — папа Верин —
Улыбается в усы:
— Это мы сейчас проверим!
И достал свои часы.
Посмотрел он: — Так и есть,

Верно — ровно тридцать шесть!
Мы Володю окружили:
— Расскажи нам, что и как!
— Это каждому по силе,
Это, право же, пустяк:
Небо вместо циферблата,
Стрелка — дальняя звезда...
Во дворе у нас ребята
Говорят: — Вот это да!
И в разведке и в походе
Нас собьёшь с пути не вдруг:
Научил ребят Володя
Узнавать на небосводе
Вьюжный север, знойный юг.
Мы выходим на прогулку
Неразлучные всегда.
Все ребята в переулке
Говорят: — Вот это да!

Агния КУЗНЕЦОВА

1

Старая, почерневшая от времени мельница стоит на берегу быстрой, горной речушки Соколинки. Здесь живёт Саня с матерью и двумя малолетними братьями. Отец Сани когда-то был колхозным мельником, но уже несколько лет прошло с тех пор, как он погиб, защищая Родину от немецких полчищ. Теперь мельником работает дед Афанасий.

Сане девять лет. Ростом она маленькая, на острых подвижных плечиках висит короткое платьишко, открывая крепкие, почерневшие от загара ноги. Глаза у Сани тёмные, смеющиеся, по задорно-вздёрнутому носу разбросаны весёлые веснушки. Волосы, выгоревшие на висках от солнца, она заплетает в одну косу.

Саня живёт очень весело. Конечно жаль, что уже конец сентября миновали знойные летние дни, отцвели на горах жёлтые лилии и пёстрые «кукушкины сапожки», отошла пора земляники, красным ковром покрывающей взгорья. Вода в реке холодом обжигает ноги. Дед Афанасий на рассвете вытащит налима из запятанной в плотине морды и отогревает потом на печи озябшие ноги.

Но осенью у ребят другая радость — школа. Саня учится во втором классе.

Утром она заплетает косу, умывается студёной водой, берёт сшитую из серой материи сумку и бежит в школу. С гор, окружающих долину, где беспорядочно разбросаны тёмные постройки деревни Соколинки, ещё поднимается вверх густой туман, небо тонет в серой дымке, сквозь которую маячит мутное солнце и не поймёшь, какой будет день — пасмурный или ясный.

Саня перебегает по широкому мосту, переброшенному с берега на берег, там привычно шумит вода, падающая с плотины. Вприпрыжку

мчится девочка по ухабистой дороге, обнесённой берёзовыми изгородями огородов.

В полдень Саня возвратится из школы. Ухватом достанет из печи горячий суп, наскоро поест, бездумно оглядит неприбранную комнату, не раз запнётся о скатавшиеся пыльные половики. Вспомнит строгий наказ матери — после еды прибрать на столе, «чтобы мух не плодить». Иногда Саня сердито походит около стола, поохает и кое-как всё же ополоснёт холодной водой липкую тарелку, смажет сало на полотенце, ладонью

смахнёт со стола на пол крошки. Но чаще всего она и этого не сделает. Что-нибудь обязательно помешает: или случайно заглянет она в окошко и помянут её к себе пламенно-красные листья оvinника, или сквозь шум плотины послышится призывный смех подружек.

Убежит Саня с подругами в лес, а там взгорки с рассыпанной по ним брусникой, гнёзда мохнатых груздей — увлекут девочек в глубь леса, и несколько часов подряд пробродят они в зарослях многоцветного осеннего леса.

Ветер или эхо донесёт до них гортанный крик пастуха. Вспомнит Саня, что забыла утром корову выгнать, забыла посмотреть, куда забрели телята, рванётся бежать и остановится, равнодушно махнёт рукой, дескать всё равно прозевала, поздно!

Подружки разбредутся по домам, каждую заботит какое-нибудь дело, а Саня побежит на берег, найдёт там новую компанию.

Река, запруженная брёвнами, из берегов вышла...

— Лесосплав! — кричит Саня, — смотрите, и плот пригнал! Вооружатся девчонки палками, завернут платышки до груди и с визгом лезут в холодную воду.

Через минуту на липком от смолы плоту, пахнущем свежей сосной, они плывут вниз по течению.

Солнце скрывается за голой сопкой. От реки веет прохладой. С плота Саня видит — идёт с работы мать. Усталой походкой, в новых сапогах, тяжело ступает она по мосту. На руках у неё розовый, как наливное яблоко, Мишутка, за юбку держится Гришуха, он хрипло плачет, просится на руки, еле волочит ноги, уставшие от дневной беготни. Мать ведёт их из детского сада.

Саня торопливо бежит вдогонку. Виновато заходит в дом. Мать молча подметает пол, с крыльца вытряхивает половики.

Саня пробирается к столу, достаёт из сумки тетрадь.

— Корову опять прозевала выгнать, — наконец, сердито говорит мать. — Ох, горе ты моё! И в кого уродилась такая... Поди, телят поищи!

— А уроки кто готовить будет? — скороговоркой, обиженно выкрикивает Саня.

— Уроки давно надо было сделать, — говорит дед Афанасий. Он сидит на пороге, большой, седоголовый, широко расставив ноги, и жёлтым заскорузлым пальцем заправляет в трубку табак.

— Сделать! Сделать! — с сердцем тараторит Саня, — Сами бы вот попробовали такую задачу решить!

Мать выходит из комнаты, сердито хлопнув дверью.

— Бесстыдница! — спокойно говорит дед Афанасий, — Мать устала за день, чай самое горячее время в колхозе... Тебе и дел-то даётся: в избе порядок навести, корову выгнать, да за телятами присмотреть. А ты и дел не делаешь и матери грубишь, срамница!

Вечером, укладываясь на кровать, около посапывающего Мишутки, мать вздыхает и тихо говорит:

— Не знаю, что делать с Санькой, совсем от рук отбилась.

— А ты, Варвара, с учительницей посоветуйся, — шумно позёвывая, говорит дед Афанасий. — Школа теперь ребят в руках держит крепче семьи. Учительница Саньке лучше тебя втолкует, что хорошо, а что плохо.

— Верно, — соглашается Варвара, — завтра забегу к Александре Васильевне.

В комнате наступает тишина. Только привычно шумит вода на плотине, да издалека прорывается обозлённый, залиvistый лай собаки.

2

В просторной комнате за новыми партами сидят девочки и мальчики.

— Я прочитаю вам сказку, — говорит Александра Васильевна, — называется она «Кукушка». Слушайте внимательно.

С книгой в руках учительница подходит к первой парте, за которой сидит Саня, и громко читает.

Саня слушает. Она живо представляет большую семью, большую мать, худую, измождённую. Мать много работает, чтобы прокормить пятерых ребятишек. А дети живут очень весело и ни в чём не хотят помочь ей.

Александра Васильевна на минуту прекращает чтение и оглядывает притихший класс. Сانه становится неловко. Она краснеет и опускает глаза, чтобы не встретиться со взглядом учительницы. Сказка эта ей не нравится, скорей бы конец. «Не буду слушать глупую сказку», — шепчет Саня соседке, голубоглазой Талюшке и смотрит в окно. Там тихо трепещут пожелтевшие листья молодых берёзок, посаженных в прошлом году школьниками.

Но против желания, она слышит спокойный голос Александры Васильевны.

Дальше в сказке говорится о том, что мать заболела, а дети даже не хотели дать ей напиток воды. Тогда мать обратилась кукушкой и улетела из родного дома.

Сане представляется густой, сумрачный лес и тоскующий голос одинокой кукушки. На глазах у Сани навёртываются слёзы.

— Какие плохие ребята! — горячо говорит Талюшка. — Я так маму свою жалею, всегда ей помогаю.

— И я! И я тоже! — шумят ребята.

— Как же вы помогаете своим мамам, расскажите мне, — спрашивает Александра Васильевна, закрывает книгу и кладёт её на стол. — Только не все сразу.

Талюшка поднимает руку.

— Степанова Наташа, — обращается к ней учительница, — расскажи ты.

Талюшка встаёт и говорит тонким, звенящим голосом:

— Мама у меня на конном дворе работает, я цветы поливаю, пол мету, корову выгоняю, бабушке помогаю с Николашей водиться. Ещё... — Талюшка разглядывает знакомую до мелочей стену класса, припоминая, что ещё она делает дома.

— Я скажу, я! — настойчиво просит слова широкоплечий, крепкий мальчуган, напоминающий белый гриб.

— Ну, скажи ты! — улыбается Александра Васильевна.

Он встаёт, по-взрослому откашливается в кулак и спокойно рассказывает:

— Из мужиков я один в доме. Потому я больше насчёт тяжёлой работы. Воду ношу, дрова колю, сапожничаю...

— Сапожничаешь? — искренне удивляется учительница.

— Вот посмотрите! — мальчуган выходит из-за парты и поднимает ногу. Ребята привстают, с любопытством вытягивают шеи, разглядывают аккуратно нашитую заплату на ботинке.

— Люблю сапожное дело.— важно продолжает мальчуган,— вырасту — сапожником буду.

— Ну, а что же у нас молчит Саня Михалёва? — спрашивает Александра Васильевна.— Расскажи нам, как ты маме своей помогаешь? Она работает в колхозе и одна с троими ребятишками управляется.

Саня опускает голову и молчит.

Ребята напряжённо ждут от неё ответа.

— Она, Александра Васильевна, ничем не помогает дома!

— У неё корова целыми днями в стойке стоит, выгнать некому!

— Телята огороды чужие топчут!

— Мать ей слово — она в ответ десять! — кричат наперебой ребята.

— А сама в пионеры собирается. Галстук и значок вчера мне показывала. — говорит с последней парты худощавый, чёрноглазый мальчик. — Такую в пионеры не примут, правда, Александра Васильевна?

— Правда, — горячо говорит учительница, — пионеры должны по мере сил тоже помогать своей Родине. Отцы и матери ваши заняты на важ-

ной работе, а для того, чтобы они лучше работали, у них на душе спокойно должно быть и дома надо отдыхать от труда. А Саня Михалёва этого не понимает. Она огорчает маму, не жалеет её, не помогает ей. Мы все осуждаем Саню. Верно, ребята, все без исключения?

— Все, — в голос отвечают ученики.

Из школы Саня идёт медленно. Она чувствует себя обиженной и сердито поднимает ногами клубы пыли. На мосту она останавливается и, защищая ладонью глаза от света, внимательно оглядывает огороды.

Солнце золотит крутые бока поспевающей капусты, прогревает пустые, развороченные гряды с разбросанными кучами пожелтевшей ботвы морковки и репы. Как часовые, стоят там и здесь подсолнухи.

— Куда же телята запропалились? — вслух думает Саня, и вдруг она видит, что рыжая Машка и белая Дашка подбираются к железно-дорожной насыпи.

— Куда! — весело кричит Саня, хватая первую попавшуюся хворостину и бежит наперерез им. Она поворачивает телят и вскачь гонит их к дому.

— Догоню! — кричит она. Но догнать не так-то просто. Подняв хвосты, телята мчатся во всю прыть. Около дома они враз останавливаются. Саня переводит дух и смеётся:

— Это будто бы у нас соревнование, — важно говорит она. — Дашка первая пришла к месту. Сейчас она получит премию.

Саня роется в сумке, достаёт кусок хлеба и протягивает его телёнку.

«И совсем, оказывается, не трудно за телятами смотреть, даже весело!» — удивляется Саня.

Она входит в дом и замечает, что там грязно и неуютно. Саня кладёт сумку, оглядывается, вздыхает и берёт веник.

— Ты, верно, неумытый сегодня, товарищ веник! — говорит она. — Пойдём, я тебя помою, а то санкомиссия запишет на доске твою фамилию.

Она полощет его в тазу, трясёт, стучает об угол дома.

— Теперь потрудись подмести, да чтоб ни одной соринки не оставить. Вот от стены, до стола — это будет мой дом. — Саня усердно подметает эту часть комнаты. — А там, — она смотрит на неметёный пол, — живёт девчонка-неряха, маме прибрать некогда, а она ленится.

Саня берёт кошку и садит её в сор:

— Ты будешь девчонка-неряха, у которой мама в кукушку превратилась и улетела насовсем.

Кошка брезгливо отряхивает лапы, потягивается и переходит на чистое место.

— Ага, не понравилось? Конечно в чистоте жить приятнее.

Саня старательно подметает оставшуюся часть комнаты, на улице встряхивает пёстрые половики и аккуратно застилает ими пол.

Вот и всё. Она выходит на улицу, останавливается на крыльце, удивлённо оглядываясь. Всё кажется ей сейчас особенно хорошим и радостным: и говор колхозников возле мельницы, снимающих с телег мешки зерна, и бурлящие потоки воды под мостом, и ласковое тепло осеннего солнца.

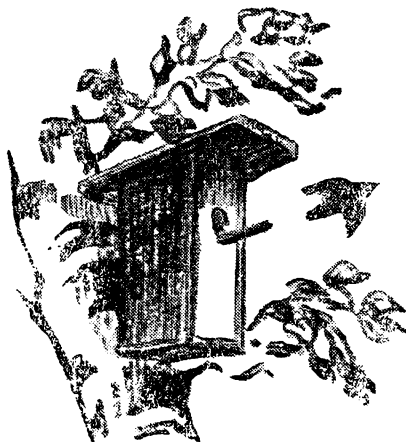
Рассказ

для школьников о том,
как был построен
новый дом

Э. СЛОБОДЧИКОВ

Весна резвится на дворе
В своём задоре вешнем,
Но опоздал один скворец —
Остался без скворешни!
Уселся с грустным видом
И засвистел с обидой...
А пионеры тут как тут —
В обиду слабых не дадут!
Один мальчишка быстрый
Кричит: «Не плачь, скворец,
Сейчас скворешню выстрою,
Не хижину — дворец!»
Поправил красный галстук,

За инструменты взялся:
Звенит топор, поёт пила
Успешно движутся дела.
И вот красив и прочен
Высоко над селом
К берёзе приколочен
Красивый птичий дом.
Почти спустившись с крыши,
Откуда гвоздь вбивал,
Хороший мой мальчишка
Сорвался и упал.
Слезами вмиг обильно
Наполнились глаза...
Но друг большой и сильный,
Подняв его, сказал:
— Не плачь, малыш, расти, малыш,
И привыкай не падать с крыши.
Будь всюду первым, смелым будь,
Ведь у тебя — широкий путь.
Пусть он и крут и труден.
Ты — человек и ты,
Живя на радость людям,
Не бойся высоты!
И у мальчишки слёзы
Сменились на веселье.
Скворцы в ветвях берёзы
Справляли новоселье!

МАРИНКИН гербарий

Е. ЖИЛКИНА

Эта весна — девятая по счёту в жизни Маринки Казинцевой. Ростом Маринка не выше и не ниже других девочек, которые вместе с ней перешли нынче в третий класс. И косички сзади прыгают так же, как у её подруг, и смеётся она на перемене точь-в-точь, как другие, и урок отвечает всегда громко, отчётливо, как учит их Таисья Михайловна; и ещё, так же, как у всех, на чёрном школьном фартуке, слева, у неё краснеет маленький значок: «Будь готов».

Маринка самая обыкновенная девочка на свете, и запомнить её можно только разве по маленькому вздёрнутому носику, на котором рассыпано много весёлых веснушек.

Последний день занятий в школе Маринка запомнила хорошо. Утром, когда она шла по знакомым улицам, заметила, что ветки тополей стали совсем зелёные. Ещё вчера листики были завернуты в тугие почки и чуть-чуть виднелись из-под коричневой кожицы, а сегодня, будто кто их лаком помазал, — так они блестели. От их зелёного блеска Маринка даже зажмурилась. А как они пахнут! Маринка потянула носом. Пахло ещё тёплой землёй, оттуда, где за рекой синел лес, наносило слегка дымом.

Маринке стало вдруг почему-то очень весело; она подняла голову и увидела: по голубому небу шли белые-белые облака. Они направлялись в Маринкину сторону, будто провожали её в школу.

— А интересно, как пахнут облака? Наверно, как снег — яблоками, а может быть... — но Маринка не успела додумать, как ещё. Она входила в школьный двор, размахивая сумкой, и ещё улыбалась. От этого на щеках у Маринки появлялись всегда две ямочки. Недалеко от школьного крыльца молодые саженцы тоже, как там, на улице, вытягивали ей навстречу свои зелёные ветки, и Маринка решила, что сегодня окончательно наступила весна.

Прозвенел, как обычно, звонок, все разошлись по классам. Но за уроками не сиделось. Всё время тянуло взглянуть за окно, где топорщились распутившиеся тополя и вкусно пахло тёплой землёй.

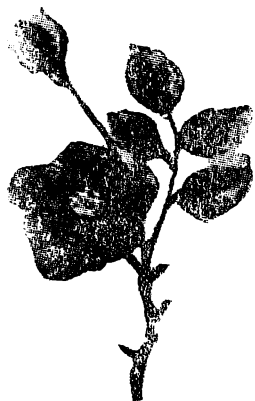
В конце четвёртого урока учительница Таисья Михайловна заговорила с ребятами о том, что они должны будут делать летом, чтобы провести его с пользой.

— Вы можете заняться сбором коллекций бабочек, камней или цветов, — сказала она. — Кому что нравится... Ведь лето, ребята, большое, значит, увидеть, узнать и собрать можно многое. Стоит только захотеть.

Таисья Михайловна будто угадала мысли ребят: верно, лето большое, и каждому интересно показать осенью, кроме дневника, который они будут обязательно вести, и отзывов о прочитанных книгах, ещё и свои коллекции.

В классе сразу же стало шумно, будто засобирались уже на экскурсии, в походы за город. Там, действительно, наступила весна с бархатистой свежей травой, которую так и хочется погладить, с перекличкой птиц, с чистыми, будто вымытыми ветром, просторами дорог.

А каким тесным, неуютным и маленьким показался в этот день класс!

**

Маринка решила собирать цветы для гербария. В солнечные летние дни она отправлялась с мамой за город, на «Белый ключ». Место это называлось так потому, что здесь когда-то, очень давно, из-под земли бил светлый, прозрачный родник. Сейчас родник заглох, осталось только название да великолепное травяное раздолье на целые километры вокруг.

Травы шелестят и, переплетаясь с цветами, расстилаются ковром невиданной раскраски. Тут изумрудный «кукушкин лён», и пушистая тимopheевка, и игольчатая ветреница, и сладко пахнущий клевер, и много других цветов.

Маринка бежит то к одному, то к другому цветку, осторожно срывает их и складывает в букет.

Ей очень хочется узнать, почему эти маленькие розовые цветы называются «кукушкины слёзки», а эти «кукушкин чепчик».

Вот если бы хоть раз увидеть кукушку.

Маринка только слышала, как она куковала однажды где-то в глубине леса.

Ещё весной, когда они с мамой были здесь первый раз, Маринка нашла подснежник. Какие у него мохнатые лепестки, как будто они сами защищаются от холода ранней весны. А стебель — толстый и наполненный влагой.

Маринка помнит, когда она положила подснежник в книгу, бледные, чуть с желтоватым оттенком лепестки сохли очень долго. После этого она приносила домой и синий колокольчик, и сибирский ландыш, и жёлтый мак. Сразу же, не давая поблёкнуть нежным лепесткам-недотрогам, Маринка закладывала цветы между страниц в книгу. Она стала называть эту книгу «сушилкой».

Как только у Маринкиной мамы был свободный от работы день, они уходили за цветами. Пока шли по городу, мама держала Маринкину руку в своей. Но по лесу Маринка всегда любила идти впереди. Тропинка петляла то вправо, то влево, иногда небольшие встречные кусты закрывали на минутку светлое платье девочки, и тогда мама громко окликала её.

Эхо подхватывало мамин голос и далеко-далеко по лесу неслось: «Мари-и-нка!»

Была уже середина лета. Дни стояли очень жаркие, особенно знойно становилось к полдню. Травы никли и замирали, и только жуки, мухи, бабочки бесчисленным шумным роем крутились в воздухе. Лето катилось, не останавливаясь, всё вперёд и вперёд. Каждый раз Маринка находила в лесу что-нибудь новое.

В одном месте, на старой берёзе, она увидела, как из гнезда выглядывали птенцы... Один из них даже уселся на край гнезда и расправлял свои торчащие крылышки. А вот там, вправо от тропы, где они обычно отдыхали с мамой, раньше журчал маленький ручей. Сейчас он пересох и затих.

Новые появились в лесу цветы.

Уже исчезли жарки и колокольчики, изредка встречались «кукушкины сапоги» и доцветал бледнокремовый мак. Зато каких чудесных жёлтых лилий нарвала Маринка в последний раз! А саранок! Они пламенели

■ переливались яркокрасным цветом. А пыльца на них совершенно бархатная: даже понюхать нельзя без того, чтобы не вымазать себе нос. Нашла Маринка и пунцовую гвоздику, но она знала: у этих цветов были слишком мягкие, нежные лепестки, они быстро вяли, скручивались и становились некрасивыми. Маринка осторожно закладывает гвоздику в книгу, расправив тонкие резные края этого необыкновенного цветка. Книга у неё всегда с собой.

Из похода Маринка возвращалась хотя и сильно уставшая, но довольная. Теперь она уже не бежала впереди мамы, а шла рядом; и о чём только они не говорили: и о том, что видели сегодня в лесу, и об интересных книжках, которые Маринка недавно читала, и о том, как она пойдёт осенью в школу, теперь уже в третий класс. Её, пожалуй, не узнает никто — так она выросла и загорела. Маринка одной рукой крепко прижимала к себе книгу, в которую заложила цветы, а другой всё отмахивалась от комаров. К вечеру они всегда нападали сильнее.

Дома Маринка ещё раз пересматривала свой гербарий и ложилась спать.

Однажды утром произошло необыкновенное событие.

В «Пионерской правде», которую почтальон всегда приносил рано, было напечатано обращение учёных-ботаников к советским ребятам. Оно так и называлось: «Друзьям растений» Учёные рассказали пионерам о том, что в Москве открывается Главный ботанический сад Академии наук. В этот сад собираются растения со всех частей света, но больше всего учёных интересуют те, которые растут в разных уголках Советского Союза. Учёные изучат растения, чтобы полезные применить в народном хозяйстве.

«Наш Главный ботанический сад должен быть самым лучшим, самым богатым по количеству растений и красивым садом в мире,— писали учёные.

А для этого нужно, чтобы взрослые и дети приняли участие в его создании...»

В левом углу письма помещался адрес Главного ботанического сада.

Маринка несколько раз прочитала обращение учёных и, не дожидаясь, когда вернётся с работы мама, решила сама: она пошлёт в Москву свой гербарий. Но как это сделать? Тут уж без мамы не обойдётся! Ведь «посылка» эта особенная и пойдёт она очень, очень далеко. Маринка представила себе, как уложенные в ящик цветы будут путешествовать через горы и реки, будут проезжать города и множество станций.

Несколько вечеров подряд Маринка готовила свой гербарий к отправке. Она вынимала из книги засушенные растения и бережно раскладывала их на картоне. Потом, так же бережно пришивала к картону каждый цветок и крупными буквами надписывала внизу его название. Вот душистый горошек, его лиловые лепестки похожи на крылья

мотылька. Но теперь ему уже никуда не улётеть, нет! Маринка пробует, крепко ли сидит на картоне горошек — мотылёк. А вот восковые чашечки «сибирского ландыша». Они остались такие же белые, как тогда, когда Маринка сорвала их, а завитки «кукушкиных слёз» такие же красивые... Словом, гербарий вышел на славу. Дело было теперь только за тем, чтобы хорошо упаковать этот драгоценный подарок. Укрытые несколькими слоями бумаги, листы картона с цветами поместили в большую коробку. Потом Маринка с мамой отнесли посылку на почту. Чётко и понятно был написан на посылке адрес:

Москва, Главный ботанический сад Академии наук СССР.

Подошёл август. Часто перепадали дожди, и Маринка в лес теперь не ходила. Чаще всего она сидела с книжкой дома или играла с ребятами на дворе. Почему-то в «классы» любили играть только девочки. Когда они прыгали, стараясь попасть в расчерченные по земле квадраты, то у них тоже смешно прыгали сзади косички. Были у ребят и другие игры, например, в «лапту» или «палочку-застукалочку». И хотя иногда в игре поспорят и даже поссорятся, но всё-таки дружно жили в этом дворе.

В дождливые дни, когда все сидели по домам, Маринка любила взобраться на подоконник и смотреть на мохнатые тучи, нависшие над двором, на непрерывную струю воды, падавшую из водосточной трубы, на дождевые капли, что текли по стеклу.

О посланном в Москву гербарии Маринка пока ничего не говорила ребятам. А если там не примут? Что тогда?

И вдруг в один из дней, который Маринка запомнит навсегда, — мама принесла с работы письмо. На конверте была маленькая приписка «для Мариночки». Распечатала она его сама, и вот что было написано там:

— Дорогая Мариночка!

Твоё письмо Главному ботаническому саду привело в восторг не только академика П. А. Баранова, но и ближайших сотрудников, в число которых вхожу и я. Твой гербарий приходили смотреть все ботаники нашего сада. Растения гербария засушены так умело, что сохранились самые нежные краски лепестков. Я веду работу по устройству участка «Сибирских растений»; их накопилось у нас уже довольно большое количество, но таких красивых, как у тебя в гербарии, на участке Главного ботанического сада ещё нет.

Дальше в письме была просьба прислать в ботанический сад семена тех цветов, которые входили в Маринкин гербарий, и указать местность, где они собраны.

Заканчивалось письмо так:

— Пиши. Спрашивай, что тебя интересует. На всё ответим с удо-

вольствием. Посылаю тебе фотографии растений, посаженных в нашем ботаническом саду. Передай привет твоей маме. Крепко жму твою маленькую трудовую руку.

В. Кузнецов

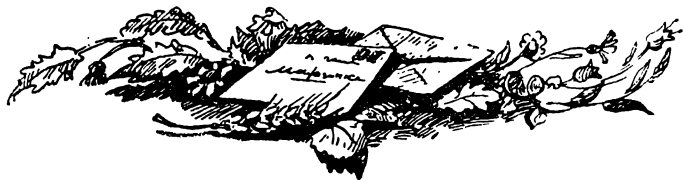
Когда письмо было дочитано до конца, Маринка принялась рассматривать фотографии: вот «Гигантский лук» — семена привезены с Тянь-Шаньских гор, а растение с мудрёным названием «Остро-Питра» получено из Московской области, а нежный ковыль — из Средней Азии.

Под стеклянный кров Главного ботанического сада собираются растения всего мира, а учёные-садоводы отдают науке о растениях всю жизнь. Они разводят новые сорта лекарственных трав и находят новые, полезные человеку растения. Маринка задумалась, вспомнив, как однажды на уроке Таисья Михайловна говорила об этом...

— Мама,— сказала Маринка,— я буду собирать семена для того сада. Только не одна. Мне будут помогать ребята, ведь семян нужно много. Сегодня же я им всё расскажу — вот они удивятся. И ответ академикам мы напишем вместе... А когда вырастем — все поедем в Москву, найдём отдел «Сибирских растений», а в нём наши цветы...

Но это были уже мечты.

Впрочем, мечтать Маринка любила, потому что знала: стоит только захотеть — всякая мечта сбывается.

В. ПУХНАЧЁВ

ЧЕЛОВЕК — ВЕЗДЕ ХОЗЯИН

В ожидании катера мы сидели на берегу Тыма у села Новый Напас. Таёжная коричневая река убегала, петляя от песка к песку¹ к далёкой Оби.

Мой товарищ в путешествии к дальним селениям хантов и селькупов Андрей Лендогин, поглядев на реку, заметил:

— Чем так ждать — лучше на обласке поехать.

— Сто километров? — удивился я.

— А разве это много? — возразил Андрей. — Из Лымбаль Карамо сегодня приехала Елена. Больше двухсот вёрст будет.

— Двести вёрст... одна и не побоялась? А кто это такая Елена?

— Ты не знаешь Елену Пыршину — девушку из семьи лучших охотников? — спросил Андрей. — Если бы ты её видел! Ой, какая это девушка! А бояться — чего ей бояться? Человек — везде хозяин!

Позади нас послышались лёгкие, быстрые шаги. С обрыва, играя тонким веслом, спускалась девушка лет семнадцати. Её стройная фигура, чуть-чуть скуластое лицо, голубые глаза невольно привлекли к себе внимание.

— Вот она, Елена, — восхищённо шепнул мне Андрей.

— Здравствуй! — коротко сказала девушка и протянула руку.

— Садись, — предложил Андрей.

¹ Так называют здесь отмели.

— Спасибо. Меня в Старом Напасе ждут. Гостить, однако, буду,— улыbnулась Елена.

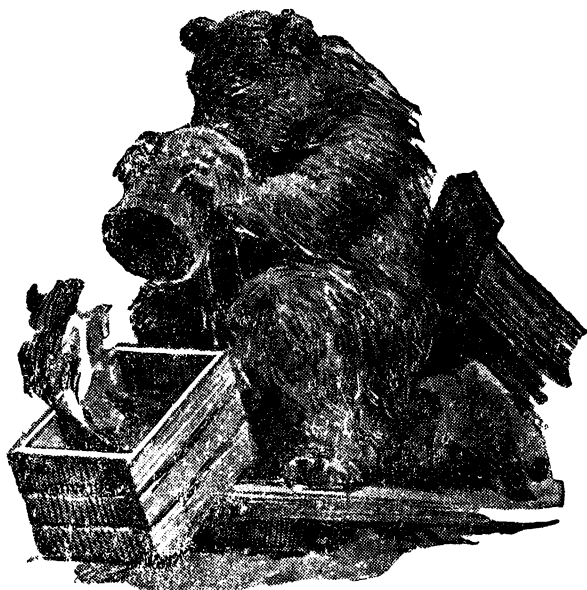
— Нет, мы тебя никуда не отпустим,— рассмеялся Андрей, держа руку девушки,— пока не расскажешь нам, как седьмого медведя убила.

Я подумал, что Андрей шутит. Елена, улыбаясь, ответила:

— Крепким чаем напоишь, тогда расскажу.

...Я записал её рассказ о седьмом медведе.

— Это было прошлой осенью, в девятый месяц года. Все молодые и сильные из нашего дома ушли в Урман шишковать — кедровый орешек бить. Дома осталась одна старая Имъял-пая — бабушка с тремя внучатами. Жильё у нас хорошее, как у русских построено, рядом лабаз.

В нём запас — всего много. Бабушке двадцать шагов пройти — муки, сушёного мяса, мёду, сахару — чего хочешь бери. Живёт Имъял-пая о внучатах день-другой, всё хорошо, а на третий день выглянула что-то в окошко — глазам не поверила. Идёт к лабазу медведь. Большой, старый, видно. Она двери на засов, хорошо ребятишки дома были. Смотрит Имъял-пая и ждёт — что дальше будет?

Медведь к лабазу подошёл, вокруг походил. Постоял у двери, понюхал. Потом одной лапой за приступку ухватился — лабаз-то на столбах стоит,— другой по дверям ударил. Сбил защёлку, дверь открылась. Медведь — в лабаз.

Бабушка смотрит — медведь хозяйничает там. Схватил мешок с мукой — наружу выбросил. Потом туес берестяной с мёдом нашёл, тихонько вынес его. У лабаза сел, лапу запустил в мёд. Туес прикончил и отдыхать лёг.

Ночь настала. Бабушка думает: уйдёт утром «хозяин». А он утром опять в лабаз. До сахара добрался. Опять сел, причмокивает, ест. По-правилось житьё.

Бабушке ребят кормить нечем. Плачут — есть хотят. Имъял-пая думает: что делать буду? Он тут на всю неделю останется — с голоду пропадём?!

Надумала так. Медведь уснёт, окно с другой стороны дома открою, выберусь потихоньку, к своим в Урман побегу. Ребятам наказала тихо сидеть, дожидаться её. Пришла к нам на становище. Там одна я была. Ох, и рассердилась я! Ружьё пулей зарядила, домой бегом, племянников выручать. Имъял-пая отстала. Ей девяносто зим отроду...

К дому подхожу, медведь меня слышал, на дыбы встал, навстречу пошёл. Осталось до него шагов пятнадцать...

— Один на один? — не выдержал я. — А если бы осечка?

Елена посмотрела на меня удивлённо и сказала, поглядев на заливную солнцем реку:

— Хорошее ружьё не осекается. — И, обращаясь к Андрею, добавила лукаво: — Однако теперь тебя придётся поить чаем, когда приедешь к нам!

Она поднялась лёгкая и гибкая, оттолкнула от берега обласок и, стоя в лодке, взмахнула веслом.

СИЛА ЖИЗНИ

Ранней весной я бродил с ружьём по берёзовым сибирским колкам в долине степной реки Алей.

Здесь по весенним разливным лужам, на болотистых озёрцах, по-сибирски «лягах», водились кряквы — самые большие утки.

Увлёкшись охотой, перелесками я незаметно вышел к берегу реки и попал на чью-то пасеку. Между деревьев выстроились рядами ульи. Поодаль виднелся омшанник¹. Рядом с ним стояла небольшая избушка. Из неё навстречу мне вышел невысокого роста старичок с белой бородкой и голубыми глазами. В руках у него была новая рамка.

— Нечаянно к вам попал... — начал было извиняться я.

— Милости просим, не часто бывают гости у нас. Садитесь, отдыхайте. Добыча-то уже есть? — сказал старичок, заметив в моей сумке двух селезней. — Вот чаёк вскипит — побалуемся.

В разговоре выяснилось, что нахожусь я на пасеке совхоза имени Молотова.

Гостеприимный хозяин мой Иван Александрович Размыслов оказался занимательным собеседником. Умные глаза его с хитрецей поглядывали из-под седых бровей.

За чаем вспомнил он один случай.

— Было это лет десять тому назад. Весна в тот год выдалась дружная. Со всех пригорков, из оврагов солнце враз согнало воду в Алей. Сейчас он, видали, тихий. От омута до омута чуть бежит. А тогда река вздыбилась, сорвала лёд и понесла. Да где-то у крутояров получился затор. Стала вода прибывать поминутно. К ночи Алей через берега перебрался и пошёл гулять, подступать к нашей пчелиной зимовке. Пчёлы в ту пору в омшаннике находились.

Выскочили мы ночью из избушки с Петьшей, жил со мной тут пар-вишка лет шестнадцати, помощник. Тьма, ветер воет, и где-то рядом вода бурлит.

«Батюшки мои, — думаю, — что же это делается?! Ведь зальёт омшанник! А там шестьдесят ульев». Лодчонка у нас была небольшая, подняли мы её на крышу, цепью прихватили к балке. Давай, говорю, Петьша, вытаскивать пчёл на крышу. Принялись с ним за дело. А вода всё ближе да ближе. Первый десяток ульев подняли, подбежала волна, в омшанник хлынула. Мы в темноте шаримся, выносим ульи. Вода сначала до колен была, а потом уж и по пояс поднялась. Нас самих от холода судорога сводить начала, и в омшаннике только вплавь, а всё же пятьдесят четыре семьи подняли на крышу... Не сумели только последних шести ульев вынести.

«Пропали пчёлы», думаю. Взяло меня горе, кое-как ночь скоротали.

¹ Зимнее помещение для пчёл.

Утром — светать начало, Алей к этому времени затор прорвал и схлынул. Вода ушла с пасеки. Я и говорю:

— Ну, Петруха, не сберегли мы с тобой пчёл, давай хоть ульи вынем.

Вытащили последние. Солнце поднялось, теплом потянуло. Небо синее-синее. А я рамки вынимаю, сам чуть не плачу. Пчёлы-то прижались к сотам, да так и замерли, сжавшись вместе.

Пётр говорит мне:

— Конченное дело, дедушка, стряхивай их в воду. Придётся на стихию списать.

А я, словно на что-то надеюсь, велел ему разостлать брезент на солнечной стороне и стал пчёл сметать на него. Из шести-то ульев порядком набралось. Поглядел я на них и пришла мне мысль: взбрызнуть их сытой — водой с мёдом. Так и сделал.

К тому времени солнце свою силу взяло. Термометр в тени двадцать градусов показывал.

Сел я рядышком на брезент. Через полчаса глянул и глазам не верю. Одна пчела ножку вытянула, другая крылом шевельнула. А потом ещё и ещё задвигались, зашевелились мои воскресшие.

Я от радости и про годы забыл, хожу, приплясываю. Петьша мой суетится тут же. — Загадка природы, — говорит. А я так думаю, либо

пчёлы в клубки сбившись, прикрыли друг друга, и которые в середине были, те выжили. Либо уснули они в холоде, а потом ожили. Отыскали мы трёх оживших маток, собрали три семьи, пересадили в ульи. Зашумели пчёлы, это пять часов в ледяной воде пробывшие, замороженные! Вот она сила жизни какова!

Летом все три семьи отроились и мёду нанесли не хуже других. Сильна жизнь! — закончил рассказ Иван Александрович.

ОХОТНИЧЬЯ СМЁТКА

Фёдор Андреевич Бабин, искусный охотник и занимательный собеседник, говорил мне:

— Я думаю так: где бы ты ни работал — ищи новое, совершенствуй жизнь. А научился чему — другим Расскажи, передай опыт. Смётку каждый в себе развивать должен.

...Заприметил я раз на охоте, как бежала лиса по увалу и вдруг встала, словно вкопанная, наострила уши. Что она заметила? Наблюдаю. И тут донёсся до меня заячий крик. Косой, видно, в беду попал. Схватил его хищник какой-нибудь или другое что случилось, только лиса в тот же миг на крик бросилась. Да точно по нитке направление засекала. Но опоздала кума, зайца беркут поймал, поднял и понёс к себе.

Тут и пришла мне мысль: а что если самому попробовать заячьему крику подражать, лис подманивать?!

Всё лето тренировался. Бывало закричу пронзительно-жалобно: **ува!** **ува!** Соседи из окон выглядывают: что, дескать, такое случилось с **Бабным?**

Пролетело лето, настал зимний сезон. Я поверх ватника белый халат с капюшоном надел, белые валенки обул и забрался в степь, к лисьим тропам да лёжкам звериным поближе. Близ берёзовых колок пересяк два свежих лисьих следа, обошёл их с подветренной стороны, залёг в кусты, окопался в снегу, замаскировался. Бруствер небольшой сделал из снега. Лежу, поглядываю. Устроился поудобнее и крикнул так, как заяц кричит в беде, потом ещё разок. Смотрю, как будто вихрем вынесло из дальних кустов огневушку. Прямёхонько ко мне несётся. Любит лиса зайчатиной полакомиться. Метров двадцать до «зайчатинки» осталось. Не добежала... Картечь — дело серьёзное!

Таким способом добыл я их не один десяток. А сам думаю, хорошо бы молодых охотников этому способу обучить. Но только не всякий может подражать зверю и птице в крике. Да и у самого иной раз сведёт губы от холода — не получается дело. Вот технику какую-нибудь приспособить... Крепко задумался. Подманивают же селезней на манок... А если в самом деле манок такой сделать, чтобы заячьему крику подражать? Всё лето провозился, подбирал разные металлические пластинки,

дерево разных пород. Добился, наконец, своего — сделал такой манок. Подуешь в него — доподлинный заяц надрыдается будто. А с другой стороны голосу косули подобие подобрал, поглубже пластинку поставил.

И вот новой осенью забрался я километров за 15 от Татарки, в камышёвые займища, в берёзовые перелески, поближе к волчьим логовам. Хожу, выискиваю следы звериные. В одном колке остановился, глянул — по возвышенности три серых гуськом друг за другом идут. Спустились в низинку, в камыши пошли. Видно, сытно закусил, лёжку отыскивать стали. Дал я им успокоиться, залечь. А потом обошёл широким кругом камыши. Выходных следов не обнаружил: точно — залегли звери. Тут я забрался в кусты, окопался в снегу, можно сказать, как разведчик, слился с местностью. Достал маночек и так-то тоскливо крикнул: ува! Подождал минутку и уже послабее, будто совсем плохо зайцу, ещё разок. Не выдержали хищники. Выскочили из камыша, захотели вырвать у соперника кусок. Несутся ко мне, ничего не чувят — ветер от них дует. Впереди самый большой волк. Подпустил я его на 15 метров и всем рядом прямо в грудь. На месте замер волк. Второй — вправо, наутёк. Этого из другого ствола угостил по боку. Он через голову перевернулся, метров десять протащился — и готов. А третий с испуга заметался,

было, туда-сюда, да оправился и бежать. А у меня задержка вышла, патрон застрял в патронташе. Не успел я третий раз выстрелить.

Оснимал волков, вернулся домой. Дочерям и сыну такие же манки поделал, других охотников наделил.

А один маночек отдельно смастерил. В Москву, в Министерство заготовок послал. Пусть там эксперты проверят. Может по всему Союзу вещь пригодится.

РАССКАЗЫ НАТУРАЛИСТА

Михаил ЛЕСНОЙ

Свое детство я провёл в глухой деревне. Вокруг нашего села много рощ, лесов и перелесков, а в полу-

километре широкой синеющей полосой

тянулся тёмный лес, неведомый и страшный, прерываемый болотами, речками, озёрами.

Целыми днями я пропадал с приятелями в лесах, болотах и полях и рано при-
страстился к охоте, полюбил природу, как самого близкого друга. Эти детские увле-
чения и впечатления в значительной степени повлияли на мою дальнейшую судьбу:
я стал биологом и никогда не порываю связи с природой.

За долгие годы скитаний у меня накопилось много наблюдений и встреч с обита-
телями лесов, полей и озёр. Некоторые из них я записал в короткие рассказы, кото-
рые и предлагаю вниманию юных читателей.

МУРКА

Мать поймала нашу кошку Мурку и выдрала её веником за то, что
она лизала по крынкам сметану. Мурка закричала истошным голосом:
— Мя-а-а!.. Мя-а-а!.. Мя-а-а!..

Как-то раз я был в саду. Сад старый — деревья высокие, тенистые...
И вдруг слышу: на верхушке дерева кричит Мурка.

— Как она могла там очутиться?

Листья не позволяли мне её видеть, но по крику свою кошку я везде
узнаю! Одного только я не могу понять: почему она кричит опять таким
же истошным голосом? Никто же её больше не бьёт! И крик был не

сплошной, не такой, как в комнате, а с перерывами. Крикнет и стихнет, потом снова:

— Мя-а-а!.. Мя-а-а!..

Я подумал:

— Не завязла ли наша Мурка между сучьев?

Тут подошёл ко мне отец и спросил:

— Иволгу слушаешь?

— Какую иволгу? — Мурка наша завязла где-то на дереве и кричит.

Отец рассмеялся.

— Иволга это... Смотри, вот и сама она!.. Видишь на верхушке берёзы сидит жёлтая птица? Это она и есть. Полезная, золотая птица. Она да кукушка уничтожают в огромном количестве волосатых гусениц, самых страшных вредителей леса... Видишь?..

В это время раздался приятный переливчатый свист. Иволга громко повторила его несколько раз.

— Убедился? — спросил отец.

— Она же не так кричала.

И в этот самый момент, как бы подтверждая слова отца, иволга закричала снова:

— Мя-а-а! Мя-а-а!

НОРА

Был у нас знакомый охотник, Иван Петрович Рыжков. Прославился он не только как хороший стрелок, но и как хозяин ирландки¹ — собаки Нору.

Однажды Иван Петрович пригласил на охоту моего отца. Я упрямился и взял с собою поохотиться.

Пришли на место. И вдруг, обращаясь к собаке, Иван Петрович сказал:

— Ну, милая, сходи, поищи тетеревишек!.. А мы пока отдохнём...

Нора скрылась. Мы сели на пенёчки. Рыжков закурил, угостил отца. Отец удивился:

— Как это можно рассиживать во время поиска?

— Так оно и должно быть, — ответил Иван Петрович. — На то и собака, чтобы помогать человеку.

Прошло несколько минут. Вдруг бежит Нора, такая озабоченная... Подбегает к нам, берёт хозяина за полу и тащит. Даёт знать — пойдём, мол. Иван Петрович приласкал Нору и поднялся с места:

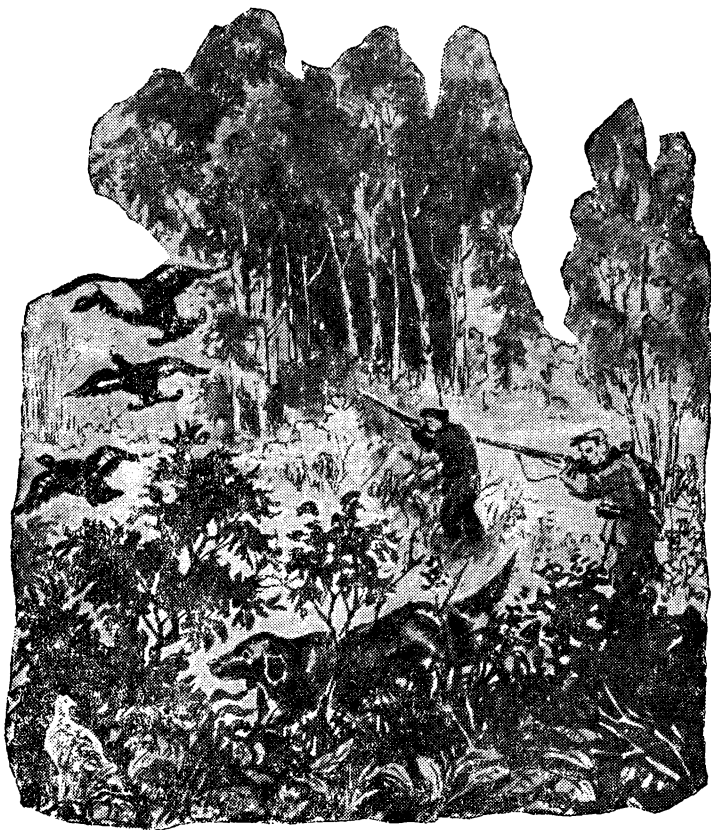
— Теперь вот можно и поохотиться!

¹ Ирландка — длинношёрстная порода легавых собак темнорыжей окраски.

Идём. Нора впереди. Мы за ней. А она пробежит несколько шагов да оглянется, пробежит да оглянется, словно говорит:

— Не отставайте!

А сама спокойная, деловитая, как будто идёт взять то, что она сама недавно спрятала. Морда вверх, а ноздри — как меха гармоники. Ведёт уверенно. Подошла, вытянулась на стойке и замерла. А перед ней куст.

— Вперёд!

Нора сделала два-три шага. С шумом и квохтаньем поднялся выводок. Прокатились выстрелы. Три тетеревёнка упали на траву... А Нора? Она лежит, как мёртвая, прижавшись к земле. Она знает — без разрешения — ни шагу.

Раздаётся команда:

— Подай!

Нора одну за другой приносит хозяину всех птиц. И его, и отца, и мою.

Отец пошутил:

— С такой собакой с одного подъёма сетку набьёшь!..

Иван Петрович выбрал удобное место у пенька и сказал собаке:

— Мы закусим здесь, а ты, голубушка, сбегай поищи ещё!

И Нора исчезла.

Мне было странно, что в такой момент охотник может оставить охоту и заняться едой, но Иван Петрович вынул из сумки свёрточки, развернул их и разложил всё на широком пне...

— Иван Петрович! — Заговорил мой отец. — Да где же это видано, чтобы в такой напряжённый момент и завтракать.

— Ничего, — приглашая к «столу», спокойно ответил хозяин. — Торопиться некуда...

Сидим, закусываем и смотрим: бежит Нора. А Иван Петрович как будто её и не замечает, искоса поглядывает на отца и, не торопясь, продолжает угощать. Сложил затем все остатки в сумку и сказал:

— Теперь можно и за дело.

И Нора привела нас к выводу.

— Где вы взяли такую собаку? — не вытерпел я.

— Не взял, а выучил, — спокойно ответил Иван Петрович. — Она прошла у меня большую учёбу. Без этого хорошей охотничьей собаки не сделаешь.

КУКУШОНОК

В кусте возле сарая я нашёл гнездо мухоловки. В нём лежало пять зеленоватых с ржавыми крапинками яиц. На следующий день я заметил, что в гнезде осталось только четыре яйца, а на земле валялись скорлупки от пятого. Это меня озадачило: кто мог выбросить яичко?

Забравшись в сарай, я стал через щель наблюдать жизнь гнезда. Вот прилетела мухоловка и села на яйца... Всё спокойно, ничего интересного.

После обеда я сидел с книгой в саду, поодаль от гнезда. Мухоловки не было. Вдруг вижу: к гнезду подлетела довольно крупная птица с длинным хвостом, держа что-то в клюве. Это была кукушка. А когда она улетела, я обнаружил в гнезде уже пять яиц, но одно из них значительно крупнее остальных. Окраска же ничем не отличалась. Было ясно: кукушка выбросила яйцо мухоловки, чтобы положить своё. А выбросила для того, чтоб её проделка осталась незамеченной.

Этот случай ещё больше заинтересовал меня, и я часами просиживал в сарае, наблюдая тайны семейной жизни мухоловки. Через несколько дней в дневнике записал:

«У мухоловки появились птенцы. Среди них и кукушонок. Он перехватывает приносимую для всех пищу и растёт быстрее всех. На вид безобразен: неуклюжий, с толстой головой и с большими выпученными глазами. На черноватой коже торчат пеньки неразвившихся перьев...»

Кукушонок повыбросал из гнезда своих маленьких собратьев и остался в гнезде один.

Я недоумевал, зачем понадобилось кукушонку выбрасывать из гнезда птенцов.

И вот однажды я случайно прикоснулся палочкой к спине кукушонка, его всего передёрнуло. Будто он получил болезненный удар. Тогда я положил на его спинку маленький комочек земли. Даже от столь незаметного прикосновения кукушонок пришёл в такое возбуждение, что вскочил и бился до тех пор, пока не сбросил с себя всё, что раздражало его. И птенцов он выбросил из-за болезненной раздражительности нервов спины.

Родители, выбиваясь из сил, попрежнему продолжали кормить приёмыша. Когда же кукушонок вылетел из гнезда, мухоловки всё время

сопровождали его. И кормили до тех пор, пока тот не улетел от них совсем.

Меня долго мучила мысль о погибших птенцах. Но когда я узнал, что за день кукушка поедает до тысячи девятисот гусениц и личинок самых опасных, прожорливых лесных вредителей, то понял, что кукушка приносит больше пользы, чем вреда...

С тех пор я полюбил эту птицу. И когда из леса доносилось первое весеннее кукованье, так волнующее сердце, я весело смеялся. И всякий раз передо мной невольно вставал образ безобразного кукушонка — с толстой головой и с большими выпученными глазами...

КАШЕЛЬ ЛЕШЕГО

Однажды под вечер мне пришлось быть в глухом лесном увале, славившемся обилием зверя и птицы.

Иду лесом и слышу:

— Кха!.. Кха!.. Кха!..

Звук усиливался эхом и ночной тишиной леса. И мне представилось, что кашляющее существо должно быть огромных размеров. Стало даже страшно.

Пройдёт минуты две-три и снова:

— Кха!.. Кха!.. Кха!..

— Кто бы это мог быть?

Из глубины леса таинственно выглядывают причудливые тени. Хотя и стыдно в этом признаться, но мне одному в глухом и незнакомом лесу стало не по себе.

Подумал:

— Это корова... Подавилась травой — вот и кашляет. Так бывает...

Снова:

— Кха!.. Кха!..

Кашель мало похож на коровий: слишком он хриплый и протяжный. Я невольно вспоминаю слышанные мною в детстве сказки о лешем, о лесных чудовищах. А недалеко опять:

— Кха!.. Кха!.. Кха!..

В конце концов любопытство во мне одерживает верх над трусостью, и я направляюсь навстречу неведомому чудовищу. Кашель замолкает, а потом снова возобновляется, но уже в другой стороне, как будто таинственный лесовик пугает меня, дразнит или просто играет со мной в прятки, скрываясь за старыми косматыми елями. А может быть хочет заманить в чашу...

Я долго бросался так из стороны в сторону и, как ни старался найти таинственное существо, издававшееся надо мной, но оно было неуловимым.

Наконец, я добрался до избушки лесника. Мне неудобно, немножко стыдно. Всё же полушутя спрашиваю старика:

— В лесу-то у вас всё тихо?

— А что?

— Да кто-то всё бежит из стороны в сторону... И всё кашляет... Хрипло так, точно леший...

Хозяин посмотрел на меня с недоумением, не понимая в чём дело, затем добродушно рассмеялся:

— Да это козлы кричат — козлух подманивают!..

Г. В. КРЫЛОВ

Если бы мы с вами могли перенестись на несколько миллионов лет назад, то увидели бы на берегах Оби и Енисея заросли дубов, липы, клёна, ольхи, берёзы, ивы и многих других деревьев.

В лесу паслись бы стада кабанов, бродили по полям антилопы, а хищный лев ночами подстерегал бы свою добычу. Увидели бы мы с вами здесь жирафов, слонов, обычных для того времени обитателей Сибири. Увидели бы и древних предков человека — дриопитеков — древесных обезьян.

Шли столетия. В Сибири началось похолодание. Огромные ледники спускались с гор в долины и степи. Они заняли больше половины сибирских лесов, уничтожая на своём пути всё живое. Вместо дубов и липовых зарослей у подножья ледников селились лиственница, сосна и кедр.

Шли ещё столетия и столетия... Под влиянием нового потепления климата через тысячи лет растаяли ледники и отступили на север. На освобождённых территориях Сибири зашумела народившаяся новая тайга. С южной кромки к ней подходили березняки и осинники, но дуба среди них уже не было.

Дуб сохранился только на Дальнем Востоке и за Уралом, а его спутник — липа уцелела от ледникового холода и в долинах Кондомы близ Алтая, и за Уралом, и в лесах Амурской области.

Шли новые столетия... Липа начала возвращаться в Сибирь через Уральский хребет. Её семена переносили на большие расстояния птицы и мелкие зверки. Километр за километром двигалась липа всё дальше и дальше в освобождённую от ледников Сибирь, занимая узкие длинные полосы по кромке тайги.

Сложнее было дело с дубом: семена (жёлуди) у него тяжёлые — от 4 до 8 граммов, и не каждая птица и маленький зверок могли унести их с собою. Вот почему дуб задержался перед Казахстанскими степями.

Вставал в науке и такой вопрос: а может ли дуб расти в Сибири в послеледниковый период?

И большинство учёных на этот вопрос отвечало отрицательно, ссылаясь на холодный климат Сибири, на вечную мерзлоту, на засоленность почвы, на весенние заморозки. И только отдельные учёные высказывали мнение о том, что дуб расти в Сибири может. К числу таких учёных принадлежал Порфирий Никитич Крылов, известный в Сибири знаток растительности и путешественник. Им были произведены опытные посадки дубов в университетском саду в Томске.

Мне, как специалисту лесоводу, не однажды приходилось бывать в дубовых лесах Сталинградской и других областей европейской части нашего Союза, и всегда дубовые леса оставляли у меня незабываемое впечатление. Дубовые роши — это краса и гордость русского леса.

Древесина дуба отличается долговечностью. Дуб растёт до тысячи и более лет, достигая высоты до 50 метров. Корни его уходят в глубину на 20 метров, извлекая из земли грунтовые воды. Кора дуба является ценным сырьём для кожевенной промышленности. Жёлуди дуба содержат в себе большой запас питательных веществ, позволяющих развиваться молодым всходам даже в условиях засушливой степи. Дуб был и остаётся самой ценной и красивой породой из всего разнообразия наших лесов.

Мысль о том, что дуб может расти в Сибири, не покидала меня в последние годы, и я нашёл подтверждение своей мысли в саду старейшего миучуринца Новосибирска Ивана Васильевича Визгина, где прекрасно прижилось несколько дубов. Здесь я видел пятидесятилетний дуб, посаженный самим Иваном Васильевичем. Уезжая из далёких Чебоксар, Визгин привёз с собою несколько жёлудей дуба и посадил их в своём саду. Сейчас этот дуб имеет в высоту восемь метров и даёт ежегодно жёлуди.

С помощью учащихся 42 школы мне удалось найти в садах новосибирцев 26 дубов, 50 лип, несколько елей и лиственниц. Из писем лесоводов мне стало известно, что дубы растут также в Барнауле, Омске, Красноярске, Бийске и в других городах Сибири.

Летом 1950 года в Барабинскую и Кулундинскую степь выезжала на автомашинах экспедиция филиала Академии наук. В задачу этой экспедиции входило изучение двух трасс будущих государственных лесных полос, которые должны стать зелёным барьером на пути казахстанских суховеев.

Экспедицию интересовало, какие породы деревьев лучше всего будут расти в степи, какие породы деревьев разводят колхозники в своих садах, какие птицы и насекомые водятся в степных островных лесах, называемых в Сибири «колками»; что, кроме сосны, растёт в ленточных борах, растянувшихся от Оби до Иртыша вдоль древних русел ледниковых потоков; можно ли разводить в степи дуб, липу, лиственницу, ель, ясень, яблоню, грушу, сливу, вишню.

Особо интересовал экспедицию вопрос о дубе. Удалось осмотреть посевы дуба (по гнездовому способу академика Т. Д. Лысенко) возле г. Купино в Славгородской степи. Здесь экспедиция обнаружила сорокалетние посадки липы, вяза, ели, яблони, сирени и степного миндаля. Все породы плодоносили. Это свидетельствовало о том, что климат Сибири для них благоприятен.

В засушливом Славгородском районе на каштановых почвах оказались хорошие всходы молодых дубов, посеянных в 1950 году, здесь же роща лиственниц, саженцы которых лет десять тому назад были привезены сюда на лошадях из Бердского лесного питомника. Они имели яркозелёную хвою, хороший рост, доходивший у иных деревьев до 7 метров, и молодые шишки. Такое раннее плодоношение мне лично нигде не приходилось встречать раньше.

Ещё южнее, в селе Волчиха, недалеко от кромки ленточного бора, нам посчастливилось осмотреть двенадцатилетние дубки, высаженные в один ряд между тополями и яблонями. Тополи сильно угнетали нежные дубовые всходы, и в затемнённых местах высота дубков не превышала одного метра, в «окнах» же — в просветах между тополями, дубки достигали четырёх метров. Это для нас была большая находка. 150 дубов в сибирской степи, без всякого ухода, да ещё при нарушении лесоводственного закона о том, что «дуб любит расти в шубе, но с открытой головой», опровергали выводы учёных, утверждавших, что дуб расти в Сибири не может.

Экспедиция продолжала путь по Алейской степи. Здесь, около бора, были осмотрены колхозные посевы дуба в лесной полосе, достигшие к августу 15—20-сантиметровой высоты. В Лебяжьем экспедиция изучила рост и развитие амурской липы, бархата, сливы, винограда, лиственницы и молодых дубков, разводимых на опытной лесной станции.

В садах и питомниках Рубцовска путешественники встретили 30-метровые чёрные тополя, 10-метровые мичуринские манчжурские орехи, ясени, уссурийские груши, а в саду мичуринца А. К. Захарова насчитали более 60 пород растений. Здесь рядом с пихтой, привезённой с Алтайских гор, встречается Кавказская липа, рядом с дубом склонились от тяжести гроздьев лозы винограда.

Из Рубцовска машины экспедиции начали подниматься на предгорья Алтая. Промелькнули степные посёлки, каменистые расщелины горных речек, и экспедиция достигла одного из притоков Алея — речки Голубой, на берегах которой, по рассказам колхозников, растёт дубовая роща. Экспедиция подъехала к посёлку Ключи, за которым по косогору тянулся пихтовый лес, уже издали казавшийся необычным из-за крупных куполообразных зелёных пятен лиственных деревьев. Через час выяснилось, что в естественный пихтовый лес лет семьдесят тому назад были посажены дубы, вязы, клёны, ясени, липы, яблони, берёзы, рябины...

Дубы давали нормальный прирост, не боялись обмерзания, на них спели жёлуди.

...Снова степь возле Колыванского озера. Экспедиция идёт дальше, и в Панкрушихинском районе возле села Дол находит ещё одну дубовую рощу, взятую ею на учёт. В открытой степи росли здесь 10-метровые дубы с красивой, раскидистой кроной.

Пчеловод колхоза «Завет Ленина» Собакарёв Федот Иванович рассказал экспедиции историю этих дубков. В 1910 году, после очередной засухи, несколько семей саратовских крестьян решило переехать в Сибирь. На станции Миас, на память о Родине, они взяли несколько жёлудей дуба и привезли их в тряпице на новое место. Весною они высадили их вдоль дороги, и дубки, правда не все, принялись и растут по сегодняшней день.

Прямые стройные стволы деревьев, их крупные жёлуди являются лучшим доказательством того, что дуб может расти в Сибири и давать к тому же хорошую деловую древесину и полноценные жёлуди.

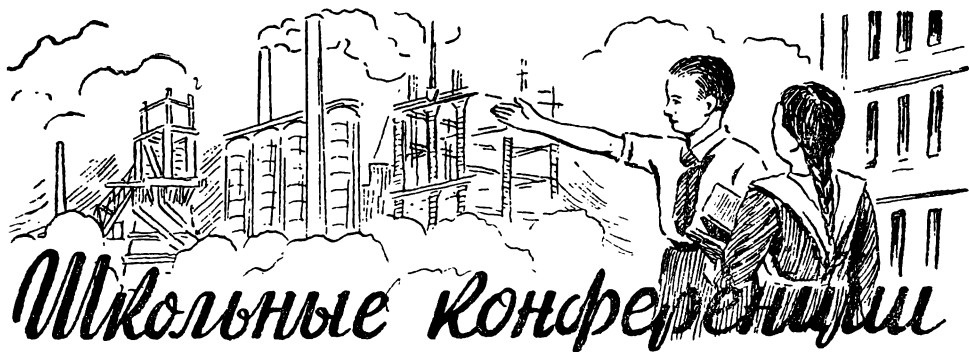
Опираясь на эти факты и на мичуринскую науку об акклиматизации растений, остаётся предполагать, что дуб для Сибири будет ценным перспективным деревом.

Для дуба в предгорьях Алтая и в долине реки Оби много солнечного света, летнего тепла, зимние же морозы для него не страшны, от весенних заморозков цветы дуба могут быть защищены коридорами лип, лиственниц, кедров, ясеней и других более зимостойких пород.

Надо верить, что в ближайшие годы дубы, вместе с другими ценными породами деревьев, появятся на плодородных полях Сибири и создадут на них заслоны, под защитой которых будут зреть и наливать-ся соком яблоки, груши, сливы, сибирский виноград, лимонник китайский, многие другие породы, дающие человеку вкусные и витаминные плоды и ягоды.

Преобразование природы Сибири началось. В сибирских степях насчитываются тысячи гектаров лесных полос, опоясывающих колхозные поля, сады, дающих до десяти тонн плодов с гектара. В Сибири появились первые сотни дубов, первые десятки кустов винограда, а ещё через несколько лет в Сибири исчезнут пылевые бури, прекратятся бурные весенние паводки рек. Обогатится растительный и животный мир, и человек коммунистической эпохи будет получать заслуженные многосотпудовые урожаи хлебов, плодов, ягод и овощей.

Для того, чтобы это замечательное завтра скорее наступило, каждому школьнику надо не только хорошо овладевать знаниями, но любить природу, вести наблюдения над жизнью растений и животных, изучать в своём районе, городе, квартале все полезные растения, собирать семена деревьев, трав, помогать разведению лесов.

Н. ВОРОТНИКОВА

Интересна и разнообразна жизнь советских школьников.

Закончив занятия в классах, ребята работают в кружках на станциях юных техников и натуралистов, во Дворцах пионеров, участвуют в читательских и научных конференциях, в олимпиадах и конкурсах.

С большим увлечением готовятся юные изобретатели и исследователи к школьным конференциям, посвящённым прошлому, настоящему и будущему советской Родины.

Темы докладов, с которыми выступают ребята, самые различные: атомное ядро, реактивные двигатели, русские учёные и изобретатели, великие сталинские стройки коммунизма, выведение новых сельскохозяйственных культур и животных и т. д.

Послушать юных докладчиков приходят не только товарищи по классу и по школе, но и родители.

Лучшие работы посылаются на областные и всесоюзные школьные конференции.

Научные конференции школьников Новосибирской области проходят ежегодно в дни весенних каникул.

В 1951 году на такую конференцию поступило от ребят 167 докладов. Они красочно оформлены, иллюстрированы диаграммами, планами великихстроек, сложными химическими формулами.

О первенстве русских изобретателей написал работу Василий Чернов, ученик 7 класса Болотнинской средней школы, о реактивных двигателях рассказывает ученица 10 класса этой же школы Лидия Ламакина, Антонина Савкина, ученица 9 класса Мошковской средней школы, посвятила свою работу угольным богатствам нашей Родины — чёрному золоту, Раиса Волкова, ученица этой же школы, взяла тему «Лекарственные растения», Борис Паршуков прислал на конференцию доклад, который называется «Фауна и флора Сузунского района».

Школьники заглядывают далеко в будущее, разрабатывают пятилетние планы родного колхоза, села, города: воздвигают новые гигантские сооружения, создают пышные парки и скверы, красивые театры, площади, украшенные скульптурами знатных людей.

Мечты ребят — не пустая фантазия. Это действительно завтра нашей Родины.

Десятиклассник Чернореченской средней школы Искитимского района Евгений Суворов написал доклад о настоящем и будущем Искитима.

Стихотворение, которое Женя посвятил родному городу, он заканчивает так:

Я знаю, я верю, ты вырастешь скоро
И в новое завтра проложишь пути.
Расти же, мой славный, любимый мой город,
Мой новый, советский, родной Искитим.

Будущий Искитим, в представлении Жени, город с хорошо развитой промышленностью, транспортом, с множеством учебных заведений, красивыми зданиями библиотек, театров, кино.

И всё это создадут сами искитимцы.

Женя пишет:

«Хорош город Искитим, но самое лучшее в нём — его жители. Они любят свой город, сами строят его.

С каждым днём на предприятиях города поднимается производительность труда, увеличивается количество рационализаторских предложений, направленных на усовершенствование процессов производства, на экономию средств»...

Женя знает имена лучших людей цементного завода. Сам он хочет походить на Героя Советского Союза И. А. Скокова, который после демобилизации из рядов Советской Армии пришёл на завод и стал к станку. Теперь товарищ Скоков возглавляет один из отделов цементного завода.

Женя подсчитал, что сейчас в городе работает восемь школ, педагогическое училище, 52 магазина, 3 кинотеатра, два парка, очень красивый благоустроенный городской сад и много других учреждений. Ему известны и богатства окрестностей Искитима. За мрамор, охру, лес, известняк, глину, что залегает вокруг города, Искитим называют базой строительных материалов Сибири.

«Пройдёт десяток лет, в Искитиме вырастут новые заводы, улицы покроются асфальтом, в скверах зашумят развесистые клёны.

Площади украсят скульптуры и фонтаны, а на самом видном месте, на мраморном пьедестале будет воздвигнута скульптура самого главного строителя советских городов — товарища Сталина!»

Ученица 10 класса Завьяловской средней школы Тогучинского района Аня Казакова в своей работе рассказывает о замечательном открытии — о передаче изображений на расстояние.

В прошлом — русские учёные А. Г. Столетов, А. С. Попов, Б. А. Розинг, а в наше советское время — С. И. Катаев, В. А. Гуров, П. В. Шмаков и многие другие инженеры и изобретатели сделали большой вклад в эту область науки.

Аня рассказывает о первых опытах, об исканиях учёных, о советских изобретателях, которые работают над увеличением дальности передачи изображения, над задачами цветного и объёмного дальновидения на большом экране.

Дальновидение в нашей стране найдёт широкое применение.

В промышленности оно облегчит диспетчеру завода наблюдение за работой отдельных цехов, водолаз до спуска под воду сможет увидеть объекты подводных работ. Дальновидение позволит видеть в тумане и ночью, даст возможность каждому радиозрителю видеть у себя дома парад на Красной площади в Москве, посмотреть театральную постановку, совершать по радио экскурсии в музеи и картинные галереи.

Лев Вялов из Болотного, прежде чем написать доклад на тему «Пути развития советской химии», прочитал книги Фигуровского «Великие русские патриоты-химики Ломоносов, Бутлеров, Менделеев», Глинки — «Роль русских учёных в развитии мировой химии», Кузнецова — «Новые достижения советской науки и техники», Кафтанова — «Выдающаяся роль лауреатов Сталинской премии в развитии науки и техники СССР», Погодина — «К тридцатилетию советской химии», Вольфовича — «Пути советской химии».

У Риммы Захарченко, ученицы Тогучинской средней школы, доклад о нефти.

«СССР — могущественная нефтяная держава,— пишет Римма.— По запасам нефти в недрах мы занимаем первое место в мире». Последовательно Римма рассказывает о значении нефти в народном хозяйстве.

«Нам нужна нефть, чтобы богатели и крепла наша могучая индустриальная держава.

Наведены пушки американских кораблей на портовые города Аравии, Ирана, Формозы. «Вина» народов этих стран в том, что среди богатств их родины значится и нефть. Без нефти воевать нельзя — и, точно волки, жадно рыщут по свету в поисках нефти поджигатели войны. Только у нас, в Советском Союзе, нефть служит великому делу построения коммунизма», — так заканчивает Римма свой доклад.

Школьные конференции помогают ребятам получать прочные глубокие знания, прививают любовь к труду, умение самостоятельно работать с книгой.

ИВАН ТИТКОВ

В июне 1951 года открылась выставка работ юных художников, организованная Дворцом пионеров и Новосибирским отделением Союза советских художников.

Борьбе за мир, великим стройкам коммунизма, социалистической промышленности, сельскому хозяйству, строительству новых городов, колхозных электростанций, суровой и прекрасной сибирской природе посвятили свои произведения юные художники.

Вот скульптура из пластилина Тамары Зайцевой, ученицы 6 класса 70 школы Новосибирска: мальчик и девочка кормят голубей. Зритель, не читая названия скульптуры, говорит: «Это друзья мира». Группа вылеплена просто, чётко, с большой любовью, с тонким наблюдением натуры.

Анатолий Филиппов, ученик 9 класса 12 школы, выставил плакат «Удар по врагу». На плакате изображён рабочий, бьющий молотом по поджигателям войны. На плакате яркие краски, его острая сатира направлена против врагов человечества.

У Жени Рокачевского, ученика 6 класса 59 школы, производственная тема: «Во имя мира — даём металл сверх плана». На картине нарисованы металлурги за работой в цехе завода. Это сильные, решительные люди, знающие своё дело и самоотверженно трудящиеся во славу и могущество Родины, во имя мира во всём мире. Вторая работа Жени Рокачевского «Сибирь социалистическая» дана символически. Новосибирский оперный театр изображён на фоне домен и заводов. В этом простом рисунке, сделанном карандашом, юный художник сумел показать силу и мощь социалистической Сибири, преобразованной партией Ленина—Сталина.

Юный живописец Юрий Мягков (8 класс, 40 школа) масляными красками написал картину «Для великих строек коммунизма». Он изобразил отправку железнодорожниками грузов для Сталинградской ГЭС.

Сочными красками сделана картина Александра Рыбина (6 класс, 94 школа). Александр показал, как вдохновенно трудятся колхозники, какие чудесные сельскохозяйственные машины дала им советская власть.

«Уборка урожая» — так назвал свою картину Гена Кагановский. Эта картина отличается от других на выставке своей законченностью, тщательной отделкой мелких деталей. Хорошо построена она и композиционно.

Петя Курсов изобразил пионеров, помогающих колхозникам убирать хлеб. Однако Петя потропился, недоработал многие детали.

Александр Бухтуев, ученик 6 класса 93 школы, нарисовал высокогорные пастбища, большие стада овец. В картине особенно хорошо сделан горный пейзаж.

Витя Котов, ученик 4 класса 94 школы, акварельными красками на-

писал «Новую школу» и сделал этюд «Строительство соцгорода». Краски на бумагу положены Витей тонко и прозрачно, надо думать, что Витя консультировался у кого-то из опытных художников. Постройки и здания нарисованы им весьма удачно, выразительно, фигуры же людей отработаны ещё слабо, неверно анатомически. Это недостаток не только Вити Котова, но и всех остальных юных художников. Надо как можно больше рисовать людей с натуры.

Помимо работ новосибирцев на выставку были присланы работы из Маслянинского, Северного, Купинского, Колыванского районов. Интересные работы дал В. Воробьёв под заголовком «В колхозе имени Кирова». Из Маслянинского района прислал картину, выполненную акварельными красками, Александр Бюхёнок — «Поднятие флага в пионерском лагере»: ясное солнечное утро, в торжественном строю замерли пионеры, поднимается вверх знамя лагеря. Картина интересна яркостью своих красок.

Картина «Будущая учительница» Анатолия Енина, кружковца Дворца пионеров, написана масляными красками. Сюжет простой. Старшая сестрёнка помогает своему братишке учить уроки. Толя Енин нарисовал эту картину с натуры, что очень важно и ценно в работе молодых художников. Рисуя с натуры, юные художники могут изучить мельчайшие и характернейшие детали натуры: лицо, одежду, светотень и так далее.

Изучение натуры и работа с натуры должны быть у художника всегда на первом плане. Только при этих условиях у него получится хороший рисунок или картина, в которой всё будет дышать жизненной правдой.

Придумать интересный сюжет для картины или для графического рисунка это только часть работы. Важно уметь хорошо передать задуманное, а для этого необходимо упорно учиться и работать над натурой. Рисуя с натуры, надо обращать больше внимания на пропорции одного предмета по отношению к другому, на соотношение предметов на плоскости, на размеры предметов на переднем, среднем и дальнем планах, на перспективное построение.

Рисуя предметы карандашом или красками, всегда следует смотреть, откуда идёт источник света, как освещаются предметы этим светом, как ложатся на предмет тени, как ярки краски на переднем плане и как они слабеют на среднем и особенно на дальнем, окрашиваясь подчас даже совсем в другой цвет. Особенно это заметно в природе, на воздухе.

Юным художникам следует изучать всё, что они видят, зарисовывать красками, стараясь найти разницу в цвете, в окраске каждого предмета. Для примера можно взять землю, воду, траву, лес, воздух, небо без облаков и с облаками, дома, людей, животных, предметы домашнего обихода... Все эти вещи разные по своей структуре и по цвету. У каждого есть свои особенности и характерные детали. Ведь не может же так

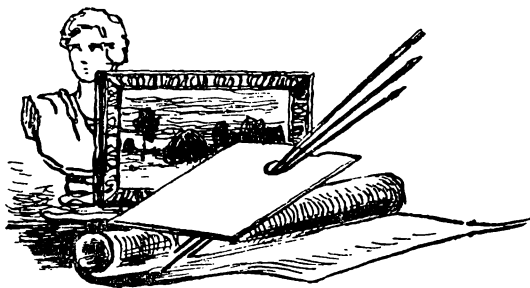
блестеть нос у человека, как столовая никелированная ложка, освещённые одинаковой силой света.

Взять зелень леса или травы: она различна по окраске. Зелёных предметов много, но ничто не бывает в природе окрашенным в один цвет. Окраска зависит от силы света, падающего на предмет. Лес и трава утром одного цвета, а вечером их краски не походят на утренние или дневные. Кроме того зелень сосны, ели, берёзы, тополя, других деревьев имеет при одинаковом освещении свой особый зелёный оттенок. Изменения в окраске одного и того же дерева или растения дают и времена года.

Когда вы смотрите на небо, на облака, на их отражение в воде, опять получается изменение в красках. Это зависит от положения предметов по отношению к источнику света, от материала, из которого состоят эти предметы.

Вот почему художнику надо внимательно изучать окружающие предметы — натуру, писать с натуры, отбирать в ней только самое главное, типичное, характерное.

Летом, во время каникул, когда многие из вас проводят отдых в пионерских лагерях, походах, экскурсиях, нужно делать этюды с натуры. Рисуйте больше, ребята, а главное учите рисовать человека в его многообразной деятельности, человека — хозяина нашей социалистической Родины, идущей к коммунизму.

СОДЕРЖАНИЕ

Казимир Лисовский. Есть на свете Москва. <i>Рис. худ.</i> Г. Ликмана	3
Елизавета Стюарт. На конференции сторонников мира. <i>Рис. худ. Г. Протопопова</i>	4
Казимир Лисовский. Домик в Курейке. <i>Рис. худ.</i> И. Титкова	5
Елизавета Стюарт. Подрастают герои. <i>Рис. худ.</i> И. Титкова	14
Рассказ о дубах. <i>Рис. худ. И. Титкова</i>	15
Путешественник. <i>Рис. худ. И. Титкова</i>	18
Таня <i>Рис. худ. И. Титкова</i>	19
О. Хавкин. Тайна старого фрегата. <i>Рис. худ. И. Титкова</i>	21
Хуа Шань. Письмо с петушиными перьями. <i>Рис. худ.</i> И. Титкова	59
Юрий Левитанский. Священное имя. <i>Рис. худ. А. Туркина</i>	88
Начало подвига. <i>Рис. худ. А. Туркина</i>	89
Традиции «Авроры». <i>Рис. худ. А. Туркина</i>	91
И. Ефремов. Повесть о юном партизане. <i>Рис. худ. Л. Огибенина</i>	93
А. Пинаев. Письмо другу. <i>Рис. худ. Л. Огибенина</i>	123
Н. Устинович. Зелёный клад. <i>Рис. худ. А. Туркина</i>	125
Евгений Павличенко. Мишина модель. <i>Рис. худ.</i> А. Туркина	169
Мечта. <i>Рис. худ. А. Туркина</i>	170
И. Молчанов-Сибирский. Письмо. <i>Рис. худ. А. Фарафонтова</i>	171
Орден Ленина. <i>Рис. худ. Л. Огибенина</i>	172
Упорный паренёк. <i>Рис. худ. Л. Огибенина</i>	173
Пионеры помогли. <i>Рис. худ. Л. Огибенина</i>	174
Впервые на экзамены. <i>Рис. худ. Л. Огибенина</i>	175
Глеб Пушкарёв. Рассказы о дружбе. <i>Рис. худ. А. Фарафонтова</i>	176
Кондр. Урманов. Зимняя сказка. <i>Рис. худ. И. Титкова</i>	211
Арк. Локерман. День рождения. <i>Рис. худ. И. Титкова</i>	237
Михаил Михеев. История про двойку. <i>Рис. худ.</i> В. Титкова	248
Московский состав. <i>Рис. худ. В. Титкова</i>	253
Б. Александровский. У Красного мыса. <i>Рис. худ.</i> А. Феδιαхметова	256

М. Сергеев. Серёжин год. <i>Рис. худ. А. Туркина</i> . . .	274
Радист в лесу. <i>Рис. худ. А. Туркина</i> . . .	275
Звездочёт. <i>Рис. худ. А. Туркина</i> . . .	275
Агния Кузнецова. Кукушка. <i>Рис. худ. К. Смирнова</i> . . .	277
Э. Слободчиков. Рассказ для школьников о том, как был построен птичий дом. <i>Рис. худ. Л. Огибенина</i> . . .	284
Е. Жилкина. Маринкин гербарий. <i>Рис. худ. К. Смирнова</i> . . .	286
В. Пухначёв. Охотничьи встречи. <i>Рис. худ. И. Титкова</i> . . .	293
Михаил Лесной. Рассказы натуралиста. <i>Рис. худ. В. Титкова</i> . . .	301
Г. В. Крылов. В дубовых рощах. Очерк. <i>Рис. худ. И. Вяткина</i> . . .	308
Н. Воротникова. Школьные конференции. Очерк. <i>Рис. худ. И. Вяткина</i> . . .	312
Иван Титков. Юные художники. Очерк. <i>Рис. худ. И. Титкова</i> . . .	315

Редакционная коллегия:

Б. И. Братчиков, А. Я. Гирман, К. Л. Немира, Г. М. Пушкарёв (ответственный редактор),

В. Е. Соколова, Е. К. Стюарт, Т. Ф. Ярунцева.

Редактор издательства Н. Малюкова.

Техн. редактор В. Лисина.

Корректор О. Мозгина.

Сдано в набор 25 августа 1951 г. Подписано к печати 3 ноября 1951 г. Бумага 70 × 92/16 =
= 10 бум. л.— 23,4 печ. л. Изд. л. 22,25.

МН 18823.

Тираж 30000.

Цена 12 р. 15 к.

г. Новосибирск, типография № 1 Полиграфиздата. Заказ № 1642.

ЦЕНА 12 Р. 15 К.

НОВОСИБИРСК

1 9 5 1